Наш современник 2019 №7

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

Проза

Анжелика АСТАХОВА
Марфин крот. *Рассказы* **19**

Сергей БЕРЕЖНОЙ
Ветка жасмина. *Рассказ* **26**

Михаил КУЛИЖНИКОВ
Рэкет. *Рассказ* **31**

Юрий МАКАРОВ
Свои. *Рассказы* **37**

Виталий МАЛЬКОВ
Звездожитель. *Рассказ* **44**

Светлана ПРОНИНА
Олівець. *Рассказ* **63**

Георгий МАРЧУК
Праздники моей юности **69**

Сергей ТРАХИМЁНОК
Бог любит Одессу.
Фрагмент романа **78**

Ольга НИКОЛЬСКАЯ
Два шага навстречу. *Рассказ* **122**

Поэзия

Иван ПЕРЕВЕРЗИН
А я счастливый сын Вилюя... ..... **3**

Евгений ЧЕПУРНЫХ
Входя и в сердце, и в строку... ..... **10**

Лев КОТЮКОВ
Но останься навеки свиданьем!..... **13**

Сергей АЛИХАНОВ
И кажется –
Земля стоит на них... ..... **17**

Александр ОСЫКОВ
На карте мира имя Родины..... **22**

Владимир МОЛЧАНОВ
Друзья мои, грустить не смейте... .... **34**

Протоиерей Игорь КОБЕЛЕВ
За Родину не страшно умереть..... **41**

Анастасия КИНАШ
Будет время для жизни..... **60**

Анатолий АВРУТИН
Ястребиные крылья любви... ..... **65**

Микола МЕТЛИЦКИЙ
Век человечий **75**

Елена КРИКЛИВЕЦ
Вечерний час **120**

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО
И вся земля – цветущий рай **128**

© "Наш современник", 2019

МОСКВА

16+

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
***первый заместитель главного редактора* —**
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
***заместитель главного редактора, зав. отделом критики* —**
(495) 625-02-81

***Отдел прозы* —**
(495) 625-30-47

К. К. Сейдаметова —
***зав. отделом поэзии* —**
(495) 625-02-81

Е. Н. Евдокимова —
***зав. редакцией* —**
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
***зав. техцентром* —**
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
***гл. бухгалтер* —**
(495) 625-89-95

А. А. Жуков —
***юрист* —**
(495) 625-57-45

Очерк и публицистика

Олег ЖДАН
Небом единым... 130

Георгий ЦАГОЛОВ
Индустрия 4.0 и мы 192

Фёдор КУЗМИЧЁВ
Высшее образование как инструмент разрушения 197

Джульетто КЬЕЗА
Кто построил Берлинскую стену? 209

Александр ПРОХАНОВ
Вихри русской мечты 228

Юрий ГОДИН
Россия–Белоруссия: по-нашему или никак 234

Ольга МИТРОХИНА
Праздник 250

Память

Наталья ПЕТРОВА
Восточная война. Синоп 135

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 159

Тимур ПУЛАТОВ
Один из нас..... 287

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений 170

Критика

Галина УЛЬЯНОВА
“На краю обрыва...” 255

Владимир ЮДИН
Грустит Катунь о Шукшине... 263

Чжэнжун ЛИ, Лидань ВАН
Творчество Шукшина в Китае 275

Олег КУИМОВ
Косноязычия Василия Стружа.... 279

Книжный развал

Владимир КРУПИН
“Что мне дано, на то и уповаю” 285

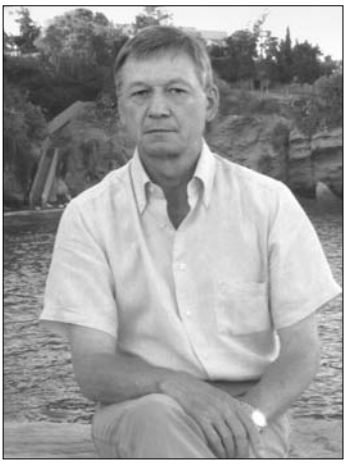
Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и публикует наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)
Адрес электронной почты**: n-sovrem@yandex.ru** (рукописи по e-mail не принимаются)
Адрес сайта в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ №77-15675.
При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова
Подписано в печать 04.07.2019. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №2993-2019. Тираж 4100 экз.
Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН



А Я СЧАСТЛИВЫЙ СЫН ВИЛЮЯ...

* * *

Зря не мучься, не прекословь —
ты в душе навсегда, родная.
Это значит: даришь любовь,
это значит: живу, рыдая.

Есть ещё и такая грусть —
это Родина, с ней сегодня
будто заново жить учусь,
будто вновь душа не свободна.

Здесь и там никто за меня
не решит, что надобно делать,
чтобы сердце во имя дня
наступающего звенело!

Чтобы я себя не корил
и ночами не спорил с Богом,
чтобы ясно и честно жил,
на просторе земли широком.

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья. Лауреат многих литературных премий. Его стихи были впервые напечатаны в нашем журнале с благословения Юрия Кузнецова в 1993 году. Постоянный автор журнала "Наш современник".

По тайге иду, по лугам,
не пугаясь ночных видений,
и душа моя — вечный храм,
где молюсь красоте весенней.

* * *

Меж упругих ветвей краснотала
хищной птицей носился ветер,
но листва лишь шуршала вяло,
будто плакала горько о лете.

А с утра в поднебесной сини,
над домами кирпичной кладки
стригли воздух белесый, как иней,
воробьи, белогрудки, касатки.

По шоссе многоликой лавиной,
словно кони в напряге рабочем,
прямо к центру катились машины
вдоль залитых бетоном обочин.

Злое солнце всходило всё выше,
распаляясь надрывно и жадно,
от жары прогибались крыши,
и асфальт накалялся смрадно.

И настало то горькое время,
столь подобное круговерти,
будто жизнь обратилась в лемех,
рвущий душу мою и предсердье.

Кто-то спас себя в водоёме,
кто-то — в сыро-тенистой роще.
Слава Богу, никто не помер,
может, смерть оттого и ропщет.

* * *

Теперь о чём бы я ни думал,
что б ни хотел, куда б ни шёл,
мне не печально, не угрюмо,
нет, даже очень хорошо!

Влюбился? Точно! Ну, и дело:
и в шестьдесят, как в двадцать пять,
светло без края и предела
своею страстью обладать!

Но что же будет, что же будет,
ведь надо думать и о том,
какие сплетни-пересуды
ползут, как ящеры, кругом!

А впрочем, если и бросаться
в любовь, то только с головой.
Не зря ярки цветы акаций,
не зря дрозд свищет молодой.

ГОРЯЩАЯ ДУША

Жизнь тяжела почти до смерти,
и в этом прав я, видит Бог.
Поэтому взрывайся, сердце,
глаза, пылайте, словно стог!

Скорей свершайте дело, руки,
ведите, ноги, вдаль и вдаль,
где, пусть за яростные муки,
но мне себя не будет жаль.

Да и с чего бы, если рядом
со мной любовь, рука в руке!
Цветёт улыбкой, словно садом,
на дней бодрящем сквозняке.

И я смогу душой горящей
знать вдохновенье силы той,
когда нет страха в настоящем,
когда грядущий свет со мной!

И вновь она звенящей песней
так развернётся во весь мах,
что станет музыкой небесной
свет-жизнь, воспетая в стихах.

* * *

Жажда жизни, уж мне поверьте,
впредь сильнее тоски глухой.
И вопят пучеглазые черти,
будто тонут в реке ночной.

Стужа крепнет, пурга взметает
аж к созвездьям колючий снег.
И окрепнув, душа продолжает
вдохновляться любовью навек!!

Дорогая, родная, ну, где ты?!
Вновь скорей на мой зов отзовись!
Для того лишь я стал поэтом,
чтобы нашу прославить жизнь.

Или всё, о чём нам мечталось,
обратилось с годами в дым?
Если так, то какая жалость
оставаться душой молодым!

Только я не хочу скандалить,
как в бреду, злую водку пить.
Мне б с одной из сосновых далей
твердь небесную соединить.

Да уймитесь, поганые черти,
всё равно я пребуду живой,
на прощанье угрюмой смерти,
как в насмешку, махнув рукой.

* * *

Нет, навек я не брошен тобой,
или хуже того — позабытый,
просто время горной рекой
понеслось по суровым плитам.

Не до встреч нам, совсем не до встреч,
каждый думает: "Как бы выжить
в этом мире, где смерти смерч
моё сердце упрямо слышит?"

И назло самым лютым годам
мы в разлуке живём бесстрашно,
только сил накопить бы нам,
словно гумуса доброй пашне.

Только помнить бы вновь и вновь,
что не хлеб всё же дар насущный,
а рождённая в муках любовь,
что дарует нам Всемогущий.

Но и против судьбы не пойти.
И мы что, согласимся с этим?
Никогда, ибо, ты уж прости,
но за нас до конца я в ответе!

И всё ярче в сознанье мысль,
и всё жарче крутое дыханье,
и всё ближе и ближе высь
напоённого страстью желанья.

* * *

Как талый снег сочится влагой!
Знать, станет чуть теплее, и
по всем низинам и оврагам,
как птицы, запоют ручьи.

Хоть в отношениях с весною
налажу жизнь свою добром,
а то я чуть не смят любовью,
вдруг в сердце вспыхнувшей огнём.

"К чему? Зачем? В мои-то годы?" —
хотел бы враз себя спросить,
да чувствую, что нет свободы
полнее, чем навзрыд любить.

И вот опять спешу поверить,
что встреча нежная с тобой
мне обернётся в полной мере
тем счастьем, что зову судьбой.

Нет, что ни говори, а всё же
мне дышится куда полней,
ведь так душою снова ожил,
что будто смерть не звал своей.

Крещусь на небо благодарно,
чуть не кричу себе: “Держись!”
Ведь, может, правда лучезарно
созвездья надо мной сошлись.

* * *

Лихое время натягивается, как тетива,
вот-вот разразится с неистовой силой!
Какие к чёрту о мире живом слова,
когда впереди зияют одни могилы!

А ведь верилось, верилось, Боже мой!
Хоть в какой-то выход из чёрной бездны,
потому вдруг стало страшно, друг мой,
что, скорее всего, я навеки исчезну.

И бесстрашно в который раз хороню себя,
но непременно воскресаю снова и снова,
с каждым разом всё сильней Отчизну любя,
всё сильней ненавидя чужеродное слово!

Может быть, хватит, в конце концов?
Согласен, хватит! Но, видимо, волю
мне надо ковать и ковать над бездной годов,
ибо бессмертье заложено и на мою долю!

Вот и ладно! А перед будущим страх —
это не горечь, если ему на смену
приходит отчаянье и разметает в прах
всё, что любил, и даже злую измену.

* * *

Выходит, ночью вьюга выла
на самом деле не к добру,
грозя застенком и могилой,
враги явились поутру.

И начался допрос проклятый,
как будто я последний вор,
как будто я судьбой заклятый
на осужденье и позор!

Ответ держал не без обиды,
ведь в жизни больше я любил,
чем хладнокровно ненавидел,
как будто дьяволу служил.

Враги надменно ухмылялись,
поскольку право и закон
для них навек в былом остались,
как святость горьких похорон.

Какое оскуденье нравов!
невинных жертв уже не счесть...
И русская рыдает слава,
и Русь свою хоронит честь.

* * *

Проснулся, выспался. Пора вставать!
А сколько на часах, шесть или пять —
неважно, ибо главное, что сердце
стучит, стучит, и полыхает взгляд,
и мысли в голове за рядом ряд,
готовые уже идти в бессмертье!

В окно врывается солёный ветер,
взмывает шторы, мчится по паркету,
а душу как бодрит-то — о-го-го!
А тут ещё чижи, дрозды, синицы
так в пение своём спешат раскрыться,
что, кроме радости, не знаю ничего!

Но для тебя в словах признанье скрыто.
И в них душою, Богом позабытой,
влетаешь ты, как в чистую листву,
и строки, преисполнившись отваги,
я доверяю вновь и вновь бумаге,
ведь нет судьбы прекрасней наяву!

* * *

Мороз слабей стал понемногу,
но снег, наоборот, сильней
нахрапом сыплет всю дорогу
на радость выездных саней.

Давай, Каурый, шире шагу!
А лучше разбегись рысцой.
Зря что ли знали мы отвагу
в борьбе с буранною судьбой.

Но если хмарь охватит душу,
ведь степь уж больно широка,
спою тебе, ты только слушай!
О горькой жизни ямщика.

Вот был мужик неустрашимый,
ну, самый праведный казак,
не то, что я, писатель вшивый,
пусть и пишу не кое-как...

А впрочем, что он нам, тем боле
в разборке пьяной был убит.
Мы просто погрустим о доле,
где каждый сам себя простит.

* * *

Пусть злой мороз скуёт порошу,
снег с головой засыплет вишни.
Дойду до ручки, но не брошу
писать о смерти, как о жизни.

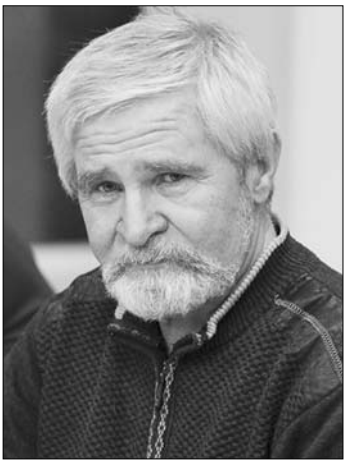
Я к этому пришёл не сразу,
а после случая, друг милый,
когда сдыхал, как по приказу,
в больнице чуждой до могилы.

Но выжил, и теперь я знаю,
что делать в смерти вдохновенной
с тем, что стихи, где воскресаю,
слагать о жизни сокровенной.

Я не ревнивый, не ревнивый,
я просто страшно человечный!
Нельзя быть одному счастливым,
причём повсюду и навечно.

А я, счастливый сын Вилюя,
хотя бы потому, что в жизни
пусть безответно, но люблю я,
и потому не быть мне лишним.

ЕВГЕНИЙ ЧЕПУРНЫХ



ВХОДЯ И В СЕРДЦЕ, И В СТРОКУ...

ДО ВСТРЕЧИ НА ЛУГУ

Сова проснувшаяся стонет,
стальных подковок слышен звук.
Опять идут в ночное кони
на Бежин луг,
на Бежин луг.

И стайка мальчиков
из рощи
таскает хворост для огня.
Летящей сойки
тёплый росчерк
подшил к заре страничку дня.

На Бежин луг, на мятный ветер,
на добрый дух пчелиных сот...
На Бежин луг

ЧЕПУРНЫХ Евгений Петрович родился в 1954 году в г. Чапаевске Куйбышевской области. Учился на филологическом факультете Куйбышевского государственного университета, в Литературном институте им. М. Горького. Работал грузчиком, составителем поездов на железной дороге, монтировщиком сцены в театре, корреспондентом многотиражной и областных газет. Первая же его публикация состоялась в "Юности" в 1978 году, она отмечена литературной премией журнала. Лауреат всероссийских литературных премий им. А. Прокофьева, им. И. Дмитриева. Автор восьми поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

телега едет,
и пастушок за ней идёт.

А вслед за ним —
табун из песни
взбивает пыль по кочкам дней,
табун земных,
табун небесных
и даже огненных
коней.

Туда —
за сладкою травою.
Туда,
где в дружеском кругу,
как брат с сестрой, —
Покой и Воля
пекут картошку на лугу.

НА СТАНЦИИ А

Стук колёс. Отвар густой.
Гулкий маятник настенный.
Умирает граф Толстой
от любви несовершенной.

Оттого, что меж людьми
много праздности и шума.
Оттого, что Божий мир
втрое хуже, чем он думал.

Почта, баня, телеграф.
Хоть сто лет ещё прибавить,
ничего не может граф
изменить и переставить.

Так же будут на Руси
слушать проповедь вполуха,
жечь дворцы, лежать в грязи
и взлетать к вершинам духа.

ПЕСНЬ ТРАВЫ

Певун-трава не станет сеном,
не замолчит в лугах рожок,
и кровь,
бегущая по венам,
не превратится в порошок.

В певун-траве сплетают косы
своих созвучий и венки
дивноголосые стрекозы
и басовитые жуки.

Она укроет, как платочком,
смятенье мыслей, пальцев дрожь.
И если в ней
проспишь всю ночку,
то утром...
что-нибудь споёшь.

Прихлынет кровь к холодным пальцам,
добавит резвости и сил
(но можно и не просыпаться...
пока Господь не разбудил).

ПРОСТОДУШЬЕ

Протяжный
взрыв очарованья
прозрачных рощ и ручейков
пересечёт твоё дыханье
и частоту твоих шагов.

И ты поймёшь, неторопливо
входя и в сердце, и в строку,
что даже ты
не так красива,
как эти кроны наверху,

как лёгкий лист,
чьё полукружье
накрыло синих капель смесь,
с непостижимым простодушьем
соединяя
жизнь и смерть.

СЕВЕРНАЯ СКАЗКА

Бесстрашных колокольчиков дуга
в краях глухих,
как в безднах океанских,
оповещает русские снега
о ярмарках,
о таборах цыганских,
о факелах, горящих на мосту.

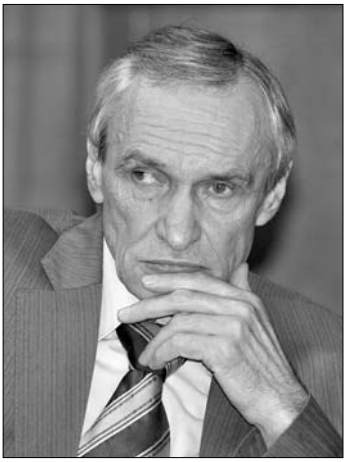
...там в ярких травах прячутся букашки.
там розы и акации в цвету,
лазурный бант
и красные рубашки.

А Русь в снегу —
как облако в руке
у Бога, — молчалива и серьёзна.
И только колокольчики в дуге
звенят в тоске несбыточной и звёздной.

Оконца полусонные сквозят
домашним светом трепетно и скупо.
И Мать ведёт Снегурочку в детсад
и говорит: “Побольше кушай супа”.

Сбивает с тёплой шали пух-снежок,
сто мелких колокольчиков (так много!).
И розовый огонь молочных щёк
горит, живёт
и греет руки Бога.

ЛЕВ КОТЮКОВ



НО ОСТАНЬСЯ НАВЕКИ СВИДАНЬЕМ!..

* * *

Время наше гиблое
Вряд ли скоро кончится,
И смотреть мне, милая,
В зеркало не хочется...
Впрочем, впрочем, впрочем,
Да и ты — не очень...

А когда-то очень
Нам весною было,
Напролёт все ночи
Ты меня любила!

Спета наша песня,
Но поём, хоть тресни!..
Отцветают вишни,
Зацвели болота...
И скрипят неслышно
Адские ворота...

КОТЮКОВ Лев Константинович родился в 1947 году в г. Орле. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор более тридцати книг стихотворений и прозы, лауреат многих литературных премий. Живёт в Подмосковье.

* * *

Привидится в больном ненастье,
Что обезлюдела Москва,
Что Волга не впадает в Каспий,
Что дважды два — не дважды два.

С тяжёлым, неземным усилием,
Одолевая тяжкий бред,
Очнусь — ни Волги, ни России,
Да и Земли в помине нет.

И так легко, как до рожденья,
Где лишь один предвечный Бог,
Где пустота освобожденья —
Бессмертья, может быть, залог...

ВЕЧНОЕ СВИДАНИЕ

Шёл по росам и грозам,
Шёл, не веря наветам и слухам...
Шёл к невестам-берёзам,
А вышел к берёзам-старухам.

И не надо мне рая!
Я почти уже умер для Слова!..
Но берёзы, рыдая,
Обнимают меня, как живого.

И во тьме моя пристань,
Но, не ведая вечной разлуки,
Я целую, как листья,
Золотые, дрожащие руки...

И прощай, моё лето,
Но останься навеки свиданьем!..
И, быть может, лишь это
Будет мне до конца оправданьем...

ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ

Ослепла ночь без отраженья,
Прозрела мёртвая вода...
И шорох лёгкого движенья
Во тьме растаял навсегда.

Ночь поглотила, как пустыня,
Твои прелестные шаги...
О, если б знали, кто я ныне,
Мои безумные враги...

Но трепет лёгкого дыханья
Ещё живёт в моей крови.
И вечны в недрах мирозданья
Ночные образы любви.

И без раздумий остаётся
Признать свободу — волей зла...
И ждать, а вдруг навек вернётся —
Та, что себя не сберегла...

* * *

Жизнь в кровь меня перепахала —
Всё в шрамах — тело и душа...
И, как бомжина у вокзала,
Стою во тьме, едва дыша.
Стою один в слепящей тьме, —
Не подходи никто ко мне!
Я не достоин доли лучшей,
Я в кровь изорван сворой сучьей!..
Я мог бы и вообще не жить,
Но это надо заслужить...
И мне Всемилостивый Бог
Хотел помочь, но не помог.
Но я в сердцах, назло врагу,
Умру, но Богу помогу!

И, может... Может быть, смогу...

ЛЕДЯНОЕ ОКНО

В час рассвета седого,
из окна ледяного —
Ни просвета, ни слова,
как из мира иного.
Робко иней сверкает,
но упорно светает,
И лицо ледяное
на окне проступает.
И глаза ледяные
в снежной роздыми света,
Как слова неземные
ждут земного ответа.
Я с ответом теряюсь,
внемля миру иному,
И лицом прислоняюсь
сам к окну ледяному.
Над просёлком морозным
в лёгком инее сосны,
И лицо ледяное
обращается Солнцем.
Заслоняюсь от света
и с надеждой на слово —
От себя жду ответа,
как от мира иного...

НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

Ознобом пробьёт до костей
Серебряный холод в ракитах...
И глухо средь мёрзлых полей,
И сухо в колодцах забытых.

Здесь все навсегда разошлись,
Здесь все расквитались со всеми,
Здесь время забыло про жизнь,
Здесь жизни не надобно время.

И, словно спасаясь от зла,
Оставив пустыни сухие,
Гонимая бурями мгла
Нисходит в пространства глухие.

И страшно Судьбу не любить,
Спасаясь от воли жестокой...
Но надо себя пережить
На этой Земле одинокой.

И надо не сгинуть во мгле,
Смирившись с немилой Судьбою,
Чтоб с Богом на страшной Земле —
Не быть, как в бессмертье, собою...

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ШИТУЕВА

Когда приступаешь
к служению Божьему,
приготовь к искушениям
душу свою.

Печальные записки
пред ликами Святых...
Но за ушедших близких
молюсь, как за живых.

И в круговертях чёрных
затравленно дышу,
Но не живых, а мёртвых
о помощи прошу.

Как будто в безднах ада
навеки никого,
Как будто мне не надо
от Бога ничего!..

СЕРГЕЙ АЛИХАНОВ

И КАЖЕТСЯ — ЗЕМЛЯ СТОИТ НА НИХ...

* * *

От зарплаты до зарплаты
Мать копила на духи,
Зряшние не делав траты —
Не терпела чепухи!

Будущий, а не вчерашний
День вступал в свои права —
Лился из Кремлёвской башни
Запах "Красная Москва"!

Приседания, наклоны...
Физзарядку — на балкон!
Ставила на подоконник
Удивительный флакон.

Улыбалась нежным светом
Башня древнего Кремля,
И сияла ей с рассветом
Вся Советская земля...

АЛИХАНОВ Сергей Иванович – российский поэт, член Союза писателей России. Родился в Тбилиси. Стихи печатались в журналах "Новый мир", "Юность", "Москва", "Наш современник" и др. Автор книг: "Голубиный шум", "Долгая осень", "Лен лежит", "Блаженство бега". Сотрудничал со многими известными композиторами, в числе которых Антонов, Шаинский, Дунаевский и др. Живёт и работает в Москве.

* * *

С рюкзаком и матрацем я Сытинским шёл переулком.
Раздобыл я тетрадь, чтобы строчками дни заполнять.
Это время глухое останется в отзвуке гулком,
Полутёмная комната будет отныне сиять.

Звонким словом в тетрадке останутся сопки Камчатки,
И заполнится век неоглядным течением рек.
Лишь в раздолье — свобода, в Россию иду без оглядки!
...А сейчас добираюсь на первый московский ночлег.

В "ОКТЯБРЬСКОЙ" ГОСТИНИЦЕ ЛЕНИНГРАДА

Сын пал в бою, вся жизнь теперь в стихах...
И фронтовые видели поэты,
Как Антокольский в порванных носках
Читал стихи, как в небеса воздеты
Тугие рифмы в старческих руках...

* * *

В просторах брошенной земли
Лишь шум дождей да посвист ветра...
Где люди жили, да ушли,
Растёт крапива за два метра.

Идёшь к деревне — и видны
Лишь провалившиеся крыши.
Средь обезлюдевшей страны
Крапива тянется всё выше.

Крапива так мешала мне
Вдоль Енисея — да повсюду! —
Гвоздём царапать на стене:
"Я был, и здесь я буду, буду!.."

СЕВЕРНЫЙ СОНЕТ

Здесь берег изогнулся, как подкова.
И Сояна стоит на берегу.
Нет, не увижу я нигде такого!
За то, что видел — я навек в долгу.
Здесь больше полугода всё в снегу.
Зима долга, морозна и сурова.
Дороги все уходят здесь в тайгу,
И все они ведут в деревню снова.

А летом и спокойна, и добра,
Как небеса, зовёт в себя природа.
И длятся дни с утра и до утра.
Живут в деревне в основном три рода —

Нечаевых, Крапивиных, Белых,
И, кажется — Земля стоит на них...

АНЖЕЛИКА АСТАХОВА

МАРФИН КРОТ

РАССКАЗЫ

Суббота. Пять утра. Белые высокие дома, ярко освещённые солнцем, стоят вдоль дорог, похожие на гигантские лайнеры, пришвартованные у причала. От крыши к крыше тянутся провода, перечёркивая небо. Между ними в мерцающем полёте трепещут хрупкие ласточки. Выше носятся сумасшедшие стрижи. Воздух вибрирует от их отчаянных криков. Минут через десять должен подойти первый автобус. По проезжей части шкандыляет туда-сюда престарелая дама. Она пытается согнать с середины дороги молодого, придурковатого голубя, на моих глазах уже попавшего пару раз под колеса. В конце концов, из-за непредсказуемости их движений, три грузовика чуть ли не сталкиваются, и водилы, ещё соловые, но уже перепуганные вусмерть, орут из кабин, в воздухе висит мат-перемат.

— Может, он больной! — виновато оправдывается дама.

Она, наконец, вытолкнула подранка на тротуар и усаживается рядом со мной, светясь от счастья. Водилы, матюгаясь, разрулили и разъехались в разные стороны.

— Чо-то давно тараканов не видно, — сказала дама. — обожрались, поди!

Я кивнула в ответ. Тараканы, действительно, давно уже не встречались. Но мысль, что они могли вывестись от обжорства, как-то не приходила мне в голову.

— О! Гляньте-ка! Вот и они! — проворковала тетка и заулыбалась ещё шире.

Слева к остановке подползали два мужика, действительно, очень похожие на тараканов. Один красный, другой рыжий. Усы их были всклокоче-

---

АСТАХОВА Анжелика Георгиевна родилась в 1969 году в Белгороде. Потесса, художница, бард. Автор трех поэтических сборников. Живет в г. Белгород.

ны, лапки подрагивали, а разговаривали они, сипя и хрипя, как бойлеры, из которых выпарилась вся жидкость.

— Банк… где? — каждый из них смог выдавить только по одному слову.

— Тама! И — тама! — Тётка показала два разных направления. Тараканы топорщили и поводили усами, как антеннами, с тоской измеряя пространство, которое необходимо преодолеть.

— Одинаково! Отсюда до банкоматов, а от них до пивной! — сжалясь, подсказала им баба.

Тараканы медленно, плечом к плечу, двинули к цели. Тётка покопошилась в хозяйственной сумке и, выудив кусок булки, стала крошить его перед раненным голубем, но тому, видно, было не до еды. Зато с карнизов и крыш окрестных домов начали пикировать его дальнозоркие сородичи. Женщина щедро раздавала хлеб голубям, по-детски лопотала, радуясь, что птиц слетается всё больше и больше. В месте, куда падал очередной кусок, происходило столпотворение. Тот, кому удавалось ухватить пай, подкидывал его вверх, пытаясь заглотить целиком, терял; тут находился следующий везунчик, хлеб снова подкидывался вверх, падал какому-нибудь бедолаге на спину, и тогда на него залезали наглые сородичи и клевали, клевали, куда ни попадя. Остальная периферия тупо, почти механически долбила клювами асфальт. За всем этим гулением, сопением и воркованием слышалось отчётливое и заинтересованное чириканье. В момент, когда тетка ещё раз бросила в голубей куском булки, что-то маленькое на бреющем полёте просвистело над согбенными спинами голубей и исчезло вместе с едой.

— От, воробей! От, еврей! — выкрикнула баба и расхохоталась.

Голуби, вытянув вверх шеи, смотрели недоумённо то друг на друга, то на расшумевшуюся тётку. К этому времени к нам подошли ещё два аборигена с вёдрами и тяпками. Поздоровались.

— Доброе утречко, Марфа!

— Добре-добре… На огороды едете, никак?

— Да, совсем кроты заели, весь лук перекопали… — Мужики как-то хитро переглянулись между собой и спросили:

— А у тебя, Марфа, кроты есть?

— Как же! Вчерась во-от такого вытащила из норы!

Чтобы показать — какого, Марфа раздвинула коленки и сунула между ними руки. Глаза у мужиков разбежались, как у водомерок. Глядя Марфе между ног, один из них спросил:

— А усы, усы у него были?

— Ещё бы! Во какие усищи! — растопырив толстые пятерни, бойко ответила та.

— Марфа, а Марфа! А зубы у него были?! — чуть не задыхаясь, прохрипел другой.

— Были-были. Воот такие зубищи! И шнапак розовый, мокрый… — просюсюкала Марфа, показывая мужикам фигу между ног.

Она говорила про слепенькие малюсенькие глазки, острые когти и что-то ещё, когда подошёл мой автобус. Сквозь шипение открывающихся дверей было слышно, что и про крота она, в конце концов, шлёпнула: "…еврей!"

ЭХ-МА!

Две пенсионерки едут в автобусе на Перепечинское кладбище. Обе нарядно одетые. Натруженными руками заботливо ограждают метёлки искусственных цветов от давки и сутолоки. Одна из них, та, что чуть помоложе и потучнее, в прошлые воскресенья побывала на двух других захоронениях и теперь делилась впечатлениями:

— На Троекуровском-то — красотища! Всё убрано, ухожено. Памятники мраморные да бронзовые! Куда — нам-то!

В её голосе чувствовались горечь и ревность. Она ездила на могилу своего мужа, но рядом с ним лежала его прежняя жена, подруга её детства и молодости, так что ухаживать приходилось за обоими. Ей тоже хотелось бы

попасть на Троекуровское, но она понимала, что вряд ли такое случится. Там хоронили известных людей, актёров или крупных чинов, или таких, как её скончавшийся муж-полковник. Кто и в какую землю положит её?

Женщина придирчиво огляделась. Другие пассажиры — тоже с цветами, тоже нарядно одеты… "Но без хозяйственных сумок, как у нас", — мысленно заметила она. Из сумок торчали бутыли для воды, тяпки и грабельки, обёрнутые ветошкой. Кроме того, оттуда попахивало керосином. Тётушки ехали полоть сорняки и жечь муравьиные кладки, а женщины с мужиками — положить цветочки, выпить по рюмашечке за упокой и упорхнуть, шатаясь на каблуках.

Могилку искали долго. Подошёл один из рабочих кладбища в голубом комбинезоне:

— Что, могилу потеряли?!

— Нашла! Здесь! — отозвалась та, что до сих пор не проронила ни слова. Над высокой травой едва виднелась её белая, ничем не покрытая шевелюра.

— Так. Навести порядок, — несколько приказным тоном сказал рабочий и удалился, улыбаясь, довольный собой.

За работу взялись, по обыкновению, изредка переговариваясь:

— На муравьёв напоролась… Кусаются!

— Передай скребок, мох надо поскоблить!

Скребком использовали табличку с могильным номером, так и оставшуюся торчать между плитками. Потом помыли камень с портретом красивой печальной женщины. Судя по датам, покойница ушла в мир иной, не достигнув и сорока, оставив безутешными мать, сестёр и дочь. В жёлтую глинистую иссушенную, как кожа мумии, землю повставляли искусственные цветы, по большей части белые лилии, сакуру, букет абрикосового цвета роз, пучки то ли гиацинтов, то ли акации — все бледно-розовые… Могила стала похожа на невесту.

Тётки, вспотевшие, усталые, с трудом разогнули спины. Попили воды. Остатками вымыли запачканные руки и лица. Постояли молча, оглядывая проделанную работу сухими, угасающими очами. Они не молились. Одна — потому, что рьяно следовала каким-то строгим канонам Православия и считала покойницу грешницей. Другая — несла свой крест молча. Она ничего не спрашивала ни у Бога, ни у чёрта. Атеизм её несколько порассеялся за последние двадцать лет, но вера в загробную жизнь никак не хотела поселяться на освободившемся пространстве. Сознание её походило на могилу. Искусственные цветы не пускали корней, но и не увядали, по крайней мере, до следующего визита.

— Теперь возьмутся за нас! — услышала она голос своей спутницы, выходя из некоторого затмения. — Министр сказал, что нас, пенсионеров, слишком много!

Потирая отёкшие от работы и искусанные насекомыми ноги и руки, они, оказывается, медленно текли по дороге к остановке. В ожидании рейса ознакомились со стоимостью памятников… Самый дешёвый обошёлся бы втрое больше их пенсии, да место, да оградка, да похоронные услуги с отпеванием и прочим, что положено…

"Надо детям оставшимся сказать, чтоб меня сожгли и прах развеяли. И никаких могил! — думала женщина, избегая оглашать эту мысль своей подруге, которая кремацию считала грехом, видимо, посмертным. — Ещё взъестся на меня!"

Солнце всё быстрее катилось на запад, когда загрузились в автобус. На полпути мотор его загорелся, и тётушки, простояв на остановке без малого сорок минут, пересели в другой, потом ещё в другой, затем в метро, а потом ещё в шумно стучащий трамвай… Разошлись по домам затемно, в четыре с половиной часа преодолев путь, проделанный ими утром за полтора.

Как на кладбище — так бегом!

А как с кладбища — волоком…

АЛЕКСАНДР ОСЫКОВ

НА КАРТЕ МИРА ИМЯ РОДИНЫ

* * *

Пред миром распахнуты вечности двери.
Дарована нам путеводная нить...
И если в Россию возможно лишь верить,
То как же возможно её не любить?

Но мир, что погряз в бездуховности косной,
Всё тщится расчётливым, хладным умом
Постигнуть души очарованной космос
И русского сердца вселенский разлом.

А лжемудрецов всё циничней химеры...
О, Боже, дай сил нам и благослови
На праведный бой за великую веру,
За русскую душу — обитель любви.

И чтоб не захлопнулись вечности двери,
Чтоб к цели вела путеводная нить,
Так мало в Россию рассудочно верить,
Нам надо её — безрассудно любить!

ОСЫКОВ Александр Иванович — член Союза писателей России. Автор семнадцати книг. Лауреат Международного поэтического конкурса "Звезда полей-2010" им. Н. Рубцова, литературной премии "Золотая осень" им. С. Есенина (2014), Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле" (2017), конкурса "Лучшая книга Белгородчины" (2017). Живёт в Белгороде.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

Да, их всё меньше, меньше... На колени я
Вновь опускаюсь перед памятью живой.
Великое уходит поколение,
Священной опалённое войной.

Но враг лукав. И он не знает устали:
Зло рядится добром, ложь — правдою святой...
Сегодня бой идёт за души русские,
За души вечные идёт незримый бой.

Так где же наша ярость благородная?..
Ведь не от старости, не от военных ран,
А от тоски по беззащитной Родине
Уйдёт в бессмертие последний ветеран.

* * *

Это ведомо многим,
У кого ни спроси:
Дураки да дороги —
Две беды на Руси.

Но секрет сей неведом:
Почему в грозный час
От врага эти беды
Русь спасали не раз?

Наш простор неуютный
Был залогом побед.
Сколько ворогов лютых
Здесь сломали хребет.

Было так... Так и будет!
Чужаку не понять,
Как, лишь веруя в чудо,
Можем мы побеждать!

И, отринув земное,
В гневе грозен и рьян,
Становился героем
Простофиля Иван.

Нынче всё на продажу.
Грех любой нам — пустяк.
А про честного скажут:
Не дурак — так чудак.

Вот и мы поумнели.
В чудо верим с трудом.
В те края, где сытнее,
Едем, кинув свой дом.

Но милей и дороже
Мне во веки веков,
Русь, твоё бездорожье —
Край святых дураков!

СТРОКА НА КАРТЕ

Путей-дорог немало пройдено,
Но всех милее путь домой.
На карте мира имя Родины
Короткой значится строкой.

Всего строка! И сумрак памяти
Заполнит тихий, тёплый свет:
Глаза отца и руки мамины...
И плена смерти больше нет.

И зазвучит, как эхо дальнее,
Вновь голос ми́нувших веков,
Даруя грусть исповедальную
Душе, лишившейся оков.

А всё, что вечностью завещано,
Вернётся к нам добром иль злом.
Людей Земли, чьи судьбы скрещены,
Спасает память о былом.

И пусть дорог немало пройдено —
К перу протянута рука.
Всё, что зовётся словом "Родина",
Вместила ёмкая строка.

ГРЕШНАЯ МЕЧТА

Все дела неотложные — в сторону!
С озорною девчонкой-красой
Прочь уеду из душного города
Пить в полях вольный ветер хмельной.

Сквозь просторы земные безбрежные
На руках я легко понесу
В даль лесную мечту мою грешную —
Дорогую девчонку-красу.

За густыми разлапыми елями
Схоронимся от взглядов чужих,
Станут мягкие травы постелью нам,
Брачным ложем в хоромах лесных.

А когда на рассвете, усталые,
Мы в обратный отправимся путь,
Будет всё для нас вроде по-старому,
Но чего-то уже не вернуть...

* * *

1

Я придумал тебя:
Голос, улыбка, взгляд,
Мысли, стремления, чувства.
Такой я тебя полюбил...
А ты?
Ты ведь совсем другая...

2

Никогда на меня
Ты так не будешь смотреть,
Как я смотрю на тебя, —
Ласково, преданно, нежно,
Как ты на другого глядишь...

3

Любовь может быть одинокой,
Любовь может быть счастливой,
Любовь может быть короткой
И может длинней быть, чем жизнь.

Но любовь не бывает бесплодной,
Ведь она не проходит бесследно.
В самом деле, она бессмертна
И, когда умирает в сердце,
В душе остаётся жить!

* * *

По аллеям осеннего парка
Ходит странный бродяга шальной,
И ему, бедолаге, нежарко
На ветру в одежонке сырой.

Может, прежние дни вспоминает,
Незабытой любимой глаза.
По щеке его тихо стекает
Одинокой дождинкой слеза.

И мечтает согреться немного
У костра чьей-то доброй души,
Потому что не телом продрог он,
А от стужи сердечной дрожит.

Говорит мне: — А жизнь-то насмарку,
Порыжелым пожухла листом...
По аллеям осеннего парка
Мы вдвоём с ним куда-то бредём.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ВЕТКА ЖАСМИНА

РАССКАЗ

Памяти Марата Мусина

Сначала в комнату вошла весна, закутанная в пьянящий запах жасмина, и скверное настроение бросилось прочь и затаилось в мрачных углах дворцового зала. Впрочем, нет, ирреальное ощущение весны и света пришло потом, а в настоящем был бывший президентский дворец в самом ваххабитском районе Дамаска. И была ночь — густая и вязкая, с бродящим по узким улицам древнего города страхом. Он жил сам по себе, слабея с рассветом и вновь возвращаясь к вечеру, торжествующе наваливаясь так, что сдавливало дыхание, но никогда не покидал город насовсем.

А что запах цветущего жасмина? Он ощущался всегда и везде: днём едва пробивался сквозь терпкий аромат кофеен и испечённых в тандыре лепёшек, а ночью становился насыщенным и обволакивал загадочностью, проникая в комнату через приоткрытое окно.

И всё же первой вошла она, а запах шлейфом вошёл следом…

Это стало уже традицией — по ночам собираться в огромном зале дворца. Ужинали, чистили оружие, перелопачивали отснятое за день, выискивая самое цепляющее, слушали фронтовые сводки, огорчались или радовались, спорили, иногда молчали, погружаясь в ведомые только каждому размышления.

И в эту ночь, усталые и продрогшие, вымокшие за день моросью — не дождь, а сеющая мокрая мерзость, от которой не укрыться, — наскоро переодевшись в сухое, мы выползли из своих комнат, чтобы снова быть вместе. Это был ритуал, заведённый Маратом, словно вечерняя поверка, когда

БЕРЕЖНОЙ Сергей Александрович — секретарь Союза писателей России, прозаик, публицист. Лауреат литературных премий "Большая литературная премия", "Имперская культура" им. Эдуарда Володина, "Прохоровское поле", "Щит и меч" и др. Живёт в Белгороде.

старшине плевать, что ты валишься с ног и с вожделением ждёшь команды: "Отбой!" И всё же каждый из нас с нетерпением ждал этой минуты общего сбора, подсознательно стремясь не выпускать надолго друг друга из поля зрения — это давало нам ощущение сплочённости, ощущение единства. Сегодня мы вместе, и это уже хорошо.

Потом разойдёмся по своим комнатам, и поворот ключа щелчком отсечёт кажущуюся безопасность от остального мира. И будет под рукой пистолет с патроном в патроннике, граната или автомат, и будет разорванный на части сон и вновь медленное погружение в забытьё, и будет долгожданный рассвет — серый и совсем не приветливый. Но это будет потом, через парутройку часов, а пока мы сидели в большущей комнате с высоченными потолками, совсем неуютной вовсе не от царящего в ней бардака, а потому, что она совсем не предназначалась для жилья.

Джихад ворчал и заботливо развешивал по спинкам высоких резных стульев "брони ки" с вымокшей за день тканью, до того небрежно сваленные в кучу у входа.

Марат, эта необузданная стихия, откинувшись в огромном кресле, покуривал кальян, менторски доводя до нашего сознания очередную конспирологическую версию, рождённую в его неугомонной голове. Вообще-то он не курил, но кальян приволокли по его настоянию: втемяшилось в его забубённую головушку, что для пущей важности и значимости ему недостает именно кальяна. Не смокинга, не, на худой конец, приличного костюма с галстуком, а именно этой дурацкой колбы с чем-то булькающим внутри.

Вася Павлов уже не пытался осмыслить эту кашу из внезапно обрывающихся мыслей и фантастических идей, извергаемых Маратом в промежутках между затяжками, изредка покачивая головой, то ли соглашаясь с ним, то ли нет, но не выказывая желания спорить.

Димка возился с револьвером, безуспешно пытаясь снять барабан. Раритет времён колониальных войн сопротивлялся, но и Димка отличался ослиным упрямством, детской инфантильностью и разумом питекантропа.

Я просматривал дневные съёмки, тщетно выбирая сюжетные кадры и мысленно матеря Димку, решившего в нашей очередной вылазке на "передок" стяжать лавры операторского искусства, снимая всё, что угодно, но только не то, что надо.

Мы — это волонтерская группа *ANNA NEWS*, информационный спецназ, по пафосному выражению начальника политуправления сирийской армии. От его высокопарности веяло фальшью и перекашивало, зато Марат надувал щёки и несколько свысока оглядывал нас. Но это было утром, когда генерал напутствовал нас на подвиги в Дарайю, а сейчас два часа пополуночи, и уставший мозг чертовски хотел покоя.

Изредка где-то на юге шалила людьми сотворённая гроза, разрывая темень сполохами и накатывая приглушёнными расстоянием громовыми раскатами канонады.

Она появилась неожиданно: дверь без скрипа медленно отворилась, и в комнате материализовалось нечто в чёрном. Чёрная до пят абайя[1] и чёрный никаб[2] с успехом мог скрывать не только женщину, но и "бородатого". Чёрт, я же запретил Абу Вали смазывать петли!

— Нет, саед[3] Серж, — упрямился Абу Вали, — скрип мешает вам спать.

Упрямству начальника нашей охраны мог позавидовать самый упрямый осёл Леванта[4], я просто пообещал пристрелить его, если он смажет дверные петли. Всё-таки смазал, гад, ну что же, поживи пока. До утра.

От неожиданности я вздрогнул, и во рту стало сухо, словно махнул стакан спирта. Из рук Димки вывалился револьвер и с глухим стуком упал на пол.

---

[1] Длинное платье с рукавами.
[2] Головной убор с узкой прорезью для глаз.
[3] Саед (*араб.*) – в смысле "господин". Уважительное обращение к старшему мужчине.
[4] Общее название стран восточной части Средиземноморья (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.).

Краем глаза я увидел растекающуюся бледность на лице Виктора, скользнувшую к автомату руку Васи Павлова — далековато, не дотянуться, и расплывшуюся в улыбке физиономию Марата.

— Яфа[1]! Ну, наконец-то!

Марат приготовил нам сюрприз и теперь наслаждался произведённым эффектом.

— Ну, и гад же ты, Марат, у меня же сердце слабое, — я пытался за гримасой, изображающей усмешку, скрыть испуг. Улыбаться не стоило: разорванный пулями рот и так гримасничал сам по себе, одинаково скверно изображая и радость, и гнев.

— Скотина, — кратко резюмировал Вася с армейской простотой. — Я же мог пристрелить её.

— Вы не правы, Марат, — укоризненно покачал головой Виктор. Он не изменил своей воспитанности, хотя был ближе всех к Марату, и на его месте я запустил бы в этого любителя сюрпризов что-нибудь тяжёлое.

Неуловимым движением руки Яфа смахнула никаб, и будто горный поток хлынул по её плечам. Она была чертовски красива, и не потому, что мужики успели изголодаться по женскому лицу, — мысли всё время заняты войной и стремлением выжить на этой войне. Нет, она действительно была красива даже по европейским меркам: лицо цвета топлёного молока, непривычно зелёные глаза, длинные и волнистые волосы с шоколадным оттенком.

Я не сразу заметил в её руке веточку цветущего жасмина. Сиреневое на чёрном. Лишь когда она положила её на стол, я ощутил этот чарующий запах.

Пять пар глаз впились в это лицо. Нет, всё-таки три: Джихад не мог позволить себе такой бесцеремонности, а Марат вообще не видел в ней женщину. Для него это был источник. Профессиональный источник информации, хотя и алмаз редкостной огранки. Мы рассматривали её сначала с удивлением, затем — с восхищением, потом — с обожанием.

Перед нами стояла женщина, утомлённая дорогой, а мы, здоровые мужики, сидели. Тупо сидели и тупо смотрели, а женщина стояла. Мы делали что-то не так и не то, точнее, совсем ничего не делали, хотя надо бы...

Мысль не успела сформироваться в действие, как Павлов уже щёлкал голыми пятками, жестом показывая на освободившийся стул. В галантности, что ни говори, подполковнику не откажешь.

Димка суетливо вскочил, неуклюже распрямляясь, словно циркуль, зацепился за ножку стула и грохнулся обратно, заливаясь краской стыда за свою неловкость. Ну, куда тебе, стропила рязанская, до Васи Павлова, способного с акробатической ловкостью выныривать из преисподней, то бишь зажжённого ПТУРСом танка, а не то, чтобы встать с какого-то там стула...

Я тоже попытался выказать необходимую в таких случаях вежливость, даже привстал, но, поняв, что безнадёжно отстал, сел. Позднее зажигание.

Сибаритствующий Марат даже не пошевелился.

Джихад не суетился. Он оставил в покое "брони", развернул стул и пододвинул его Яфе:

— Садитесь, пожалуйста.

Он не предлагал, не просил — он произнёс это так, как могут произносить только восточные мужчины восточным женщинам, не оставляя им выбора. Это был приказ, выраженный в виде мягкого предложения-пожелания. И Яфа беспрекословно выбрала именно им предложенный стул.

Димке с Василием ничего не оставалось, как броситься на поиски чистой чашки, что было весьма проблематично, ставить чайник и тщетно искать хоть что-нибудь из съестного.

С космической скоростью со стола исчезли грязные чашки, ложки и крошки лепёшек.

В ту ночь Марат устроился на диване в зале, уступив Яфе свою комнату. Мы злорадствовали: любителю сюрпризов не помешает провести остаток ночи на жёстком и холодном кожаном диване, укрывшись курткой. А ещё

---

[1] Яфа, Яффа (*прекрасная*) — сирийское женское имя.

мы ему завидовали, тихо, незлобиво, по-доброму, потому что она приняла именно его заботу. Откуда нам было знать, что всю оставшуюся ночь она работала, чтобы утром исписанные, расчерченные и разрисованные ею листочки Джихад отвёз в разведуправление армии.

Забота Марата была неприметна, исподволь, как будто исходила откуда-то свыше.

Яфа ушла на рассвете, когда все ещё спали.

С той ночи мы жили ожиданием её возвращения. Эта хрупкая веточка оливы оказалась сильнее и отважнее нас. Мысленно мы спрашивали себя: смогли ли бы мы вот так, как она, надев чужую личину, находиться среди фанатичных палачей, сатанеющих от крови. Не просто находиться, а осознавать, что в случае провала тебя ждут просто нечеловеческие мучения, когда смерть принимается с благодарностью, как благодать, ниспосланная свыше.

Мы были вместе, а она одна. У нас было оружие, и мы могли защищаться. Во всяком случае, у нас был шанс не только выжить, но и избежать мучений в плену, рванув чеку гранаты, неизменно лежащей в грудном кармашке. Она же была безоружна и такого шанса не имела. Война — это все-таки мужская работа, а она женщина. Хрупкая, нежная, молодая и безумно красивая женщина. Она олицетворяла собою иной мир — мир красоты и покоя, в котором нет войны, нет слёз и горя.

Она приходила редко и всегда неожиданно, когда уж давно истончалась надежда.

— Ребята, вы живы! Как я рада видеть вас!

А война уже забредала в кварталы Дамаска, и всё слышнее была не только канонада, но и длинные пулемётные очереди: "бородатые" не считали патронов, и эта "щедрость" множила почти на ноль наши шансы выстоять. На дороге к аэропорту работали снайперы, и уже несколько раз прорывались к ней "духи", а мы всерьёз рассматривали карту, прорабатывая пути выхода к границе...

Яфа, обхватив голову руками, твердила:

— Сурия, моя Сурия, как больно моей Сурии...

Из её зеленых глаз истекала боль:

— Не оставляйте мою Сурию...

Мы не клялись, что не бросим. Впрочем, к чему слова, когда эти четверо сумасшедших русских, приехавших сюда по своей воле, олицетворяли Россию, делили с ними глоток воды и кусок лепёшки, поровну последние патроны и оставляли гранату: сначала каждый себе, потом — одну на двоих, а сейчас — одну на троих. Каждый раз после очередного выхода "на боевые" гранаты таяли, как мартовский снег.

С того дня, точнее, с той самой ночи вялотекущие и однообразные будни трансформировались в бешеный ритм, динамику, сумасшедший бег. Репортажи вылетали автоматной очередью. Мы лезли в самое пекло, лишь бы поскорее выполнить задание или задачу, вернуться на базу и, наскоро приведя себя в порядок, собраться в зале, чтобы дожидаться её, нашу Яфу. Каждое утро летала по комнате швабра, драя до блеска выложенный каменными плитами пол, вымывалась посуда, скреблись давно затупившимися бритвами щеки и подбородки, наглаживались рубашки и чистилась обувь. И больше не валялись на полу брошенные "брони" и каски, магазины и ВОГи[1].

Так уж случилось, что на все последующие ночи она выбрала мою комнату, и когда оставалась на ночь, то я располагался на диване. Я ощущал какое-то внутреннее превосходство, будто она выбрала меня, прекрасно понимая, что выбрала вовсе не меня, а мою комнату. Выбрала потому, что она была самая безопасная, самая тёплая, самая уютная и вообще самая-самая.

Ребята настойчиво поочередно теперь уже мне уступали свои комнаты, но я отказывался. Я спал вполглаза и вполуха, ловя каждый шорох, и остаток

---

* ВОГ – выстрел осколочный гранатомётный. Граната для 40-мм подствольного гранатомёта, устанавливаемого на автомате.

ночи становился долгим и изматывающим. Ближе к рассвету в зале появлялась Яфа и спрашивала участливо:

— Ты опять совсем не спал. Бедненький, и всё из-за меня. Так нельзя, ведь вам же работать.

— Да нет, спал, как младенец, всё хорошо, — убеждал её я, нарочито зевая и потягиваясь.

И словно по команде, появлялись ребята, наливали чай и в дорогу совали ей в руки разломанную на части лепешку, провожая её долгим задумчивым взглядом.

Так повторялось всякий раз, но однажды в комнату вошёл Фираз и молча положил на стол веточку цветущего жасмина.

— Она больше не придёт. Её убили в Кусейре.

Мы не плакали — мужчинам плакать не полагается. Мы просто вышли во двор и подставили лица дождю.

С тех пор мы больше никогда не собирались в зале, а на ветки растущего в крохотном дворике жасмина повязали ленточки.

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

РЭКЕТ

РАССКАЗ

Снежок под ногами как хрустит! Хрум-хрум, хрум-хрум. Так бывает, когда лошади траву щиплют. Или нет, больше похоже на то, когда капусту режут. Погодка хороша! Каникулы! Солнышко. Никуда спешить не надо… А дело к обеду. Может, к бате в гараж зайти?.. Давно не был. Обижается, поди. А что, вот возьму и зайду, наверняка он там…

Я на улице, знакомой мне с детства. Вот и родная пятиэтажка, а вот и беседка, в ней я первый раз признавался в любви, тогда май был, эх!..

Гараж открыт. Я немного волнуюсь. А ведь действительно давно не был ни в гараже, ни в родительском доме и не звонил…

— Привет, па!

Батя склонился над открытым капотом старенького "Запорожца".

— А ты откуда? — он с трудом выпрямился и повернулся ко мне. — Радикулитик пошаливает. Давненько ты не был. Что, трудно хотя бы позвонить! Мать волнуется. Не заходишь, не звонишь… — Вытер тряпкой руки. — Совсем совесть потерял! Ну, здравствуй! — протянул, улыбаясь, руку. — По делу?

— Мимо проходил, дай, думаю, зайду. Я ж на каникулах.

— А так у тебя что, времени нет? Сильно занятой?

— Да, всё как-то не с руки, — замялся я. — А звонить… То некогда, то поздно… Сам знаешь, как оно бывает.

— Есть хочешь? Мне тут мать тормозок сочинила.

КУЛИЖНИКОВ Михаил Анатольевич — член Союза писателей России. Он родился в Белгороде, где живёт и поныне. Окончил Белгородский педагогический институт, а также Воронежское музыкальное училище. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы. Лауреат международного поэтического конкурса "Звезда полей 2010", лауреат литературной премии "Прохоровское поле".

Он всё такой же. Усы, на голове — "пирожок", засаленная фуфайка нараспашку, пальцы жёлтые от курева, только морщин, кажется, прибавилось…

— А что, и не откажусь. Так может, и мы сочиним что-нибудь. У меня копейки имеются.

— Каникулы, говоришь, — батя прищурился, достал из кармана деньги. — На. Что не хватит, добавишь. Я аккумулятор на зарядку поставлю. Пока болел, он едва совсем не разрядился.

— А что было?

— Да радикулит проклятый.

— А что ж ты в гараж по холоду пришёл?

— Дома сидеть надоело, да и за машиной смотреть надо. В прошлом году один аккумулятор угробил… И картошки домой набрать надо. Ладно, давай, дуй…

Когда я вернулся, батя о чём-то серьёзно разговаривал с соседом по гаражу. Они стояли возле "Жигулёнка". Ворота соседского гаража были открыты.

— Привет, дядь Борь! — поздоровался я.

— Привет, дядь Миш! — нарочито поклонился Борис.

Уж и не помню, с каких пор завелось это у нас в гаражах: дядь Борь, дядь Толь, все друг к другу обращались так, а не по имени-отчеству или просто по имени.

Борис тоже был в фуфайке, в ватных штанах. Видно, собирался работать.

— Ладно, дядь Борь, подтягивайся, как освободишься, — батя направился в свой гараж. — Пойдём, — позвал он меня.

Аккумулятор стоял на подзарядке, капот закрыт, на нём лежала сумка с картошкой.

— Да что ж ты с радикулитом в подвал лазил, — забурчал я. — Я бы картохи набрал.

— Да ты в чистом, — отмахнулся батя. — Ладно, давай снимем этот культурный слой.

На верстаке лежала пачка газет. Верхняя была со следами закуски. Батя аккуратно свернул её, на чистую газету выложил из пакета пару пирожков, кусок сала, хлеб, несколько варёных картофелин, солёный огурчик, луковицу и взялся за нож. Я поставил на верстак бутылку водки и сполоснул стаканы.

— Давай, сынок, за встречу, — батя протянул мне стакан.

Не успели мы закусить, появился Борис.

— Дядь Толь, у тебя ключик на семнадцать есть?

Батя заулыбался.

— А ты, видать, других размеров не знаешь, прям на семнадцать?..

Борис подошёл к верстаку.

— Да это ж я так, чтоб разговор завязать. А то вчера было…

Налили ещё. Борис с удовольствием выпил, закусил кусочком сала.

— Дядь Миш, а ты там не женился ещё? — хитро глянул он на меня.

— Да нет, дядь Борь, один пока, никто не идёт.

— Да брось ты врать-то, не идёт, больно привередливый. Детишек пора заводить, а то и не заметишь, как состаришься. А знаешь, зачем дети нужны?

Я пожал плечами.

Борис посерьёзнел.

— А чтоб было кому похоронить.

Я не знал, как ему возразить. Вряд ли, когда заводят детей, думают об этом. Борис, думал я про себя, а ты не прав… И всё же, вот пройдёт время, кто похоронит меня? Да что меня, при нынешней рождаемости скоро не только хоронить некому будет, а и некого… Может, и прав Борис?.. Да, что-то не заладилось в жизни, и не только в моей…

— Дядь Борь, а может, ты знаешь, для чего внуки? — с ехидцей спросил я.

Борис сладко заулыбался.

— А чтобы радовать деда с бабкой!.. А ты чего не на работе, сегодня ж рабочий день?

— Каникулы! — развёл я руками.

— Во! — Борис потыкал меня пальцем в грудь. — Самое ценное в твоей работе — июнь, июль и август, ну, и среди года кое-что.

— Дядь Борь, а ты почему не на работе? Ну, батя на пенсии, это понятно, а ты?..

— Комбинат стоит, а нас без содержания в отпуск выперли, — Борис задумался. — Да у меня тут работы полно, вон, вчера одну машину забрали, сегодня уже другая стоит, пока бьются, я без работы не останусь, так, дядь Толь? — Борис поглядел на верстак и многозначительно протянул. — Закуска, как всегда, осталась...

— Так, может, повторим?.. — полез я в карман.

Батя молча закурил, Борис замялся.

— Ты, дядь Миш, если гроши есть, бери бутылочку, я потом отдам, сейчас нету. Утром рэкет приходил, всё выгреб.

— Какой рэкет?! — опешил я.

— Приходит тут один, маленький такой, толстенький. Букву "р" не выговаривает. Приходит и с ходу: "Ну, что, Болька, пошли". А как тут не пойдёшь?

Я глянул на батю, на Бориса.

— Да вы что?! Дядь Борь, у тебя ж вся прокуратура ремонтируется, и бандюки к тебе ездят, какой рэкет? Па, и тебя, что ли, трясут? — Батя молчал. Я закипятился. — Вот тебе и *лихие девяностые*. Говорят, недавно на центральном рынке до стрельбы дело дошло. Тоже рэкет наехал на торгашей, а те стрелять начали из газовых пистолетов, ОМОН приехал, торгашей всех скрутили и в кутузку, до выяснения.

— У нас что ни время, так лихое, — батя затоптал сигарету. — То лихие двадцатые, то тридцатые, то послевоенные, как говорится, то гром прибьёт, то корова обгадит...

Мне было не по себе.

— Так, может, он и меня оберёт, так я лучше на водку потрачу.

— Не дрейфь, дядь Миш, — успокоил Борис. — Что с вас, учителей, брать, разве что мелу, так и того в школах нету.

У гаража остановилась машина. Я напрягся. Всякие мысли завертелись в голове... Борис вышел и очень скоро вернулся.

— О! Клиент, аванс привёз. На, дядь Миш, с меня причитается, — Борис протянул мне несколько купюр, остальные сунул в бумажник. — Иди, ты самый молодой. — Борис хотел выйти, но тут же заскочил в гараж. — Тю, ёлки-палки, не успел. Идёт! Дядь Миш, на, спрячь деньги!

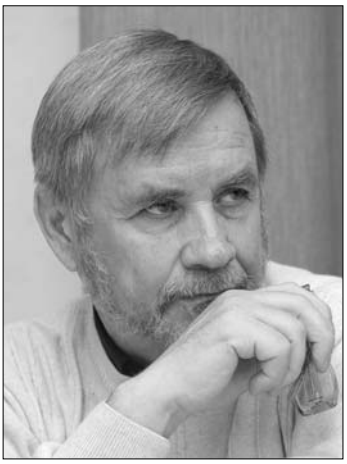
Сказать по правде, я не на шутку испугался. Борис глядел на меня растерянно, батя сурово молчал. Не зная, что делать, я высунулся из гаража.

К гаражу подходила дочь Бориса, ведя за руку крепыша лет пяти. Карапуз ступил на порог, подбоченился, увидев Бориса.

— Ну, что, Болька, пошли!

Борис счастливо улыбался...

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ



ДРУЗЬЯ МОИ, ГРУСТИТЬ НЕ СМЕЙТЕ...

* * *

Как говорят, и смех, и грех,
Не знаю, что с природой стало?
Вдруг во дворе похолодало,
На день рожденья выпал снег.

Подвластно — нет! — не всё уму.
И я в любое время года
Всё, что дарует нам природа,
Как данность, с радостью приму.

Грустить мне вовсе не к лицу,
Я — есть... И вам я — не приснился.
За то, что в день такой родился,
Спасибо маме и отцу.

Теперь я с вами — навсегда!
Друзья мои, грустить не смейте,
Я не доставлю радость смертью
Врагам своим... Нет! Никогда...

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович родился в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор двенадцати книг стихотворений. Публиковался во многих столичных и региональных журналах, альманахах и коллективных сборниках. Его стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки. Лауреат многих всероссийских литературных премий и конкурсов, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Белгороде.

* * *

Только так и не иначе
На земле я проживу:
От обиды — не заплачу,
От беды — не зареву.

Только так... Я — гордый, братцы,
Не прильну к чужим ногам.
Лишний повод для злорадства
Недругам своим не дам.

Что сломаюсь — думать бросьте!
Маюсь белкой в колесе,
И пускай враги мои от злости
Хоть полопаются все...

* * *

Дружбу в жизни превратили в службу,
И «друзей» в прислугах — до фига.
Кто играл всю жизнь в большую дружбу —
Превратился в мелкого врага.

Не способны видеть, да и слушать
Те, чьи слух и зренье — суррогат.
Жалкие предательские души,
Алчущие премий и наград.

Тот, кто дружбу превращает в службу,
Сам себе в итоге навредит.
Ведь за службу тех, кто предал дружбу,
Бог — всех их! — по заслугам наградит...

* * *

Живём на земле безоглядно,
Жить долго — ну, кто ж не желает?
Да, смерть к нам всегда беспощадна,
Но жизнь беспощадней бывает...

* * *

Мысль изреченная есть ложь...
Ф. И. Тютчев

Как говорят: пиши и не греши,
Всё тайное не скрыть — предстанет явно.
Стихи мои — вы зеркало души,
Но зеркало отнюдь не без изъяна.

Мысль изреченная, конечно, ложь,
Тут прав поэт, стихи его не трогай.
Когда строкою вглубь себя идёшь,
То без изысков обойтись попробуй.

Пустая усложнённость — суета,
Чем проще слог, тем он и совершенней.
Ведь истинная в мире красота
Искусственных не ищет украшений...

* * *

Нет, не сон всё это и ни бред,
Я приехал снова на Пикет.
В том ведь, братцы, не моя вина,
Что теперь нет в Сростках Шукшина.
С гор Алтайских, свежий ветер, дунь,
Разбуди притихшую Катунь,
Чтоб её высокая волна
Продолжала строки Шукшина;
Чтобы жизнь, куда нас ни вела, —
В наших душах таволгой цвела,
А калина коль поманит в лес,
Значит, нас Шукшин узрел с небес...

ЮРИЙ МАКАРОВ

СВОИ

РАССКАЗЫ

Люде Тихомировой двадцать четыре года. Когда она идёт по нашему посёлку, не то что молодые, но и пожилые мужчины долго смотрят ей вслед и прицокивают языками — так ладно скроена её фигура.

У Люды Тихомировой серые внимательные глаза, свои тёмно-русые волосы она разделяет тонюсенькой дорожкой и заплетает в толстую, ниже спины по длине, косу. Нос у неё прямой, губы — по-детски пухленькие, щёки на круглом лице румяные, свежие. Косметики почти не заметно. Обыкновенная русская красавица.

Мужчинам, когда они засматриваются на Люду, совсем не мешает её четырёхлетний сынишка Ванька — этакий крепышок, которого она ведёт за собой, как продолжение своей красоты. Правда, к этой красоте примешана ещё одна, неповторимая, отцовская, и поэтому Ванька будто сошёл с плаката о пользе детского питания. Свободная рука Люды летает в пространстве какой-то неземной белой птицей, а правой она крепко держит за пухлую ручонку Ваньку.

Люда и Ванька приехали к нам из Донецка. Жильё снимают у ещё не очень пожилых жителей нашего посёлка. Хозяин сдал ей небольшой домик недавно умершей тёщи.

МАКАРОВ Юрий Иванович родился в 1953 году в маленьком селе Галушки Вейделевского района Белгородской области. Окончив школу, он служил в армии, учился в Красногвардейском сельскохозяйственном техникуме. Затем 25 лет работал сельским ветеринаром, лечил животных. Заочно учился в Харьковском зооветеринарном институте и в Литературном институте имени М. Горького в Москве. Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле" 2003 года, обладатель Почетного диплома Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого.

Люда и Ванька беженцы. Хотя, если правильно, так они эмигранты, ведь бежали-то в Россию из другого государства. Но как я, русский, могу назвать эмигрантами русских же? В их отпочковавшейся при Ельцине стране теперь идёт война. Называют её гражданской. Но все мы понимаем — как бы война ни называлась, она несёт с собою смерть.

Спасая от смерти, и отправил в Россию свою семью Мишка Тихомиров. Семью отправил, а сам остался в Донецке — воюет с киевскими властями.

Жуть какая-то, которая недавно в страшном сне присниться не могла, стала явью, от которой — ну, никуда! Ведь это с киевской подачи прилетел на окраину Донецка снаряд и развалил напрочь три года назад построенный соседом дом. Таким же молодым, работящим Витькой Степановым. Вот и отправили они в Россию свои семьи. Правда, Витька — к российским родственникам, а Мишка — в белый свет, как в копеечку... И хоть и уехали Люда с Ванькой почти в том, в чём стояли, да ничего. В посёлке их встретили хорошо.

Дня три-четыре они с Ванькой только ходили да оглядывались. Грустно было, чужие все кругом. Потом оказалось, что не такие уж и чужие. Стали к ним захаживать соседи. Приносили кто что. Вот эту банку квашеной капусты да ещё два вилка в придачу принёс дед Иван Конопляников, что живёт напротив.

— На, детка, небось, у тебя в этом году капуста неудачная, так вот Ирина Петровна моя вам с мальцом и передала...

Картошки нанесли вёдер десять. На всю зиму хватит, да и на посадку что-то останется. Плакала Люда долго. Вспоминала, как они с Мишкой первый раз свою картошку вырастили и урожай собрали. Ох, и тяжело ей было. Только в подвал перетаскали, тут у неё и схватки начались. Теперь вот Ванька — Картофельный король бегает. Вон уже какой! Да что ж, они с Мишкой на своём огороде этих овощей не вырастили бы? Нет. Война. Гражданская. Свои в своих стреляют. И кончится когда — неизвестно.

Или вот для Ванечки одёжек всяких понанесли, да и для неё. Что они с Мишкой, криворукие? Что, Мишка на тряпки Люде не зарабатывал? Да сколько угодно! Но теперь ему воевать надо. Сказал: "Как с этой сволочью разберёмся, так и жизнь у нас пойдёт совсем другая". Вспоминала эти слова Люда и опять долго плакала. А Ванька, смешной, утешает, говорит: "Не плачь, мама, папка им чертей накидает!.. Так дедушка Иван говорил".

Господи, за что ж эта красавица со своим дитём страдает? За что мучается? Такая ли у неё сейчас жизнь должна быть с мужем, с ребёнком? Объяснение одно — война у них. Гражданская. Страшная...

А сегодня пришла к Люде пожилая женщина с дальнего конца улицы:

— Маргаритой Семёновной меня зовут, дочка. Слыхала, тяжело тебе с парнишкой. Работы, говорят, у тебя пока нет. Ну, ничего-ничего, всё образуется, и работа найдётся. Ты, говорят, воспитателем в детском саде работала?..

— Работала, — кивает головой Люда, — после училища...

— Ну, и будешь работать, даст Бог... А пока возьми, я вот тебе полведёрка картошки принесла. У нас хорошая — "красная шапочка" называется...

— Ой, спасибо, нам с Ванюшкой картошки уже на две зимы хватит...

— Бери, бери... Не стесняйся... Всё пригодится... Ты уж мне поверь... Мы сами это пережили... Сейчас-то ничего, а как только с Казахстана переехали — помыкались. Нас, правда, Назарбаев без войны выгнал... Чужая кровь, а без войны... А на вас свои с ружьями... Э-эх!.. Да и не свои они теперь уж, видно... Картошку куда сыпать?..

— Ой, да... — пытается отказаться Люда.

— Бери, бери, — высыпает картошку прямо на пол Маргарита Семёновна, — вот мы-то вам с парнишкой уж точно свои... Точно...

— Маргарита Семёновна, — вдруг всхлипывает Люда и закрывает своё, красивое даже в слезах лицо, — я за мужа, за Мишку моего боюсь... Он у меня такой заводной...

— Молчи, молчи... Хорошего ему желай — только хорошего!.. Так ничего с ним и не случится... За сынишкой получше смотри — береги... Вон он у тебя славный какой... Славный...

ЖАЛЁВАННЫЕ ДЕТКИ

Василий Арсентьевич плакал навзрыд, как мальчишка. Старик был закалённым рыбаком, любимцем всего села, потому что славился своей добротой и весёлым нравом. Сегодня ему было не до шуток. Его друг и одногодок Сергей Карпович никак не мог остановить его слёзы и лишь похлопывал по плечу:

— Ладно, Вась. Ну, что ты с ними сделаешь — такая нынче молодёжь. Такие вот народились.

Но обида давила Василия Арсентьевича, слёзы текли по морщинистому лицу, и никак он не мог успокоиться.

Вчера вечером под любимой вербочкой он сидел на привычном рыбачьем месте. Было оно хорошо прикормленным, и рыба клевала прямо одна за одной, радуя душу рыбака.

Метрах в тридцати от него на бережке пруда веселилась молодёжь. Были там, судя по всему, и парни, и девушки, но до ушей Василия Арсентьевича долетал такой чёрный мат, что душа рыбака просто ныла и переворачивалась. Изрыгали его и парни, и девушки, что особенно казалось Василию Арсентьевичу противоестественным. Он долго терпел это безобразие, наконец, бросил удочки и решительно направился к костру.

— Чо, дед, не спится? — спросила его тень из-за костра, — иди, гуляй, тут у нас своя компания.

— Да я в вашу компанию и не хочу. Уж слишком вы тут матюгаетесь. И девки, слышу, не отстают. Вы, ребята, потише, а то мне, пожилому человеку, неловко вас слушать.

— Жаба, глянь, деду жарко! Ты его остуди! — снова подала голос тень из-за костра, и Василий Арсентьевич сразу ощутил на себе холодный душ. Кто-то сзади вылил на него не меньше ведра холодной воды.

Старик остолбенел и онемел.

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! — гнусно пролилось у костра. — Ну что, остыл? Дуй отсюдова, пока цел! — и кто-то больно ударил его пинком пониже спины.

Как старик оказался дома, как он утром прибежал к другу своему, он не помнил.

— Кто же, кто же их воспитывал, Серёж? Как же так? Разве можно так, Серёж? Где же мы так проворонили-то их, а?

У Сергея Карповича на эти вопросы ответов не было. Не было их и у Василия Арсентьевича. Мало-помалу он стал успокаиваться, потом горестно вздохнул.

— Сергей, а помнишь мою бабушку Нюру?

— А что ж не помнить, отличная женщина была, Царство ей Небесное.

— Да я о том, как раньше старших уважали. Помнишь, мой дядька Микола с войны пришёл. Герой, орден Красной Звезды, два ордена Славы, медалей — вся грудь увешана. Меня бабушка Нюра тогда воспитывала. Война-то меня сиротой сделала. У дядьки уже трое детей было. Поссорился он с женой — что там случилось, мне неведомо, но видел я, как он жену, тётю Люду, ударил, хлёстко так. И бабушка Нюра это видела. Слышу: "Микола, сынок, а ну, подь сюды". Дядька вздрогнул, но прошёл в горницу. Только на лавку сел, а она к нему как подлетает: "Ты на кого, сукин сын, руку поднимаешь? На матерю детей своих? Кого обижаешь? Она тут, в оккупации, в три дуги гнулась — не доедала, не досыпала, чтоб твои пацаны живые остались. А ты лапищи свои расшиперил. Что, силы некуда девать?!" — а сама его мокрой тряпкой бьёт, не разбирая куда — только награды брякают! А он, представляешь, мужичага ж здоровый, войну прошёл, медалей этих, а сидит, голову нагнул и — ни слова, только сопит. Так до самой смерти потом тётю Любу пальцем не тронул. А мы своих деток жалели. И эти вот, вчерашние, жалёванные, видно, выросли. А дальше что? Дальше что будет?..

МУМУ И МУМА

Электрику с колхозной репродукторной фермы по производству поросят Лёне Береговому кто-то подкинул во двор шестерых щенков. Смотреть на них было жалко, как на всяких маленьких сирот. Лёня задёргался, мол, что за народ, что за скотина эдакая, ему такую подлость учинила? Но приговор, однако, щенкам подписал.

— Дай мешок, Елена, — сказал он жене. — Пойду, утоплю их в речке, пока детвора не видела.

Лёня налил в миску молока и, когда щенки начали дружно лакать, быстро похватал их и покидал в мешок.

Дома его не было минут сорок, а когда возвратился, все шестеро щенков прибежали за ним во двор и сразу кинулись к миске с молоком.

— Что? — удивилась жена.

— Да знаешь, Лен, жалко их. Не стал грех на душу брать, — грустно сказал Лёшка.

— Эх, ты, Муму! — взвилась заводная Елена. — Кидай в мешок! Сама потоплю, раз мужиков в доме нет!

Лёшка повиновался и снова покидал бедных щенков в мешок. Елена выхватила его из рук супруга, кинула на плечо и скрылась за калиткой.

Лёшка ждал жену около часа. Уже стал подумывать — не случилось ли чего с ней там, на Сарме — речка это их. Но калитка открылась, и в ней появилась Елена. Она была мокрая с головы до ног. Мокрым был и мешок, из которого она вытряхнула мокрых, но живых щенков.

Щенки смешно стряхивали с себя воду и тут же устремлялись к миске с молоком.

— Ну, что ты на меня вылупился? — сердито спросила она у ошарашенного мужа. — Молока им подлей да хлебца раскроши.

— Ты… Ты что, плавала? — удивлённо смотрел на жену Лёшка.

— И ты бы пла-а-ва-ал! — вдруг запричитала Елена. — Я их в воду как кинула, а они как заго-о-ло-сю-ют!..

Елена закрыла лицо руками и побежала в дом.

— Во-во! — хохотнул вслед ей Лёшка, — я у тебя Муму. А ты тогда Мума, да ещё и без ума. Кто ж в такую пору в речку прыгает?

На дворе стояла последняя неделя августа. Солнце ещё пригревало, но купальный сезон давно закончился. В первой половине тёплого, солнечного сентября всех щенков Береговые уже пристроили в хорошие руки.

ПРОТОИЕРЕЙ ИГОРЬ КОБЕЛЕВ

ЗА РОДИНУ НЕ СТРАШНО УМЕРЕТЬ

РОДИНА

Кшень луговая,
Кшень полевая,
Боль штыковая,
Боль пулевая...
Яков Шведов, 1941

В полях под Кшенью мы рассвет встречали.
Светился путь далёкий впереди,
И сказку-юность нам не омрачали
Чужие смертоносные дожди...
В полях твоих, земля моя родная,
Колосья мне шептали о любви...
В грядущем всех любивших поминая,
Ты моё имя с ними назови.

КОБЕЛЕВ Игорь родился в 1969 году в посёлке Кшенский Курской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. В 1994 году рукоположен в сан священника Русской Православной Церкви. Участник миссионерских экспедиций в Чукотский автономный округ, в Республики Карелию и Калмыкию, по Восточной Сибири и Байкало-Амурской магистрали, на Камчатку. Награждён орденом святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского III степени. Стихи публиковались в журналах "Наш современник", "Всерусский народный Соборъ", "Роман-журнал XXI век". Вышли в свет три поэтических сборника: "Вера, Надежда, Любовь", "Во странствии земном", "На рубеже". Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле".

Посёлок станет городом когда-то,
Мой старый дом исчезнет без следа,
И новые родятся здесь ребята,
И вспыхнет чья-то яркая звезда,
И станет небо россыпью жемчужной
Над этой вечной нивою гореть...
...В полях под Кшенью, если будет нужно,
За Родину
не страшно
умереть.

ЖУРАВКА

Над Журавкой* летят журавли
И курлычут в осенние дали...
Чьи-то души идут от земли,
Где любили, грешили, страдали...

Где был храм — лишь бурьян да кусты.
Меж деревьев на старом погосте –
Чьи-то звёзды и чьи-то кресты,
А под ними — истлевшие кости.

Им ни чести теперь, ни стыда,
Ни забот об "успехах колхоза"...
Но — восходит дневная звезда,
И в стихи превращается проза.

И теперь бывший школьный музей
Божьим храмом становится снова**,
И врагов обращает в друзей
В этом храме звучащее Слово...

Лишь о тяжких страданьях земли
И о людях, что их испытали,
Над Журавкой кричат журавли,
Улетая в осенние дали.

ПРОХОРОВКА

Красная-красная кровь.
Через час — уже просто земля.
Через два — на ней цветы и трава.
Через три — она снова жива.
Виктор Цой

Ах, сколько в Прохоровке крови!
Под плитами, в траве, в пыли...
Стою, смотрю, нахмурив брови,
Как пар восходит от земли.

Пар — словно дым и пыль, как порох.
И, до упора взведена,
Душа дрожит на каждый шорох:
Уж не вернулась ли война?..

---

* Село Журавка Прохоровского района Белгородской области – место моего первого священнического служения.

**Храм находился в здании бывшего школьного музея. Точнее, в здании церковно-приходской школы, которое было передано школе общеобразовательной после разрушения храма в 1930-х годах.

Звон колокольный болен, болен,
И ветер майский странно лют...
Под белый мрамор колоколен
Тюльпаны свет кровавый льют.

Час замер. Взорвана минута.
Вновь поле — страшный танкодром.
Раскаты мирного салюта
Иной напомнили мне гром...

Вот наших чувств непостоянство:
Когда они обострены,
Сместились время и пространство,
Огнём тех лет озарены.

Вот маршалы и рядовые
И с “той”, и с “этой” стороны
Вновь, ведь у Бога все — живые,
Уходят в будни боевые,
Присяге принятой верны.

И трудно мне из нашей нови
Для песни отыскать слова,
Что были б ярче и суровей.
Ах, сколько в Прохоровке крови!
Она — во мне. Она — жива!

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

ЗВЕЗДОЖИТЕЛЬ

РАССКАЗ

Вечер окутывал город и весь мир темнотой, и в этой темноте чья-то незримая отсюда, с Земли, рука зажигала звёзды. Они вспыхивали в небе одна за другой, словно лампочки великой вселенской гирлянды. Но они, конечно же, не были лампочками, потому что звёзды рождались, жили и умирали — каждая по-своему.

Василий Ильич знал о звёздах всё, он любил их и жалел о том, что не может до них добраться, чтобы увидеть так же близко, как Солнце. Поэтому у Василия Ильича имелась заветная мечта — дожить до того прекрасного времени, когда люди сумеют достичь хотя бы ближайших звёзд. Эта мечта не давала ему покоя уже много лет, с самой юности. В самом деле, тут было над чем размышлять и от чего терзаться. Ведь проклятая конечность скорости, которую вывел Эйнштейн, мешала одолеть бесконечность Вселенной. Ну, как же так? Неужели нельзя её как-нибудь обойти? Неужели учёные никогда не придумают способ?..

— Пойду я посижу полчасика во дворе, — обратился Василий Ильич к жене, боясь вновь услышать её недовольство. — Ага, Наденька?

— Да иди уж, — вздохнув, ответила она. Сегодня Надежда Петровна была в хорошем настроении и, подумав, решила не ругать мужа. — Хоть засидись там.

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовск Донецкой области. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию (СГГА). Прослужил 15 лет в Уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке. Публиковался в журналах "Наш современник", "Роман-журнал XXI век", "Знание — сила: фантастика", "Воин России", "Подъём" (Воронеж), "Звонница" (Белгород). Автор трёх книг прозы: "Продавец книг" (2011), "Срок" (2015) и "В пекле огненной дуги" ("Яуза", 2018). Рассказы В. О. Малькова переведены на арабский язык и опубликованы в Сирии. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Июнь в этом году выдался прохладный и дождливый, скупой на жаркие, солнечные дни, но сегодня он, видно, спохватившись, с самого утра баловал хорошей погодой. Вот и вечер был тёплым и безветренным, пожалуй, даже немного душноватым.

Василий Ильич тихонько оделся и вышел из квартиры, радуясь своей вожделенной свободе, которая редко давалась ему так легко, без борьбы и мучений. Он предвкушал удовольствие от того, что сегодня сможет в полной мере насладиться этим чудесным вечером.

Двор уже почти опустел. Лишь в песочнице возились два мальчугана лет пяти-шести да на лавочке у соседнего подъезда сидел дед Тимофеич, доживавший восьмой десяток лет. Он обитал один в двухкомнатной квартире, но изредка к нему наведывался со своей семьёй сын Николай, у которого был какой-то небольшой бизнес.

— Добрый вечер, Тимофеич! — подойдя к лавочке, поприветствовал деда Василий Ильич.

— Здорово, сосед. — Старик крепко пожал протянутую руку. — Что расскажешь?

Несмотря на свой возраст, он ещё твёрдо стоял на ногах и умудрился сохранить полную ясность ума, тогда как некоторые и в пятьдесят уже теряют здравость мыслей.

— Да чего тут рассказывать… — Василий Ильич пожал плечами. — Особо и нечего. — Он присел на лавочку. — Но жизнь ведь… если разобраться, не стоит на месте даже тогда, когда кажется, что в ней ничего не происходит. Правильно? Всё равно каждый день где-то какие-то события… Жизнь идёт.

— Это верно, — кивнул Тимофеич. — Жизнь идёт… и проходит.

Василию Ильичу стало неловко, оттого что нечаянно напомнил деду о неизбежном. Он тут же решил исправить оплошность и увести разговор в другую сторону. А в таких случаях, само собой, говорят о том, что милее всего душе.

— Китайцы-то вон летают на орбите. Так они скоро и нас обгонят.

— Ты об чём это? — не понял Тимофеич.

— Да я про космос говорю. — Василий Ильич указал пальцем в небо. — Китайский корабль-то бороздит просторы Вселенной. И название красивое — “Шэньчжоу”… О как… “Священный чёлн”… В экипаже первая в Китае женщина-космонавт… Вернее, тайконавт…

— Ну да, ну да. — Дед вздохнул. — Эти обгонят. Шустрый народец.

— А я вот думаю, что всё дело в руководстве страны. Если оно, то есть руководство, ясно видит цель и имеет чёткую программу, то и страна способна на многое. Такой стране по плечу любые свершения. Вон при Сталине Советский Союз сумел же стать самой могучей державой. Так ведь?

— При Сталине сумел, — вновь согласился Тимофеич.

— Потому что все, как один, напрягались… Весь народ… Страну после войны из руин подняли за считанные годы, а потом и в космос первыми махнули… — Василий Ильич даже ощутил волнение от своих слов.

— Да, было время, — грустно произнёс дед. — Жилось хоть и трудно, но как-то веселее, чем нынче. Дружнее жили, радостнее… Люди друг к другу относились лучше, добрее. Нет, не все, конечно. Жмоты и дрянные людишки всегда у нас водились, тут уж ничего не попишешь… Но сейчас они почуяли себя чуть ли не боярами новыми. Обнаглели вконец, творят невесть что и презирают трудового человека. А ведь Россия испокон веков на трудягах держалась.

— Ничего, Тимофеич, я думаю, рано или поздно человек труда в нашей стране, как и прежде, будет в почёте.

— Дай-то Бог… — Дед покряхтел. — Жаль только, не доживу до этого.

Василий Ильич замолчал, не зная, что тут можно возразить, и принялся разглядывать звёздное небо, ища в нём поддержки. Оно, как всегда, не подвело, пришло на выручку, подкинув в голову ясные мысли.

— Может, и я не доживу, — сказал он, — но всё равно будет именно так и никак иначе.

— Уверен? — Дед покосился недоверчиво.

— Убеждён, — воодушевился Василий Ильич. — И наступит на всей нашей планете прекрасный Век справедливости.

— Это как? — У Тимофеича округлились глаза.

— Да так… Все люди заживут по уму и справедливости, а в правительстве будут действительно самые достойные. Самые мудрые и честные… И тогда не будет больше никаких войн и террористических актов, и исчезнут воровство и коррупция. В общем, красивая жизнь настанет…

— Да уж… — Тимофеич покачал головой. — Эх, Вася, твои бы слова да Богу в уши. Только что-то с трудом в такое верится.

— А ты верь, дед. Я знаю, что говорю.

— Хороший ты человек, хотя и чудак. — Тимофеич усмехнулся.

— Не чудак я, а звездожитель, — поправил его Василий Ильич. Такое название самому себе он придумал, ещё будучи студентом. Это слово ему очень нравилось, потому что в нём заключалось всё самое главное: романтика и стремление к вечным идеалам. Это слово звучало красиво и удивительно, просто и в то же время ёмко: зве-здо-жи-тель… — Да и все мы, если разобраться, звездожители. Ведь звезда нам всем дарит жизнь.

— Во-во, я и говорю, чудак. — Дед хлопнул себя по коленям и встал. — Ладно, пойду я. Попью молочка да на боковую.

— Спокойной ночи, — пожелал ему Василий Ильич.

— И тебе, Вася, спокойной. Передавай жене привет…

Тимофеич ушёл в свой подъезд, и вокруг стало пусто и тихо. Только светящиеся окна девятиэтажки напоминали о том, что где-то рядом, в квартирах, происходит какая-то жизнь: кто-то смотрит телевизор или сидит за компьютером, ужинает или читает книгу, а может быть, и влюблённые заключают друг друга в сладостные объятия.

Оставшись на лавочке один, Василий Ильич предался раздумьям. Через месяц ему должно было исполниться пятьдесят, и думы его поневоле обратились к этому грядущему событию.

“Вот прожил я на этом свете уже практически полвека, и что? Чем могу похвастаться или гордиться? Ведь нет у меня, если разобраться, никаких больших и ярких достижений. Ни одного научного открытия я не сделал, ничего нового и полезного не сконструировал, не создал, какого-то великого подвига не совершил. Вот и выходит, что целых пятьдесят лет я потратил без всякой пользы и ничего этому миру не дал. Обидно… Получается, никакой я не Звездожитель, а бесполезный человечек, не нужный на Земле…”

Осознавать такой факт было горько, и Василий Ильич впал в уныние, но оно вдруг было прервано громкими молодыми голосами и смехом…

Посреди двора, окружённые со всех сторон кустами, были вкопаны металлический столик и две лавочки. Там часто по вечерам собирались компании любителей поиграть в домино или попить пиво, а то и просто местные пацаны и девчонки. Посиделки эти иной раз затягивались до глубокой ночи, если не до самого утра. Конечно, бывало, что всё заканчивалось руганью и даже мордобоем. Как говорится, дело обыденное.

Вот и сейчас это облюбованное дворовое место не пустовало.

Привлечённый шумом веселья, Василий Ильич вдруг ощутил потребность прямо сейчас пообщаться с молодёжью. Видимо, таким образом дало о себе знать его долгое учительское прошлое.

Поддавшись своему душевному порыву, он решительно направился к кустам…

* * *

Василий Ильич любил детей и звёзды — пожалуй, звёзды даже немного больше. Вот поэтому он, после педагогического института, и стал учителем астрономии в одной из городских школ. Правда, десятиклассники не

совсем уже были детьми, но поскольку в младших классах астрономию не изучали, то выбирать не приходилось. Главное, Василий Ильич видел в своей работе большую человеческую пользу, отчего ему было радостней и легче жить. Немного огорчало только, что его предмет все считали второстепенным и выделяли ему всего один час в неделю.

— Разве вы не понимаете всю важность астрономии? — бывало, в сердцах говорил он, молодой учитель, директору школы. — Ведь космический век на дворе. Дети должны её знать как можно лучше. Это же, как дважды два…

На каждом своём уроке он с упоением рассказывал о Солнечной системе, о строении Вселенной и о том, какие бывают звёзды. Он рассказывал и то, чего не было в учебнике, выискивая нужную информацию в научно-популярных журналах и телепередачах. Ради этого Василий Ильич стал выписывать "Науку и жизнь" и "Знание — сила", а когда по телевизору шли "Очевидное — невероятное" и "Человек. Земля. Вселенная", он брал ручку и записывал разные любопытные факты и новости науки, чтобы потом поделиться этим на уроке со своими учениками. В такие моменты Василий Ильич был не просто учителем, а превращался в настоящего волшебника, властвующего над классом. Его слова обретали магическую силу, пробуждая в юных умах любопытство и жажду познания. Это походило на доброе колдовство…

Жил молодой учитель с родителями в двухкомнатной кооперативной квартире. Его отец работал инженером на заводе энергетического машиностроения, производившем оборудование и стальные конструкции для промышленности родной советской страны.

"Ручной труд — на плечи машин!" — мудро заявила тогда партия, и пролетариат, идущий рука об руку с интеллигенцией, радостно откликнулся на этот лозунг. Василий Ильич гордился тем, что его отец причастен к всеобщему трудовому процессу, и сам старался не быть здесь лишним человеком. Своей задачей он считал воспитывать из подростков полноценных строителей светлого будущего. А какая же может быть полноценность без астрономии?

— Человек только тогда способен на что-то большое, когда смотрит на звёзды и смело мечтает, — однажды на уроке сказал он своим ученикам. — Мы с вами живём в таком замечательном государстве, которое заботится о каждом из нас и помогает каждому найти своё место в строительстве. Нам повезло, потому что у нас нет классового неравенства, в отличие от отсталых стран. Мы поведём за собой всю планету! Туда! — Он указал пальцем вверх, смущаясь охватившего его волнения. — К звёздам…

Мать Василия Ильича, по профессии экономист, была женщиной начитанной и умной. Она любила поговорить за ужином о тревожной обстановке в мире или о новых победах науки и техники. Бывало, между ней и отцом разгорались нешуточные споры по каким-то вопросам, и шли они с переменным успехом. Эти кухонные баталии особенно обострились, когда новый генсек Горбачёв объявил перестройку. Конечно, отец, как настоящий коммунист, всей душой и сердцем преданный партии, считал, что происходит предательство дела Ленина.

— Пойми ты, Любушка, — качая головой, твердил он, — добром всё это не кончится. Нельзя же вот так… рубить сгоряча. Ох, чую, наломает он дров…

— Да правильно он всё делает, — возражала мать. — Давно уже пора по-человечески жить и ничего не бояться. А то ведь вся страна — как большая казарма. То нельзя, это не по-советски… А партийная верхушка насквозь прогнила и мешает всем нам идти дальше к коммунизму. Заелись они там, наверху, и никуда уже не спешат…

— Много ты понимаешь! — горячился отец. — Развалит этот Михал Сергеич весь наш социализм. Как пить дать, развалит. Хлебнём ещё горя…

— Ну, и пусть разваливает. Вон, те, кто за границей побывал, такое рассказывают. Получается, не жизнь там, а сплошная сказка.

— Дура! Думай, что мелешь! — Он стучал себя кулаком по голове. — Раньше бы тебя за такие речи…

Василий Ильич радостно всматривался в творившиеся вокруг перемены, ожидая от них только хорошего. Он тоже считал, что кое-какие отдельные недостатки не мешало бы подправить…

— "Главный замысел нашей стратегии, — красиво излагал генсек с экрана телевизора, — привести в действие весь потенциал социализма… Мы хотим превратить нашу страну в образец высокоразвитого государства, в общество самой передовой экономики, самой широкой демократии, самой гуманной и высокой нравственности, где трудящийся человек чувствовал бы себя полноправным хозяином, мог пользоваться всеми благами материальной и духовной культуры, где надёжно будущее его детей, где он располагал бы всем, что нужно для полнокровной, содержательной жизни…"

Он выражался заковыристыми фразами, и понять их иной раз было непросто. Звучало всё это заманчиво и непривычно: плюрализм, рыночная экономика, новое мышление, демократия, хозрасчёт.

Страна всколыхнулась во всеобщем желании жить по-новому.

— Процесс пошёл, — воодушевлял страну Михаил Сергеевич…

В отношении женского пола Василий Ильич, как и всякий настоящий романтик, с юности испытывал застенчивость, мешавшую ему обрести семейное благополучие. В свои двадцать восемь лет он всё ещё был одинок, изнывая от отсутствия женской ласки, и его пылкое сердце неистово жаждало возвышенной любви.

Одна из школьных учительниц, проявив сердобольность, познакомила его с подругой, которая тоже никак не могла устроить своё личное счастье.

Они встретились в городском парке, у летнего кинотеатра, и эта встреча, случившаяся в самом конце августа, наполнила душу Василия Ильича трепетом и новым смыслом жизни. Он сразу же влюбился в большие, синие глаза, таящие в себе ожидание чуда, и в добрую, скромную улыбку девушки, работавшей экономистом. Её имя Надя показалось молодому человеку самым красивым из всех женских имён.

В тот вечер они долго гуляли вдвоём, и учитель астрономии с упоением рассказывал о звёздах и планетах, и о том, как когда-нибудь люди полетят на фотонных кораблях к иным мирам — к Альфе Центавра, Сириусу, Бетельгейзе, а потом ещё дальше. Он говорил и говорил, чувствуя рядом с собой родного человека, нуждающегося в его словах.

— Придёт время, когда люди наконец-то поймут, что все они есть звездожители, а значит, должны жить, как истинно разумные существа. Тогда сразу прекратятся все войны и всякие распри, и земляне, вместе и дружно, возьмутся за одно общее, грандиозное дело — осваивать Вселенную. — Василий Ильич замолчал, размышляя над своими словами, затем вздохнул. — Жаль, мы не увидим эту новую жизнь…

— Тебя так приятно слушать, — тихо сказала Надя, взяв его под руку. — Я даже сама начинаю представлять, как всё это будет. Все занимаются только любимым делом, и нет никакой преступности, никакой классовой эксплуатации… только труд и созидание… Как это здорово…

Уже давно стемнело, и чистое звёздное небо простиралось над гуляющей парой. Окна в домах гасли одно за другим — люди ложились спать, чтобы начать с утра новый рабочий день.

Неожиданно Василий Ильич каким-то неведомым шестым чувством понял, что Надя ждёт от него ещё каких-то других и очень важных слов.

— А хочешь, я буду рассказывать тебе о звёздах каждый вечер? — От собственной смелости его охватила дрожь, а сердце бешено заколотилось в груди.

— Да, — едва слышно ответила девушка. — Хочу.

Она смотрела ему прямо в глаза. Её взгляд был тёплым и ясным, и в нём было ещё что-то такое, от чего хотелось оторваться от поверхности Земли и унестись туда, где нет земного тяготения. Наверное, в этот миг где-то на другом краю Галактики вспыхнула сверхновая звезда, и тепло этой вспышки приятной волной настигло молодого человека…

Они сыграли свадьбу той же осенью, образовав свою "ячейку общества" и вместе зашагав навстречу счастливому будущему…

* * *

Между тем, жизнь в стране менялась с каждым годом, но менялась как-то нехорошо и не понятно, в каком направлении. Прилавки магазинов опустели и появились талоны на продукты, а генсек назвал себя президентом, как в заокеанской Америке. После этого начались и вовсе немыслимые вещи. Страна как будто сошла с ума от непомерной жажды свободы и красивой жизни.

— Я с оптимизмом смотрю в будущее и готов к энергичным действиям, — заявил принявший присягу на верность народу и Конституции Борис Ельцин — большой мужик с сипловатым голосом. — Великая Россия поднимается с колен!..

Затем в Москве произошли события ранее невиданные и пугающие. Случился неудачный путч ГКЧП, после которого партия перестала быть умом, честью и совестью народа.

— Союз Советских Социалистических Республик прекращает своё существование, — радостно и гордо объявил Борис Ельцин.

Горбачёв ушёл в отставку, почему-то доложив об этом господину Бушу.

Отец запил, и запои его делались всё тяжелее и дольше. Мать пыталась образумить его, то яростно набрасываясь с кулаками и проклятиями, то умоляя взять себя в руки и бросить пить. Но ничего не помогало.

— Эх, Любаша-Любаша, — говорил он с горестным выражением на лице, — как же ты не поймёшь, что мне тошно жить от того, что они сотворили с нашей страной… Ну, как же тут не пить?..

И однажды утром сердце отца не выдержало таких испытаний и разорвалось — смерть была быстрой, и приехавшая бригада "скорой помощи" уже ничем не могла помочь.

Но это была только первая большая беда в семье Василия Ильича. А вторая случилась на следующий год, когда его жена Надя уже готовилась стать матерью. При родах что-то пошло не так, и плод долго не могли извлечь из лона. А когда ребёнка всё же вытащили, то сразу куда-то унесли, после чего к роженице пришёл врач и сурово произнёс ужасные слова:

— Ваша дочка погибла. Извините.

И несчастным родителям отдали крошечную мёртвую девочку, которая не успела пожить и узнать этот огромный и прекрасный мир. А когда на похоронах заколачивали крышку маленького гробика, Василий Ильич заплакал и нисколько не стыдился своих мужских слёз.

Врачи сообщили ему, что у его жены больные почки, из-за чего всё так и получилось, и что ещё одни роды она не переживёт. Конечно, это известие стало для него сильной душевной травмой, ведь он не меньше Нади мечтал о ребёнке, а теперь оказалось, что жена его вообще никогда больше не сможет родить. И всё же он по-прежнему любил её и в душе надеялся на то, что медицина очень скоро найдёт способы, как можно будет рожать и с больными почками.

Тем временем жизнь потихоньку шла дальше. Василий Ильич продолжал рассказывать детям о звёздах, забывая в работе своё горе. Но мысли его время от времени возвращались к умершей при рождении дочке, и тогда ему становилось очень тоскливо. А однажды он увидел удивительный, яркий сон, сильно потрясший его. Ему приснилось маленькое лучезарное существо, которое свободно перемещалось в космическом пространстве и заряжалось от энергии звёзд. Это существо радовалось жизни и заливалось задорным детским смехом.

— Папа, мне здесь так здорово! — весело закричало оно. — Мы играем, и нам хорошо!..

И он увидел множество других таких же сияющих существ, резвящихся на просторах Вселенной. Они гонялись друг за дружкой от звезды к звезде и заполняли пустоту эфира своими звонкими голосами.

Василий Ильич пробудился посреди ночи и понял, что видел в этом сне свою дочку. Он встал и, выйдя на балкон, долго смотрел на мерцающее звёздами небо, словно надеялся разглядеть в нём тех лучезарных существ. По его щекам катились слёзы…

Отныне в него вселилась необъяснимая уверенность в том, что душа его ребёнка живёт где-то там, в бесконечных космических далях, и ей там очень хорошо.

* * *

Планета встретила новое тысячелетие, и Василий Ильич, как человек передовых взглядов, ожидал от него многих величайших научных потрясений и открытий.

— Ребята, даже самая смелая фантазия не в состоянии предположить всего того, что ждёт нас в эту тысячу лет, — говорил он ученикам на своих уроках. — Но я нисколько не сомневаюсь в одном. Люди обязательно достигнут других звёзд. Как именно это произойдёт, я не знаю, но это будет…

Борис Ельцин ушёл в отставку, и во главе страны стал новый президент, который заявил:

— Мы верим в свои силы, в то, что мы можем по-настоящему преобразовать и преобразить страну. У нас общие цели, мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся её граждане и которую уважают в мире… Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю, это то, что буду работать открыто и честно…

Вскоре стало ясно, что этот новый президент слов на ветер не бросает. Он быстро навёл порядок на Кавказе, и люди там, после двух кровавых войн, наконец-то зажили более-менее спокойно.

Василий Ильич воспринял эти события с радостным волнением, теперь закономерно ожидая, что изменения начнутся и в мирной жизни страны. И они начались, но почему-то всё менялось как-то очень странно.

Вот и в школах тоже происходили перемены, мало понятные учительскому уму. Так, вместо обычных выпускных экзаменов “сверху” стали насаждаться тесты, которые, как утверждали большие чиновники, являются передовой системой проверки знаний.

— Советская система образования устарела и отстала от общемировых тенденций, — с умным видом заявляли эти большие чиновники. — Нам надо использовать опыт ведущих мировых держав и внедрять передовые методы школьного обучения…

Эти тесты обозвали неуклюжим словом ЕГЭ, вместо которого на язык всё время просилось “ЭГЕ”. Эге-ге!..

В школу откуда-то со стороны назначили нового директора — Лилию Аркадьевну. Эта сорокалетняя женщина выглядела весьма привлекательно и имела сквернейший характер. Она вела себя надменно и взбалмошно, не считаясь и не советуясь ни с кем из опытных преподавателей и устраивая взбучки по малейшему поводу. О ней ходили самые разные слухи. Так, например, судачили, будто Лилия Аркадьевна является любовницей не то какого-то крупного предпринимателя, не то большого городского начальника, а может быть, даже самого мэра.

— Настало время перемен, — заявила новая директриса на педсовете. — Я вижу в вашей школе большие упущения, и я их исправлю, чтобы добиться высоких показателей и бонусов для нашего коллектива. Но для этого я буду требовать от всех вас дисциплины и понимания. Каждый из вас должен осознавать личную ответственность за то, чтобы наша школа была на хорошем счету. Кроме того, не забывайте, что среди наших учеников есть дети богатых людей, имеющих влияние и большие связи, и к ним нужно относиться особенно внимательно…

Примерно через месяц Василий Ильич был вызван в кабинет директора.

— Я пригласила вас для серьёзного разговора, — сказала Лилия Аркадьевна, выражая на своём красивом личике крайнее недовольство. — Потому что он давно назрел… Вы не догадываетесь, почему?

— Нет, — честно ответил обескураженный таким началом Василий Ильич.

Она нахмурилась и побарабанила ухоженными пальчиками по столу.

— Хм… И это вам тоже минус… Так вот, суть в следующем. Сейчас настало время деловых, энергичных людей, прогрессивно и креативно мыслящих. А вы какой-то уж очень несовременный. Вы мне напоминаете типичного совкового интеллигентика, ни на что не способного. — Лилия Аркадьевна окинула его оценивающим взглядом и брезгливо поморщилась. — Более того, сейчас востребован голливудский тип мужчины. Этакий мачо, супермен… Вы меня понимаете? Хотя вряд ли… — Она махнула ручкой. — Спортивная фигура, стильная одежда, всё престижное… — А вы… Вы посмотрите на себя. На кого вы похожи? Какой из вас мачо?.. Взять хотя бы ваши часы… Ну, что это за вульгарность?

— Командирские. — Василий Ильич понурился. — Хорошие часы. Надёжные.

— Вот и я о том же. Никакого вкуса… Да как вы вообще можете чему-то научить современных детей?

— Извините меня, но при чём здесь мачо? — попытался возразить Василий Ильич. — Я же учитель астрономии и физики и отлично знаю свои предметы.

— Вот видите, вы не понимаете такую простую вещь, — с укором произнесла Лилия Аркадьевна. — А значит, вы безнадёжно отстали от времени и упорно не желаете идти с ним в ногу.

— С кем в ногу? — не понял Василий Ильич.

— Со временем, дорогой мой. Со вре-ме-нем! — Директриса покачала головой. — К тому же, вы постоянно критикуете современную систему образования, а это уже похоже на саботаж. В общем так… Или вы сделаете для себя выводы из того, что я вам сейчас сказала, или мы с вами расстанемся. Вам понятно?

— Да, — ответил Василий Ильич.

После этого разговора он долго думал над словами Лилии Аркадьевны, искренне пытаясь понять, какие именно выводы он должен сделать, но так и не пришёл ни к чему определённому.

“Я же им о звёздах говорю, а она мне про мачо… Нет, не понимаю я этого. При чём здесь мачо?..”

В самом конце учебного года Лилия Аркадьевна вновь вызвала его к себе в кабинет. Она была одета в облегающее чёрное платье с переливами и с глубоким декольте, и Василий Ильич подумал, что такая женщина, казалось бы, должна быть переполнена любовью и нежностью, но почему-то она совсем другая.

— У меня для вас не очень приятная новость, — строго произнесла она, переплетя перед собой на столе пальцы рук. — Видите ли, современная система образования не стоит на месте. Она постоянно развивается. Надеюсь, вы это признаёте?

— Признаю, — ответил Василий Ильич, смущённо взглядывая на декольте.

— Так вот… В следующем учебном году такой предмет, как астрономия, исключён из школьной программы.

— То есть как это… исключён? — Василию Ильичу показалось, что он ослышался. Слишком уж дико прозвучала эта фраза.

— Да вот так. — Лилия Аркадьевна картинным жестом поправила причёску. — Всё, астрономии в школе больше нет.

— Может, это какая-то ошибка? — предположил Василий Ильич.

— Никакой ошибки. Более того, лично я полностью согласна с таким решением. Зачем забивать детям головы всякими там звёздами и чёрными дырами? Детей нужно готовить к жизни здесь, на нашей планете и в нашем

обществе. Они должны думать о том, как стать в этой жизни успешными людьми. А ваши звёзды только отвлекают от первостепенных задач и насущных проблем, мешают сосредоточиться на главном.

— А что же, по-вашему, первостепенное и главное? — набравшись смелости, спросил Василий Ильич.

Лилия Аркадьевна посмотрела на него так, будто увидела перед собой заговорившую мумию фараона.

— Вы это спросили на полном серьёзе? Если вы даже этого не знаете, то как и чему вы учите детей?

— Я учу их, в первую очередь, вечным ценностям, доброму и прекрасному! — пылко произнёс он.

Лилия Аркадьевна скривилась в презрительной ухмылке.

— Ах, бросьте вы нести эту чушь. Учить надо тому, что пригодится во взрослой, самостоятельной жизни. В общем, так… Вот вам лист бумаги. Пишите заявление. Вы сокращены.

— Но я же веду ещё и физику, — с вызовом произнёс Василий Ильич.

— Физику? — Лилия Аркадьевна стала перекладывать на столе какие-то бумаги, не глядя на собеседника. — Ничего страшного. Физику может вести Наталья Валерьевна, она не сильно загружена.

— Но ведь Наталья Валерьевна преподаёт химию! Это же разные науки.

— Ну, не такие уж и разные, если разобраться. — Она вновь стала недовольной. — Это две смежные области естествознания. Физика изучает законы природы, материю, её структуру и движение, а химия — строение, состав и свойства веществ. В принципе, всё это взаимосвязано. Если вы не забыли, есть даже такая наука как химическая физика. Так что, думаю, Наталья Валерьевна прекрасно справится. Но зато наш коллектив станет более… монолитным и подтянутым. А то вы как-то уж слишком выбиваетесь из него, вносите дисгармонию, идёте, так сказать, не в ногу со всеми. А коллектив должен быть единым целым, чтобы добиться высоких показателей в работе. Сейчас не то время, чтобы из-за одной, извините меня, паршивой овцы страдало всё стадо. А сознательно лишаться дополнительных бонусов — это просто глупо. Так что пишите заявление, и до свидания…

Это событие, после смерти отца и дочурки, стало в жизни Василия Ильича третьей огромной трагедией. Он долго и тяжело переживал её и даже запил, но потом спохватился и нашёл в себе душевные силы "завязать" с выпивкой, чтобы не повторить судьбу отца. И всё же, в его разуме никак не укладывалось то, что астрономию убрали из школьной программы.

— Как же так? — спрашивал он вслух сам у себя, словно надеялся услышать ответ на свой вопрос. — Двадцать первый век на дворе, а они астрономию убрали… Да разве ж это можно? Мы же вперёд должны двигаться, туда… к звёздам… Нельзя ведь нам без звёзд, никак нельзя… Не может без них человек полноценно развиваться… Не может…

Душа учителя терзалась и кручинилась. Он всегда считал школу пристанищем юных звездожителей, которым предстоит творить и созидать. Это пристанище, прежде всего, должно помогать им становиться настоящими людьми, устремлёнными в звёздное будущее человечества. Ну и, конечно, оно обязано снабжать их всеми необходимыми для этого знаниями.

А тут — какие-то показатели и бонусы! Полный абсурд…

* * *

Так началась у Василия Ильича новая жизнь, в которой он пытался найти себе применение. Поиск работы оказался затруднительным, поскольку бывший школьный учитель не умел ничего другого, кроме как учить, и брать его никуда не хотели. Не оставалось ничего другого, как идти работать дворником либо охранником.

Тут случайно ему на глаза попалось объявление о том, что требуются охранники на завод железобетонных конструкций. Так определилась его дальнейшая судьба.

Раньше, в советские времена, этот завод принадлежал государству и производил продукцию не только для области, но и в масштабах всего Черноземья: плиты, сваи, ступени, прогоны, стенные блоки и многое другое. Теперь же, после того как перестала существовать великая страна социализма и идею о всеобщем равенстве назвали вредной и бредовой, заводом стали владеть несколько человек. Хоть Василий Ильич и считал их буржуями, но деваться ему было некуда, потому что нужны были деньги для более-менее приемлемого существования.

Постепенно он привык к своей новой работе и к новому коллективу. К тому же, его радовало, что завод не умер, как многие другие предприятия, и, пережив лихие времена, продолжал давать продукцию и даже развивался — приобретал современные станки и внедрял передовые технологии производства.

Почти все охранники — бывшие военные, бывшие сотрудники милиции или тюрем, бывшие специалисты в той или иной профессии… Кто-то из них уже успел выслужить пенсию, а кто-то просто оказался вдруг лишним там, где проработал долгие годы, ненужным в том деле, которое любил и считал для себя самым важным. Вот и Василий Ильич был из числа таких бедолаг. Он не мыслил себя без школы, без астрономии и сияющих радостью познания детских глаз.

А ещё очень часто в звучащем в школьных коридорах детском смехе ему мерещился голос его дочери. Эта иллюзия стала навязчивой и возникала всё чаще и чаще, будоража сознание и душу. В такие моменты Василию Ильичу начинало казаться, будто дочка жива и здорова и сейчас тоже бегает по этой школе, играя с подругами в какую-нибудь весёлую игру. А иногда в его голове вдруг вспыхивала дикая мысль, что душа дочки и в самом деле временами проведывает своего папу на работе…

И вот в одночасье он лишился любимого дела и всего того, что было так дорого его сердцу и являлось неотъемлемой частью его жизни: исписанной мелом чёрной классной доски, пытливых взглядов учеников и особой атмосферы, заполняющей школу…

Василий Ильич заступал на дежурство со своей сменой на сутки, после чего у него было три дня выходных. Такой график работы был ему вполне удобен, так что вскоре все мрачные думы покинули бывшего учителя астрономии, и он примирился с этой новой жизненной реальностью. В конце концов, она являлась далеко не самой худшей…

Только вот с женой его происходили нехорошие изменения. Видно, горе надломило её, и Надя всё больше и больше делалась склочной и вредной, могла устроить скандал из-за всякого пустяка. Она внезапно набрасывалась на мужа, обвиняя его в том, что он “рохля”, “тюфяк” и вообще “невдалый”. А иногда ни с того ни с сего начинала рыдать и стенать, становясь несчастной.

— Наденька, ну, прекрати, ну, не надо, — каждый раз пытался он успокаивать он жену. — Помнишь, как я тебе рассказывал о звёздах?

— Да пропади ты пропадом со своими звёздами! — кричала она в ответ, и эти её слова наполняли душу бывшего учителя астрономии горечью и унынием.

Год за годом жена всё сильней и сильней отдалялась от него как душой, так и телом, от её былой любви и нежности не осталось и следа, и ни о какой близости с ней уже не было и речи. Мужики, работавшие вместе с Василием Ильичом, советовали ему развестись и найти себе другую женщину, которая будет его любить и родит для него. Но он не допускал об этом даже мысли, потому что ему было жалко Наденьку. В его памяти всплывали картины того счастливого прошлого, когда красивая молодая женщина с глубокими, как море, синими глазами слушала его рассказы о звёздах и целовала так, что земля уходила из-под ног.

“Да как же я могу бросить её? Пусть она и превратилась теперь в зловредную бабу, пусть и нет уж между нами той любви, всё равно… Предавать наше прошлое нельзя! Это будет величайшая на свете подлость!..”

И когда Василию Ильичу становилось от такой жизни совсем невмоготу, он смотрел на звёзды, и их мерцание в небе приносило его измученной душе облегчение и покой, действуя лучше любого лекарства…

* * *

Свет фонарей позволял хорошо рассмотреть всё происходящее. За столиком сидели два парня и девушка. Всем им на вид было лет по семнадцать-восемнадцать. Перед ними стояли три открытые бутылки пива и лежали распечатанные упаковки с чипсами и арахисом.

— Добрый вечер, молодёжь, — поздоровался Василий Ильич, обратив внимание на то, что у девушки перебинтовано запястье левой руки. — Не помешаю?

— Ну, это как посмотреть, — недружелюбно ответил один из парней. Он был крепкого телосложения и очень коротко, почти под "ноль", стриженный. Его гардероб состоял из чёрной майки, обтягивающей мускулистый торс, и шортов камуфляжной раскраски.

Девушка хихикнула и отхлебнула из бутылки. Розовая маечка отлично смотрелась на её стройной фигуре, облегая и подчёркивая полную грудь. С левой стороны нос девушки был украшен золотистым колечком с застёжкой-шариком.

— Решил вот пообщаться с подрастающим поколением. — Не обращая внимания на реакцию сидевших, Василий Ильич подошёл вплотную к столику. — Хочется знать, чем вы живёте, что вас волнует.

— Мужик, тебе скучно, что ли? — спросил второй парень — худой и чернявый. Он был одет в узкие джинсы цвета индиго и коричневую футболку, разрисованную какими-то абстракциями и надписями на английском языке. — Или ты больной?

— А может, он маньяк? — предположила девушка и опять хихикнула.

— Точно, Катюха, маньяк! — засмеялся худой парень.

— Да никакой я не маньяк. — Василий Ильич слегка растерялся. — Просто раньше я учителем был…

— Ну, ёлы-палы! Охренеть… — Парень в шортах нахмурился. — Не люблю учителей. — Он сделал пару глотков из своей бутылки. — Достали они уже. Корчат из себя умных и грузят всякой фигнёй, а сами лохи по жизни.

— Почему это? — ещё больше растерялся Василий Ильич, который немного понимал молодёжный сленг. Ему никогда не приходило в голову, что ученики могут считать его "лохом".

— Да потому! — Парень в шортах осклабился, продемонстрировав свои крепкие белые зубы, указывающие на отменное здоровье их обладателя. — Чего тут непонятного? Есть такая поговорка… Если ты умный, то почему не богатый?.. А если лох, то нечего мозги другим пудрить…

Василий Ильич застыл на месте, пронзённый страшной догадкой, что он и в самом деле кажется этим молодым людям неудачником, который не умеет права учить других, поскольку сам не добился известности и достатка.

— Но… нельзя же судить о человеке только по его обеспеченности, — неуверенно возразил он.

— Да туфта это! — Худой парень махнул рукой. — Бабло сейчас всё решает. У кого оно есть, тому и уважуха.

— Ладно, дядя, садись с нами, — великодушно разрешил крепкий. — Пиво будешь? — Он достал из большой чёрной сумки, стоявшей под столом, ещё одну бутылку и открыл её.

— Спасибо. — Василий Ильич скромно присел на край скамейки рядом с худым парнем и оказался как раз напротив девушки, которая смотрела на него насмешливо и даже чуть-чуть презрительно.

У неё были густые тёмные волосы, свободно спадавшие на плечи и спину.

— Ну, за тех, кто умеет жить! — Парень в шортах поднял бутылку и хорошенько приложился к ней.

— Лёха, чё там Серый? — спросил худой у своего приятеля. — Тачилу новую батя ему подогнал или как?

— Да, “Шевроле Круз”, — ответил тот, поморщившись.

— Нехило.

— Ага, нехило… Ну, а чо там твоя Танюха?

— Да задолбала уже, коза. Выделывается много. По ходу, цену себе набивает.

— Может, и набивает. — Лёха пожал атлетическими плечами.

Свою речь парни щедро и непринуждённо подкрепляли матерными словечками, ничуть не стесняясь присутствия взрослого человека и девушки, а та явно привыкла к таким лексическим оборотам, воспринимая их вполне спокойно, как должное.

Такое зрелище всегда угнетало Василия Ильича, который считал неприемлемым для нормального мужчины выражаться при женщине. Но ещё больше он впадал в уныние, когда женщина без смущения слушала сквернословие.

Он решил вмешаться в разговор парней и как-то перевести его на другую, более приятную тему.

— Вот так и живём мы на задворках Галактики. — Василий Ильич покачал головой. — Всё про машины думаем да про богатства.

— Чего-чего? — Худой удивлённо уставился на него. — Ты чо несёшь, дядя?

— Говорю, провинция ведь мы, по сути, окраина. Вот если бы поближе к центру… Может, уже и нашли бы братьев по разуму.

— Почему окраина? — спросил Лёха, который, похоже, был более сообразительным, чем его приятель.

— Как почему? Ведь наша Солнечная система, ребятки, находится почти у самого края галактического диска. Стало быть, на отшибе.

— Да? — Лёха хмыкнул и вроде как призадумался.

За столом на минуту воцарилось молчание.

— И что из этого? — неожиданно спросила Катя.

— Как что? — Василий Ильич всплеснул руками. — Да то, что в центре Галактики звёзды намного ближе друг к другу, а значит, там легче перелетать от одной звезды к другой. — Он встрепенулся, так как вдруг понял, что эти подростки совсем ничего не знают об основах астрономии. — А вы что, астрономию в школе не изучали?

— Нет, у нас её не было. — Лёха стал ещё более задумчивым.

— И у нас тоже, — тихо сказала Катя.

Худой промолчал и, схватив бутылку, сделал несколько глотков.

— Наша звезда Солнце, вместе с планетами и, соответственно, с Землёй вращается вокруг центра Галактики со скоростью двести тридцать километров в секунду, — начал излагать Василий Ильич.

— Не слабо! — изумился Лёха.

— А чтобы пересечь нашу Галактику от края до края, нужно лететь со скоростью света примерно сто тысяч лет. — Василий Ильич вновь ощутил себя учителем во время урока, и это приятное ощущение вдохновило его. — Таким образом, Земля делает один полный оборот вокруг центра галактики где-то за двести миллионов лет.

Худой присвистнул.

— Чо, в натуре? Не гони!

— Да, учёные давно уже вычислили эти величины.

— Жесть, — тихо произнесла Катя. Она протянула руку к бутылке, но так и не взяла её, словно решила больше не пить.

— Космические масштабы, ребята, грандиозны. Если попытаться их представить, то аж дух захватывает.

— Ну, и на фига нам всё это нужно? — Худой поднял бутылку пива и покачал ею перед Василием Ильичом. — Вот от пива есть хоть какой-то толк, а от этих твоих звёзд какой? А? Катюха, тебе эти звёзды нужны?

Девушка не ответила, и парень взглянул на неё удивлённо.

— Ведь мироздание это… необычайно сложная и интересная штука, — с упоением произнёс Василий Ильич.

— Да чо там интересного-то? — Худой вдруг прыснул со смеху. — Звёзды какие-то… галактики… Дядя, не исполняй. Муть всё это.

— Вот взять хотя бы нас, — продолжал, не замечая насмешек, Василий Ильич. — Мы тут сидим сейчас и даже не чувствуем, что движемся в пространстве. Причём, совершаем сразу несколько движений.

— Как это? — с неподдельным интересом спросил Лёха.

— Да так… Во-первых, Земля вращается вокруг Солнца, а вместе с ним — вокруг центра Галактики. А во-вторых, сама Галактика летит по Вселенной.

— Куда? — невольно вырвалось у девушки.

Василий Ильич улыбнулся ей и пожал плечами.

— Куда летит, пока точно не известно, но куда-то летит со скоростью двадцать пять километров в секунду. У учёных на этот счёт есть несколько мнений. Одни считают, что весь наш Млечный Путь тоже вращается вокруг некоего центра Вселенной. Другие же предполагают, будто мы летим к Великому аттрактору.

— Куда-куда? — Худой выпучил глаза.

— К Великому аттрактору, — повторил Василий Ильич, испытывая трепет от этого таинственного словосочетания. — Это такое гигантское сверхскопление галактик, которое притягивает к себе все галактики. По крайней мере, как показывают наблюдения, многие галактики летят именно туда. Но мы пока что находимся очень-очень далеко от Великого аттрактора. Нас разделяют целых двести пятьдесят миллионов световых лет космического пространства. Так что долетим мы туда ещё ох, как не скоро. На Земле успеют родиться и умереть десятки тысяч поколений людей.

— А что будет потом? — тихо спросила Катя. — Когда Земля долетит туда?

— Потом? — Василий Ильич заметил, что все трое внимательно слушают его. — Ну… трудно сказать определённо. Может быть, ничего страшного и не случится, а возможно, произойдёт колоссальная вселенская катастрофа — наша Галактика разрушится, и жизнь на Земле прекратится. В общем, варианты разные.

Он замолчал и посмотрел на звёздное небо.

— Этот мир удивителен и прекрасен в своей грандиозности. Эх, завидую я тем, кто будет жить спустя тысячелетие после нас. Думаю, они непременно найдут способ долететь до самых дальних уголков Млечного Пути или даже выбраться за его пределы. Быть может, наши далёкие потомки узнают об этом мире что-то такое, о чём мы даже не догадываемся. Они поселятся на других планетах и будут строить космические города. И, конечно же, отыщут наших собратьев по разуму…

Василий Ильич замолчал и, закрыв глаза, стал представлять то, о чём сейчас говорил. Яркие, красочные картинки этой будущей, фантастической жизни будоражили его душу.

— Да, крутая будет житуха, — задумчиво произнёс Лёха и почесал затылок.

— Не то что сейчас, — грустно добавила Катя.

— А что, я бы полетел. — В глазах Лёхи появился дерзкий вызов.

— Куда? — не понял его товарищ.

— Туда. — Лёха тоже посмотрел на небо. — За пределы.

— И я бы полетела, — сказала девушка.

— Вау, Катюха! — Худой показал рукой “класс”. — Моя ты космонавтка.

Он попытался обнять девушку, но получил решительный отпор.

— Не понял? — на лице парня появилось удивление. — Ты чо?

— Да ничо! — Катя отодвинулась на край скамейки. — Достал уже!

— О, блин. — Худой был явно озадачен таким поведением подруги. — Ты чо, перед дядей понтуешься?

— Да ничо я не понтуюсь, — раздражённо ответила она. — Дай послушать.

— Нет, ты видел, Лёха? — Худой ещё больше изумился. — Этот… нам тут всякую туфту прогоняет, а Катюха ведётся. Давай лучше я тебе расскажу… — Он опять полез к девушке и вновь встретил её сопротивление.

— Да чо ты ломаешься, в натуре? — уже с нотками обиды произнёс худой и взглянул на приятеля, видно, ища у того поддержки.

— Погоди, Славян, — не поддержал его Лёха. — Пусть дядя ещё расскажет. Человек вон какую тему развил.

После таких слов худой, видно, вконец растерялся.

— Ну-ну, — недовольно проворчал он и приложился к бутылке.

Василий Ильич смотрел на Катю, и ему всё сильней и сильней казалось, будто перед ним сидит его собственная дочь.

"А ведь она была бы сейчас где-то такого же возраста", — пришла к нему в голову мысль.

А потом он содрогнулся от немыслимого предположения, что тогда, восемнадцать лет назад, в роддоме произошла какая-то чудовищная ошибка — умер не его, а чей-то чужой младенец, а врачи почему-то перепутали… "Перепутали! Ну, конечно!.. Как же я сразу-то это не понял?! Вот болван… Но как такое могло случиться? Почему?.." Он уже нисколько не сомневался, что именно так всё и было, и вновь украдкой оглядел сидящую за столом девушку. Его разум продолжали волновать невероятные догадки. "А что, если это она и есть? Выросла и теперь вот сидит здесь… Ведь такое вполне может быть! Ведь в жизни возможны ещё и не такие завихрения!.."

— Катюша, а родители у тебя есть? — спросил Василий Ильич, не вынеся всех этих душевных терзаний.

— Зачем вам? — насторожилась она.

— Да так… просто интересно, — уклончиво ответил он.

— По ходу, дядька хочет тебя удочерить, — выдвинул версию Славян и тут же глупо захохотал.

— Губа не дура. — Лёха хмыкнул. — Я бы тебя, Катюха, тоже удочерил.

Василий Ильич пропустил эти остроты мимо ушей. Он напрягся, ожидая, что ответит девушка.

— Да есть у меня родители, есть, — недовольно произнесла она. — Только уж лучше бы их и вовсе не было, чем такие.

— Почему так? — обеспокоился Василий Ильич.

— Да потому. — Катя вдруг разозлилась. — Чего тут непонятного? Отец всё морали мне читает, поучает, как надо жить, а сам… Работает на заводе токарем. Зарплата — курам на смех. Зато на водку у него всегда заначка есть. Папаня, тоже мне, блин…

В её последней фразе слышались обида и презрение.

— А мать что? — спросил Василий Ильич.

— Да… — девушка махнула рукой. — Воспитательница в детском саду.

— Ну, так что здесь плохого? Хорошая профессия.

— Ага, очень. — Она поморщилась.

— К тому же, очень нужная работа для общества.

— Оно и видно по зарплате, — с сарказмом сказала Катя.

— В конце концов, не всё в этом мире измеряется деньгами.

— Да врёте вы! — гневно воскликнула девушка. — Всё измеряется деньгами! Всё-всё!

— А совесть? — растерявшись, спросил Василий Ильич.

— И совесть тоже. Да и кому она нужна, эта ваша совесть?

— Как это кому? Всем она нужна, Катюша, всем. Мне нужна, тебе, им вот тоже нужна. Всем… Только каждый это понимает в своё время, когда приходит срок.

За столиком на пару минут воцарилась тишина. Лёха задумчиво крутил в руке пустую бутылку из-под пива. Славян перестал ухмыляться и ехидничать и выглядел сейчас так, словно в чём-то провинился.

— А расскажите ещё чего-нибудь… ну, про космос, — вдруг попросил Лёха.

— Ещё что-нибудь? — Василий Ильич повеселел. Эта просьба парня показалась ему своего рода криком души человека, который неожиданно для

себя осознал, что долгое время был лишён чего-то очень хорошего. — Ладно, расскажу.

Он призадумался, подыскивая в уме что-нибудь поинтересней. В сущности, он знал и мог рассказать о Вселенной много всего: о рождении и смерти звёзд, о Чёрных Дырах и Кротовых Норах, о газопылевых туманностях и гравитационных линзах, о том, какие бывают галактики, и про квазары. Но тут Василий Ильич вспомнил о гениальном русском учёном-самоучке, изобретателе, мечтателе и философе космоса…

— А что вы, ребятки, знаете о Циолковском? — спросил он.

— Кто такой? — Лёха вопросительно взглянул на Славяна, но тот лишь пожал худыми плечами.

— Где-то я эту фамилию слышала, — сказала Катя.

— Неужели вы о нём ничего не знаете? — изумился Василий Ильич. — А ведь это ему принадлежит знаменитая фраза: "Планета есть колыбель разума, но нельзя же вечно жить в колыбели".

— Сильно сказано, — похвалил Лёха.

— Сильно, — согласился Василий Ильич. — Он был простым школьным учителем, таким же, как я. Но этот человек предрёк создание ракет и космических кораблей и даже рассчитал траекторию их движения. Но не только… Ещё он выдвинул идеи космического лифта и поезда на воздушной подушке, орбитальных станций и гигантских инженерных сооружений вокруг звёзд… — Василий Ильич вновь распалился. — Как большой романтик, Константин Эдуардович мечтал о том, как люди переселятся в огромные космические города и превратятся в "эфирных жителей"… Ведь это же здорово, да?.. В своих грёзах он видел, что мы преобразуем всю нашу планету и превратим её в единый Большой Дом человечества, где всё будет устроено разумно и органично. Этот учёный верил в силу человеческого разума и в то, что мы не одиноки во Вселенной. Вот такой это был удивительный человек… У него была своя небольшая мастерская с токарным станком, где он изготовил макет дирижабля. А жил Циолковский на одну скромную зарплату. Но его труды и фантазии помогли проторить дорогу в космос. Вот так-то…

Василий Ильич растрогался от переполнявших его чувств.

— Круто, — констатировал Лёха.

— Угу, — согласился Славян.

— Он был настоящим звездожителем, — высказал Василий Ильич потаённую мысль, — и всю жизнь шёл к осуществлению своей заветной мечты. У каждого непременно должна быть большая и светлая мечта, тогда ему легче преодолевать любые беды и трудности жизни.

— О, у меня есть такая мечта. — Славян осклабился. — Я мечтаю о белом "мерине".

— Это о "Мерседесе", что ли? — догадался Василий Ильич и вздохнул. — Нет, с такой мечтой тебе легче никогда не будет.

— Чо это? — Славян нахохлился. — Чем она плохая?

— Потому что это слишком приземлённая мечта, слишком меркантильная… Она не возвышает человека, а, наоборот, делает его рабом какой-то вещи…

В сумочке девушки заиграла музыка. Катя достала оттуда симпатичный розовый мобильник, глянула на экранчик и нажала кнопку.

— Да, мам… Гуляю с друзьями… Нет, всё нормально… Скоро буду…

Она отключила телефон и спрятала его обратно в сумочку.

— Ты чо, домой собралась? — насторожился Лёха.

— Да, пойду сейчас.

— Катюха, опять гонишь? — недовольно пробурчал Славян.

— Да пошёл ты! — огрызнулась она.

— Чо это с ней, а? — Славян недоумённо посмотрел на Лёху.

— Да пусть идёт, — отмахнулся Лёха. — Сама потом прибежит.

Девушка порывисто встала и повесила на плечо сумочку.

— Спасибо вам за вечер, — сказала она Василию Ильичу. — Вы извините нас.

— Да за что же? — взволнованно спросил он, внимательно вглядываясь в лицо Кати.

— Ну… нагрубили вам. — Девушка виновато улыбнулась.

— Просто возраст у вас такой. — Василий Ильич растрогался от её слов. — Трудный у вас возраст. Вы взрослеете, вот и дерзите взрослым, показываете, что и вы в этом мире уже что-то значите. Но лучше свою значимость доказывать какими-то серьёзными и хорошими делами. А дерзость нужна тогда, когда вы встречаетесь лицом к лицу со злом и подлостью. Впрочем, всё это банальные, избитые истины…

— До свидания, — сказала девушка, протянув ему руку. — Ой, а мы ведь даже не знаем, как вас зовут…

Василий Ильич понял, что девушка смутилась, и это было хорошим признаком. Он представился, пожав Кате правую руку.

— Ты только так больше не делай, — кивнул он на её левую, перевязанную бинтом. — Не надо. Хорошо?

— Хорошо, — после паузы ответила она. — Наверное, теперь больше не буду… Ну, я пойду.

— Всего тебе доброго, — пожелал ей Василий Ильич, чувствуя в душе отцовскую нежность.

— И вам тоже.

— Катюха, тебя проводить? — неуверенно спросил Лёха.

— Спасибо, не надо. — Девушка окинула своих приятелей и столик взглядом, полным сожаления, и пошла прочь.

— Ну, и пусть валит, — буркнул Славян. — Сама потом прибежит. У неё вечно в голове каша. Сама не знает, чего хочет.

— Парень ей хороший нужен, — сказал Василий Ильич. — Чтобы любил и заботился.

Славян ошарашенно уставился на него, обдумывая услышанное.

Лёха хотел было что-то сказать, но лишь хмыкнул и глотнул из бутылки пиво.

Тут Василий Ильич вспомнил, что дома его уже заждалась жена, которая, конечно, теперь будет гневаться и ругаться.

— Ну, ладно, молодёжь, пора и мне, а то что-то засиделся я с вами.

Он встал и, пожав парням руки, в приподнятом настроении пошёл к своему подъезду.

— Удачи вам, — раздался за его спиной голос Лёхи.

У дверей подъезда Василий Ильич остановился и оглядел двор, в котором прожил уже два десятка лет. Его душу переполняло ликование, потому что сегодня вечером он вновь ощутил себя школьным учителем, который провёл очередной свой урок. Причём урок этот, пожалуй, был одним из лучших в его жизни. Да, сегодня не было школьных парт и доски на стене, да и сам класс, в сущности, отсутствовал. И, тем не менее, этим прекрасным уроком смело можно было гордиться.

АНАСТАСИЯ КИНАШ

БУДЕТ ВРЕМЯ ДЛЯ ЖИЗНИ

* * *

На Пасху отношу всегда
Конфеты к брошенным могилам.
Там трав бессмертных череда
Мерцает сорным переливом.

Там нет напевной тишины —
Кругом поминки и застолья.
Стою у высохшей сосны
И наполняюсь чьей-то болью.

Кто здесь лежит в земле сухой,
В земле беспамятной и страшной?
Крестил ли в храме лоб рукой,
Грустил ли по заре вчерашней?

Ни дат, ни лиц — сплошной бурьян
От злобы солнечной их прячет.
Вам снится чёрный океан?
Вам снится звёзд огонь горячий?

КИНАШ Анастасия окончила магистратуру НИ БелГУ. Живёт в Белгороде. Работает заведующей библиотекой. Лауреат многих литературных конкурсов, участник литературного форума "Таврида"; в 2019 году вошла в лонг-лист литературной премии "Лицей". Стихи публиковались в журналах "Подъём", "Дружба народов", "Арион".

Что я могу отдать вам тут?
Конфету глупую и жалость.
Нас всех замажут, всех сотрут
Так, чтоб и буквы не осталось.

Зато трава пробьётся в сны
И облака, и птичьи тени.
И будет море тишины
И речь подземная растений.

* * *

Будет время для жизни, и будет земля для сна.
Говорю, а по мягкой ладони крадётся жук...
В этом небе глубоком осенняя жуть видна,
Но она не придёт, пока я на холме сижу.

Пока я сторожу — этот день будет вечным днём,
Будет гнуться трава, и закат тёмным тлеть огнём,
Будет чёрная тень танцевать в тростниках сухих,
Будут люди молчать, а деревья — слагать стихи.

Не ходи, не ходи, не пытайся меня забрать,
Я нужна только здесь, а для жизни меня не трожь.
Для такой немоты меня грела в объятьях мать,
Для такой простоты щекотала колени рожь.

В моём теле трещит желтизна не оживших гроз,
Я вросла в этот лес, и он тоже в меня пророс,
Звери видят мои обречённые сбыться сны,
Пока я здесь молчу, не узнать никому зимы.

Будет время для ласки, и будет чернеть гранит, —
Говорю, а из горла ни звука — истлела речь.
В этом теле бескровном любовь, как болезнь, болит,
В этом мире её только камню дано сберечь.

* * *

И любили тоже, как умели:
неуклюже, жертвенно, не впрок.

Вдоль дороги наклонялись ели,
да тянулись в небе еле-еле
облака обоймой на восток.
Куталась в платок, дрожала мама,
дед глядел на голые поля,
и звенела ледяным тамтамом
(так на кухне дребезжала рама)
мартом не согретая земля.

Жаль, любили только зря, украдкой,
неживое пряча в закрома.
Видеокассеты и тетрадки,
запах храма приторный и сладкий,
горе не от сердца — от ума.

Так живу, пытаюсь громче плакать,
целовать не в щеки — сразу в лоб.
Пришиваю тщательно заплаты,
берегу умов свои палаты
и с тупой тоской гляжу на гроб.
Каждый раз беспомощней тревоги,
каждый час безропотней тоска...

Ёлки и сугробы вдоль дороги,
звон над головой протяжно-строгий,
мамина озябшая рука.

Это всё любви напев неясный,
необъятной жуткой нелюбви.
Чтобы было сильно и напрасно,
чтобы таял дымом в небе ясном
шёпот заговорный:
— Оживи...

СВЕТЛАНА ПРОНИНА

ОЛІВЕЦЬ

РАССКАЗ

В марте 1941-го Семёну исполнилось восемнадцать, и вскоре его призвали в армию. Не успел привыкнуть к армейской жизни, как началась война. Первый бой. Атака. Крики "Ура!" Багровая вспышка. Ослепляющий взрыв. Оглушительная тишина.

…Семён открыл глаза. Он лежал на изрытой взрывами земле, над ним стояли немцы, один пинал его носком сапога. Так Семён оказался в плену. Его вместе с другими военнопленными долго везли на поезде, часто били, изредка кормили. Привезли в концлагерь. Некоторые стали роптать: "Пахнет выпекаемым хлебом, а нам не дают!" Но это шёл запах из труб крематория.

В лагере Семён подружился с парнем из-под Полтавы — Остапом. Сам Семён был голубоглазый, белобрысый, невысокий, но кряжистый, а Остап — широкоплеч, даже могуч, сверкал карими глазами, чуб его чёрным крылом взлетал надо лбом. Они так вместе и держались в лагере.

Однажды среди военнопленных прошёл слух: немцы пообещали "Украинцы — до дому!" Но для освобождения надо было сдать что-то вроде экзамена по украинскому языку.

— Давай, я тебе навчу украинскому, — предложил Семёну Остап.

— Дык, куда мене, — махнул рукой Семён. — Я же русский. Сам знаешь, из Архангельской области.

— Ничего, осилим як-нибудь, — заверил, пытаясь приободрить товарища, Остап.

ПРОНИНА Светлана Николаевна родилась в 1959 г. в г. Изюм Харьковской области. Окончила Белгородский технологический институт по специальности инженер-экономист. Автор книг рассказов "Когда цветет боярышник", "Улетели листья с тополей", "Свет белой лилии". Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

И начали они учиться, используя любую возможность — во время работы, когда передавали друг другу огромные камни; идя в барак; хлебая мутную жижу на обед: война — війна, хлеб — хліб, мужчина — чоловік. Семён проявил способности к языкам и быстро выучил много украинских слов. Даже то украинское слово, по произношению которого якобы можно сразу узнать чистокровного украинца, — "паляниця" — произносил почти без акцента.

Наступил день проверки знаний украинского языка. Первым из барака пошёл Остап. Вернувшись, сказал по-украински:

— От гади, про Полтавщину питали, казали, що відпустятъ до дому, і щоб я їх дома зустрічав. От паразіти!!!

Вторым пошёл Семён.

Переводчик кричал:

— Переводи: женщина!

Семён быстро ответил:

— Жінка.

— Ребёнок?

— Дитина.

— Жизнь.

— Життя.

— Життя! А хочешь жить?! Да?!! — И толстый немец вдруг со всего размаха ударил Семёна кулаком в лицо.

"Вот сволочь!" — промелькнуло в голове. Хотелось развернуться и дать сдачи. Но это был бы конец, а жить хотелось — всего-то восемнадцать лет и прожил.

— Родина, — гнусаво проговорил немец.

— Батьківщина, — не задумываясь, сказал Семён, вытирая рукавом кровь, бежавшую из носа по подбородку.

Рыжий повертел в руке карандаш и что-то сказал переводчику.

— Карандаш, — прищурившись, произнёс переводчик. Семён молчал — он не учил это слово…

Семёна долго били, потом, потерявшего сознание, оттащили в барак. Когда он пришёл в себя, увидел склонившегося над ним Остапа.

— Що не відповів, браток? — спросил тот.

— Как по-украински "карандаш"? — разбитым в кровь ртом спросил Семён.

— О, чёрт! — выругался Остап. — Олівець!..

А из лагеря никого из узников не отпустили…

После войны Семён знал украинский язык не хуже настоящего украинца. А уже после войны на родине, в архангельской деревне, земляки ещё долго удивлялись, слыша от Семёна незнакомые слова, в том числе и "олівець" — так он до конца жизни называл карандаш.

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

ЯСТРЕБИНЫЕ КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ...

* * *

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось — Батыи
Всех чёрных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово — основа, за слово — под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить — тяжело.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати двух поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии (Варна, Болгария). Член Общественной Палаты Союзного Государства России и Беларуси. Главный редактор журнала "Новая Немига литературная".

Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснонолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал... Знал — нету другого.
И молился, и Бога просил — огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятным
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие язы́ки...

* * *

Я боюсь одного: что когда-нибудь станет не страшно
Позабыть, не терзаясь, что я обо всём позабыл,
И назвать пустяком злобный выпад, совсем не пустяшный,
Так бескрыло подумав, что можно взлететь и без крыл.

И кривая дорожка со шляхом сольётся отлого,
И уже не поймёшь — где дорожка кривая, где шлях...
Будет просто тропа... Будет просто плохая дорога...
Будет сладкая горечь гореть на разбитых губах.

В оживлённой толпе скоро станет совсем одиноко,
И поверится в то, что любимой давно ты не люб.
И — не глядя в глаза — будешь помнить, что "око за око!"
И зубами скрипеть там, где зуб вышибают за зуб...

Всё никак не поймёшь, почему им и сытно, и брашно,
Почему веселятся с довольством на пухлых губах?..
Потому, что поверил: когда-нибудь станет не страшно...
И со страхом увидел бесстрашия подленький страх...

* * *

Хоть словом мучусь и дышу,
И мучусь снова,
Но то, что я тебе скажу, —
Всего лишь слово.

Напрасно Господа молю,
Темно и пусто.
А то, что я тебя люблю —
Всего лишь чувство.

Густую капельку со лба
Смахну невольно.
А от того, что не судьба —
Всего лишь больно.

Мечталось, но не довелось,
Закрылась дверца...
А что в груди разорвало́сь —
Всего лишь сердце.

* * *

Долго птицы дрались и кричали...
А теперь и в золе, и в крови
Голубиные крылья печали,
Ястребиные крылья любви.

На подкрылках заря золотится...
Всё равно, выбиваясь из сил,
С голубиными крыльями птица
Ястребиных чурается крыл.

Разлетятся, простившись едва ли,
Разлетятся, зови — не зови,
Голубиные крылья печали,
Ястребиные крылья любви.

И останется очень немного —
Полутень, полужизнь, полумгла,
Голубиная эта тревога,
Ястребиная хищность крыла.

А душа?.. Душу будто изъяли.
Только меркнущим взором лови
Голубиные крылья печали,
Ястребиные крылья любви...

* * *

И опять гололёд...
Триста вёрст добираться до дому.
Только хрип в телефоне:
"Замерзла в холодном авто..."
Волноваться могу...
Но приедешь ты всё же к другому
И его поцелуешь...
И он с тебя снимет пальто.

Так бывало не раз —
Всё обыденно... Вечно... Знакомо...
Все банально и просто —
Детали, конечно, не в счёт.
А я буду твердить:
"Хорошо, что ты всё-таки дома...
Очень холодно... Вьюга...
Да этот ещё... Гололёд..."

Буду губы кусать:
"Сколько можно?... Достаточно... Финиш...
Что даровано роком —
Попробуй любовью исправь..."
И стонать, и мечтать,
Что ты руку его отодвинешь:
"Извини, я устала...
Не нужно сегодня... Оставь..."

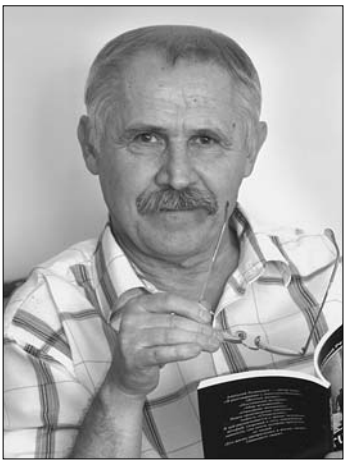
Всё понятно давно...
Только мне ничего не понятно.
Столько раз повторялось,

А я всё понять не могу:
Отчего эта боль?..
Отчего эти чёрные пятна
Всё рябят и мерцают
На белом январском снегу?

* * *

Эту веру в надежду даёт мне любовь —
Лживы все ипостаси иные.
Пусть любовь безнадежна... Пусть горестно вновь,
Пусть копытами бьют вороные...
Говорливые токи идут от земли,
Заставляя позвякивать блюдца...
Всё с любовью слежу, как летят журавли,
И с надеждою верю — вернутся.
Пусть пургою январь обжигает зрачок,
Пусть слова подтверждают потерю,
Я всё верю с надеждой в провидчество строк
И в любовь бесконечную верю.
Пусть мне небо велит: “Небу не прекословь,
Знай в любви осторожность и меру!..”
Но я верю в надежду...
Я верю в любовь...
И они возвращают мне веру...

ГЕОРГИЙ МАРЧУК



ПРАЗДНИКИ МОЕЙ ЮНОСТИ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Праздники бывают разные: религиозные, международные, государственные, традиционно-фольклорные. И живут они в народе по-разному: одни — тысячу лет, другие — семьдесят, пятьдесят лет или меньше. Это и предсказать трудно: какой праздник приживётся, а у какого будет короткий век.

В моём городке народ послушный, осторожный в высказываниях, искренне преданный народным традициям в праздновании значительных дат, связанных с религией или народными верованиями. Наиболее известные праздники — Коляды, Пасха, Троица, Старый Новый год. В советские времена закрепились ещё и другие — 1 Мая, 7 Ноября (день Великой Октябрьской социалистической революции), День Советской армии, Международный женский день 8 Марта, а совсем недавно стали отмечать еще и День города. Нелегко приживаются иные праздники, например, День конституции и День национального флага и герба. Что-то удерживает горожан от желания в едином душевном порыве отмечать государственные праздники. Трудно привыкаем к сознанию, что живём в самостоятельной и независимой стране — всё кажется, что это временно, ненадолго, как не однажды уже случалось в истории. Праздник должен каким-то образом влиять на человека, отвечать его душевному состоянию, укреплять объединение наций, патриотизм. Когда все вместе, то и празднуется веселей, и горе переносится легче. Одно скажу: сколько себя помню, в городе самые любимые и ожидаемые праздники — религиозные. Зимой — Рождество, Коляды. Этот день (7 января) чаще бывает снежный и морозный.

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

Окончился пост. Поэтому накануне в печке готовят кутью, а в праздничный день на столе будет и мясо. Однако не только едой, как говорится, сыт человек. Нужно одеться потеплее и собираться в церковь на праздничную вечерню.

Мы с дедом оставались одни, пока бабуля была на богослужении. Темнеет, разумеется, рано. Никуда не хочется идти, ибо знаешь, что вот-вот принесут к окну Звезду и будут петь Рождество Христово. Вот уже слышно, как скрипит снег под ногами, значит, подходят к нашему дому. Младших берёт на руки отец и подносит к окну, чтоб малыши впервые увидели Звезду. Я уже подрос, и потому осторожно подхожу сам. Звезда большая — на двенадцать лучей. Говорят, в честь двенадцати апостолов Христа. В середине Звезды горит большая свеча, а за ней видна икона Божьей Матери с младенцем. На небе — полная луна. Могу подсчитать певцов. Их семеро. Тот, кто держит на толстой жерди Звезду, — это, как говорит дед, наш родственник Павел Калько. Он от природы сильный. Надо быть очень крепким, чтобы удержать тяжёлую Звезду. Вот кто-то тянет за верёвочку и… чудеса, Звезда начинает крутиться. Икона посередине неподвижна, а вокруг неё все двенадцать лучей крутятся. Мужчины в тулупах поют: "Христос родился, Богом крестился…" Один из певчих заходит в наш двор, стучит в стекло, мол, выноси, хозяин, деньги. Дед берёт монету и даёт мне: "Дай людям, внучек". Страшновато выходить в сени, но что делать, выношу деньги. Как только дядька возвращается к своим, певчие прекращают славословия и идут к соседней хате. Надо до полуночи, пока люди не легли спать, обойти три квартала. Рассказывали, что как-то Звезду носили в двенадцать часов ночи. Очень хочется пойти вслед за поющими, но… боюсь. Да и бабуля возвращается из церкви, останавливает меня: "Куда тебе за ними! Там большие дядьки. Ложись спать. Слава Богу, дождались Рождества…"

Утром бабушка не может меня удержать. Мы с сыном партизана берём рожок, который мы смастерили накануне, зажигаем в нём свечку, подставляем его под окна соседей и поём свои рождественские песни. Волнуемся.

На другой стороне улицы наши одногодки тоже колядуют. Первые конкуренты. Однако никто не дерётся и не ругается. Улиц хватает. Выбираемся в центр города и начинаем обход с другой стороны. Зарабатывали в этот праздник себе неплохую копейку. Хватало и на кино, и на конфеты, и на клюквенную газировку. Усталые, но счастливые возвращались домой. Вкусно обедали: картошка из печки, на сковородке яичница, квашеная капуста, солёные огурцы, котлеты.

За столом празднично одетый дед: полотняная сорочка, добротные брюки, заправленные в начищенные сапоги. У деда-сапожника сапоги высшего класса.

Он с друзьями собирается идти праздновать Рождество Христово в город в чайную. Ждёт, когда его друзья Ефим и Иван постучат в окно: "Выходи, Змитрок!" Бабушка в этот день не возражает, не ругается: "Ну, куда тащишься? Холодища на улице". Она очень любит деда. Праздник всё же, отдохнуть надо.

А мы с ребятами берём лыжи и — на Церковную гору. Там и небо ближе, и солнце теплее. Глянешь в эту высь, в синеву неба и думаешь — там Бог и Сын Его Христос радуются, что мы помним про них да хвалу им поём. И хочется верить, что они нас видят. Так хочется… до слёз.

"КОНИКИ"

Этот уникальный праздничный карнавал встречи Нового года по старому стилю в Давид-городке — явление не только местечковое. Во многих странах в мире проходят карнавалы: в Бразилии, Германии, Австрии, Ирландии, Венгрии… Чем отличается городокский? Тем, что проводится он вечером. Все карнавалы — дневные, а наш — ночной. Никто не знает точно, сколько ему лет. Если учесть, что сигналом к шествию служила труба, то, скорей всего, традицию заложили военные. Вначале ходили поздравлять солдаты, музыкант, "коник", а чтобы было пострашнее, — и человек с косой

как символ смерти. Со временем появились новые маски. Откуда их взяли? Из окружающей среды. Дед, баба, коза, медведь, цыган и "коник", которого делали из кошёлки и валенка.

Традиция сохраняется и передаётся из года в год, от старших к младшим.

Я застал время середины XX века, когда власти всех, кто каким-либо образом был связан с религией, не жаловали, даже слегка припугивали. Милиция и дружинники не пускали "коников" в центр города. Но хватало улиц и подальше от центра. К празднику готовились заранее. Я брал домой из школы горн, будто бы для того, чтоб почистить его и натереть до блеска. Кто-то одалживал у деда кожух, выворачивал его и был бараном или козой. Одеться дедом или бабой было легче. Голову медведя лепили из папье-маше. В ней было тяжело дышать, не хватало воздуха, но чего не сделаешь, чтобы отпраздновать, да ещё и заработать денег. Если в доме у хозяев не было денег, давали кусок сала, колбасу, булку. Ходить по снегу тяжело, снег набивался в сапоги, ноги мёрзли. Позже пошла мода на гармонистов. Труба ушла на другой план. Если в доме не было света, не горела лампа, в те дома не шли. Не заходили и к очень старым, к вдовам. Не все пускали в дом, чаще выносили угощение на крыльцо. Угощали и водкой. В городке самогон не пьют. Мы, пятнадцатилетние, от водки отказывались. Нам хотелось только денег подзаработать. Иногда кто-нибудь нас пугал, говоря, что на улице видели милицию, и мы "давали стрекача", убегали на другую улицу. И так с семи часов вечера до десяти.

Со временем отношение к этому празднику потеплело. Признала и власть старую народную традицию, редкое явление в Беларуси. Мастер масок Брезовский поставил изготовление масок разных героев сказок и голливудских фильмов на поток. Стали водить по городку "коника" и двенадцатилетние дети.

Когда-то запрет на празднование "коников" пугал людей, и чтобы не исчезла традиция, местные учителя тайно переодевались в ряженых и ходили по домам с поздравлениями. В доме надо было станцевать и обязательно спеть песню "щедрый вечер", пожелать хозяевам счастливого Нового года, богатого урожая, денег.

Сегодня колядовать ходят не ради денег, а больше по традиции, для забавы. В десять часов собираются в центре на площади до пятнадцати групп "коников". Идёт смотр. Почти все горожане и гости из России, Канады, Украины на площади. Власти вручают дипломы и подарки, по предложению жюри лучшим вручают премии, на импровизированной сцене организовывается концерт.

А милиция, которая, кажется, ещё вчера гоняла нас, "коников", теперь охраняет колядующих. Как быстро всё меняется на этом свете! Теперь про "коников" знают во всём мире. Сегодня можно присоединиться к празднованию доброй и радостной, несколько озорной традиции и в интернете. У каждого местечка есть что-то особенное, а у городчуков — "коники", и они этим гордятся. Пойте вместе с ними "Щедрый вечер, святой вечер", и холодным зимним вечером вы почувствуете тепло на сердце и уют в доме.

Звоники, звоники,
На улице коники,
Звоники, звоники,
Это праздник "Коники".

Вечер тонет в теплоте улыбок, веселья, радости.

ПАСХА

Праздник Октябрьской революции был самым важным государственным праздником, прежде всего, для властей и служащих бюджетных организаций, а христианский праздник Воскрешения Иисуса Христа — Пасха — самый важный праздник для Церкви и простых людей. Пасху празднуют без принуждения и обязательств — по воле сердца и веры.

Когда-то даже в семьях коммунистов тайно красили пасхальные яйца и пекли куличи. Надо отметить и то, что в Давид-Городке власти никогда не закрывали церковь. Это исторический факт.

Празднуют Пасху, как известно, весной, когда много солнца, и от этого теплого голубого неба, от первой зелени ещё больше радости в сердце.

К празднику готовятся заранее: убирают в доме и вокруг него, вечером пекут куличи и красят яйца.

На следующий день женщины и дети несут лакомства в церковь, а мужчины стоят за оградой и наблюдают, как обходит всех священник и святой водой окропляет куличи, крашеные яйца, людей. Хочется, чтобы святая вода коснулась и твоего лица.

Возвращаться из центра города домой никто не спешит. Христосуются со знакомыми, трижды целуются. У нас, у подростков, такой моды ещё нет. Девчата стесняются, наблюдают, как мы играем в битки: бьём яйца, если скорлупа треснула — надо отдать яйцо тому, у кого оно целое. Мне не везло, всегда проигрывал. Был у нас один парень с Выгона (квартал в городке), у него была битка, из которой шприцем вытянули желток и белок, а внутрь он залил воск. И такое случалось... Это был обман, но не злой — шуточный.

Пожилые люди в центр особо не ходили, собирались на лавке возле какой-нибудь хаты. И мой дед коротал там время с друзьями. Рассказывали кто что помнит, порой спорили: кого ещё вместе с Христом распяли, путали имена, вспоминали заповеди.

На улице мужчины никогда не пили ни самогонки, ни водки, знали, что жена дома накроет стол и обязательно нальёт сто граммов к праздничному обеду.

Вечером мой дед брал Евангелие и доказывал своим друзьям, что правильно назвал имена разбойников, которые страдали вместе с Христом. Любил, чтобы правда была на его стороне.

Женщины тоже собирались вместе, обсуждали службу в церкви.

Праздник почитали. Мой дед никогда вечером не молился, а на Пасху крестился перед иконами, по-своему читал молитву “Отче наш”. Глядя на него, и я крестил грудь и лоб. Бабуля за это нас хвалила.

Танцев в этот день в клубе не было. Мы с друзьями ещё немного гуляли по центральной улице, потом расходились. Ещё от предков нам в наследство достался обычай отмечать этот день своеобразным салютом: мы поджигали еловые шишки и бросали их вверх. Было в этом что-то таинственное. От ветра шишки светились. Огоньки в тёмном небе казались нам глазами ангелов.

А ночью мне не спалось. Бередили душу светлые мечты, не хотелось расставаться с радостно-щемящим праздником. Хотелось жить и мечтать.

1 МАЯ

У меня в руках старая фотография — это наш одиннадцатый класс на первомайской демонстрации. Молодость узнаётся сразу: почти каждый на снимке улыбается — от того, что просто молодые, что так хорошо просто жить, любить, мечтать о будущем. К сожалению, не всё всегда сбывается. Случаются на пути неожиданности, и часто неприятные. Смотрю с нежной грустью. Уже почти половины класса нет на нашей земле. А как бы хотелось вместе перевернуть страницы жизни на пятьдесят пять лет назад.

Первомай — это международный праздник трудящихся. В городке в то время не было ни фабрик, ни заводов. Поэтому отмечали его учителя, врачи, работники культуры, представители местной власти.

Собирались за час до начала шествия. Классный руководитель отвечал за свой класс. Празднично одевались, наверное, только девчата. Самое неприятное, когда нам почти принудительно предлагали нести какой-нибудь транспарант. К палке был прибит небольшой круг, на котором на фоне цветущей яблоневой ветки написано: 1 Мая. Девчата несли цветы. От школы до центра города — полтора километра. Двигались колонной, каждый класс со своим руководителем. И хотя у нас классным был мужчина, дисциплины

не наблюдалось. Били по каблукам тех, кто шёл впереди. Толкали в бок и щипали за локти девчат. Тогда руководство всей колонной брала на себя пионервожатая школы Нонна Семёновна. Она не ругалась, а вежливо просила вести себя тактично. И мы её слушались. Была она человеком мягким, часто подменяла захворавшего учителя. На её уроках баловались. Надо сказать, что у Нонны Семёновны не было одной руки, но она как бы не обращала на это внимания. Замечательно пела. Мы вместе с ней пели песню "Ленинград" Соловьёва-Седого. Ладно у нас это получалось. Даже "на бис" вызывали.

В центре города возглавлял колонну председатель горсовета со своей свитой и духовой оркестр. Шли через мост к стадиону. Бодрые марши поднимали настроение. На стадионе слушали докладчиков — про праздник 1 Мая и достижения города в социалистическом соревновании. После торжественной части люди шли к ларькам потребкооперации, покупали детям конфеты-подушечки, себе — колбасу и пиво. Всех охватывало бодрое настроение.

Мы классом держались вместе, фотографировали друг друга, шли в центр к скверу, в котором могли без учителей отпраздновать Первомай по-взрослому, с яблочным вином.

Нонна Семёновна — она жила недалеко от сквера — грозила пальцем, стыдила нас. А мне лично делала замечание: "Жора, не учись пить эту гадость. Потеряешь голос, как мы тогда будем петь?"

Неожиданно одноклассница Лариса произнесла: "Люди, это ж наш последний Первомай вместе... Понимаете вы это?" И на глазах у неё появились слёзы.

Добрый, тёплый праздник — с музыкой, улыбками, солнцем.

"Запоминайте каждую минуту. Кто знает, куда вас заведёт судьба", — сказала Нонна Семёновна. Кто-то взял первый аккорд, и все подхватили: "Сиреневый туман над нами проплывает..." А возле кинотеатра "Заря" духовой оркестр заиграл вальс. Девчата подхватили ребят и начали танцевать. Долго не расходились, а вечером вновь собрались в клубе на танцах.

После этого Первомая нашему классу больше не довелось собраться на праздник трудящихся всего света.

Через десятки лет я получил письмо от Нонны Семёновны, в котором она вспоминала про праздники и приглашала навестить родину. Ей очень хотелось спеть вместе нашу любимую песню Соловьёва-Седого.

К сожалению, когда мне случилось приехать на родину, я опоздал: умерла наша пионервожатая неожиданно. Шла по мосту, внезапно упала. Так завершился земной путь этой доброй и чуткой женщины.

Щемящей волной накатывают воспоминания про этот добрый, весёлый Первомай с доброй улыбкой Нонны Семёновны, которая всех любила и которую любили все.

7 НОЯБРЯ

Безусловно, в то время, про которое я вспоминаю, это был самый важный праздник для властей. Готовились к празднику заранее, с лета начинали подыскивать социалистически-коммунистический репертуар для большого праздничного концерта в клубе. В Городке жили военные, охраняли полигон, да ещё связисты на горе следили за эфиром, так что военного парада с техникой не было. Телевизоры имелись у одного-двух инженеров колхоза "40 лет Октября".

Центром празднования служил Дом культуры, а мы, участники самодеятельности, — главными действующими лицами. Из Столина приезжал инспектор отдела культуры и подчёркнуто внимательно интересовался программой концерта и планом проведения мероприятия. "На сцене обязательно должен быть бюст Ленина, на столе — красная скатерть. В программу включить поэму Маяковского "В. И. Ленин", — часто повторял озабоченный инспектор. "Поэму тяжело выучить", — тихо отвечала директор Дома культуры. "Хоть отрывок, но прозвучать должен", — настаивал представитель власти.

Украшали город традиционно: государственные учреждения, школы, Дом культуры, горсовет, милиция, больница, Дом пионеров, баня — все вывешивали флаги. Возле пожарной части устанавливали щит с надписью: “Слава Великому Октябрю”.

В клубе, который размещался в бывшем костёле, было холодно, и присутствующие сидели в тёплой одежде. Народу всегда собиралось много. Кроме служащих, приходили и простые люди, интересующиеся, главным образом, концертом. А самодеятельность была на достаточно приличном уровне: голосистые певцы, танцоры, музыканты, хор, который каждый год пел одни и те же три песни: “Красная гвоздика”, “Наш паровоз” и “Ленин всегда живой”.

Торжественную часть начинал и вёл председатель горисполкома. Учитель, обычно историк, делал доклад о Великой Октябрьской революции. Представитель райкома вручал дипломы и грамоты победителям социалистического соревнования. Зрители аплодировали, ждали концерта. Торжественная часть заканчивалась, и наши артисты нетерпеливо ждали своего выхода на сцену. Они любили славу и аплодисменты.

Отрывок из поэмы Маяковского директор в этот раз поручил выучить мне как ведущему концерта. Концерт проходил на подъёме, и зрители благосклонно встречали каждый номер. Надо сказать, что меня в роли артиста любили. Не успел я выйти на сцену — зал разразился аплодисментами. От такой славы я растерялся, и в том месте, где “Ленин и теперь живее всех живых”, выдал: “Ленин и теперь здоровее всех здоровых”. Зал от неожиданности ахнул. Было много школьников, которые знали текст. Я ушёл со сцены. За кулисами директор заставила меня начать сначала. Я снова бодро вышел на сцену. В первом ряду сидели с каменными лицами злые представители местной власти и гость из райкома партии. Я спокойно дошёл до казусного места и выдал: “Ленин и теперь живее и здоровее всех здоровых”. Что делалось в зале! Я снова сбежал со сцены. Не знаю, получил ли выговор директор Дома культуры, потому что я две недели не рисковал приходить на репетиции. Кое-как концерт довели до финала. Духовой оркестр, который начинал вечер гимном, заиграл марш. Молодёжь осталась на танцы. Мои друзья подбадривали меня: “Ну, ты и выкинул номер! Хохма!” Гостя из района повели угощать в чайную.

Коммунисты праздновали дома за праздничным столом.

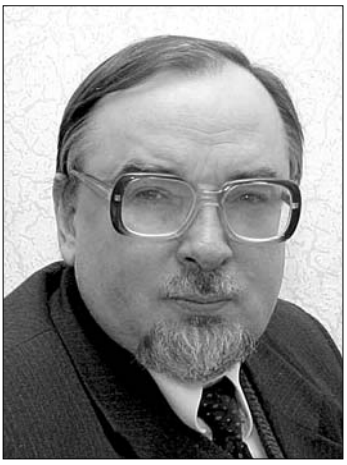
Не помню, чтобы дочку одного из организаторов первого революционного военного комитета Петровца учительницу Майю Карповну в городке лично награждали или сердечно прилюдно приветствовали на сцене. Дослужился Карп Петровец до комбрига и погиб где-то в ГУЛаге. В то время это не слишком беспокоило людей, и своими ветеранами Отечественной войны гордились тоже мало. Люди принимали сторону властей… Иной раз возле чайной старый матрос из Питера (жил такой в Городке), подвыпив, говорил: “Нужна, нужна была революция. Народ был быдлом. Одни купались в роскоши, а большинство погибало от голода. Я пошёл с матросами в революцию хотя бы потому… чтобы похоронили как человека — с оркестром и под красным флагом. А молодёжь думает, что всё так и было. Теперь все паны, только учись… Эх, как быстро всё забывается!”

У всех на душе было тепло. Всё-таки праздник. Есть работа, свой дом, дети растут, мирное небо. Что ещё человеку надо?..

Празднование всегда шло по шаблону, менялись только представители от райкома партии да номера концерта. Отрывок из поэмы “Ленин” заменили на стихотворение Я. Купалы “А хто там ідзе?” На всякий случай и читать его поручили другому исполнителю. Меня отстранили, видно, боялись, что я в эйфории от славы ляпну: “А хто там паўзе?” Я не обижался. От этого праздничное настроение не портилось.

С каждым годом уменьшалось число участников и свидетелей тех далёких лет, постепенно угасал и подъём трудящихся масс. Сегодня в этот день почему-то вспоминаю старого матроса из Питера и его слова: “Эх, как быстро всё забывается!”

МИКОЛА МЕТЛИЦКИЙ



ВЕК ЧЕЛОВЕЧИЙ

* * *

Нет, я сады садил — не вырубал
Во имя непотребных интересов.
Но и себя, себя виню за шквал
Тех издевательств, что велись над лесом.
Ведь я смолчал, зеленочубый бор,
Не вышиб у насильника топор.

Я не сушил болот... И чёрный смог
Не мною пущен над горящей пущей.
Но я себя виню — не уберёг
Я птичьих гнёзд от извергов грядущих.
Не слышал я, уйдя в напрасный стих,
Как нелюди раскидывали их.

И русла рек с землёй ровнял не я —
Нашлись, кто это делал вдохновенно.
Но есть ведь, есть и в том вина моя —
Тлен не заметил в мыслях о нетленном.
Без слёз теперь и вспомнить не могу,
Как восседал тогда на берегу.

МЕТЛИЦКИЙ Николай Михайлович — поэт, переводчик. Родился в 1954 году в д. Бабчин Хойникского района Гомельской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Работал корреспондентом еженедельника "Літаратура і мастацтва", старшим редактором в издательстве "Мастацкая літаратура". В 2002–2014 годах был главным редактором старейшего белорусского литературного журнала "Полымя". Автор многих поэтических книг. Поэзия Н. Метлицкого переводилась на русский, болгарский, сербский, таджикский языки.

И не моя рука в тот час ночной
На пульте грозной станции лежала.
Но как же мне не мучиться виной,
Что колет в сердце поострей кинжала?
Ведь повторял и я: "О, мирный атом,
Трудись во благо, но не стань солдатом!.."

До склона лет, у бездны на краю,
Мне неизбывной мучиться виною:
Судьбу народа — и судьбу свою —
Я вверил тем, кому здесь всё чужое...
И потому себя, бредя по краю,
В своём дому бездомным ощущаю.

Перевод А. Аврутина

* * *

Куст шиповника сам постоит за себя, —
Его спелые ягоды лучше не трогай.
Посмотри лишь, как ветер метнулся, скубя,
И своей уходи, той, что мимо, дорогой.

Те искриночки света иль всё же тепла
Ещё ярче вдруг вспыхнут, коль день ледяной,
Коль зима их в свой плен как-то вдруг забрала
И отпустит, сама исчезая весной.

Но так ярок на снеге пунцовый огонь, —
Он трепещет, как грудка того снегиря...
Лыжник ягоды зябко кладёт на ладонь —
И тотчас запылала на небе заря.

Долго слышен лишь снега порывистый хруст,
Всё бежит, убегает, дымится лыжня, —
Да, отсюда, где зябнет искрящийся куст
И впадает в закат уходящего дня.

Перевод И. Котлярова

МОЙ ВЕК

Болью озвучит земные века,
Чёрен от гари и скверны.
Склабится смерть оскалом клыка —
Век мой
Пещерный.

Сталью прошёлся по судьбам людей —
Бешеный. Полем минным
Гнал, убивая, своих детей —
Моторный,
Машинный.

Дышит удушьем немых мегатонн
Призрак войны скелетный.
Видит мишенью всю землю он —
Радарный,
Ракетный.

С выси небесной звезда упадёт
В холод струи криничной.
Боже! Не звёздный ли ад грядёт —
Век мой космический?!

Шар мой земной, весь в прожилках рек,
Ношею лёг на плечи.
Сколько веков сохраню я за век,
Век человечий?

Перевод А. Стригалёва

* * *

Если птицею стать — только не вороном,
Что на поле смерти очи клюёт.

Если тучею стать — так не тою пречёрною,
Что живые колосья градом побьёт.

Если деревом стать — так не жалкой осиною,
Что за грех учинённый весь век дрожит.

Если стать валуном — так не тем, покинутым,
Что на давней могиле, замшелый, лежит.

Если стать огнём — так не тем, всё рушащим,
Что от хаты оставил лишь горсть углей.

Если песней стать — только той, что душами
Завладела, Отчизне служит своей.

Перевод А. Тявловского

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

БОГ ЛЮБИТ ОДЕССУ

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Олесь вышел из здания СБУ на улице Владимирской и пошёл направо в сторону Софии. Отец стоял на углу и с интересом рассматривал серый камень, которым было облицовано здание и его колонны.

— Ты как первый раз всё это видишь, — сказал Олесь после приветствия.

— В некотором смысле да. Когда я тут работал, было не до этого, — ответил отец. Он был в коричневом костюме, брюках с манжетами и почему-то белой летней шляпе.

— Поговорим здесь? — спросил Олесь.

— Нет, пойдём, прогуляемся, — ответил отец.

Олесь хотел перейти улицу, но отец его остановил.

— Мы не пойдём к Софии, мы пойдём к Богдану.

— А я думал, ты поведёшь меня к скверу, где ты делал маме предложение.

Отец промолчал. Олесь понял, что переборщил с остротой. Они перешли улицу, постояли немного у памятника Богдану Хмельницкому. Затем двинулись к Михайловскому собору. Отец молчал, молчал и Олесь. Миновали собор и вышли на Владимирскую горку. Подошли к беседке и уселись на лавку.

— Ну что, поговорим о том, как Виктор Фёдорович поссорился с Виктором Андреевичем? — улыбнулся сын, имея в виду разразившийся тогда,

---

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Доктор юридических наук, профессор. С 1990 года живёт в Минске. Член Союзов писателей России и Беларуси. Автор тридцати восьми книг, изданных в Минске, Москве и Санкт-Петербурге. Неоднократно печатался в "Нашем современнике".

на рубеже 2006 и 2007 годов политический кризис на Украине. Но отец заговорил о другом:

— Не хочешь спросить меня, почему секретная миссия, что тебе поручается, стала мне известна?

— Да я и так всё понимаю, ты обеспокоен моей командировкой, но не придавай ей большого значения. Это командировка даже не за кордон, а в пределах Украины. Так стоит ли водить меня по местам твоей боевой славы, чтобы съездить на неделю-полторы в некий город и вернуться. Не бери в голову, это задание учебное.

— Многое изменилось, сынок. Если раньше те, кто выигрывал, получали благодарности, а те, кто проигрывал, их просто не получали, то теперь игры идут реальные. На носу выборы. И акция, которую ты считаешь учебной, может быть использована одной стороной против другой. И я не хотел бы, чтобы тебе свернули там шею, несмотря на твои разряды по каратэ. Я полагаю, тебя уже сдали с потрохами и в Одессе ждут, чтобы взять под белые ручки, а если будешь артачиться, ещё и уроют.

— Хорошо, и что же мне делать?

— Выполнять поставленную задачу, но ты поедешь в Одессу не из Киева, а из другого места. Такого, что даже я не должен буду знать. Лучше всего, чтобы ты въехал на Украину из-за границы. Во-вторых, установочные данные, под которыми ты выступаешь, конечно, уже засвечены, я подготовил тебе паспорт на другую фамилию. И, наконец, объект для диверсии выберешь сам. Я полагаю, что у твоего руководства хватило ума не ориентировать тебя на Черноморское морское пароходство, которого уже полтора десятка лет не существует.

— Нет, отец, объект диверсии мне уже определён.

— Плохо, очень плохо.

— Почему?

— Потому, что наши конспирологические заморочки сводятся этим на нет. Потому, что тебя будут ждать там.

— Да, но у меня будет некая фора, если я приму твою тактику. Плюс ты дал мне другие документы…

— Напоследок тебе небольшой подарок, сим-карта. В критический момент дай мне знать, где ты находишься, или просто вставь её и инициируй. Я буду тебе позванивать. Постоянно. И когда дозвонюсь, пойму, что у тебя какие-то проблемы. Иначе бы ты её не вставил в телефон. И ещё одно. В Одессе недалеко от моря живёт мой друг. Ранее он работал в пединституте. Сейчас на пенсии, собирает материал для книги. Остановишься у него, дешевле и надёжнее.

Савелию Злобе был тридцать один год. Шесть лет назад он окончил журфак МГУ, но в газету не пошёл, и не только потому, что имел свободный диплом. К выпуску он уже поднаторел работать в группах поддержки кандидатов в депутаты различных органов и успешно продолжил эту деятельность, тем более что желающих попасть в депутаты было великое множество, да и платили они и их спонсоры за работу неслабые деньги.

Однако в тридцать он наелся и заработками, и работой, стал терять журналистскую квалификацию и решил, как модно было говорить в его тусовках, сменить парадигму своего существования. Сначала попробовал пробиться в редакции ведущих изданий Москвы, но не тут-то было. Там намекали на то, чтобы он, кроме диплома, представил предыдущие публикации. Однако таковые отсутствовали, и Савелий решил написать сенсационную книгу. Он стал собирать материалы, публикация которых могла бы сделать ему имя и помочь начать журналистскую карьеру.

Подходил к концу 2006 год, самым громким делом того времени было убийство Политковской, и Савелий взялся проводить собственное расследование. Опыт работы в группах поддержки людей, рвущихся во власть, научил его выделять и чётко формулировать причины и мотивы такого рвения. В биографии Политковской его заинтересовал факт рождения её в США, но интерес к нему сразу пропал, поскольку родилась она в семье советских

дипломатов. Любопытным было её отравление чаем во время полета в Беслан 2 сентября 2004 года. Однако собрать фактуру по нему не представилось возможным, и Савелий сосредоточился на сборе материалов по версии убийства наиболее вероятной, поскольку в последние годы деятельность Политковской была связана исключительно с Чечнёй. Из этой версии выползла другая, о том, что это провокация, направленная именно на дискредитацию главы государства и руководства Чечни одновременно. Потом всплыла версия с так называемым списком *врагов русского народа*. Там Политковская была обозначена как "агент западных спецслужб". Савелий стал изучать список, дабы найти параллели между Политковской, её деятельностью и иными фигурантами списка, как вдруг ночью ему позвонили домой и голос с кавказским акцентом спросил.

— Это товарищ Злоба?

Савелия бросило в жар. И он долгое время не мог вымолвить ни слова.

— Ви почему молчите? — спросил тот же голос. — Ви меня слышите?

— Да, — выдавил, наконец, из себя Савелий.

— Это Сталин говорит, — произнёс голос. — Товарищ Злоба, с такой фамилией, как ваша, вам не стоит заниматься тем, чем вы занимаетесь. Потому что это для вас может плохо кончиться. Я всё сказал. — И в трубке раздались короткие гудки.

Неделю после этого звонка Савелий оглядывался на улице. Расследование он бросил, и только схемы его по-прежнему сидели в голове и в определённой мере не давали ему покоя.

Савелий стал думать, что ему делать дальше. И вдруг, как метеор на чистом августовском небе, мелькнуло: Одесса. Именно туда после распределения уехал его одногруппник Юра Краморенко. И всё как-то сразу сложилось в голове Савелия. Уровень криминала там нисколько не ниже, и если подойти с умом, то можно найти не менее забойный объект для исследования и описания и не обратить на себя внимание тех, кто не заинтересован в данном расследовании и описании. И опыт работы в Москве пригодится: в Одессу не надо ехать для расследования преступления или преступлений, в Одессу нужно ехать, чтобы описать одесситов. А это не должно вызвать подозрений.

Телефон Краморенко он нашёл быстро, позвонил. Юрий обрадовался звонку, сказал, что работает в рекламной журналистике.

— Один мужичок в своё время правильно сориентировался и приватизировал Ильичёвский порт, так вот я у него работаю, пишу тексты…

Через несколько дней после разговора Савелий шёл на вокзал, имея за спиной большую дорожную сумку. С Юрой Краморенко Савелий познакомился на вступительных экзаменах в МГУ. Москвич Злоба и донецкий паренёк Краморенко, несмотря на разность внешности и характеров, быстро сошлись друг с другом. А после того как Злоба фактически спас провинциала от кулаков двух московских гопников, стали друзьями, и между ними установилась некая иерархия, в которой Злоба играл роль старшего брата.

Краморенко встретил его на вокзале, усадил в личный автомобиль и отвёз в ресторан на берегу моря.

— Это один из старейших ресторанов Одессы, — сказал Краморенко. — Когда-то турок по фамилии Холайджоглу построил здесь виллу и назвал её "Вилла Отрада".

— Здесь турецкая кухня?

— Здесь кухня всех народов мира.

— Ну, не всех, — не поверил Савелий, — наверное, протухшего дикобраза здесь не подают.

— Я образно, про всех, — ответил Краморенко, — но лягушачьи лапки здесь готовят — пальчики оближешь.

— Я лягушек не ем.

— Жить в Одессе накладно, и я устрою тебя по дешёвке на базу отдыха в Затоку. Там один бывший спортсмен приватизировал…

— Бывший пионерский лагерь, в котором он когда-то работал физруком.

— Старшим физруком, — сказал Краморенко, — а ты откуда знаешь?

— Обычная схема приватизации. Сначала он помогал бывшему руководству лагеря отбить его у государства, а потом отбил у руководства, причём отбил, возможно, в прямом смысле…

— Да ну тебя, он вполне нормальный мужик.

Подошёл официант, принял заказ. В зале было прохладно, антураж, неспешные действия официантов создавали атмосферу покоя и неторопливости, какая бывает только в местах курортного отдыха.

— Вполне нормальный мужик, но кормится жильцами, — продолжал заводить друга и коллегу Савелий.

— Сейчас все друг другом кормятся, время такое…

Подошёл официант, вопреки традициям ресторанов того времени, принёс на одном подносе сразу всё заказанное.

— А ещё ретро-зал, — заметил Савелий, когда официант ушёл.

— Всё правильно. Последовательность подачи блюд имеет смысл тогда, когда подают закуски, а потом первые блюда, вторые, и только в том случае, если они должны подаваться горячими, а так…

— Защищаешь своих?

— Уж больно ты агрессивен в отношении Одессы и одесситов.

— Есть малёха, — сказал Савелий, — уж больно все вы тут подчёркиваете, что вы одесситы. А чем Одесса отличается от любого другого города, хотя бы на пространстве Евразии? Архитектурой, размерами, значением?

— Поживёшь немного — поймёшь. Давай есть.

Борис не был здесь четверть века, с того времени, как пытался поступить в Одесский электротехнический Институт связи. В то время институт находился на улице Красной армии. Если вуз сохранился, то улица, наверное, уже переименована. Институт носил имя создателя радио Попова. Это он помнил хорошо, во-первых, потому, что другого такого в России не было, а во-вторых, такую же фамилию имел его друг и товарищ по факту тех неудачных экзаменов Витя, разумеется, Попов. Какое-то время он переписывался с Витей, но с распадом СССР друг перестал отвечать на письма.

Борис вышел из вагона последним, постоял на перроне и направился на привокзальную площадь. Было жарко, хотя чему удивляться, ведь это была Одесса! Он набрал номер, который ему дали в Новосибирске, но абонент молчал.

— Начальник, — обратился к нему один из таксистов, — такси к вашим услугам

— Улица Тенистая.

Машина сорвалась с места и тут же резко затормозила: по пешеходному переходу на красный свет неторопливо шла собака. Водитель матюгнулся, а потом добавил в сердцах:

— В Одессе даже собаки не соблюдают ПДД.

Борис стал вспоминать свой последний день в Одессе. Тогда он успел завалить последний экзамен, забрать документы и обнаружить в своём кармане последние пятьдесят копеек. Взять билет на эту сумму до Киева, где у него жила тётка, которая, собственно говоря, и рекомендовала ему поступать в ОЭИ, не могло быть и речи. И он пошёл болтаться по городу. На Дерибасовской зашёл в пивную под названием “Гамбринус” — дубовые столы и лавки без спинок, весьма специфический запах, поскольку под некоторыми столами был желобок, по которому текла вода, и можно было тут же отлить в него то, что ты только что влил в себя. Ассортимент — “Жигулёвское” и “Рижское”. Он взял кружку и устроился на свободное место. Первый же глоток освежил его и опьянил. Он вспомнил, что весь день ничего не ел. И зверский аппетит проснулся в молодом организме.

— Не занято? — спросил его мужик средних лет, от которого пахло водкой.

— Свободно.

Мужик выпил кружку пива и вдруг предложил:

— А давай я тебя угощу.

— А давай, — ответил он, удивляясь, как легко согласился на добровольное угощение.

Выпили по кружке и мужик, уже не спрашивая Бориса, заказал две порции пельменей. Съели. Куда-то далеко ушли от Бориса и проваленный экзамен, и отсутствие денег на обратную дорогу. А мужик долго смотрел на Бориса, а потом вдруг сказал:

— Слушай. Не убивай меня.

— Хорошо, — так же спокойно ответил он, — не буду.

— Точно не будешь?

— Точно.

— Тогда пойдём ко мне, — сказал мужик, — я тут недалеко живу, у меня жена и ребёнок. Жена варит уху. Ты любишь уху?

— Люблю.

— Тогда идём.

И они пошли к нему в дом. По дороге Борис спросил:

— Ты кто?

— Моряк, — ответил мужик, — я с рейса пришёл, сразу домой, пока жена готовит уху, решил в пивную заглянуть и тебя встретил. Ты рад?

— Рад, — искренне ответил Борис.

— Я тоже, — сказал мужик, и, как показалось Борису, тоже совершенно искренне.

— Как тебя зовут? — спросил Борис.

— Анатолий, но для тебя просто Толя.

Они пришли в старый одесский двор, где у моряка Толи была маленькая квартира, там его трепетно ждала маленькая рыжеволосая женщина и мальчик трёх лет, которого звали по-взрослому Бронислав. Он ходил по комнате, посматривая вверх на незнакомых ему мужчин и время от времени обнимал за ногу мать, произнося одну и ту же фразу:

— Моя мама…

— Валя, — сказал женщине Анатолий, — это мой друг Борис, он не одессит, но великодушно согласился… не трогать меня.

Женщина в ответ на данную реплику даже бровью не повела, а тут же бросилась усаживать Бориса за стол, который уже был сервирован на трёх человек. Видимо, заскоки Толика ей были привычны, а может, это была какая-то непонятная игра взрослых людей, один из которых вернулся после многомесячного плавания, а другой несказанно ему рад, готов простить все его неадекватности. Они выпили ещё и стали хлебать уху. Самое удивительное, что Борис не чувствовал опьянения, то ли выпил он не так много, то ли закуска была мощная.

— Ещё по одной? — сказал Толик.

Борис кивнул головой. Выпили ещё по стопке, и вдруг Бориса прорвало. Он вдруг заплакал и уткнулся лбом в плечо Толика. Толик и Валентина бросились его успокаивать и делали это так искренне, так доброжелательно, что даже маленький Бронислав подошёл к Борису и обнял его ноги. Отплакав, Борис рассказал Толику о том, как он попал в Одессу, как сдавал экзамены, как провалил последний, как остался без копейки денег и что не может уехать в Киев. И тогда Толян, его жена и даже трёхлетний Бронислав засуетились, засобирались, схватили Бориса за руку и повели на вокзал. Они шли по улице: впереди — Валентина с Брониславом на руках, а сзади — Борис, которого держал под руку Анатолий. Огромные очереди у касс привели Бориса в уныние. Но случилось чудо: Толик, минуя всех, предъявил какой-то документ и взял билет до Киева.

— Что он им показал? — спросил Борис Валентину.

— Паспорт моряка, — ответила та.

— И подействовало?

— Как видишь, — ответила Валентина.

Так он уехал из Одессы тогда…

— Начальник, начальник, — водитель дёргал Бориса за рукав, — приехали, с тебя сто сорок гривен…

Борис позвонил в дверь квартиры Попова. Открыл сам хозяин.

После душа гостя пригласили за стол, где его ждали несколько видов салата и мясная нарезка.

— Это для тебя, — сказал хозяин, — я, брат, стал вегетарианцем.

— Ты, брат, совсем не изменился, — сказал Борис, — только волосы стали седыми.

— Ну, пока не седыми, а расцветки соль-с-перцем, седина у меня ещё впереди, так, во всяком случае, говорит моя жена. А к нам ты отдыхать? Если отдыхать, то нужно куда-нибудь подальше от Одессы, хотя бы в Ильичёвск.

— Мне нужно быть рядом с Одессой. Хочу сделать Одессе деловое предложение, хочу предложить то, отчего невозможно отказаться. Сведи меня с одним из одесских авторитетов.

— Ну уж нет, ты уедешь, а мне в Одессе жить.

— Ну, тогда сведи меня с теми, кто мог бы свести.

— И этого делать не буду по той же причине.

— Хорошо, тогда просто расскажи мне, кто тут у вас самый крутой?

— Таких в Одессе нет.

— Нет, а как же…

— Пахан Одессы существует в воображении экзальтированных подростков, да и то не одесситов.

— А как же песня "Пахан Одессы Еська-инвалид", помнишь, мы пели её под гитару в общаге "Поповки".

— Он существует только в песнях.

— И всё же, ну, не может любое человеческое сообщество быть без пахана. Оно, как стадо баранов, должно иметь вожака.

— Ну, конечно, должно и, наверное, имеет, но я этим заниматься не буду. А теперь давай-ка выпьем, потому что я, хоть и вегетарианец, но не трезвенник. Идёт?

— Как скажешь.

Хозяин поднял свой бокал так, чтобы была видна игра лучей солнца в стекле, и само вино окрасилось в более яркий цвет.

— Помни, Бог любит Одессу, но сама Одесса шуток не любит и ошибок не прощает.

Выпили по второй, а потом и по третьей.

— А зачем тебе наши авторитеты? — спросил Попов.

— Хочу взять их в долю.

— А вот это напрасно, они входят в долю только со своими, все остальные для них, как и двести лет назад, фраера. Ты для них не больше, чем экзотический зверёк, с которого можно содрать шкурку.

— Так уж и зверёк.

— Зверёк, зверёк, что за предложение ты собираешься им сделать?

— Приобрести партию драгоценных камней.

— Шутник.

Олесь появился на квартире Виктора Сильвестровича вечером, проведя весь день на пляже. Хозяин встретил его радушно, пояснил, что живёт один. Правда, время от времени его навещает дочь, чтобы убрать квартиру.

Олесь принял душ и хотел было растереться полотенцами, но понял, что не сможет. Южное солнце сделало своё дело. Особенно чувствителен был ожог на плечах. Хозяин квартиры, увидев красноту, запричитал. Открыл холодильник, достал баночку сметаны и стал мазать плечи Олеся. Сразу стало легче. Окончив манипуляции со сметаной, Виктор Сильвестрович усадил Олеся за стол, на котором стояли две большие чашки с салатами из крабовых палочек и иных морепродуктов и салат из овощей. На двух тарелках лежало по огромному, с саперную лопатку шницелю, посередине располагался штоф с компотом.

— У меня есть сухое, — сказал хозяин, — но я не пью, зарок дал: пока книгу не окончу, ни капли… А тебе нельзя: зудиться кожа будет после ожога.

После обеда перешли в другую комнату, и Виктор Сильвестрович вытащил какую-то папку.

— Вот ты, как мне сказал твой батька, борешься с диверсантами. Не переживай, я об этом узнал не вчера, а год назад.

— Виктор Сильвестрович, но здесь я на отдыхе, приехал позагорать, покидать удочку…

— Так ты рыбак? А где твоя удочка? Так не бывает, чтобы рыбак приехал на рыбалку и не привёз с собой хотя бы пару своих удочек… Хорошо, забыл, а на какую рыбу собираешься рыбачить?

— На днестровскую.

— То есть на пресноводную? А ты уже ловил пресноводных? На что они клюют?

Олесь наморщил лоб, словно пытался вспомнить.

— Виктор Сильвестрович, не знаю, на что они клюют, но непременно узнаю. Когда окажусь рядом с Днестром.

— Поздно будет, — сказал старик, — своей некомпетентностью ты вызовешь удивление, а если тебя будут искать, то и подозрение.

— Ладно, сдаюсь, готов выслушать вас…

— Правильно, я тебя не буду долго мурыжить…

И он стал рассказывать о том, что водится в Днестре и какую приманку для какой рыбы нужно использовать. А потом спросил:

— А что будешь делать завтра?

— Поеду куда-нибудь купить удочку, а потом на пляж… Или лучше это сделать на Привозе?

— Нет, Привоз теперь не тот. Его почти переделали в какие-то бутики. Съезди на седьмой километр. Да, на пляж ходи либо утром, либо вечером, а иначе тебе будет совсем плохо, — и старик указал Олесю на его сожжённые плечи…

В семь ноль-ноль Виктор Сильвестрович разбудил Олеся.

— Подъём, боец, — сказал он, — сбегай, искупайся, но до девяти вернись, а то снова сгоришь. А потом на рынок.

— На рынок в самую жару?

— Там необычный рынок, он больше похож на город, построенный из морских контейнеров. Когда грабили морское пароходство, эти контейнеры оказались никому не нужны. И их продавали по тысяче долларов за штуку. А потом из них и построили торговые ряды. Весьма удобно. Ставишь контейнер на контейнер, нижний служит магазином, а верхний складом. А если натянуть между ними брезент, или как говорят мои студенты, — тент, то в самую большую жару там не только не жарко, но даже прохладно, поскольку брезент даёт тень, а выстроенные рядами контейнеры усиливают сквознячок. Всё, до вечера.

Через полтора часа Олесь оказался на седьмом километре. К этому моменту он был уже весь мокрый и представлял, как, купаясь в поту, будет искать удочку… Но действительность оказалась не такой страшной. Тенты, натянутые между контейнерами, давали сносную тень, а сквознячок играл роль кондиционера. Рынок был почти современным, и только инвалид, у входа певший “Раскинулось море широко”, был фрагментом из фильма о послевоенных годах Одессы.

Уже через десяток-другой минут на рынке Олесь стал понимать рыночный одесский язык. Вот стоит продавец-турок, подходит к нему женщина и, указывая пальцем на товар, спрашивает по-одесски мягко:

— Що стоит?

— Семьдесят гривен, — отвечает продавец.

— А так щоб купить?

— Шестьдесят…

В будний день на рынке было свободно. Правда, в некоторых местах между контейнерами располагались картонные и деревянные ящики, и это создавало проблемы, но в основном для продающих, а не для покупающих. Точку, в которой продавали телескопические удочки, он нашёл быстро, а выбирал товар долго. Скорее не выбирал, а слушал расхваливание товара продавцом… Информация, которую он получал у продавца, должна была вписаться в то, что на сленге разведки называется легендой. Расплатившись, Олесь сунул свёрток с удилищем подмышку и направился к выходу. Но остановился возле контейнера, где продавали униформы. Чего только там не

было! От комбинезонов с надписью “Беспека” до вполне солидных брюк и курток, больше похожих на полицейское обмундирование в Штатах.

— Есть ваши размеры, — сказал продавец.

— Возможно, я загляну к вам на днях, — ответил на это Олесь. — Как вас найти?

— По номеру, — ответил продавец и дал ему визитку.

Выйдя из контейнерного городка, он снова почувствовал дикую жару и завернул в вареничную. На его счастье, там работал кондиционер. Расправившись с варениками, Олесь потягивал холодный морс и смотрел на остановку 522-го автобуса. За пять минут до прибытия очередного рейса он расплатился и вышел на улицу, став свидетелем сценки, которая могла произойти только в Одессе.

Автобус уже подошёл к остановке, а некая дама не позволяла пройти к нему невысокому щуплому мужчине.

— Женщина, — заорал мужчина, — вы плывёте, как пароход, за вами не пройти.

— Поговори мне, без зубов останешься, — почти ласково ответила дама.

— При чём тут мои зубы? — спросил мужчина.

— А при чём тут моя корма? — ответила дама.

Начальник лагеря, или Афанасьич, поместил Савелия в деревянный люкс конической формы, который Савелий тут же прозвал вигвамом. Соседями Савелия по вигваму оказались двое молодых людей: парень лет двадцати пяти и такого же возраста девушка. Но если девушку можно было назвать девушкой, то назвать просто парнем двухметрового громилу с мышцами гориллы и выбритой головой было трудно. Соседи отдыхали на базе уже неделю, были загорелы не в меру, поскольку круглый день проводили на пляже, бросая друг другу резиновый мяч. Причём если девушка ловила и бросала мяч парню двумя руками, то он — одной, как делают это гандболисты. Парня звали Витьком, а девушку — Магдой.

Савелий очень плохо переносил жару и на пляже бывал утром и после четырех дня. Вечером он ходил в клуб, где играл с Витьком в настольный теннис и бильярд. Удача на теннисном столе переменчива, а вот в бильярд всегда выигрывал сосед. Он оказался профессиональным бильярдистом, несмотря на вечернюю духоту, приходил на игру в брюках, рубашке с галстуком, поверх которой надевал тоненький пуловер.

— Чтобы галстук не касался сукна, — пояснил он Савелию в первый день знакомства.

На третий день позвонил Краморенко.

— Завтра к тебе приедет паренёк — знаток Одессы и её нравов, событий исторических и не совсем. Ты дай ему отдохнуть, а вечером поговори. Если определённые направления тебя заинтересуют, развивай их дальше.

— Мне ему заплатить?

— Нет, у него к тебе свой интерес.

Означенный специалист по Одессе приехал на другой день. Им оказался парень лет тридцати, именно парень, а не мужик — маленького роста, щуплый. Большие роговые очки делали его похожим на Шурика из “Кавказской пленницы”. В глазах парня горел огонь пламенных революционеров, и Савелий понял, что Краморенко не ошибся в выборе человека, который по каким-то причинам заинтересован в том, чтобы помочь Савелию написать книгу об Одессе и одесситах.

В руках приехавшего был большой потрёпанный портфель. Парень протянул руку и сказал:

— Я от Юрия Антоновича, — тут он иронически улыбнулся, — начальник лагеря сдал мне комнатку-каморку на целые сутки. Поэтому до вечера я на пляже, а вечером приду к вам, и мы побеседуем на интересующие вас темы. Идёт?

— Идёт, — ответил Савелий.

Но оказалось, это не конец разговора.

— Инфа за мной, “поляна” за вами.

Парень ушёл, а Савелий направился в близлежащий магазин купить продуктов, чтобы накрыть вечером "поляну" парню. Вернувшись в вигвам, он положил продукты в холодильник и пошёл на пляж, где увидел приехавшего, но подходить не стал, давая возможность гостю турбазы отдохнуть с дороги.

Вечером, вернувшись в номер, Савелий принял душ и стал накрывать "поляну", выставив мясную нарезку, овощи и наделав бутербродов с красной рыбой. Оглядев выставленное, поставил в центр стола бутылку шустовского и завалился на кровать в ожидании гостя. Тот не заставил себя ждать и вскоре появился в шортах, майке и белой шляпе с неизменным портфелем в руках, сразу уселся за стол:

— Вот это приём! Настоящий одесский, до которого в Европе никто и не додумался бы. Давайте знакомиться по-настоящему. Я Владислав Никанорович, а вас — Савелий?..

— Савелий Михайлович.

Гость взял в руки бутылку со стола, осмотрел её со всех сторон и начал рассказывать о том, как Шустов, создав свой коньяк, обучил десяток молодых людей иностранным языкам и аристократическим манерам и отправил их в Европу.

— Там они каждый день посещали по нескольку ресторанов и заказывали шустовский коньяк. А если такового не было, устраивали скандалы, били посуду, хулиганили. За всё расплачивался сам Шустов. И через какое-то время все рестораторы Европы на всякий случай имели у себя по нескольку бутылок шустовского коньяка. Как? Европе такой маркетинговый ход и не снился тогда, — заключил парень.

— А вы действительно знаток, — польстил парню Савелий, хотя знал эту историю ещё с девяностых, её рассказывали российские "рестораторы", продавая налево и направо самопальную водку и коньяк.

Выпили за приезд, за знакомство, закусили. Владислав радостно потёр руки, дождался, пока Савелий нальёт очередную порцию коньяка, выпил и начал почти торжественно говорить:

— Юрий Антонович сказал мне, что вы профессионально интересуетесь Одессой и одесситами.

— Во всяком случае, пытаюсь, — ответил Савелий.

— С одной стороны, тема благодарная, а с другой — напротив. Слишком много об этом уже написано, и сложился совершенно определённый стереотип Одессы, фактически той Одессы, которой нет и никогда не было.

— Совсем не было?

— Совсем, если следовать букве этого стереотипа.

— А если духу?

— Если духу, то там есть точки соприкосновения, — ответил Владислав, не уловив ёрничанья собеседника, — в общем, отдельные черты Одессы реальной, конечно, послужили основой для создания этого стереотипа или...

— Мифа об Одессе, — подсказал Савелий.

— Нет, не мифа, а, скорее, легенды, потому что миф — это реальность, а легенда — вымышленность. Но стоящая на неких реальностях. Посмотрите, что делается сейчас в Украине? Создаётся Великий украинский миф о том, что укры — первые жители земли и что от них пошли все другие народы. И что империя укров простиралась от Карпат до Тихого океана.

— Почему не от Атлантического?

— Потому что Европу нельзя обижать.

— А Россию можно?

— Россию можно, она до сих пор считает укров братьями.

— Значит, брата можно кинуть?

— Кинуть можно всех, — заключил Владислав, — но брат никогда тебе не ответит за кидок так, как не-брат. Поэтому с братом можно меньше церемониться.

— А-а, понятно, — ответил Савелий, — значит, брата кинуть не в падлу.

— Примерно так.

— Но ведь сие не соответствует действительности?

— Теоретически да, но практически… Ведь никто не видит, что этот миф работает, и вскоре он будет давать реальные плоды, а все хихикают и крутят пальцами у виска. Не понимая, что свойство мифа — материализовывать виртуальность, а свойство легенды — всего лишь вводить в заблуждение.

— Интересно.

— Разумеется, интересно, но ведь вас интересуют не абстрактные подходы к легендированию, а конкретные вещи. Так?

— Так. Я бы хотел некоторое освоение данного пространства начать с исследования корней одесского юмора.

— Ну, с юмора так с юмора. Через пару дней я ещё раз приеду сюда и привезу вам фактуру. А сегодня мы будем просто отдыхать.

Владислав не подвёл Савелия, приехал точно через два дня. Как и в первый раз, он валялся на пляже днём, а вечером явился в вигвам, извлёк из своего портфеля вяленую тарань и несколько бутылок пива "Оболонь".

— Для разминки, — сказал.

И действительно, пиво после жаркого дня пошло хорошо, если не сказать больше. А потом и коньяк *полетел соколом*. После третьей рюмки разговор оживился, Владислав забыл церемонии первой встречи и стал звать Савелия на "ты".

— То, что все считают одесским юмором, — это действительно одесский юмор, но его основу, фундамент, так сказать, составляет юмор еврейский, и не просто еврейский, а юмор евреев, которые живут и жили в Одессе.

— И кто же из евреев живёт в Одессе?

— О, имя им легион. Но вернёмся к одесскому юмору, точнее, к его носителям. Таковых было около десятка, но более известны пятеро. Я же остановлюсь на трёх: Ильфе, Бабеле и, возможно, Валерии Смирнове.

— А что, первые двое не заслужили того, чтобы называть их по имени?

— Нет. Первые известны без имени, а третий не столь популярен, в частности, в России, поэтому я и назвал его имя. Первый среди них был, конечно, Бабель. Хотя критики не относят его к юмористам. Но это действительно так, и этому есть примеры и иллюстрации. Следующий — Ильф, хотя его причисляют к сатирикам. Но он юморист, потому что сатира — это жёсткий юмор, имеющий некую социально значимую цель в тот или иной период времени. Отдельные исследователи творчества Ильфа отмечают его начальные рассказы как юмористические.

— А почему именно еврейские шутки стали одесскими?

— Методы доказательства в Талмуде принято называть "пильпуль", поиному, 'заправка перцем', а спец в пильпуле тот, кто, ухватившись за какую-нибудь особенность, с помощью хитрых ходов и умозаключений придёт к непредсказуемому выводу.

— Но это старо, как мир, это же разновидность софизмов.

— Да, и, возможно, тот, кто знает эту технику, и не предполагает, что она разновидность софизмов, но владея ею, он получает практический результат.

По сути, еврейская шутка — это крошечный рассказ, который можно повернуть и так, и сяк, причём сами персонажи часто не знают или делают вид, что не знают, какой эффект производят их поступки и слова. При этом удивительные вещи происходят с языком. Если вы, будучи евреем, находите ситуацию смешной, поскольку видите в ней неочевидные для других смыслы, то ваш рассказ о случившемся в переводе на язык страны, в которой вы живёте, делает анекдот ещё смешнее, а скрытые в нём парадоксы — ещё более выпуклыми. Именно потому они смешны и евреям, и не евреям.

— Например?

— Например. Соломон Моисеевич, ви знаете, что говорят о вас соседи, когда вас нет дома?

— Когда меня нет дома, пусть они меня даже бьют.

И во время учёбы в НГУ и после того, как он окончил факультет геофизики, Борис любил работать в поле.

Однажды рабочим к нему в партию пришёл немолодой уже зек. Фамилия его была Ачиков, звали Прошей, но все в партии знали, что Проша

откликается на погоняло Чилиндра. Он прилично играл в шахматы и, так как шахматистом в партии был только Борис, частенько сидел с ним за шахматной доской. Но то ли играть молча ему было в падлу, то ли он хотел както выделиться из среды рабочих своей необычностью, во время игры он рассказывал Борису о жизни в зоне и на свободе.

Потом пути их разошлись, Борис продолжал мотаться по Сибири, пока не грянула перестройка, не развалился Советский Союз, похоронив под своими обломками многие изыскательские проекты и оставив геологов и геофизиков без копейки денег. Но за те несколько месяцев общения во время работы и шахматных партий Борис узнал об Ачикове и его жизни больше, чем о нём знали все опера колоний, где ему приходилось отбывать срок.

— Знаешь, как я приобрёл своё погоняло, — говорил Чилиндра, расставляя фигуры на доске.

— Что приобрёл? — спросил тогда Борис.

— Погоняло, — ответил Ачиков.

— Кличку, что ли?

— Нет, — как неразумному дитяти, объяснял Ачиков, — клички имеют собаки, шныри, а уважающие себя люди имеют либо погоняло, либо псевдо. В детстве я говорил не цилиндр, а чилиндр, и шпана мгновенно приклеила мне это погоняло.

— И не обидно?

— Не-а. Погоняло — это как марка.

— Ну, какая это марка! Был тут у нас в окрестностях Красноярска авторитет Тузик, какая это марка!

— Э, не скажи, — говорил Ачиков, пряча за спиной две шахматные фигуры. — В какой руке берёшь?

— В правой.

— Играешь белыми, — продолжал он. — У воров мир стоит на других понятиях. И всё, что в мире обычных людей ценится, там таковым не является. Вот ты, например, угол открываешь ключом…

— Что открываю? — спрашивал Борис, думая какое начало ему разыграть.

— Угол, по-вашему, чемодан, а вор, который у тебя это закрутил, по-вашему, украл, обязан замки сорвать. Поэтому и погоняло у воров с позиций обычных людей смешные, но в этом и есть глубокий смысл, авторитетный вор не боится смешных, с позиций обычных людей, псевдо.

Чилиндра всю свою сознательную жизнь воровал, но не считал себя вором-профессионалом.

— Я не блатной, — говорил он, вкладывая в этот сленговый термин одному ему известное значение. Он восхищал других рабочих партии тем, что почти наизусть знал Уголовный кодекс Российской Федерации. И семь раз был на экспертизе в Институте имени Сербского. Причём трижды его признавали вменяемым, а четыре раза невменяемым. Как система самообучаемая, он просёк то, что необходимо психиатрам, чтобы признать его невменяемым. Четвёртый раз в Сербского он попал с большим шрамом на шее и рассуждениями, что видит будущее, о котором ему говорят двухметровые прозрачные личности. Попытка суицида плюс ясновидение утвердили врачей в мнении, что перед ними психически больной человек.

В партиях Борис видел немало людей, отбывавших срок наказания, или тех, кто демонстративно относил себя, как говаривал Ачиков, к преступному миру. Почти все они были психопатами. А Чилиндра-Ачиков был на удивление уравновешенным человеком. Правда, иногда он “включал дурака”, но это были внешние проявления, внутренне он всегда себя контролировал не хуже любого йога.

Нормальный человек должен кого-то любить, а кого-то ненавидеть. Ачиков ненавидел паспортистов, людей, которые сделали его вором.

— Откинулся я первый раз, — говорил он Борису, переставляя фигуру на доске, — и решил с воровством завязать. Пришёл прописываться. А дело было в Питере. А паспортист на меня посмотрел и говорит: “А ты еще на работу не устроился?” Я отвечаю: “Нет”. — “Так вот, когда устроишься,

сразу ко мне или моему коллеге из района, где ты будешь работать. Понял?" Чего ж тут непонятного! Я на предприятия, а там мне говорят: "А ты ещё не прописался?" — "Нет", — отвечаю. "Ну, как только пропишешься, так сразу к нам, мы тебя на работу и возьмем". Я снова к паспортисту, говорю: "Всё замётано, берут меня на работу, прописывайте". А он мне: "Где документ, что тебя взяли?" Дёрнулся я ещё раз туда-сюда, вижу, разводят меня. Тогда я взял и купил специальный клей.

— Зачем?

— А ты хочешь узнать, зачем? Намазал я этим клеем себе лоб, приклеил справку об освобождении, горячим утюгом провёл, чтобы крепко въелась, и стал гулять по Невскому.

— И чем это закончилось?

— Статьёй за хулиганство, новым сроком. Но после этого я уже к паспортистам никогда не ходил.

Чилиндру Борис разыскал через справочное, значит, все же ходил Ачиков на поклон к нелюбимым паспортистам. На удивление, Ачиков встретил его так, будто давно ждал.

— А, начальник, — произнёс он, открыв дверь квартиры, — входи. Чем обязан?

— Дело есть на миллион долларов, — пошутил Борис.

— Заходи, поговорим, — ответил Ачиков, — серьёзные дела на пороге не решаются и с порога не начинаются.

Ачиков проводил его на кухню и стал готовить чай. Борис обратил внимание, что в квартире необычно чисто.

— Женился? — спросил он у хозяина квартиры.

— Приходит женщина, — уклончиво ответил тот, — тебе "настоящий" или "купец"?

— У тебя "купец" — как "настоящий", если я помню, — ответил Борис.

— Ну, тут ты, начальник, не прав, какой бы крепкий ни был "купец", он всегда заваривается, а настоящий варится. Тут, как говорят в Одессе, две большие разницы.

— А ты когда-нибудь был в Одессе?

— Нет. А почему ты спросил?

— Потому что базар, как ты говорил ранее, пойдёт за Одессу.

— Базар, говоришь... Ну, за Одессу так за Одессу.

— А почему ты не был в Одессе?

— Ну, Одесса такой же воровской понт, как и Ростов.

— То есть Одесса — мама, а Ростов — папа — это не совсем то.

— Нет, но босяки традиционно любили южные города, да и блатные тоже.

— А ты, как я помню, не блатной.

— Да-да, я не блатной и в Одессу на гастроли ради понта не ездил, мне российских карасей хватало.

— Значит, в Одессе ты не был, но сориентировать меня по Одессе можешь?

— Сориентировать могу, тут сложностей особых нет, люди они всегда и везде люди. Правда, как ты когда-то говорил, со своей спецификой.

— А ты помнишь, что я говорил?

— Ну, ты же помнишь.

— Я другое дело, у меня хорошая память.

— Ну, а мне всё надо было помнить. Всё в жизни могло пригодиться.

— А теперь?

— И теперь тоже. Вот ты ко мне пришёл не чаи распивать, так? Значит, я тебе пригодился, а отсюда я — человек нужный тебе, сокращённо — нужник. Как тебе мой юмор?

— Нормально, но где-то я это уже слышал.

— Да, разумеется, все эти афоризмы существуют не один десяток лет, просто одни их слышат впервые и восхищаются неожиданным поворотом мысли, а другие знают их давно и используют для того, чтобы произвести эффект. Итак, что тебе нужно в этой Одессе?

Они закончили чайную “церемонию” и перешли в “зал”, единственную в квартире комнату.

— Вот видишь, — сказал Ачиков, — всё в жизни когда-нибудь может пригодиться. Я не буду корчить из себя законника или авторитета. Я не был ни тем, ни другим и только сейчас понимаю, что я был исследователем того мира, о котором ты говоришь. Пришли другие времена, и тех отношений уже нет, хотя кое-что в качестве реликта осталось. Может, тебе и повезёт, если будешь использовать то, о чём я тебе скажу.

— Но это резервный вариант, — произнёс Борис, — на всякий случай.

— Случаи бывают всякие, — сыронизировал Ачиков, — и, скорее всего, твой основной вариант там не прокатит.

— Почему?

— Кинуть лоха теперь в доблесть.

— Я лох?

— Да не только ты. Вот ты приехал туда с некими предложениями или предъявой и затеял базар с теми, кто там живёт, кто принадлежит к какой-то кодле блатной или не блатной, не столь важно. За ними кодла, а за тобой — никого. Возникает желание кинуть тебя, ведь это будет стоить недорого, да и отвечать потом не перед кем. Ты для них корова, которую они могут подоить. А если молоко кончится, прирезать…

— Но пока я даю молоко, меня будут беречь?

— Да, но никаких обязательств перед тобой у них нет. И слово они держат только перед равными себе, всех остальных…

— Понял, кинуть не в падлу… И как мне вести себя с ними?

— С достоинством. Как ты вёл себя в партии.

— Ну, в партии я был начальником.

— И здесь будь начальником, ты не просишь у них денег, ты деловой, который приехал с интересным предложением.

Ачиков немного подумал, а потом произнёс:

— Тут я, пожалуй, загнул, у деловых, в отличие от блатных, другая философия, и ты к ней тоже никого отношения не имеешь, а это чувствуется. Ты должен быть самим собой, как бы тебе ни хотелось мимикрировать, чтобы проще решать твои задачи.

— Ты стал говорить, как профессор в вузе.

— Не поверишь, но я устроился вахтёром в одном из корпусов НЭТИ.

— Ты пошёл в вертухаи?

— Это не в падлу, если не служишь тому, кого охраняешь…

— Понял, понял, а устроился, например, чтобы узнать систему охраны…

— Да, или продолжить изучение среды… А вдруг пригодится.

— Ты собираешься жить вечно?

— Ну, вечно, не вечно, а десяток-другой ещё протяну.

— Тогда объясни, почему меня нельзя принять, как ты говоришь, за делового?

— Помнишь этот фильм-нескладушку про “Место встречи…”? Так вот, там МУР внедряет в банду Горбатого своего человека, и Жеглов говорит, что его не примут за своего. Потому что у него на лице десять классов написано. В те времена редко кто имел десять классов. Всё больше четыре, а уж человек с семилеткой мог идти на рабфак или в техникум…

— Слушай, у меня такое впечатление, что ты учился и на рабфаке, и в техникуме.

— Я не учился ни там, ни там, но в вечернюю школу в зоне ходил и оценки имел приличные, правда, учителя там были зеки.

— Так откуда ты всё это знаешь?

— Я жил тогда, тянул с теми, кто учился в техникумах, а жизнь — лучший учитель. Ты меня не сбивай, а то я далеко в сторону уйду, и ты от меня ничего нужного не получишь. Так вот, почему ты не деловой? Типичный деловой — это цеховик семидесятых-восьмидесятых годов. Ему уже нужно было расширять не только производство, но и сбыт. И его уже охомутали бандиты.

— Ты хотел сказать — воры.

— Нет, в таких понятиях я никогда не ошибаюсь, воры того времени не связывались с цеховиками. Точнее, не принимали предложений пришлых из мира того взять их под контроль.

— И бандиты…

— Да. Тогда бандиты, а в них пошли и перековавшиеся воры, и спортсмены, и просто быки с улицы, взяли цеховиков под крыло.

— Кто выиграл от этого?

— Я тебе Гайдар-внук, что ли? Откуда я могу знать, кто выиграл? Да и нужно ли тебе это знать, ты же не в Государственную Думу баллотируешься.

— А при чём тут Дума?

— Да там все всё знают или пытаются убедить всех вокруг, что знают.

— Ты мне ответь конкретно, почему я не смогу сойти за делового?

— Потому, что ты не деловой.

— Поясни на примере.

— Пожалуйста, на примере. Помнишь, пришёл в партию некий бык по кличке Коряга. Начал пальцы веером топырить, но ты его раскусил.

— Так он был понтач, это за версту было видно.

— Вот видишь, ты его раскусил, несмотря на то, что он был настоящий бык и от наколок синий. Но я тебе расскажу случай ещё более интересный. Как-то ещё в Краслаге пришёл в зону вор, выдававший себя за законника. Его приняли, оказали уважение, но через неделю зарезали. Причём то, что он не мог быть авторитетом, блатные поняли с первого дня.

— Он вёл себя не так, как они?

— Нет, он многое делал так, как они. Но он закрывал за собой двери, чего вор его уровня делать не должен.

— Надо же, на какой мелочи засыпался.

— Это не мелочь. Я всё это тебе рассказывал для того, чтобы ты не вздумал там распальцовкой заниматься, обещать много и строить из себя делового. Ты тот, кто ты есть на самом деле. И в этом стойле ты непоколебим. Ты инженер, изобретатель — и не больше. Понял?

— Понял, чего уж тут не понять.

— Ну, вот и всё, я тут потормошу кое-кого и через пару-тройку дней ты ко мне подходи, будем думать, с чем тебя отправить в Одессу. И главное — не тушуйся, везде есть люди, — произнёс Чилиндра почти торжественно, вкладывая в слово "люди" только ему понятный смысл.

Старший оперуполномоченный УСБУ по Одесской области капитан Старостенко третьи сутки безвылазно сидел в Беляевке. Неделю назад его вызвал начальник отдела и долго объяснял суть задачи.

Выходило, что там, в Киеве, их коллегам нечего делать. И они решили запустить в Беляевку диверсанта, который должен провести учебную диверсию на очистительном комплексе, снабжавшем Одессу питьевой водой.

— Но в Беляевке целое отделение сотрудников, — возразил Старостенко.

— Им лучше этого не поручать, — сказал начальник, — их показная активность спугнёт диверсанта.

— Но они лучше знают обстановку, у них свой актив.

— Поедешь туда заранее и сколотишь свой актив.

— А не перехлестнёмся мы с местными?

— Не перехлестнёмся, да и дело несложное. Там в Киеве одни пытаются показать, что мы здесь ничего не делаем, а вторые благоволят нам.

Так вот, вторые сообщили приметы диверсанта и его установочные данные. Дело чести при такой форе его взять или хотя бы не дать ему возможности провести "диверсию".

— А почему именно Беляевка?

— Там эта станция, по советской терминологии — "объект, уязвимый в диверсионном отношении". Если гипотетически отравить в ней воду, то отравится вся Одесса, а это шум на весь мир. Наши начальники полетят, политики приобретут капитал, а те, кто управляет так называемыми финансовыми потоками, потеряют возможность ими управлять. А для них это смерти подобно.

Старостенко был достаточно опытным опером, чтобы не понимать, что сам он, оказавшись на "чужой поляне", становится мишенью, в том числе и для своих коллег. Но приказ есть приказ…

— Да, — сказал начальник, — парню этому под тридцать, он каратист, родился в Киеве, учился в политехе, фамилию, имя, отчество узнаешь позже… Перед самым отъездом.

— Почему не сейчас?

— Конспирация.

Прежде чем уехать в Беляевку, Старостенко установил контакт с кассирами автобусной станции. Он понимал, что диверсант может приехать на такси, но, прежде чем совершить диверсию, ему нужно изучить оперативную обстановку. Ничего не поделаешь, хотя Старостенко и пришёл служить в органы в девяностые, у него и у предполагаемого диверсанта были ещё общие учителя. Кассиры заложили в память компьютеров фамилию, имя, отчество предполагаемого диверсанта, и Старостенко со спокойной совестью уехал из Одессы. Раскинув свою небольшую сеть, он, как паук, стал следить за тем, не раздастся ли звон колокольчика, свидетельствующий о том, что некто, весьма похожий на диверсанта, в неё попал. Сам он поселился на Маяках, раз в день выходил на рынок и пил кофе в кафе, что через дорогу от рынка.

Вот и сегодня он не спеша прошёлся по торговым рядам, купил кусок соленого сала с прожилками мяса — на вечер. Внимательно, словно собирался покупать, постоял у связок солёной и вяленой рыбы. Старостенко был истинным одесситом и не любил пресноводную рыбу. В ней много мелких костей. То ли дело всё, что более пары килограммов и выловлено в море. К такой рыбе больше подходит название "мясо-рыбы", как у Хемингуэя в повести "Старик и море".

Обойдя рынок и перемигнувшись с двумя продавцами овощей, Старостенко направился к выходу. Там он немного постоял у тазов, в которых шевелились зеленые, с коричневатым оттенком раки. Представил, как они краснеют, варясь в кипятке, и прошествовал в кафе, не преминув подмигнуть бабе Одарке, которая продавала неподалёку от входа на рынок шерстяные варежки и носки.

Заказывая кофе у барной стойки, он вопросительно посмотрел на бармена. Тот отрицательно покачал головой. Усевшись с чашкой кофе за дальний столик, Старостенко стал смотреть в окно, но периферийным зрением изучал компанию местных полууголовников, которая в традициях девяностых почти всё время проводила в кафе. Компания была одета так, как уже не одевались уважающие себя представители криминального сообщества. На каждом — спортивные брюки синего цвета и белые майки с короткими рукавами. В этой компании на восемь человек всегда имелись две-три девицы, причём, если парни были одни и те же, то девицы — каждый день разные.

Время от времени кто-либо из компании обращал внимания на мужика, который уже третий день почти в одно и то же время заходит в кафе пить кофе. Но ни у кого из них не появлялось желание попробовать чужака "на зуб" или "проверить на вшивость". Во-первых, потому, что мужик вёл себя очень уверенно, а за таким всегда стоит тот, кто может создать проблемы окружающим. А кому нужны проблемы? Во-вторых, мужик был значительно старше местной шпаны, и, следовательно, не конкурент.

Правда, сегодня компания вела себя более шумно, чем вчера. Наверное, выпили больше обычного.

— А чо ты, — петушился один из них. Скорее всего, лидер, поскольку мог позволить себе говорить с остальными, выпятив вперед нижнюю челюсть, — а чо ты…

— Я ничо, — отвечал ему "собеседник", — а ты чо?

— Я-то ничо, а вот ты мне предъявы делаешь!

— Да не делаю я тебе предъяв…

Столь содержательный "базар" продолжался уже несколько минут, но уйти так просто нельзя, если компания почувствует, что создаёт кому-то

душевный дискомфорт, она обратит внимание на него как на возможный объект травли. Здесь было всё, как в животном мире. В качестве жертвы или объекта нападения выбирают не первого попавшегося или самого близкого, а того, кто больше других боится стаи.

Лидер всегда почему-то сидел спиной к выходу из кафе. Сегодня всё было наоборот. Парень был крепок, широк в кости, его надбровные дуги создавали ему вид панчера — боксёра-нокаутера. По некоей полубандитской моде он был обрит, а на голове его было небольшое родимое пятно.

— Да хватит тебе, Горби, — вмешался в "разговор" парень, сидящий справа от лидера, — он и не думал тебе делать предъявы. Где ты, а где он?

Тот, кого назвали Горби, снизил агрессивность и сел на стул.

— А-а, — протянул он неопределённо, — наливай…

Посидев в заведении четверть часа, Старостенко поднялся со стула, вышел из кафе и пешком направился на квартиру, предвкушая послеобеденный сон, вечернее купание и ужин, который он приготовит на чугунной сковороде из яиц с салом.

Самое удивительное было то, что Олесь появился на рынке в Маяках спустя полчаса после Старостенко. Он так же, как и опер, походил по торговым рядам, посмотрел на шевелящихся раков, отклонил предложение их купить, но спросил у продавца:

— Где можно снять квартиру на несколько суток?

Продавец кивком головы показал на старушку, которая продавала вязаные носки.

— Баба Одарка, она всё знает…

Баба Одарка действительно знала всё, за десять гривен дала полный расклад свободных квартир и комнат, пояснив:

— Комната менее удобно, но более безопасно. А то у Вальки Спиридоненко клиент снял квартиру и уехал на рыбалку с ночёвкой, а потом приезжает — ни вещей, ни денег.

Взяв у бабы Одарки три адреса, Олесь решил заглянуть в кафе и сразу понял, что сделал это зря. За одним из столов сидела пьяная компания, она сразу обратила внимание на чужака. Олесю ничего не оставалось делать, как пройти к барной стойке и спросить облегчённый вариант "Кэмэла". Разумеется, такого не оказалось, и он спокойно покинул кафе, чувствуя на себе неприязненные взгляды мужской половины пьяной компании.

Дойдя до первого дома, значащегося в адресах, Олесь вошёл в калитку. И тут же ему навстречу рванулся огромный ком шерсти, на шее — ошейник, а голова изрыгала хрипы и лай, от которых кровь стыла в жилах. На крыльцо вышла хозяйка по имени Валентина и так рявкнула, что пёс, поджав хвост, поплелся в будку. За сто двадцать гривен в сутки Олесь обрёл спартанскую обстановку: железная кровать, тумбочка, шкаф, телевизор. Холодильник на улице, там же газовая плитка и стол. И там же душ, правда, летний, но вода в нём всегда горячая. А в жару это очень удобно.

— На ужин, что приготовить?

— Суп с галушками, — пошутил Олесь

— Можно и суп, — ответила Валентина, не поняв или не приняв шутки. — Что пьёшь?

— Ничего, я трезвенник.

— Трезвенник — это хорошо.

— Почему хорошо?

— Проблем меньше… А то сколько ни предупреждай жильцов, что я женщина мужняя, стоит выпить граммов двести — забывают.

— Я не забуду.

— Не забывай, на ужин ровно в семь вечера…

— Хорошо, я могу располагаться?

— Можешь… — сказал Валентина, но из комнаты не ушла.

— Что-то не так?

— Разумеется, деньги вперёд.

— Ах, да, — смутился Олесь, — вот вам за пять суток.

Валентина взяла плату и покинула комнату. Олесь разделся, влез в шорты и, взяв полотенце, вышел во двор в дверь, противоположную той, что выходила на крыльцо. Где-то там за стеной залаял было пёс, но сделал это както неуверенно, видимо, окрик хозяйки здорово на него подействовал.

В той части двора, о которой говорила Валентина, оказалось довольно уютно. Под навесом стоял холодильник и газовая плита. В некоем подобии беседки, увитой плющом, — стол, вокруг него — несколько табуреток. Чуть в стороне — душ, похожий на маленький парник, так как стены покрыты полиэтиленовой пленкой, почти прозрачной. То есть через неё можно смутно видеть, что в душе находится чьё-то тело. Но рассмотреть конкретно его формы не представлялось возможным.

Вода в душе оказалась в прямом смысле горячей, однако Олесь знал, что после такого душа возникнет приятное чувство прохлады. Олесь вернулся в комнату, улегся на кровать и стал подводить итоги первой половины первого дня в Беляевке.

На месте своих коллег, которые, безусловно, ждут его здесь, он поступил бы так же. То есть создал позиции, прежде всего, на автостанции, в местах общего пользования, в магазинах и на рынке. Безусловно, договорился бы с бабой Одаркой. И нет сомнения, что его уже взяли на крючок, что, собственно, и было нужно. Ибо надеяться на то, что он может проникнуть в Беляевку незамеченным, было бы смешно.

Единственно, что пока не стыковалось это…

В дверь комнаты тихо постучали. Олесь вскочил с кровати и пошёл открывать дверь. В коридоре стояла Валентина.

— Совсем замоталась, нужен твой паспорт.

— Конечно, — ответил Олесь, вернулся, достал из барсетки паспорт и передал его хозяйке.

— Вечером верну, — сказала она и удалилась.

А Олесь снова завалился на кровать. Всё стало на свои места. Последний штрих, которого он так ждал, был только что сделан. А вот вам всем хрен, молодец папаня, нашёл возможность достать мне паспорт с другими установочными данными, пусть поломают голову, контрразведчики.

Неожиданно для себя Олесь уснул и проснулся ровно в семь вечера. Поднялся с кровати, умылся, прополоскал рот и вышел в ту часть двора, где была кухонька и стол в беседке, увитой плющом. Хозяйка стояла за плитой, на сковороде у неё что-то скворчало.

— А где муж?

— На смене. Он тебе зачем?

— И точно, зачем он мне…

А хозяйка между тем стала носить на стол всё, что было у неё на плите. Сковороду с жареной говядиной, салаты из огурцов и помидоров раздельно, хлеб нарезанный крупными ломтями, сочную редиску с хвостиками на пластмассовой тарелке. А потом на столе появился графинчик с красноватой наливкой. Олесь вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Это всего лишь наливка, — сказал она, — даже не настойка. Так что ты можешь смело выпить, её все трезвенники пьют.

Наливка оказалась очень приятной, Олесь похвалил хозяйку. Она тут же налила ему вторую стопку, но он от неё отказался и стал жадно есть мясо, с хрустом заедая его редиской, помидорами и огурцами.

— Чем завтра заниматься будешь?

— В разведку пойду, нужно узнать, где тут у вас червя копают и как удобней к озеру Белому подобраться. А где вы работаете?

— На очистительной станции. Я завтра с утра на работу, так что ты будешь закрывать не только комнату, но и дом, и калитку.

Следующие два дня до приезда Владислава Савелий валялся на пляже, играл в бильярд с соседом по вигваму и начал читать “Полутолковый словарь одесского языка”. Однако все изыски его показались Савелию надуманными и притянутыми за уши, он отложил словарь в сторону и стал считать время до приезда Владислава.

Владислав появился на следующий день, и всё повторилось. Днём он купался и загорал, вечером явился в вигвам.

— Ну вот, — сказал он, будто они расстались пять минут назад, — я так и предполагал, что тебе не интересны юмористы Одессы и их язык, и интуиция меня не подвела.

— Хорошая у тебя интуиция, — ответил Савелий.

— Пока не жаловался, — неопределённо ответил Владислав. — Но вернёмся к нашим баранам. В этом году как раз юбилей — ровно десять лет со дня убийства главного редактора газеты "Вечерняя Одесса" Бориса Деревянко. Расстрелян по дороге на работу, неподалёку от редакции газеты.

— Этот факт из ряда вон или…

— Это в тебе говорит профессиональная солидарность или проснулся исследователь данной темы?

— Наверное, второе, — ответил Савелий.

— Хорошо, затронем и первый аспект. Он связан с общей обстановкой на Украине. Несмотря на надувание щёк и обнаружение собственных залежей ископаемых, Украина страдает от отсутствия достаточного количества газа, в Одессе его тоже нет. Электричества тоже не хватает. Поэтому его отключают. И горячую воду соответственно — тоже. Да что там горячую, с водой в Одессе всегда была напряжёнка, а сейчас особенно. Но если газ, нефть и прочие подземные богатства отсутствуют объективно, то вода рядом, и население остро реагирует на её отсутствие, перебои или угрозу таких перебоев. Нет-нет да появятся в прессе рассуждения о том, что вдруг некая политическая сила, чтобы дискредитировать власть, совершит диверсию на фильтровальной станции в Беляевке.

— И это действует?

— Вам, пришлым, трудно понять это. Одесса уже не та, что была раньше. Не работают заводы, которые работали на союзную оборонку, закрыты заводы, производившие станки. Закрыта и растащена Одесская киностудия. Дома, построенные из известняка сто пятьдесят лет назад, разваливаются, превращаются в песок, поскольку не рассчитаны на такое длительное функционирование. И это всё результат выпадения Одессы из некоего общего механизма, в котором она была очень нужным винтиком. Всё это есть среда, в которой работают наши СМИ, но на их страницах об этом ни слова. Ты спросишь, почему? Да потому, что это уже не среда, а медиа-рынок. И как всякий рынок, она решает одну задачу получения выгоды. На этом рынке всё схвачено и поделено.

В Одессе до пятидесяти довольно крупных печатных изданий и более двух десятков электронных СМИ. Но все они прекрасно сосуществуют с властью, разве что иногда для самопиара затеют конфликт или обратят внимание на себя тем, что им не дают работать.

— Понятно, — сказал Савелий, но только для того, чтобы поддержать разговор.

А Владислав продолжал.

— Но что следует отметить, так это широкое использование новых технологий "чёрного пиара". Как, например, распространение провокационных листовок под видом газет от имени одной из партий её конкурентами. А поскольку ещё одна примета нынешней избирательной кампании — полное отсутствие каких-либо опознавательных знаков на печатных агитматериалах, выяснить, кто реально их издаёт, невозможно. В общем же, СМИ стараются заработать как можно больше на выборах. Это и неудивительно, поскольку рынок рекламы в Одессе развит слабо. Точнее, это не рынок, а базар, на котором стоят в основном перекупщики. И если радио и телевидение ещё как-то обеспечивают себя, то в газетах дела обстоят гораздо хуже. Прежде всего, в Одессе нет традиции покупки газет. С прилавков киосков продукцию сметают в основном представители старшего поколения, и то те, кто может себе это позволить по финансовым соображениям. Те, кто не могут, довольствуются газетами, бесплатно рассылаемыми пенсионерам. Люди активного возраста предпочитают интернет или лаконичную информацию в формате

теле- или радионовостей, которую им "вкладывают в уши" между делом — по радио в машинах, маршрутных такси.

— Ну, здесь нет ничего нового, почти так же обстоит дело с прессой и в России.

— Я за Россию не ответчик, я за Одессу отвечаю, — произнёс Владислав и продолжил: — Средняя заработная плата журналистов в одесских СМИ — 200—250 у. е. Правда, востребованный журналист вполне реально может заработать в месяц 500—700 у. е., а иногда и больше, работая на разные издания.

Материальные и творческие проблемы одесских газет объясняются, прежде всего, тем, что их владельцы не рассматривают издательство как бизнес. Боссы считают газеты чем-то вроде игрушки. Отсюда и кадровая политика таких издателей. Редакторов они подбирают не по профессиональному принципу, а на основании дружеских отношений. По сути, редактор им и не нужен, так как такие владельцы газет сами себе редакторы: они лично определяют, о чем и как писать журналистам.

— А Деревянко?

— Ну, он был из старых журналистов, которые нашли себя в новой обстановке.

— И потому его убили?

— Не надо спешить с формулой "и потому", — сказал Владислав. — А всё предыдущее я рассказал потому, что без этого тебе не понять, почему.

— Ну, конечно же, не понять, — сказал Савелий, — но я перед тем, как задать тебе этот вопрос, посмотрел всё, что у вас есть по нему в так называемой открытой печати.

— И что обнаружил?

— Немного, исходя из того, что о человеке ушедшем, как правило, не говорят плохого.

— О нём и не говорили, — сказал Владислав, — или ты накопал что-то?

— Накопал, вот несколько реплик по его поводу со стороны тех, кто знал его и работал с ним. — Савелий открыл папку, лежащую на столе, и зачитал: — "...произвёл на меня впечатление человека заносчивого и чрезвычайно конфликтного. То есть, по-моему, ему нетрудно было нажить смертельных врагов. Его поведение чем-то напоминало поведение Валерии Новодворской, он постоянно искал конфликтов..."

— Это действительно так, но сие не причина, чтобы быть убитым. Спустя год после убийства, а потом чуть позже по Одессе прокатилась волна под названием "Кто хочет выгородить убийц Бориса Деревянко".

Владислав достал из портфеля папку, открыл её, пробежал глазами по первой странице, а потом переложил один лист, второй...

— А, вот то, что надо... "Подозреваемые решили отказаться от своих показаний..."

— Ну, и это не ново, — сказал Савелий, — однако существуют протоколы следственных действий.

— В том-то всё и дело, — возразил Владислав, — что исчезли документы, которые могли это подтвердить.

— Вот как?

— Трое из пяти подозреваемых заявили, что предыдущие показания были выбиты из них незаконными методами.

— Но по делам такого уровня всегда делается видеосъёмка?

— Такая съёмка есть, но тот, кто её делал, сознательно или по профессиональной небрежности нарушил процессуальные нормы, причём не только видеосъёмки, но и изъятия оружия... Дальше — больше. Выяснилось, что кто-то стёр видеосъёмку по воспроизведению показаний основного подозреваемого на месте преступления.

— Ну, здесь ещё проще, нужно установить тех лиц, которые имели доступ к делу.

— Эти полтора десятка томов несколько раз гуляли из прокуратуры в суд, и никто не сможет найти следов, тем более, что любое их обнаружение приведёт к тому, что кого-то надо будет обвинить, как минимум,

в халатности. Так, исполнитель стал утверждать, что именно следователь показал ему накануне эксперимента место убийства Деревянко. Он также стал отрицать свой приезд в Одессу 11 августа.

— Как его фамилия? — спросил Савелий.

— Давай назовём его условно Глюк.

— А почему условно?

— Потому что мы в Одессе, и здесь очень обидчивые люди. Расскажешь анекдот про Ничипоренко, все Ничипоренки у тебя во врагах.

— Понятно. И откуда всплыл этот Глюк?

— Ты правильно отметил, — сказал Владислав, — заказчик специально нанял бригаду киллеров из Приднестровья.

— Так кто этот таинственный Глюк?

— Мужик сорока лет, который занимался возвращением долгов с неаккуратных должников.

— И как его нашли?

— Почти случайно. Ещё один одессит заказал ему за пять тысяч баксов убийцу своего сына. Но Глюк перепоручил это дело подельнику за две с половиной тысячи. Подельника взяли. Он сдал Глюка, у того нашли четырёхзарядный пистолет, из которого был убит Деревянко.

— Но это косвенное доказательство.

— Да, но позже появились свидетели, которые утверждали, что Глюк хвастался кучей денег за убийство редактора в Одессе.

— И какова была сумма?

— Свидетели утверждают, что сумма была небольшой — десять тысяч долларов. Но большие чины из милиции говорят, что им известен и посредник, и заказчики и что заказчик выделил на это убийство сто тысяч долларов. И первые, и вторые сейчас за границей. Посредники — спортсмены, а заказчик… Заказчик известен только милиции…

— И почему их не арестуют, не привезут в Одессу?

— Как говорят милицейские боссы, "их задержание и доставка в Украину усложняется необходимостью межгосударственных согласований". Городской председатель сразу же после убийства сделал заявление, что это убийство — заказ, что "ликвидирован" редактор "Вечёрки" по политическим мотивам. А один из друзей Деревянко высказал предположение, что его убили потому, что он намеревался выдвигать свою кандидатуру на выборах на пост городского головы.

— А раз так, он должен быть в контрах с действовавшим в то время головой, — констатировал Савелий.

— Да, поэтому на сегодня нам хватит разговоров. Дня через три я снова появляюсь здесь, а сейчас оставлю тебе некое заявление. Прочитай внимательно. Может быть, появятся какие-то идеи. Пойдём, окунёмся, и проводи меня до маршрутки.

К распаду Советского Союза Казимир Сигизмундович Семенович был заместителем заведующего лабораторией. Но рухнул Союз, независимая Украина сократила финансирование института. И Казимир Сигизмундович оказался на мели. Однако он не пропал, напротив, новый спрос на его профессиональные возможности сделал его почти единственным в Одессе специалистом профессии, которая имела название "геммология". Именно к нему сегодня утром звонил бывший коллега по Океанографическому институту и просил принять его с экзотическим напарником.

Семенович к приходу гостей побрился и переоделся. И когда раздался звонок в дверь он, благоухая туалетной водой, пошёл открывать дверь. На пороге стоял крепкий парень лет двадцати пяти в белых брюках и белой полурукавке, а сзади него — бывший коллега Владик Самсонов, который *строил* Семеновичу *глазки*, давая понять, чтобы тот ничему не удивлялся. А удивиться стоило бы. На парне не было живого места — синий от наколок. Пальцы синели перстнями, на предплечьях красовались акулы и львы, из отворота рубашки торчал крест купола церкви, а шею оплетала змея,

чем-то похожая на ту, что изображают на эмблемах военных медицинской службы. Понимая замешательство Казимира, Владик представил гостя:

— Дмитрий…

Но гость, внутренне не согласившись с этим, протянул Казимиру руку и произнес:

— Митроха.

— Казимир Сигизмундович, — ответил Семенович и пригласил гостей в квартиру.

На журнальном столике стояла бутылка коньяка. Хозяин предложил гостям по рюмочке. Владик с радостью согласился, а Митроха спросил Семеновича:

— А ты?

— Я на работе не пью, — был ответ.

— Тогда и мы не будем, — сказал Митроха к явному неудовольствию Владика.

— Не будем крутить вола, — продолжил Митроха и уселся на стул возле журнального столика, затем вынул из нагрудного кармана некий камешек, завернутый в бумажную салфетку.

— Что это? — спросил он у Казимира.

— Изумруд.

Семенович взял со столика камень и подержал его в руках.

Прозвище "Топаз" Борис получил вскоре после того, как поступил в НГУ. Уже тогда он заинтересовался драгоценными камнями, хотя это и не входило в основной профиль его подготовки. Из трёх лидеров драгоценных камней он интуитивно выделил изумруд: алмаз не интересовал его бесцветностью, а рубин вызывал тяжёлые чувства, которые сравнимы с предчувствием конфликтов с другими людьми. Болезнь эта пришла к Борису внезапно, во время первого посещения музея Института геофизики в Новосибирске. Пока его сокурсники восхищались размерами золотых самородков, заключённых в прозрачные ящики-кассеты, он был заворожён камнями. И даже шутка, о которой знают все посещавшие музей новосибирцы и гости столицы Сибири, не тронула его. Звучала она так. Рассматривая самородки золота, посетители всегда задавали вопрос: "Сколько стоит?" И у экскурсоводов всегда был один и тот же ответ: "Десять лет колонии строгого режима". Ответ с позиций юриспруденции, безусловно, безграмотный, но для обывателя весьма информативный.

Впоследствии жизнь и практика оторвали Бориса от объекта его интереса. После окончания универа он попал на службу в армию в качестве офицера-двухгодичника. Правда, служил недалеко от Новосибирска. Как говорили тогда, в огородах, в Пашино, был замкомроты в стройбате. Ну, а потом наступили времена, которые позже стали называть "безвременьем". И в это безвременье Борис занялся разработкой технологии выращивания искусственных бериллов. Прежде чем перейти к практике, он решил изучить уже имеющиеся способы выращивания изумрудов. Затем начал эксперименты с так называемым питательным раствором для выращивания кристаллов. Исследовав все составляющие части, которые природа использует для выращивания изумрудов: бор, висмут, свинец, литий, никель, натрий, калий, молибден, вольфрам, ванадий, хром, фтор, кислород и воду, он сравнил их соотношение, которое, согласно статьям ряда исследователей на Западе, было в "синтетических" изумрудах.

Однако это ничего ему не дало. И тут он увидел, как один из его бывших коллег соорудил на даче устройство, отпугивающее крыс и кротов.

— Но оно воздействует и на людей, — сказал ему Борис.

— Конечно, оно воздействует на все растворы, на все жидкости. Поэтому я включаю его, когда уезжаю в город. А крысы и бомжи не в счёт.

— Да ты садист, батенька.

— Есть немного. Я ведь сажаю на даче растения не для крыс и кротов.

— Понятно. А как ты додумался до этого?

— А помнишь, теплофизики в Академгородке проводили эксперименты по разрушению бетонных фортификационных сооружений…

— А-а, — молнией пронеслось в мозгу у Бориса… И он перевёл разговор на другую тему.

После этого всё стало на свои места. Нужно было лишь проэкспериментировать воздействие на "питательный раствор" различных видов разрушительных излучений. Что должно было не только в несколько раз увеличить скорость выращивания кристаллов, но и создать новое их качество, как надеялся Борис, приближенное к природным. Уже тогда он понял, чем отличается природный процесс от искусственного. В природе нет правильности, линейности, симметричности и соразмерности. Поэтому её невозможно повторить, и приблизиться к ней можно, только нарушив все принципы выращивания искусственных изумрудов. Но без этих принципов нет технического движения. Как разорвать этот круг, он тогда не знал.

Для работы нужна была экспериментальная база. И Борис пошёл на поклон к денежным людям. Толя Курлов оказался одним из таких. Борис выбрал его по двум причинам. Толя не относился ни к бандитам, ни к спортсменам и в своё время учился в Новосибирском универе. Посему найти с ним общий язык было проще, чем с другими. Однако с партнёрами дело шло туго. Борис не мог доверить никому свою святую тайну, а именно то, как он может создать искусственный берилл, почти похожий на природный.

И тут Борису позвонил Заборток, предложил встретиться. Борис ехал в Академгородок и думал о том, что с Забортком его судьба разбросала в восьмидесятых. После окончания вуза их обоих пригласили, а проще сказать, вызвали в военкомат Советского района и сказали, чтобы они ждали повесток. Но Заборток увернулся от призыва, так как за него заступился его научный руководитель. С тех пор судьба их развела, они никогда и нигде не встречались, даже на встречах выпускников…

Заборток ждал его у входа в Дом учёных. Он провёл Бориса в ресторан и за ужином сообщил:

— Есть исследования по выращиванию изумруда из раствора в расплаве, но не для получения драгоценных камней, а для использования в лазерах для микроволновой связи. Так вот, если попробовать использовать плавни вольфрамата лития, молибдата свинца, вольфрамата свинца и пятиокиси ванадия, то…

— То может возникнуть структура, приближённая…

— Молодец, но всё это я дарю тебе, *безвозмездно, то есть даром…*

После этого всё закрутилось так, что только успевай поворачиваться. В одном из заброшенных помещений бывшего оловозавода Борис разместил свой экспериментальный участок. Нанял охрану и одного технолога, который должен был отслеживать последовательность операций. Но на третий день экспериментов к нему нагрянул ОМОН и пришлось месяц отписываться, что участок — не лаборатория для производства наркотиков.

На этот случай Курлов прислал ему своего начальника службы безопасности и, в традициях первого отдела, залегендировал производство. Теперь в документах оно значилось "экспериментальным участком по производству оловопокрытия для корпусов элитных автомобилей".

Так продолжалось два года, и Борис вдруг понял, почему были правы Заборток и Курлов. Потенциал его участка для опытов было мал. Чтобы получить результат, нужно было либо увеличить количество таких участков в несколько раз, либо ждать десятилетия, чтобы нужный результат всё же появился.

И тут случилось непредвиденное. Измотанный работой по двадцать часов в сутки, Борис решил отдохнуть. Он купил путёвку в Белокуриху и уехал на целых двадцать дней. Вернувшись, ужаснулся. Оказывается, в эти дни были отключения электроэнергии, но его технолога на работе не оказалось, так как он ушёл в тяжёлый запой. Охрана честно несла службу, но она не понимала тонкостей процесса.

Технолога Борис уволил. Курлову сказал, что эксперимент с очередной партией провалился. А тот намекнул ему, что пришли трудные времена и финансирование, видимо, придётся свернуть.

Борис огорчился, но в меру. Прекратив подачу энергии на "тормошение" "питательного раствора", он слил его и увидел россыпь довольно крупных кристаллов с удивительно нежным зелёным цветом. Как настоящий геммолог, выждал некоторое время и взялся исследовать полученные кристаллы всеми известными способами. Результаты поразили его: совершенно случайно эти веерные отключения создали ситуацию, при которой воздействие на рост кристаллов было таким же случайным, как и в природе, но в сочетании с высокочастотным "тормошением" — более быстрым. Борис занялся расчётами, чтобы повторить эксперимент, но потом понял, что такого рода случайностей больше не будет.

Он поблагодарил Курлова и Забортка за оказанное ему содействие, оставил оборудование спонсору и на какое-то время притих. Однако зуд проверки результата заставил Бориса отдать пару кристаллов на экспертизу. Нашлись люди, которые внимательно следили за подобными вещами. Они соотнесли его работу на участке по производству оловопокрытия с наличием у него камней, и на Бориса "наехали" "синие" левобережья. Предъява была конкретной.

— Добыл кристаллы на нашей территории — плати, — сказал ему невысокий шплинт.

Но Борис тоже был не лыком шит.

— Кого представляешь? — спросил он.

— Карлагу.

— Вот с ним и буду говорить

На удивление, Карлага не заставил себя долго ждать. Он пришёл к Борису на квартиру один, оставив охрану на улице.

— Предъяву получил? — начал он без долгих вступлений.

— Да, — ответил Борис, — но требуются некоторые уточнения.

— Ты делаешь изумруды и торгуешь ими на нашей территории — плати.

— Я уже их не делаю, — сказал Борис. — Мощностей, которые у меня были, не хватает. Но у меня действительно удачной была последняя партия…

— Это я знаю, — сказал Карлага.

— Я могу её отдать тебе, — сказал Борис.

— Нашёл дурака! Я консультировался со специалистами. Её не продашь…

— Ну, сейчас не продашь, а завтра…

— Век бандита короток, — сказал, как отрезал, Карлага. — Ты мне должен. Плати. Даю тебе на раздумья три дня.

— Хорошо. Однако у меня есть условие.

— Какое?

— Кто меня сдал?

— Это выполнимо, — сказал Карлага.

— И дело по камням я буду вести только с тобой.

— И это возможно.

— Значит, договорились?

— Да. Сдал тебя твой технолог, а дело ты действительно будешь иметь только со мной.

Вот тогда-то Борис и отправился к Чилиндре.

Олесь проснулся рано и слышал, как во дворе хлопочет хозяйка, но выходить не стал. Дождался, пока она уйдёт на работу. Затем принял душ, побрился, взял удочку и вышел из дома. Пёс, увидев его, полаял для приличия и замолк.

Конечно, Олесь не стал искать места, где местные рыбаки копают червя. В его пакете дожидался десяток блёсен, от традиционных металлических до современных синтетических, весьма похожих на настоящую рыбку. Он самостоятельно вышел на берег водоёма, выбрал нетопкое место. Разобрал удочку, прицепил блёсенку и стал кидать. Поначалу это у него плохо получалось. Но, как человек координированный, он вскоре приловчился бросать довольно далеко и уже с неким наслаждением вращал катушку удилища.

Прошёл час, другой. В пакете не появилось ни одной рыбки.

— “Пришёл невод с морскою травою”, — произнёс Олесь вслух и стал собирать удочку.

Становилось уже довольно жарко. Он зашёл в магазин, купил хлеба, рыбных консервов, пару помидоров, сыра и вернулся домой. Пёс встретил его почти дружелюбно. Олесь открыл дверь в свою комнату и проверил, на месте ли контрольная соринка. Она оказалась там, где он её оставил. Значит, в его вещах никто не копался. Принял душ, потом одновременно позавтракал и пообедал.

Итак, он “объявил” окружению, что пробудет здесь пять дней, а если понравится, то и все восемь. Если за ним уже установлено наблюдение, то наблюдатели некоторое время буду сомневаться, он ли разыскиваемый диверсант. Ведь кураторы из Киева сообщили другие данные. И параллельно с работой по нему его коллеги будут отслеживать того, кто должен прибыть под указанными установочными данными. А значит, нужно себя проявить так, чтобы у ловцов диверсантов почти не осталось сомнений. Почти, потому что сомнения должны быть, иначе на него будут брошены все силы и средства. Одиночка имеет преимущества до тех пор, пока он не установлен или у тех, кто его ищет, есть сомнение в том, что именно он объект розыска.

Значит, нужно обострять обстановку. Олесь вспомнил весь вчерашний день и пришёл к выводу, что это можно сделать только в одном месте. На часах было начало третьего. Нужно было как-то убить время.

В белых брюках и такой же ослепительно белой майке он вышел из дома и направился на рынок. Поболтавшись там без дела, зашёл в кафе, демонстративно заказал себе бокал сока и стал рассматривать девиц в компании, лидером которой был Горби. В кафе, кроме завсегдатаев, было ещё несколько человек, среди которых выделялся мужик в майке под тельняшку и огромной золотой цепью на шее. Его спутница выглядела вполне нормальной девицей, на ней даже не было косметики. И если все другие посетители испытывали определённый дискомфорт от агрессивности, исходящей от компании Горби, то эта пара чувствовала себя как дома.

На этот раз Горби расположился как обычно, спиной ко входу и не видел Олеся, но паренёк, сидевший напротив него, тут же доложил, что в кафе появился чужак. Однако Горби не сразу переключился на чужака, он вёл разговор с одним из своих приятелей в том же духе, что и вчера…

— А чо ты, чо?

Приятель пытался оправдаться, но говорил тихо, как и положено вассалу.

— И всё? — заключил Горби.

И только после этого Горби обернулся и осмотрел зал. Появление чужака, да ещё заказавшего себе сок, не могло пройти незамеченным. Горби, как настоящий вожак стаи, тут же принял вызов. Но сразу ввязываться в конфликт самому было не по статусу, и он послал к Олесю одного из своих приятелей-“шестёрок”. Тот подсел за столик к чужаку.

— Откуда, здоровяк? — спросил он Олеся.

— Из Киева, — ответил Олесь.

— Плати дань, раз из Киева.

— Кому? — спросил Олесь.

— Ему, — “шестёрка” указал пальцем на Горби.

— Годится, — ответил Олесь, — скажи, чтоб вышел за кафе…

“Шестёрка” поднялся со стула и вернулся к Горби. И хотя разговор между Олесем и “шестёркой” происходил вполголоса, все в кафе понимали, о чём шла речь и каким будет продолжение. Некоторые с сочувствием смотрели на Олеся.

Горби демонстративно поднялся со своего стула и двинулся к выходу из кафе, за ним потянулась вся его кодла, за исключением трёх девиц, которые остались сидеть за двумя сдвинутыми столиками, причём они вели себя так, как будто всё происходящее их не касалось.

Олесь пошёл следом. За зданием кафе его уже ждало каре из приятелей Горби. В центре его стоял сам вожак. Олесь медленно подходил к нему, понимая, что долго возиться с ним нельзя, кто-то из приятелей может нанести

удар сзади. Но Горби сам помог ему. Он сделал зверскую рожу и после такой психической атаки бросился на Олеся. Если такого бугая поймать в нужной точке, то здесь, как и при столкновении двух встречных автомобилей, происходит сложение скоростей и сил. Прямой удар в голову на какое-то мгновение остановил и ошеломил нападающего. Однако Олесь не стал ждать, пока Горби упадёт, два боковых в голову окончательно добили противника. Горби опустился на землю, и было понятно, что он в глубоком нокауте.

Олесь резко повернулся к одному из приятелей Горби:

— Быстро вызвал "скорую"! Его ещё можно спасти.

После этого он оглядел присутствующих, словно выбирая, кого бить следующим. Но те сориентировались правильно, переключив всё внимание на лежащего на земле Горби. Олесь оставил кодлу реанимировать своего лидера и вернулся в кафе.

Его появление вызвало оживление. Девицы за столиком Горби мгновенно вспорхнули и побежали к выходу. Остальные посетители смотрели на него, и в глазах их были чувства удивления и восхищения. Олесь уселся за свой столик, допил сок, оставил на столе несколько гривен и покинул питейное заведение культурного отдыха жителей посёлка Маяки…

Капитан Старостенко предыдущую ночь почти не спал. Тот парень, которому сдала квартиру Валентина по наводке бабы Одарки, оказался каратистом. Это было понятно козе… После того, как он вырубил местного придурка и племянника хозяина кафе по кличке Горби, многое стало на свои места. Многое, но не всё. Босс, с которым Старостенко говорил по телефону, не разделял его уверенности.

— Ну, и что, что он каратист? Сейчас, куда ни плюнь, одни каратисты и специалисты по боям без правил.

— Дак и возраст совпадает…

— И это не показатель, у того другие установочные данные, ты полагаешь, что наши друзья из Киева могли ошибиться?

— Ну, всякое может быть.

— Может, но не в этом случае. И чего ты хочешь?

— Пришлите двух "отошников", я организую ему поездку на озеро, а они проведут мероприятие.

— Но тогда тебе придётся выходить на местных?

— Выйду, объясню это тем, что в поле зрения попал тип, похожий на объект розыска, и он приехал в Беляевку порыбачить.

— Ну, давай, что ещё?

— Звонок начальнику местного отделения о том, что мне нужна помощь.

— Хорошо, уже делаю.

После разговора с начальством Старостенко пошёл к коллегам из местного отделения СБУ и заявил, что объект розыска в возрасте чуть менее тридцати лет приехал сюда на рыбалку, а поскольку человек этот осторожный, весь возможный компромат он возит с собой. Но есть вещи, которые с собой не унесёшь. И…

— Всё понятно, — ответили ему коллеги…

— Отлично, — сказал Старостенко, — вот его приметы, вот его установочные данные, а я в Одессу, за специалистами.

"Отошников" (специалистов из отдела таможенного оформления) Старостенко привёз только к утру. Он разместил их в комнате отдыха местного отделения СБУ. Дождался, пока сотрудники придут на работу. А надо сказать, что коллеги даром хлеб не ели. Они дали Старостенко полный расклад по объекту розыска. Выходило, что объект остановился у некоей Валентины Спиридоненко, заплатил за пять суток и планировал остаться ещё на трое, если ему тут понравится.

— Отлично, — сказал на это Старостенко, — работаем по хозяйке.

Проводив Олеся на рыбалку, Валентина занялась уборкой дома, но зазвонил телефон.

— Спиридоненко? — спросил голос в трубке.

— Да.

— У вас спор с соседями по поводу границ вашего участка? Подходите прямо сейчас в сельраду, может случиться так, что этот спор разрешим прямо здесь, а не в суде.

Звонок обрадовал Валентину: свара с соседями из-за забора, который они перенесли полгода назад, её тяготила. Она быстро переоделась и вышла из дома. Шла по улице и даже не обратила внимания на стоящий в квартале от её дома автомобиль с тонированными стеклами. Сидевшие в машине Старостенко, сотрудник местного СБУ и "отошники" проводили Валентину взглядом. Они были заняты разглядыванием схемы расположения комнат в доме Спиридоненко.

Валентина пришла в сельраду, где прямо у входа её встретил мужчина в приличном костюме. Лицо его показалось Валентине знакомым. Мужчина долго слушал Валентину, вникая в суть её тяжбы с соседями. А потом он вообще отклонился от темы разговора:

— Вы сдаёте комнаты приезжим? — спросил мужчина.

— Да.

— А если ко мне приедут друзья на выходные из Одессы порыбачить, во сколько им это обойдётся?

— Думаю, они не обидятся, — сказала Валентина.

— Буду иметь вас в виду. — сказал мужчина и вышел из комнаты. Он вернулся через четверть часа.

— Что-то ваши соседи нас игнорируют, поэтому приношу вам свои извинения, хотели, как лучше… Ещё раз извините и нас, и их… В качестве компенсации я отвезу вас домой на машине, заодно и комнату посмотрим…

Валентина, которая разозлилась на пустой вызов в сельраду, успокоилась и согласилась. И через пятнадцать минут они оказались в доме Спиридоненко. Там всё было, как прежде, лишь пёс не бросился лаять на чужака, а только захрипел из будки. Но хозяйка не обратила на это внимания. Она показала гостю комнаты, назвала цену, и они расстались.

А в это время Старостенко звонил по спецсвязи в управление СБУ.

— Ну, — спросил его начальник, когда соединение произошло, — обнаружил у него в вещах что-то похожее на закладки?

— Нет, — ответил Старостенко.

— Ну, вот видишь.

— А может, их и не должно быть.

— Должно, должно быть, — повысил голос начальник, — потому что именно этими муляжами доказывается, что диверсант смог проникнуть на объект и прикрепить их там. У меня даже описание их появилось. В общем, так, кооперируйся с местными и поднимай всё, что можешь. Диверсия будет в ближайшие три дня.

— Почему три?

— Потому что у этого парня командировка на пять дней без дороги.

На следующий день Савелий пришёл с пляжа, принял душ и в предвкушении обеда растянулся на кровати. Заглянул сосед.

— Как насчёт вечера? — спросил он.

— Всё как обычно.

— Значит, гостей у тебя не будет?

— Не будет, — ответил Савелий и только тут вспомнил про оставленные Владиславом материалы. Начал с "заявления".

"Заявление мэра Одессы Эдуарда Гурвица в связи с убийством главного редактора газеты "Вечерняя Одесса" Бориса Деревянко. Сегодня Одесса простилась с Борисом Фёдоровичем Деревянко. Стало меньше на одного одессита, страстно болевшего за свой город, за всё, что с ним связано. Городской совет потерял депутата. Все эти утраты — ничто в сравнении с тем, что мать потеряла сына, дети и внуки — отца и деда, семья — главу…" Далее "заявитель" перекладывал ответственность за убийство на правоохранительные органы, поскольку они не раскрыли ни одного заказного убийства и тем самым способствовали расцвету данного вида преступлений. Заканчивалось заявление

словами: “Сознаюсь честно, у меня к поимке убийцы Деревянко есть личный интерес. Я хочу знать, кто и почему так ненавидит Одессу, что решился на это кровавое преступление. Вспомним старую истину — если от острова или от материка откалывается часть суши, то меньше становится вся Земля. И если не станет одного человека, то меньше становится всё человечество и убывает от каждого из нас. И если в вашем доме есть чарка водки, помяните человека Бориса Фёдоровича Деревянко. Пусть будет ему пухом земля”.

Савелий дочитал, немного подумал, сходил на обед, а потом взял карандаш и стал вычитывать текст, помечая отдельные моменты на полях. Самое удивительное, что вечером он встретил Афанасьича.

— Как твой гость? — спросил тот.

— Нормально, — ответил Савелий.

— Ну-ну, — сказал Афанасьич.

Этим вечером Савелий отказался идти играть в бильярд с соседом, запер ся на ключ в своей комнате и приступил к чтению “материалов” — ксерокопий газетных публикаций, материалов уголовных дел и, что самое интересное, — досье на крупных фигурантов в окружении одесских руководителей. Складывалось впечатление, что кто-то собирал всё это для себя, но потом понял, что ему не удастся опубликовать собранное в Одессе, и решил отдать всё в руки человека, который сможет это сделать в другом месте.

Первой была бумажная папка с надписью “Гурвиц”. Начиналась она нарезками статей “Эдуард Гурвиц — политический и уголовный портрет” и “Знакомьтесь! Эдик — прораб из Одессы”. “Хорошие названия для статей о главе города”, — подумал Савелий. Первая статья начиналась словами “Без сомнения, Эдуард Гурвиц является одним из самых колоритных народных депутатов из окружения Виктора Ющенко. Он является эссенциальным образцом знаменитых одесских анекдотов и не менее знаменитых рассказов Бабеля. Он остроумен, эрудирован, имеет огромное количество связей, причём не очень переборчив в них... Короче говоря, Эдуард Гурвиц — настоящий сын коренной одесской народности, которая ведёт свои корни от Моисея, в нём присутствуют только семитские корни”.

“Я бы написал — не очень разборчив”, — на автомате подумал Савелий.

“Эдуард Гурвиц — личность довольно известная среди любителей скандалов, и не только в Одессе. Так, политические оппоненты активно рассказывают каждому, у кого есть уши, о том, что Гурвиц является агентом израильских спецслужб. Более того, общий агентурный стаж начался у нардепа ещё во времена учёбы в институте, когда он был завербован КГБ и проходил под кличкой “Весёлый”. Но это только говорят. А вот и реальные факты. Именно Эдуард Гурвиц усадил (при помощи ОМОНа) в кресло руководителя Черноморского морского пароходства Павла Кудюкина, который сам по себе является страницей в новейшей истории организованных преступных групп в Украине и с которым связаны грандиознейшие скандалы”.

Затем на десяти страницах перечислялись преступления Гурвица.

После этого шло досье на родителей Гурвица, в котором автор не преминул упомянуть судимость отца и девять лет лагерей по статье 58 пункт 6 — “шпионаж в пользу иностранного государства”. А также перечислялись криминальные группировки, с которыми фигурант продолжает поддерживать постоянные контакты, чтобы использовать их членов для актов устрашения и физического устранения конкурентов, неугодных политиков, журналистов и предпринимателей.

До Одессы Борис добрался без приключений, правда, спать приходилось вполглаза — там, в рундуке, лежала партия искусственных изумрудов, продав которые можно купить океанский танкер, разумеется, если продавать их по цене изумрудов природных. Нужный телефон сначала молчал, а потом абонент вообще его отключил, давая понять, что либо не может, либо не хочет говорить. И тогда Борис разыграл резервный вариант. Саба должен был свести его с Сашей Дерибаном. А что, если связаться с ним по-другому? Он вложил записку Дерибану в бумажник и спровоцировал его кражу на рынке. Осталось ждать.

Но прошло уже три дня, и никто не беспокоил его. На четвёртый день, возвратившись с утренней прогулки, Борис открыл дверь в номер гостиницы "Чёрное море" и увидел там парня, который по-хозяйски расположился на диване. Белые брюки, полурукавка, из-под которой торчали татуированные кисти и предплечья. На шее наколка в виде толстой паутины.

— Ты писал Дерибану? — спросил он вместо приветствия.

— Я, — ответил Борис.

— Откуда знаешь?

— Люди подсказали.

— О чём хотел сказать?

— Скажу только ему.

— Да, в общем, и так понятно, собирайся и зелень захвати…

— Она в другом месте…

— Ну, как знаешь… Меня Митрохой зовут, поехали…

Ехать пришлось долго, правда в авто работал кондиционер. Выехали за пределы Одессы, подкатили к какому-то посёлку, пахнуло прохладой моря. С лёту заехали на какую-то дачу. Митроха галантно распахнул дверцу автомобиля и проводил Бориса внутрь большого строения, не то дачи, не то офиса, выстроенного по типу шале. В огромном холле на белых кожаных диванах сидели двое. Кто из них Дерибан, было понятно с первого взгляда по той устойчивости, которую просто излучала его фигура. Второй, наоборот, чувствовал себя не в своей тарелке, хотя и пытался держать марку и выглядеть спокойным.

Митроха кивнул Борису на противоположный диван, Борис сказал:

— Добрый день, — и уселся напротив хозяев.

— Ты кто? — бесцеремонно спросил его тот, в ком он видел Дерибана.

— Борис.

— А масть?

— Я в мастях не силён.

— Откуда Шарика знаешь?

— Братва в Новосибе подсказала.

— А братва каким боком?

— Опекала меня…

— Вот он, — Дерибан кивнул на второго, — крупный спец по камешкам, хочешь узнать, что он говорит?

— Хочу, я тоже спец не маленький, — произнёс Борис, осознав роль второго.

— Как вам это удалось? — спросил второй.

— Что вы имеете в виду?

— Создать такой берилл.

— Его создала природа.

— Нет, он слишком правильный, чтобы не быть фальшивым.

— Вы хотели сказать — синтетическим?

— Да.

— Какие параметры привели вас к мысли, что…

— Он слишком похож на природный.

— Хватить зубатиться, — сказал Дерибан. — Чего ты хочешь? И почему вышел на меня?

— Братва в Новосибе полагает, что у тебя есть канал через границу в Измаиле.

— Это они из Новосиба увидели?

— Как они увидели, я не знаю, говорю то, что слышал.

— И что потом?

— Мы продаем тебе партию, ты переправляешь её через границу, получаешь сверхприбыль.

— Сверхприбыль, — сказал Дерибан, — можно получить, если количество этапов до реализации за полную стоимость не больше трёх. Мы такой возможностью не располагаем.

— Очень жаль, — сказал Борис, — братва говорила о твоих уникальных возможностях проведения первого этапа. Он для тебя фактически бесплатен, а значит, и разница от вырученных денег будет значительной.

— Бесплатен, бесплатен, — пропел Дерибан. — Казик, иди во двор. Поговори с гостем, а мы тут перетрём эту тему.

Казик, а это был спец, с готовностью вскочил с дивана и рукой предложил Борису следовать за ним.

— Что скажешь? — произнёс Дерибан, когда Борис и Казик ушли.

— Надо смотреть всю партию.

— А где она?

— Как говорит гость, в надёжном месте.

— В Одессе есть такие места?

— Он так считает.

— Давай калькулятор. Во сколько раз они дороже алмазов, он сказал?

— Десять тысяч фунтов стерлингов за карат. А этот камень примерно пять каратов. Умножай на пять — пятьдесят тысяч.

— А фунт к зелёному — это, примерно, один к полутора… Где-то тридцать три тысячи зелёных. А сколько у него таких камней?

— Больше двух сотен… Итого больше шести миллионов шестисот долларов.

— Не слабо…

— Но это если оценивать их как природные…

— Да понятно. Короче, сколько он хочет?

— Миллион.

— Даём триста тысяч, и это окончательная цена, но после проверки всей партии…

— Само собой…

Пока Дерибан перетирал тему с Митрохой, Казик во дворе атаковал Бориса.

— Такую партию невозможно продать, — сказал он. — Все камни, конечно, похожи на природные, но они очень похожи и друг на друга, а в природе так не бывает.

— Из этой ситуации есть элементарный выход: смешать их с природными камнями. Я вам предлагаю бериллы по бросовой цене. Вы отказываетесь, я иду к другим покупателям. Но мне непонятна ваша логика — "он слишком похож на природный, чтобы быть природным".

— Да чего уж тут не понять! Когда все камни очень похожи на природные, значит, они фальшивые, то есть искусственные.

Дверь коттеджа отворилась, и Митроха небрежно пальцем поманил внутрь строения Казика и Бориса. Через минуту все четверо снова сидели на белых кожаных диванах.

— Мы тут посовещались, — сказал Дерибан, — и я решил: Казик смотрит всю партию, и мы её берём за триста тысяч зелёных.

— Ну, хотя бы за пятьсот, — сказал Борис, — ведь столько было вложено.

— Больше не дадим, — отрезал Дерибан…

— Мне надо подумать.

— Думай, но не более суток…

Митроха привёз Бориса в гостиницу "Чёрное море". Они стали по лестнице подниматься в номер…

— Ты что, остаёшься у меня? — спросил Борис.

— Ну да, Дерибан сказал, чтобы с твоей головы ни один волос не упал…

— Понятно. И спать будешь у меня в номере?

— Ну да, на диване, ты не беспокойся, у меня нормальная ориентация.

— Это радует… Слушай, а кто такой Шарик?

— Не произноси это имя всуе…

— Понял, а он сейчас в Одессе?

— Нет, в Германии, но на киче…

Борис открыл ключом дверь номера и остолбенел: дверцы тумбочки, где находился небольшой металлический сейф, были открыты, а сам сейф взломан. Видимо, кто-то очень сильный загнал что-то вроде гвоздодёра в щель между дверкой и корпусом и просто вывернул её наизнанку…

— Твою мать! — выругался Борис.

— Да уж.

— Что будем делать?

— А ты что, тут их хранил, что ли?

— Нет, но…

— Понятно. — Митроха набрал номер Дерибана. Поговорив с шефом, он обратился к Борису:

— Где партия?

— В другой гостинице.

— На Дерибасовской? Едем.

Митроха заказал такси, и через полчаса они были на Дерибасовской, 27. В номере, который снял Борис, они застали такую же картину. Словно кто-то одним и тем же инструментом и одним и тем же способом, как консервную банку, вскрыл оба гостиничных сейфа.

— Будь здесь, а я смотаюсь к Дерибану.

— А как же волосы на моей голове?

— Сейчас они вне опасности. Ты лучше подумай, как тебе за сейф не платить…

Митроха ушёл, а Борис спустился на первый этаж и сообщил администратору о том, что в его отсутствие кто-то побывал в номере.

— Не может быть, — сказал администратор и пошёл с Борисом наверх. Увидев раскуроченный сейф, он выругался:

— Давно у нас ничего подобного не было! У вас что-нибудь пропало?

— Да, заначка от жены.

Но администратор тоже не первый день работал.

— Звоним в полицию?

— Нет,

— Почему?

— Вскроется, что я такую заначку имел, — сказал Борис.

— Ценю ваш юмор, — сказал администратор.

— Мне, пожалуйста, расчёт.

— Спускайтесь вниз…

К удивлению Бориса, внизу его встретил Митроха.

— Босс сказал, чтобы мы ехали к нему вдвоём.

Через час они снова были в офисе с диванами из белой кожи. Дерибан сидел на своём месте, а напротив него расположился Казик и вдохновенно читал лекцию об изумрудах, плохо понимая, почему его вдруг вернули к Дерибану и почему у того вдруг проявился искренний интерес к зелёным бериллам.

— Инки высоко ценили изумруд. В Перу обожали большой изумруд в виде страусиного яйца под именем Богини Изумрудной и показывали его только в торжественные дни. Индейцы со всех сторон собирались увидеть сей обожаемый ими камень и приносили оному в дар мелкие изумруды как дочерей этой богини. Испанцы по завладении Перу нашли все эти камни, но саму Богиню не нашли.

Дерибан, увидев Митроху и Бориса, кивнул им на диван. Казик продолжал:

— Самый большой в мире кристалл изумруда был найден в Колумбии в 1969 году и имел массу 7025 карат. Был, правда, ещё и "Изумруд Коковина" — сросток кристаллов, хранящийся в Минералогическом музее Российской академии наук, его масса более двух килограммов. А…

— Ну, хорош, — прервал Казика Дерибан. — Где партия?

Следующий день начался для Олеся неожиданно. К нему приехал мужик, которого он видел вчера в кафе с девушкой. Он без церемоний протянул Олесю руку:

— Коля, погоняло Канал. Ты вчера сделал то, что хотел бы сделать каждый в посёлке. Мы с сестрой приглашаем тебя на рыбалку.

Сестру Канала звали Нина, она работал смотрителем фондов в музее очистительной станции. У Канала имелся свой катер, и они покатались по Днестру, посмотрели место забора днестровской воды на станции, причём

Канал тут же стал рассказывать, что именно с этой стороны станцию не охраняют, поскольку каждого, кто попытается туда проникнуть, придавит поток воды к сетке, и он умрёт от асфиксии. Не веря своей удаче, Олесь попросился на экскурсию в музей.

— Нет проблем, сделаем это вечером, — сказала Нина.

Вечером автомобиль Канала привёз их к проходной станции. Нина попросила Олеся подождать в машине, сходила на проходную и вернулась минут через пять.

— Сняла с сигнализации, — пояснила она.

— Мне вас ждать? — спросил водитель.

— Нет, — ответила Нина, — езжай домой, мы доберёмся пешком.

Она открыла дверь музея ключом и тут же закрыла дверь изнутри.

— Тебе не нагорит? — спросил Олесь, который к концу дня перешёл на "ты" и с Колей, и с Ниной.

— Нет, мы иногда для особо важных гостей устраиваем экскурсии ночью.

— А что так?

— Это если днём они заняты, да и на улице неимоверная жара. В общем, ты уже понял, что в Одессе нет собственной воды, и во второй половине девятнадцатого века по заказу Российского правительства англичане стали строить насосно-фильтровальную станцию в посёлке Беляевка. Станция несколько раз модернизировалась, в том числе и в советские времена. — И Нина заученными словами стала рассказывать о том, как росла мощность станции.

— Нина, от твоих цифр у меня крыша едет. Лучше скажи, сейчас станция государственное предприятие или частное?

— После распада СССР был создан Одессводоканал, но пять лет назад весь имущественный комплекс его передали в аренду на сорок девять лет обществу с ограниченной ответственностью "Инфокс".

— И как это общество обеспечивает безопасность функционирования станции?

— Тебя это интересует с каких позиций?

— С позиций каскадёра.

— Ну, если с этих, то существует охрана, и на территорию станции посторонним вход воспрещён. Вот, смотри на этот макет. На станции около семидесяти фильтрационных установок, самыми производительными являются вот эти. А сама фильтрация осуществляется путём прохода речной воды из Днестра через слои песка с промежуточным отстаиванием взвесей в отстойниках, с добавлением реагентов-коагулянтов. Потом полученная чистая вода обеззараживается введением жидкого хлора.

— Господи, и здесь хлор, — деланно возмутился Олесь.

— Это не тот хлор, о котором ты думаешь, его концентрация выдерживается на заданном уровне с помощью системы автоматического дозирования. Обеззараженная вода подаётся пятью насосными станциями в Одессу.

— А это что за манекены? — спросил Олесь

— Это униформа работников станции. С передачей водоканала в частные руки фирма стала одевать работников в разные виды спецодежды. Это — ремонтники, это — эксплуатационники, а это — охрана.

— Да, — заметил Олесь, — у охраны форма, как у американских полицейских.

— Что-то вроде, просто начальник охраны у нас жил раньше в США.

— Ну, тогда всё понятно. А что-то вроде рест-рум у вас есть?

— Есть, я владею английским, вот мужское отделение, а рядом — женское.

— Вы позволите, на десять минут?

Олесь зашёл в мужскую комнату и прислушался. Как он и предполагал, Нина сделала то же самое, так как он услышал звук захлопнувшейся двери. Он быстро выскочил, ринулся к окнам, которые выходили на территорию станции, отодвинул щеколду, запирающую створку ставни. А чтобы окно случайно не открылось, засунул между рамой и ставней зубочистку, с удовлетворением отметив, что со стороны станции сигнализации на окнах нет.

Быстро вернувшись в мужскую комнату, Олесь дождался стука дверей женского отделения и тоже вышел в зал с экспонатами.

— У меня столько впечатлений за день, что я боюсь не уснуть сегодня ночью.

— Всё будет с точностью до наоборот. Сейчас я провожу тебя до квартиры, и ты уснешь как убитый. Завтра я на работе, а послезавтра…

— Отличная идея, встречаемся послезавтра…

Замглавы администрации Беляевского района, украинец по рождению, носил русскую фамилию Васильев. Однако по фамилии к нему никто не обращался, а звали его уважительно Аверьяном Семёновичем. Был он из бывших военных, которые в девяносто втором решили оставить службу, потому что вокруг происходило что-то малопонятное. Военные, которых раньше называли "защитниками Родины", вдруг стали "паразитами на теле народа". Васильев уволился в запас и вернулся к себе на родину, в посёлок Беляевка. Здесь он какое-то время работал тренером в ДСШ, а потом во время выборных компаний показал себя хорошим организатором и уравновешенным человеком, что было немаловажно, особенно в начале девяностых, когда процент истериков, психопатов, а то и просто шизофреников, рвущихся во власть, зашкаливал.

Так Аверьян Семёнович стал заведующим организационным отделом администрации, а потом и первым замом главы. Каждый вечер, где-то около восьми вечера он в своём кабинете подводил итоги дня и смотрел, что ему нужно сделать завтра в первую очередь. Вот и вчера ему позвонили из Института государственного управления и попросили ознакомить гостя из Москвы с процессом руководства районом, плюс показать ему достопримечательности Беляевки.

— Покажем, покажем, — ответил Аверьян Семёнович, хотя голова его была занята другим. Вчера в Беляевке случилось ЧП поселкового масштаба. Кто-то из приезжих поколотил Горбача. А надо отметить, что Горбач, он же Горби, являлся местной достопримечательностью. Нельзя сказать, что полный отморозок. В детстве рос вполне нормальным мальчишкой, если бы в начале девяностых к его отцу не приехал двоюродный брат из Херсона. Брата звали Шамиль, но фамилия Таранян. Такие несочетаемые имя и фамилия, казалось, не давали их носителю шансов на жизненный успех. Хотя смотря, что понимать под таковым.

Поначалу ничего не предвещало беды. Брат занялся коммерцией, но быстро прогорел. Тогда он попытался стать смотрящим от одесских "жуков" по Беляевке. Но и тут ему не хватило то ли куража, то ли некоего авторитета, которым должен обладать смотрящий за той или иной территорией. Однако, поварившись в криминале и рядом с криминалом, он приобрёл нужные связи, купил кафе возле рынка и стал успешным ресторатором. Так, во всяком случае, он себя называл. Правда, злые языки утверждали, что весь его доход — вовсе не от деликатесных блюд и варёных раков, которые в кафе подавали к пиву особо дорогим гостям, а от неких пожертвований, которые вносили в кассу кафе, а точнее, в карман хозяина карточные игроки, приезжавшие ночью из Одессы в Беляевку поиграть.

Что касается племянника по кличке Горби, то дядя сначала взял его на работу в должности официанта, но потом понял, что тот распугает всех нормальных посетителей, и перевёл его в администраторы. Горби весь день околачивался в одном из залов кафе. Иногда к нему приходили друзья и подруги, но сие не возбранялось, поскольку все платили за пиво и раков.

Такая жизнь развратила племянника, он стал чаще прикладываться к рюмке. Многие посетители жаловались на него дяде, но тот не обращал внимания, ещё раз подтверждая предположение о том, что его доходы и некий имидж питейного заведения друг с другом не связаны. А Горби опускался всё ниже и ниже. И вот вчера какой-то заезжий парень, не понимая, что Горби неприкасаемый, заехал ему по физиономии.

Аверьян Семёнович уже знал об этом из разговоров поселковых жителей. Ему также доложили, что в администрацию на всех парусах мчится

сам Шамиль Таранян. Васильев попросил попридержать его в приёмной, а сам стал производить доразведку инцидента. Первым делом позвонил не в больницу и даже не в милицию, а своему племяннику Коле, одногодку Горбача:

— Коля, что там произошло вчера?

— Дядя Аверьян, ты не поверишь… Какой-то заезжий вырубил Горбача.

— Да ну! И как это произошло?

— Тривиально. Тот решил взять его на понт и схлопотал.

— Горбач пострадал?

— Не очень. Парень, судя про всему, мастер этого дела. Он Горбача сначала остановил прямым, а потом двумя шлепками ладонями окончательно отключил. Так что у того никаких повреждений, разве что мозги на место встали. А то он вообразил себя здесь вторым после Бога.

Васильев позвонил в милицию и в больницу. Картина складывалась вполне определённая. Тут к нему пришёл тот чернявый, начавший лысеть мужчина неопределённой южной национальности, чрезвычайно экспансивный. Он с места в карьер начал быстро говорить, иллюстрируя сказанное такими же быстрыми жестами. Полнейший беспредел, приехали из Киева "синие", затеяли бузу, избили племянника, перелом челюсти и сотрясение мозга.

— Ну, второго у него быть не может.

— Почему?

— Шамиль, трудно сотрясти то, чего нет.

Таранян хотел возмутиться, но что-то его остановило. То, что у нормальных людей называется интуицией, а у блатных — чуйкой, сработало. Уж очень необычно вёл себя замглавы.

— Дак вот, слушай сюда, Шамиль, — произнёс Васильев. — Мне звонили кое-откуда, плюс я сам позвонил в больницу. Нет у твоего племяша перелома челюсти, и сотрясения мозга тоже нет. Потому что парень этот вовсе не "синий". И шлёпнул он твоего племяша дважды ладонью больше для острастки. И парень этот чемпион Украины и мог бы твоего администратора убить одним щелчком, но он этого не сделал. А как ты думаешь, почему?

— Не знаю, — стушевался Таранян.

— Потому что прибыл сюда для проверки жалобы на твоего племянника из самого Киева. И что мне прикажешь сейчас делать? Вместе с твоим племяшом и с тобой сесть в тюрьму?

— Почему в тюрьму? — выдавил из себя ошарашенный Таранян.

— Ну, а куда должен сесть замглавы администрации района, если он покрывает преступную деятельность человека, который терроризирует посёлок? — Васильев вошёл в раж. — Ты что думаешь, взял Бога за бороду? И тебе всё можно? Я тебе сколько раз говорил: уйми своего племяша, люди жалуются… Да, видно, жаловались в Одессу, а потом стали писать в Киев. И ты мне про "синих" не заливай, парень этот из органов, по всему видно. Понимаешь, чем всё это пахнет?

— Да… — подавленно заключил Таранян.

— Ну, если понимаешь, готовь после обеда раков, приведу к тебе ещё одного высокого гостя, может, как-нибудь и уладим косяк твоего племянника. Лады?

— Лады. А гость оттуда? — спросил хозяин кафе и неопределённо махнул рукой в небеса.

— Оттуда, оттуда. Я думаю, после твоих раков он размякнет, и я с ним поговорю… Ты только сам к нам не лезь…

Далее были две справки. Одна касалась использования одесских санаториев для лечения и боевой переподготовки чеченских террористов, а также снабжения их деньгами, оружием и боеприпасами. В частности, указывалось, что в 1997 году через ОПГ Омара Магомедова решались вопросы закупки, в том числе в Приднестровье, оружия с целью его дальнейшей доставки в Чечню. Вторая свидетельствовала о прилёте в Одессу вице-президента Ичкерии Вахи Арсанова, когда Гурвиц и его заместитель В. Стеблина, используя служебное положение, вывезли Арсанова и его вооружённую охрану,

отказавшуюся сдать оружие пограничникам, из Одесского аэропорта. Отдельно в картонной папке было выделено: контакты Гурвица с националистическими организациями, такими как УНР, УРП, УНА-УНСО, КУН, представители которых отправлялись наёмниками в Чечню для войны с Россией.

Ниже располагался список фирм, которые оказывают поддержку главе Одессы с юридическими адресами и именами руководителей.

От обилия цифр у Савелия зарябило в глазах. И он решил прерваться. Искупавшись в море, вернулся в номер и продолжил чтение, но уже второй половины материалов, на которых было написано "Боделан".

Боделан сменил Гурвица на посту одесского мэра. В отличие от предыдущих текстов, материалы по Боделану были составлены небрежно. Отсутствовало его досье. Неизвестный автор или авторы сразу брали быка за рога, объявив Руслана Боделана преступником. Материалы начинались с информации о том, что "Депутат Верховной Рады от фракции "Наша Украина", глава политической партии "Защитников Отечества" Юрий Кармазин просит Генеральную прокуратуру возбудить уголовное дело против мэра Одессы Руслана Боделана". Далее перечислялись злоупотребления Боделана. В частности, Боделан принимал единоличные решения, подписывал распоряжения о выделении квартир некоторым гражданам, что являлось нарушением законодательства и нанесло государству и городской общине Одессы значительный материальный ущерб.

За этими материалами шло сообщение о бесследном исчезновении заместителя городского головы Игоря Свободы, начальника юридического отдела горисполкома Сергея Варламова. Делалось предположение о том, что расстрелянные киллерами Борис Деревянко и Борис Вихров пали от рук сотрудников охранной фирмы "Капитан" во главе с Геннадием Трухановым, который в своё время обеспечивал охрану Боделана.

Не понимая — для чего, Савелий извлёк из папки заявление и поместил его в свою сумку. После этого он пошёл в столовую ужинать, а вернувшись с ужина, обнаружил у себя около двери соседа, который молча кивнул ему в сторону клуба.

— А почему бы и нет, — откликнулся Савелий и пошёл играть в бильярд. Они закончили вторую партию, кода в клуб заглянул Афанасьич. Он молча постоял на пороге, покачался с пяток на носки и ушёл, вызвав недоумение игроков. Партия закончилась очередной победой соседа.

Тут Савелию позвонил Краморенко.

— Слушай, великий исследователь одесского юмора. Завтра садишься в маршрутку и едешь в Одессу. Я уже купил тебе билет на поезд…

— Но у меня встреча с Владиславом.

— Встречи не будет, Владислав в больнице.

— Простудился, купаясь в море…

— Простудился, получив обрезком трубы по голове…

Краморенко отключился, а Савелий выругался и пошёл к себе в вигвам. Уже стемнело, он зажёг свет в номере и увидел, что дверцы тумбочки раскрыты. В тумбочке всё лежало на своих местах: зубная паста, щётка, одеколон и бритва. Не было только папки…

Олесь вернулся домой поздно. Валентина встретила его приветливо.

— Ну что, гуляка, не остался на ночёвку у Нинки?

— Как видите.

— Ну-ну…

— А что пса-то не слышно?

— Да что-то захандрил он, надо ветеринара вызвать, весь день сидит в будке и хрипит.

Сообщение о хрипящем псе насторожило Олеся. Он открыл дверь и убедился, что контрольной соринки на месте нет. Не было её и на сумке, где хранились его вещи. Он разделся и, накинув на себя полотенце, в одних плавках и сланцах отправился в душ. Вода в баке успела немного остыть и хорошо освежила тело. Наспех промокнувшись полотенцем, он вернулся к себе в комнату и обнаружил там Валентину.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет, но может случиться.

— Что же?

— Уведёт тебя Нинка.

— А как же муж? — спросил Олесь, ощутив в своих объятиях полное тело зрелой женщины.

— А никак, он существует для тех, кто мне не нравится.

На следующий день он проснулся поздно. Принял душ, обнаружил на столе в беседке записку с перечислением того, что он должен съесть на завтрак, обязательно разогрев на газовой плите. Позавтракав, бросил ключи на столик в комнате, взял сумку и вышел из дома. Пёс, видимо, отошёл от вчерашнего усыпления и довольно грозно тявкнул на него из будки. Олесь вышел на улицу и заметил в сотне метров от дома "Опель-Омегу". Машина тронулась вслед за ним. Но он якобы не заметил наблюдения. На автостанции купил билет до Одессы. Еле дождался автобуса, вошёл в салон и заметил, что один из пассажиров "Опеля" поспешил следом за ним. Если он один, то от него легко будет оторваться в Одессе, а если там его ждёт бригада наружки, от неё уйти будет трудно. Может, сойти чуть раньше? Но если всё так серьёзно, то за автобусом в Одессе уже будет идти машина с сотрудниками. Нет, надо ехать до Привоза, а там…

На Привозе ему удалось сбить хвост, взять "левака" и доехать до рынка на седьмом километре. В дороге они познакомились.

— А сколько бы ты взял за поездку в Беляевку? — спросил Олесь.

— Ну, триста, может, чуть больше.

— Плачу пятьсот, если ты меня вечером отвезёшь туда и обратно…

— Лады, я ночью свободен.

— Вот и договорились, ты в двадцать один ноль-ноль подъезжаешь к ресторану "Аркадия". Знаешь, где это?

— Обижаешь, начальник, — сказал парень, — я одессит…

— И я одессит, — сказал Олесь.

— А ты не одессит, ты слово "одессит" произносишь по-москальски, твёрдо, почти как "э".

— Надо же, какая наблюдательность…

На рынке Олесь помотался по рядам с тряпками, несколько раз проверился. Но хвостов за собой не обнаружил. Тогда он завернул к контейнеру с униформами.

— А вот и я, — сказал продавцу.

— Давно ждём-с, — ответил тот и изобразил на лице такое радушие, после которого покупатель уже не мог уйти без покупки.

— Что предложить?

— А вот этот полицейский вариант.

— Прекрасный выбор. Ваш размер?

— По-старому — пятьдесят четвёртый.

Продавец почесал затылок.

— Сейчас прикинем на глаз, а там примерим.

Он поднялся на второй этаж и вернулся с тремя комплектами формы. Начали примерку. Третий комплект подошёл Олесю в самый раз.

— Прекрасно, — сказал продавец. — Шевроны спороть?

— Не надо, я сам их спорю. Мне бы ремешок к брюкам, и желательно пошире.

— Просьба покупателя — закон. Щас сообразим. — Продавец снова поднялся на второй этаж и принёс несколько широких ремней. Олесь выбрал один из них, затянул вокруг талии и сразу почувствовал себя мобилизованным.

— Идёт, — сказал он, — упакуйте. Да, мне бы ещё непромокаемый мешок.

Купив ещё и непромокаемый мешок, Олесь пошёл к выходу, выбрал по собственному усмотрению одно из стоящих там такси и сказал водителю:

— Ресторан "Аркадия".

В середине дня пробок в Одессе не бывает. Доехали быстро. Пока не было хозяина, Олесь ещё раз примерил униформу, вставил в шлевки пояс, отрезал от бельевой верёвки, которая была в ванной у хозяина квартиры, приличный кусок и соорудил что-то вроде вещмешка. Затем он принял душ и завалился спать, хотя уснуть было трудно: некий мандраж перед предстоящей операцией будоражил кровь и не давал возможности расслабиться.

И, тем не менее, Олесю удалось выспаться до прихода хозяина квартиры. Виктор Сильвестрович Олесю обрадовался, сказал, что звонил отец и интересовался, как у него дела. Они поужинали, поговорили, хотя разговор не клеился. Олесь попросил взять билет на завтра на любой поезд, лишь бы не в Киев. Виктор Сильвестрович обещал это сделать утром и оставить паспорт и билет на столе.

— Если я вас не дождусь, — сказал Олесь, — ключи от квартиры брошу в почтовый ящик.

— Хорошо, хорошо, — ответил Виктор Сильвестрович, — пусть будет так. Отцу от меня большой привет.

— Какая партия? — не понял Казик.

— Партия, которую ты украл у него. — Дерибан показал пальцем на Бориса.

— Саша, я первый раз слышу о такой партии, — заныл Казик, — да может, и не было никакой партии… Может, он привёз один камень.

— Была партия, была, Казя, лучший шнифер в Одессе день назад вскрыл его сейф в гостинице на Дерибасовской и подтвердил, что камни были там.

— Саша! Ну, может, этот шнифер и взял камешки? А… зачем же ты их там оставил?

— Это было лучшее место их хранения до того, как ты с ним поговорил.

— Ну, так он и взял их, придя туда по второму разу, а чтобы на него не подумали, вскрыл сейф ломом.

— А откуда ты знаешь, как он его вскрыл?..

— Да я не знаю, — заюлил Казимир, — я предположил…

— Да всё ты знаешь.

— Саша, да откуда?

— Казя, — продолжал Дерибан, — ты знаешь даже, сколько стоит заказать человека в Одессе.

— Саша, ну, откуда, да и что это за расценки?

— Казя, ты сейчас отсюда уйдёшь, но я заплачу за тебя полторы тысячи баксов…

— Саша, я всё понял, это Владик, он меня буквально изнасиловал…

— Его адрес?

— Микрорайон Котовского, шикарная квартира. Он женат…

— Мне по хрену, на каком он женат…

— Ну, Саша, не скажи…

— Когда ты ему сказал фамилию? — Дерибан кивнул в сторону Бориса.

— Сразу после того, как за ним уехал Митроха.

Дерибан повернулся к Митрохе:

— А ты…

— Я думал, что это ему нужно, — произнёс Митроха, — он мне стал баки заколачивать, что нужно знать о продавце всё, вдруг он не специалист, а мошенник…

— Мошенник, значит… Ну-ну…

— Езжай за ним, — сказал Дерибан Митрохе, — и привези его сюда…

— Саша… — заскулил Казимир, — ты не знаешь, с кем связываешься…

— Заткнись, — заорал Дерибан, — с тобой я разберусь позже, в зависимости от того, как этот хрен вернёт мне камни…

— Саша, ну, если твой шнифер видел камни, что же ты этого лоха не кинул?

— За него люди просили, а я — человек, а не поц с Привоза.

Дерибан взял в руки мобильный телефон.

— Але, Владик Самсонов, если брал билет на вылет из Одессы, сразу мне…

Дерибан позвонил в колокольчик. Появился двухметровый амбал. Дерибан кивнул в сторону Казимира:

— В кандей, до особого…

Амбал не стал подходить к геммологу, а только повернулся к нему и смерил его взглядом от головы до ног. Казимир поднялся с дивана и поплёлся к амбалу, как кролик к удаву. Амбал положил Казимиру руку на плечо сзади и повёл из офиса.

— Ну, а мы по чайку, — произнёс Дерибан. — Как там Чилиндра, ещё не разучился "купца" заваривать?

Но попить чайку не удалось. Дерибану позвонили. Он долго слушал, и его непроницаемое лицо стало ещё более непроницаемым. Отключившись от абонента, Дерибан некоторое время молчал, а потом позвонил в колокольчик. Появился амбал.

— Отпусти Казика, — сказал Дерибан, — и позвони Митрохе, скажи, чтоб возвращался, отбой…

Амбал ушёл, а Дерибан долго смотрел на Бориса, потом сказал:

— Везучий ты, Топаз.

— Почему? — вырвалось у Бориса.

— Потому, что удалось тебе сделать почти настоящие изумруды, это раз…

— А два?

— А два — не успели тебя замочить "деловые", чтобы шпалой поперёк рельсов положить…

— Это как?

— А вот так — камни у них? У них. Ты им нужен?

— Нет.

— Вот и я о том же.

— Ничего не пойму, — сказал Борис, хотя внутренне похолодел…

— Ну, чтобы ты лучше понял, я тебе анекдотец расскажу. Приходит еврей в загс и просит сменить фамилию с Кацмана на Иванова. Ему меняют. Через месяц он приходит и просит сменить фамилию с Иванова на Самсонова.

— Это к чему?

— К тому, что твой Самсонов — это Кацман, и он улетел из Одессы несколько часов назад.

— Быстро. И как он прошёл досмотр?

— Никак он его не проходил.

— Почему?

— Потому что улетел на личном самолёте Гурвица.

— А кто такой Гурвиц?

— Святая простота, — произнёс Дерибан. — Гурвиц — это человек, который имеет личный самолёт, который стоит под парами в окрестностях Одессы.

— А почему он стоит под парами?

— А вдруг озверевший народ Одессы захочет погромить Гурвица?

— Ну, в Одессе, с её этнической толерантностью такое невозможно.

— В Одессе всё возможно.

— Да-а, — неопределённо протянул Борис.

— А ты почему не спросишь меня, как Владик Самсонов оказался в самолёте Гурвица?

— Да, как он там оказался?

— Он женат на его племяннице.

— Понятно, племянница позвонила дяде и сказала, что хочет полетать над Европой.

— Нет, племянница живёт в Хайфе. Она позвонила оттуда и сказала дяде, что срочно хочет видеть Владика. Ладно, много будешь знать, никогда не состаришься.

В офисе появился Казик, которого вёл амбал, положив ему сзади руку на плечо.

— Ты зачем его привёл сюда? — спросил Дерибан.

— Ты же сказал его освободить…

— Ну, освободил?

— Да.

— Тогда дай пинка на дорожку, и всё… Видеть его не могу…

— Саша, — запричитал Казимир, — бес попутал, но ты же деловой человек…

— Я деловой? — взревел Дерибан.

— Саша, я не в том смысле.

— А я в том…

— Саша, но ведь я тебе нужен, это же не последняя экспертиза, в Одессе нет второго такого геммолога… а за битого двух небитых дают…

— За битого, говоришь…

— Саша, я же не в прямом смысле, я ж тебя честно предупредил, что с Владиком лучше не связываться, там за Гурвицем, да ты лучше меня знаешь, кто стоит, кавказцы, Стоян.

— Ты рамсы не путай! Надо говорить — Стоян и только потом — кавказцы.

— Ну, извини, Саша, мы же с тобой одесситы, а Бог любит Одессу…

— Ты, пся крев, к одесситам не примазывайся, — сказал Дерибан и махнул рукой амбалу.

Тот снова положил руку на плечо Казимиру и повёл его из офиса. Как только они скрылись, появился Митроха.

— Возьми его паспорт, — сказал Дерибан, — езжай на вокзал и купи билет на любой поезд подальше от Одессы. Потом возвращайся.

— Так, может, я его сразу захвачу? — сказал Митроха. — Чтобы по жаре дважды не гонять

— Я его сам провожу, — сказал Дерибан, — чтобы потом у братвы базара не было, а то подумают, что я с деловыми заодно. И по пути скажи Клаве, чтобы она нам обед принесла сюда.

Клава появилась минут через пять, одетая, как одевались буфетчицы в пятидесятые годы: коричневое платьишко, белый фартучек и маленький белый накрахмаленный кокошник на голове. В руках карандаш и маленький блокнотик.

— Клава, — сказал Дерибан, — что-нибудь по собственному усмотрению, но чтобы гостю Одессы понравилось.

В двадцать ноль-ноль Олесь был у ресторана “Аркадия”. Парень-“левак” уже ждал его. Олесь сел на заднее сиденье.

— Ты чего в форме? — спросил водила.

— Потом скажу, — ответил Олесь.

— Потом так потом, но деньги вперёд!

— Годится, но только половину, вдруг ты меня не дождёшься?

— А ты что, на дело?

— Что-то вроде этого, надо одного козла наказать, повадился к сестре двоюродной с претензиями ходить.

— Понятно. А я думаю, чего ты так вырядился.

— Ты в Беляевке ориентируешься?

— Мало-мало.

— Отвезёшь меня в Маяки, а потом подъедешь к автостанции и будешь там ждать, не рядом, а чуть дальше, в сторону Одессы.

— А почему?

— А потому, что тебя кто-нибудь перекупит.

— Да нет, моё слово кремень.

Олесь расстался с водителем около одиннадцати вечера и целый час добирался до водозабора. Там он разделся, сунул одежду и закладки в непромокаемый мешок, привязал все это на спине и вошёл в воду.

Нина оказалась совершенно права, утверждая, что с этой стороны станция не охраняется, потому что ни один человек не в силах справиться с давлением днестровской воды, которая прижмёт его к сетке и не даст

возможности двигаться. И это было бы действительно так, если бы человек был полностью погружён в воду, но если он погружён только наполовину, то при хорошей физической подготовке у него появлялся шанс выжить. А если иметь крепкие руки скалолаза и цепляться за сетку поверх воды, шансы возрастали вдвое.

Невероятный шум воды заглушал все звуки. Олесь долго настраивался, мысленно преодолевал преграду один раз, второй… А потом вошёл в воду, и его мгновенно закрутило, потащило к сетке. Он не стал сопротивляться, а использовал момент кручения, чтобы перед самой сеткой как можно выше выскочить из воды. И это ему удалось, торс его оказался на поверхности, а ноги прижаты к сетке чудовищным напором воды.

Придя в себя после первого этапа преодоления препятствия, он стал медленно подтягиваться на проржавевшей железной сетке, с радостью чувствуя, что ему это удаётся. Далее всё было проще. Перебирая руками, он добрался до первого столба, на котором крепилась сетка водозабора. Там он перепрыгнул на бетонную стену водоканала, однако поскользнулся и едва не сорвался внутрь потока. После этого он сел на стену и таким образом стал передвигаться дальше.

Спрыгнув на землю уже на территории станции, он почувствовал, что снёс всю кожу с поверхности бедер, но времени на страдания не было. Олесь переоделся в форму охранника и выдвинулся к одному из четырёх очистительных корпусов, там улёгся в траву и стал наблюдать за территорией.

Через час он выявил два наблюдательных поста, которых, скорее всего, никогда не было на станции в обычное время, а установили их только сегодня. Смена их прошла в час ночи. Охранники по одному ушли в караульное помещение, а на их место пришли другие.

Олесь подождал, пока вновь заступившие привыкнут к обстановке вокруг поста, и ползком пробрался к двум насосным сооружениям. Там он поставил две закладки, а третью — с сигнальной ракетой — прикрепил к стене здания, функциональное назначение которого не вполне понял. Оставалось дождаться смены временных постов.

Вот один из охранников поднялся и двинулся к караульному помещению. Олесь встал с земли и так же, как первый охранник, уверенно пошёл в ту же сторону. Однако дойдя до аллеи, которая вела к зданию администрации, свернул туда. Оставалось надеяться, что в темноте, да ещё и в форме, его примут за охранника, который по каким-то делам движется к проходной станции. Так и получилось. Ему удалось добраться до окна музея не обнаруженным.

Олесь толкнул ставню внутрь и, к радости своей, обнаружил, что щеколда изнутри так и осталась открытой. Он влез в окно. Сознавая, что ему повезло ещё раз, потому что на внутренних окнах музея, выходивших на территорию станции, не было сигнализации, но она обязательно должна быть на окнах внешних. Иначе зачем бы Нина ходила вчера её отключать?

Он посмотрел на часы. До нужного времени оставалось шесть минут. Сердце стучало так, что, казалось, его слышат все в радиусе ста метров.

Он ещё раз посмотрел на часы, время истекло, но ничего не происходило. Просто так выбивать внешнее окно музея крайне опасно. Рядом находилась проходная, а там — охрана.

Олесь подождал ещё немного, и тут на территории станции что-то бухнуло, раздался свист, и территория осветилась ракетой синего цвета. Всё на станции вдруг ожило, и даже находящиеся на проходной охранники выскочили из помещения и, видимо, закрыв проходную на ключ, бросились к месту, откуда взлетела ракета.

Олесь выждал ещё минуту, схватил стул и одним ударом вышиб раму окна музея, тут же сработала сигнализация, но он уже выпрыгнул на улицу, в несколько прыжков преодолел освещённый участок перед въездом на станцию и скрылся за деревьями. Добравшись до автостанции, спрятался в тени деревьев и осмотрелся. Всё было как обычно. Тогда походкой гуляющего человека он прошёл чуть дальше, где стояла машина парня-"левака".

Тот спал на переднем сиденье. Олесь постучал в окно. Парень открыл глаза.

— Просыпайся, бомбила, гривны пришли…

В квартиру Виктора Сильвестровича Олесь пришёл утром. Перед этим он позвонил из телефона-автомата в Киев и доложил руководству о местах закладки и успешном завершении операции. Потом завалился спать.

Проснувшись часа в два, он пообедал тем, что оказалось в холодильнике у Виктора Сильвестровича, и снова набрал номер телефона парня-"левака". Тот приехал в назначенное время к "Аркадии" и отвёз Олеся на вокзал.

— Как сестра? — ехидно спросил водила, когда они расставались на привокзальной площади.

— Нормально, — ответил Олесь.

— Ну-ну.

Уже садясь в поезд, Олесь вытащил старую симку из телефона и вставил ту, что дал ему отец.

В купе, где Олесь должен был ехать, уже разместились три мужика. Поезд мягко тронулся, и вскоре Одесса осталась за вагонными окнами. Все в купе словно ждали этого момента, заговорили шумно, с каким-то радостным надрывом.

— А давайте знакомиться, — сказал самый пожилой, — меня Павлом Алексеевичем зовут. Я геополитик.

— И что же вы делали в Одессе? — спросил его Савелий.

— Исследовал перспективы евроинтеграции.

— Ну и как?

— Что как?

— Перспективы?

— Весьма неопределённые.

— Ну, хватит пытать человека, — вмешался Борис, — сначала знакомство, а потом разговоры. Меня зовут Борис, я из Новосиба.

— А я Савелий, из Москвы.

— Я вижу, все мы не украинцы, — заметил Борис.

— Почему же, — сказал Олесь, — я украинец.

— Правильней было бы сказать, — заметил Савелий, — все мы не одесситы.

— Вот это точно, — произнёс Борис, разворачивая свёрток, который дал ему Дерибан. Там оказались две бутылки коньяка и аккуратно нарезанные, видимо, Клавдией, бутерброды. Олесь как самый молодой сходил за стаканами. После того как выпили по второй, а потом и по третьей, все барьеры к общению были окончательно сняты.

— А я видел вас на пляже в районе Аркадии, — сказал Олесю Павел Алексеевич.

— В Аркадии я был, — сказал Олесь и перевёл стрелки на другую тему: — У нас кончилось горючее, я, пожалуй, схожу в вагон-ресторан.

— Прекрасная идея, — сказал Савелий, — а мы как раз сбросим вам наши гривны, чтобы не увозить их завтра в Россию.

И все, кроме Олеся, стали выворачивать карманы и заглядывать в кошельки. После того как третья бутылка была принесена и выпита, возник спор о том, что такое Одесса.

— Знаете, — сказал Олесь, — мне кажется, что в любом сообществе под влиянием многих факторов начинает доминировать некая центральная идея. Она объединяет это сообщество и отделяет его от других.

— Этому трудно возразить, — сказал Павел Алексеевич, — просто такие факторы сложно выявить, чтобы видеть, что именно воздействует на то или иное человеческое сообщество, и куда это сообщество идёт и придёт в будущем. И какие факторы, на ваш взгляд, молодой человек, сформировали идею Одессы?

— Очень простые, — произнёс Олесь. — Когда-то Одессе было предоставлено исключительное положение. И фактор собственной исключительности с той поры пронизывает все сферы жизни и все социальные слои этого города.

— Плюс фактор контрабанды, — поддержал Олеся Савелий. — Ведь товары после таможни становятся дороже везде, но не в Одессе.

— Ну да, — согласился Олесь. — Отсюда небывалый рост состояний.

— Во-во, — сказал заплетающимся языком Борис; он выпил больше других, поскольку начал пить ещё с Дерибаном. — Отсюда особое положение бандитов в Одессе. Они вроде как и не бандиты, а лишь те, кто просит поделиться незаконно заработанным.

— И в таком обществе, — торжественно произнёс Савелий, — всё начинает подчиняться этой идее. Это как общий поток, а те, кто не подчиняется, начинают испытывать давление этого сообщества.

— Совершенно верно, это как плыть против течения, — произнёс Олесь, и у него заныли ободранные напором днестровской воды бедра и голени. — Да-да, и если ты вообще идёшь против течения, ты сначала лишаешься сил, а потом тебя либо ломает, либо уносит с общим потоком.

— Друзья, — сказал Павел Алексеевич; он был старше всех в купе и чувствовал себя неким гуру, — мне почему-то кажется, что мы все тем или иным боком не вписались в некую одесскую доминанту.

— Почему? — удивился Борис.

— Потому что мы с вами обсуждаем то, что коренные одесситы никогда не обсуждают, а принимают как данность.

— Разумеется, ведь вы даже теперь произносите слово "Одесса" так, как произносят его в России. То есть с твёрдым "д", почти "дэ". А это, как говорят в Одессе, две большие разницы, — сказал Савелий.

— Да какая разница, кто как что произносит, — возразил Борис, — важна с-суть…

— А вот сейчас мы эту суть сформулируем, — сказал Павел Алексеевич.

— Как? — спросил Борис и так резко качнулся, что чуть не упал на сидящего рядом Савелия.

— Весьма просто, — ответил Павел Алексеевич. — Жри сам и давай жрать другим.

— Фу, как не интеллигентно. Может сказать проще: живи сам и давай жить другим, — поправил его Борис.

— Нет-нет, — сказал Савелий, демонстративно картавя на каждой "р", — всё гораздо тоньше. Давай жрать другим, чтобы тебя не сожрали, а потом уже жри сам. Это знаменитый еврейский принцип, который позволил им не только выжить в чужой, фактически русской среде, но и заразить всех прочих. А звучит он так: "Это Леве, это Боре, это Шиме, а это мне". В нём глубокий смысл! Прежде чем откушать самому, посмотри вокруг, сыто ли твоё окружение. И ты избавишь себя от многих неприятностей…

Уснули часам к двенадцати. Все понимали, что выспаться им не удастся, но всё это было ерундой по сравнению с тем, что могло их ожидать в Одессе.

Крепким сном спал Олесь. Он выполнил поставленную руководством задачу и успешно ушёл после завершения "диверсии".

Спал Савелий, который в день похищения документов сумел утром незаметно сбегать на почту, за бешеные деньги ксерокопировать материалы и отправить их в Москву.

В пьяном полусне метался на своей полке Борис. Он не был огорчен тем, что произошло с ним в Одессе. Всё сложилось как нельзя лучше! Воровской телеграф доведёт информацию о похищении камней до Карлаги, и тому ничего не останется, как снять претензии с Бориса.

Пройдёт несколько лет, многих левобережных уже не будет в живых, поскольку век бандитов короток. Борис найдёт способ продать заначенную часть той партии изумрудов, которые своими параметрами не уступают природным.

И только Павел Алексеевич не спал. В споре он участвовал формально, чтобы поддержать беседу попутчиков. Он мог аргументированно разбить все доводы попутчиков относительно идей, на которых якобы стояла и стоит Одесса. Идеи, о которых говорили Олесь и Савелий, лежат на поверхности. Они, по сути дела, основа существования и выживания на бытовом уровне. Так формулирует свои парадигмы малое, пытаясь выжить в большом.

На самом деле идея Одессы не в этом. Одесса возникла как временный форпост на пути “ужасающей поступи империи”, как сказал когда-то гениальный малоросс Гоголь. Следующим городом на этом пути должен был стать Стамбул. Но империя задержалась на этой стороне Чёрного моря, и Одесса стала расти и развиваться под влиянием мощи, которую вливала в неё Российская империя, а затем и Советский Союз. И уж потом, на этой невидимой, но фундаментальной основе взросли Одесса бытовая, Одесса греческая, Одесса еврейская, Одесса криминальная и множество других маленьких *одесс*.

Развал СССР ликвидировал эту основу. Из Одессы незаметно вынули стержень, на котором она стояла и на котором держались маленькие *одессы*.

Хотя, на первый взгляд, с девяностых ничего не изменилось. И даже наоборот, эти *одессы* расцвели буйным цветом. Однако расцвет этот — начало конца. Маленькие *одессы* допивают соки Одессы большой, значения которой так никто и не понял.

А именно эту Одессу любил Бог, потому что именно она должна была сыграть значительную роль в его планах. Но планы Бога не доступны человеческому пониманию.

Поезд уносил компанию из четырёх мужчин всё дальше от Чёрного моря и Одессы. И никто из четверых не знал, что их ждёт впереди. Ведь на дворе стоял июль 2007 года, шестнадцатое число. И на перегоне Ожидов — Красное, что совсем недалеко от Львова, сошёл с рельсов поезд, следовавший из Казахстана в Польшу. Под откос ушли пятнадцать вагонов с жёлтым фосфором, шесть из которых сразу же загорелись, образовав облако ядовитых газов в несколько десятков километров...

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

БАБА НИНА

По снегу в летних кедах в магазин —
куда такого выведет кривая?..
— Опять без шапки?
— Здрасьте, баба Нин!
(Она хоть ночью дома-то бывает?)

Бывает ночь. Бывает почтальон.
Смолит и смотрит тяжко исподлобья.
И крик в сухой гортани воспалён.
И тают сны, разодранные в хлопья.
И вот опять, от боли заслонясь,
зажав часы в обветренной ладошке,
она бежит, проваливаясь в наст,
в худых, как мир, соседкиных калошках.
А баба Нина крестится вдогон:
— За десять дней — вторая похоронка...
Смолит и смотрит тяжко почтальон.
...Ступени в память высечены стромко.

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Член Союза писателей Беларуси. Член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Автор сборников стихов "На грани света" (Минск, 2008); "За строкой" (Санкт-Петербург, 2015). Лауреат множества литературных конкурсов. Стихи печатались в Беларуси, России, на Украине, в Молдове, Армении, Болгарии, Германии, Австрии, Бельгии, во Франции и др.

Прожгли ладонь дурацкие часы
с каким-то там “лучом” на циферблате.
— Деньжат на новогодние подсыпь!
— Гони за ёлкой! — вызверился батя.

Мерцает шарик в вязкой темноте.
Мерцает кромка сбитого асбеста.
Часы не те. И времена не те.
А баба Нина вечна у подъезда.

* * *

Светились очи — лики, а не лица.
Клубились рифмы, едкие, как дым.
От пастуха в кошаре не укрыться —
судьба приходит в срок и за своим.

Вздыхает, утомлённая дорогой,
и смотрит, чьи-то вирши бормоча,
как жертва, уготованная Богу,
резвится на глазах у палача.

Стучит в окно рассохшейся клюкою —
и вот ни петь, ни быть уже невмочь...
И ждут они не истины — покоя,
как в бездну, глядя в угольную ночь,

где месяц, будто яблоко, надкушен,
где прошлое без времени гостит,
бинтуя изувеченные души,
сорвавшиеся с горнего пути.

Захлопнется ловушка ли? Калитка?
Слова уйдут, подмётками пыля.
Безмолвие. Ни строчки. Ни молитвы.
Вечерний час. Елабуга. Петля.

* * *

...А когда поутру на траве заблестит седина,
замаячат дожди, ОРВИ, пустота и остуда,
на колючем ветру повстречаются он и она
и пойдут по аллее, не зная, что это не чудо.

По загривку потреплют кудлатого тощего пса,
поведут за собой и поделятся счастьем двуногим.
Он уткнётся в ладонь, заскулит и зажмурит глаза.
Он поверит обоим, не зная, что это не боги.

Пробирается осень в кладбищенский стылый острог,
покрывало листвы за оградами ткёт домовито...
Но проснётся в земле — не ко времени — глупый росток
и доверчиво клюнет шершавую щёку гранита.

Мимо вымокших клёнов ползёт к остановке трамвай —
туча вылилась в ночь и отчалила баржей порожней.
И пока на газоне желтеет и чахнет трава,
он пробьётся сквозь плиты, не зная, что так — невозможно.

ОЛЬГА НИКОЛЬСКАЯ

ДВА ШАГА НАВСТРЕЧУ

РАССКАЗ

Андрей закрыл дверь за последней родственницей в чёрном и только тогда почувствовал, как устал. Ноги стали ватными, в горле пересохло, казалось, даже нет сил, чтобы повернуть ключ в замке, не говоря уже о том, чтобы дойти до комнаты, раздеться и лечь в кровать. Он медленно опустился на стул, стоявший возле двери, и сразу весь как-то обмяк, словно тело потеряло какой-то невидимый стержень, державший его. Этот стержень на протяжении последней недели не давал ему расслабиться, кажется, помогал жить и как-то действовать, не позволял впасть в отчаянье. Как ни странно, но за всё это время Андрей ни разу не прикоснулся к спиртному, чтобы найти в забытьи утешение, молча страдал. И только сейчас, когда вся эта невыносимая, но обязательная в таких случаях официальная часть миновала, ему вдруг захотелось вдрызг напиться, чтобы забыть всё.

И хоть он понимал, что спиртное — это обманчивое облегчение и только на время, а потом будет ещё хуже, но сейчас не видел для себя иного выхода из того положения, в котором оказался.

НИКОЛЬСКАЯ Ольга Владимировна родилась в 1986 году в Минске. Окончила Институт журналистики Белорусского государственного университета. Русскоязычная белорусская детская писательница, автор детективной трилогии для детей "Мы — агенты "КолбаФир", "Приключения агентов "КолбаФирЖик", "Похищение шедевра, или Новые приключения агентов "КолбаФирЖик", а также современной детской повести-сказки "Фей по имени Светик". Читателям "Нашего современника" известна как переводчик с белорусского на русский язык повестей белорусского писателя Владимира Саламахи. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси за лучшие произведения для детей. Живёт в Минске. Рассказ "Два шага навстречу" — её дебют во "взрослой" литературе.

Пока в квартире было много людей, всё казалось нереальным, кошмарным, бесконечным сном. Но как только он остался наедине с собой, осознание того, что случилось, обрушилось на него всей своей тяжестью. Это было похоже на огромную морскую волну, которая в тихий день вдруг накрывает тебя, и ты аж захлёбываешься, прилагая все усилия, чтобы вырваться из-под неё, но только с той разницей, что накатилась она не извне, а изнутри, и нет от неё спасения… Чувство утраты, боли и беспомощности оттого, что ты ничего не можешь изменить, поднялось откуда-то из глубины сердца, подступило к горлу, начало душить так, что на глаза навернулись слёзы… Взрослым Андрей плакал впервые. Плакал беззвучно. И плечи его вздрагивали…

Андрею сорок четыре, и сегодня он похоронил единственного родного человека — маму. Он никогда не был женат, и детей у него нет, и всю свою жизнь он прожил с ней. Отец ушёл от них, когда Андрейка был ещё совсем маленьким, а мама больше замуж так и не вышла. Кто-то скажет: несчастный… Но Андрей несчастным себя не считал. Наоборот, ему казалось, что он во многом счастливее других, умнее. По вечерам ему не приходилось выслушивать всегда недовольную жену, вытирать детям сопли, прятать рублишки с получки — да мало ли ещё чего "приятного" может быть в семейной жизни…

Конечно, среди его знакомых семей были и иные, более удачные примеры. Но и в тех семьях хватало проблем: кто-то страдал от недостатка денег, кто-то ютился по съёмным углам, не имея возможности приобрести своё жильё, у кого-то плохо учились дети…

У Андрея таких проблем не было. Он получил хорошее образование, окончил институт, устроился работать прорабом в одну довольно преуспевающую строительную фирму. Будучи деятельным человеком, Андрей быстро показал руководству, чего он стоит, и уже через два года стал главным инженером, а вскоре и заместителем директора предприятия.

Денег хватало на всё: на посещение ресторанов, поездки к морю, на подарки девушкам, кстати, ни с одной из них он долго не был. Маме не нравилось, если сын увлекался какой-нибудь из них. Когда он поздно приходил домой, тем более выпивши, маме всегда становилось плохо: больное сердце. Поэтому после того, как однажды, придя домой в первом часу ночи и увидев в квартире, кроме мамы, ещё и доктора "скорой помощи", решил, что с ночными забавами надо кончать. И смог сделать это: после того случая, окончив работу, он сразу же спешил домой, где его всегда ждала ласковая, счастливая мама и вкусный ужин.

Он ужинал, рассказывая маме, как прошёл день. Затем брал из холодильника бутылочку пива и шёл к дивану, садился на него, смотрел телевизор и часто засыпал перед ним…

Так проходили дни, месяцы, годы… И удивительно, Андрею не хотелось что-то менять в своей жизни. Наоборот, в этой стабильности и постоянстве он находил особое удовольствие: Андрей мог предвидеть каждый следующий день, жизнь была предсказуема, и он считал себя её хозяином.

Андрей быстро накопил на новую дорогую машину и по выходным стал возить маму на рынок. Она покупала продукты, Андрей нёс их к машине, грузил в багажник, и они приезжали домой довольные и по-своему счастливые.

Через несколько лет Андрей накопил денег на новую квартиру и купил её. Зачем она ему была нужна — он не знал, ведь переезжать в неё не собирался. Да и мама сама никогда не согласилась бы променять свою уютную трёшку в пятиэтажке с зелёным двориком, где знала всех соседей по именам, на новое, пускай и более роскошное жильё.

Возможно, покупая квартиру, Андрей просто вкладывал деньги. А может, одновременно это был и хитрый ход — отвлечь от себя внимание родственников и знакомых, сочувствующих ему, что его холостяцкая жизнь уж очень затянулась: мол, видите, я постепенно готовлюсь к переменам, возможно, и к семейной жизни…

В новой квартире, находящейся недалеко от старой, Андрей сделал шикарный ремонт. Всё: обои, плитку, мебель — выбирал вместе с мамой. Она, кстати, не была против, воспринимая ремонт как новое увлечение сына.

К тому же ей было приятно вместе с ним проводить время в магазинах стройматериалов. В своей же квартире она ничего менять не хотела.

Ремонт сделан, мебель куплена, приобретённая квартира заперта на ключ, и по выходным у Андрея появилась занятие: проверять, всё ли в порядке в новой квартире. Думал ли он, приходя туда, что когда-то здесь будет жить с семьёй: с женой, детишками? Нет, не думал…

Случалось, развалившись в верхней одежде на двуспальной кровати, Андрей как будто между прочим думал о том, что рядом с ним могла бы лежать молодая красивая жена, а за стеной мог бы слышаться детский смех… И вздрагивал: жена — это ещё ничего, а вот дети…

Первые девять дней после смерти мамы тянулись жутко и очень долго. На работу ему не надо было спешить. Все его беды начались именно после увольнения, точнее, его не уволили, просто их такая стабильная и успешная строительная фирма вдруг перестала существовать. Кругом экономический кризис! И сразу же начали рушиться основы его устроенной жизни, распланированной на много лет вперёд.

О том, что мать когда-нибудь умрёт, он никогда не задумывался. Ему казалось, что она всегда будет рядом, будет заботиться о нём, оберегать его от тех ошибок и неудач, которые могли бы встретиться на его пути и которые, наверное, всё же нужно было бы преодолевать самому.

Мать похоронили, и сразу же одиночество и печаль обрушились на него. Андрей почувствовал, как он сейчас слаб в этом бурном и непредсказуемом мире. И тогда вечерами Андрей начал пить. Так вроде было легче справиться с этими непривычными, жуткими чувствами, а захмелев, он выпадал из реальности, засыпал… И тогда во сне ему становилось легче: снилась мама. Какая-то далёкая, отрешённая, с неясными чертами лица, но — она, он это чувствовал. А когда она исчезала, откуда-то появлялась некая молодая и красивая женщина… Она ложилась рядом с ним на двуспальную кровать в его новой квартире, гладила его, молча успокаивала, и он слышал, как в соседней комнате весело шумели ребятишки. Он не был знаком с этой женщиной, не видел детишек, но чувствовал, какими могли быть и она, и они. Она — добрая, заботливая, слабая и одновременно сильная, поддержка ему и, безусловно, красавица. И детишки были его. Мальчик и девочка. Шумные, непоседливые. И она, и они придают ему силы, возвращают желание жить.

В магазин Андрей пошёл вечером, когда почувствовал себя, кажется, вполне сносно. Сначала подошёл к полке с безалкогольными напитками — ему нужна была минеральная вода. Потом взял молоко. А возле колбасного отдела растерялся — никак не мог вспомнить, какую колбасу ему покупала мама. И вдруг рядом возникла женщина лет тридцати, доверчиво посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

— Может, вам помочь выбрать, что получше?

Он вздрогнул и ответил:

— Нет, спасибо.

Потом немного постоял в раздумье и побежал догонять её возле кассы.

Лет с двадцати пяти Галя, так никого и не полюбив и не став любимой, ждала, когда же ей встретится *её* мужчина. Галя верила в настоящую любовь, в то, что у каждого есть своя “половинка”, в то, что её надо терпеливо ждать, не разменяваясь на случайные чувства. И она ждала, но не искала любви, так как считала, что судьба сама обязательно найдёт её. Галя ждала, с недоумением наблюдая, как её подружки и знакомые девушки выходят замуж, едва познакомившись с мужчинами, вскоре рожают детей, не думая о том, насколько прочны их семьи, разводятся, а потом в одиночку воспитывают своих несчастных детей.

Сегодня Гале исполнилось тридцать два. Празднование дня рождения дома, на которое она пригласила подруг, окончилось ссорой: мама вновь, как уже было не однажды, при всех возмутилась, что дочь одна. При этом, наверное, не думая, что в некоторой степени здесь есть и её, мамина, вина.

Конечно, можно было бы вновь замкнуться в себя, обидеться на мать, на весь окружающий мир, но сегодня Галя решила ни на кого не обижаться, а начать действовать.

Она зашла в магазин. И, пройдя почти по всему торговому залу, вдруг будто споткнулась: она увидела *его*. Симпатичный, прилично одетый, на вид интеллигентный и вместе с тем какой-то растерянный, несмелый. Значит, если она ему не понравится, то он вряд ли ей об этом скажет. И ещё: на пальце мужчины не было обручального кольца, и это придало ей смелости.

Они шли по улице и говорили, говорили. И не заметили, как подошли к дому, в котором в старой, маминой квартире жил Андрей. А когда он сказал ей об этом, да ещё и о том, что получается, что не он провожал женщину, а она его, оба засмеялись. А потом Андрей сказал, что сейчас пойдёт провожать её.

Оказалось, Галя живёт неподалёку: и как же раньше он никогда её не встречал?..

Ей вдруг стало очень грустно, что нужно расставаться. А ещё — страшно: а если они больше никогда не встретятся? Ведь Андрей даже не спросил номера её телефона, не поинтересовался номером квартиры, в которой она живёт. Что сегодня пережила Галя, знала только она: неужели всё это напрасно?.. За короткое время, проведённое вместе с Андреем, она почти влюбилась в него. Во всяком случае, ей так казалось. Когда женщина долго ждёт счастья, а его всё нет и нет, и вдруг какой-нибудь мужчина обратит на неё внимание, это может вызвать у неё настоящую вспышку чувств. Что-то похожее было сейчас и с Галей. И она решила, что просто так не отпустит Андрея, поцелует его. На улице уже было темновато, и это придало ей уверенности. Так, она поцелует его, но шагах в десяти у двери в дом, на прощание.

Когда они подошли к самому подъезду, Галя увидела в полутьме под козырьком входа обозлённую мать, которая почти закричала:

— Ты где шляешься по ночам?!

Андрей сразу понял, что это Галина мать, и ему захотелось что-то сделать, как-то оградить девушку. И он быстро поцеловал Галю, прикоснувшись губами к её губам, как это сделал бы неопытный в любви мальчишка.

Галя опешила, не могла пошевельнуться и произнести хоть слово. Когда же поняла, что произошло, почувствовала, что ей стало возвышенно-легко и хорошо, и вдруг вся эта привычная ситуация с мамой показалась ей просто не стоящей никакого внимания.

Мама стояла растерянная, словно застигнутая врасплох за чем-то неприличным, её злость и уверенность в том, что она всегда права, будто испарились. И никто из них не знал, как быть дальше.

Первым опомнился Андрей. Он галантно поклонился Гале, затем — её маме, сказал: “До свидания”, — повернулся и не торопясь пошёл в сторону своего дома.

* * *

Впервые за последнее время после похорон матери Андрей проснулся бодрым, со светлой головой, в хорошем настроении и с желанием жить. И впервые за последнее время ночью ему не снилась мать. Ему вообще ничего не снилось, он просто крепко и беззаботно спал. А когда проснулся, у него даже на мгновение возникла странная мысль о том, что ему легче без маминой опеки… И вообще, сейчас ему не надо планировать свой день под её диктовку, не надо делать всё так, как она хочет. Ему больше не надо спешить домой. Не надо…

Он вышел на улицу, и, несмотря на плохую, дождливую погоду, бодрое настроение не покидало его. Хоть номер телефона у Гали он не взял, но знал, где стоит дом, в котором она живёт. Поэтому ближе к вечеру, сделав всё, что задумал, — привёз в новую квартиру постельное бельё, посуду, любимый мамин кофейный сервиз, чай, еду, — он направился к дому, где жила Галя.

День был обычный, рабочий, значит, часов около семи она должна возвращаться домой. О том, что Галя работает нотариусом в небольшой частной фирме, он знал, об этом она рассказала вчера, когда он провожал её домой. Тогда же она сказала, что работа ей ужасно надоела, потому что однообразная, и свои обязанности она выполняет по привычке, а ещё, конечно же, ради стабильного, хоть и невысокого заработка.

В том, что Галя пойдёт с ним к нему на квартиру, он не сомневался. Впервые увидев её вчера и посмотрев ей в глаза, он понял, как она одинока.

Он подошёл к ней из тени деревьев только тогда, когда она остановилась возле двери подъезда и опустила руку в сумочку, чтобы достать ключи. Она разволновалась. Она не спала почти всю ночь, думала о нём, думала, понравилась ли ему, придёт ли он…

— Приглашаю тебя ко мне домой на ужин.

— Когда? — удивлённо спросила она.

— Прямо сейчас, — ответил он.

— Я редко хожу в гости. А к малознакомым мужчинам вообще не хожу. Но, думаю, Андрей, вам можно довериться…

Квартира Андрея произвела на неё очень хорошее впечатление. В комнате на тумбочке возле большой двуспальной кровати стояла ваза с белыми розами. Галя сразу же заметила их, как только они вошли сюда, держа в руках два бокала шампанского, которое Андрей налил в кухне.

— Кстати, это тебе, — словно что-то вспомнив, сказал Андрей, показывая рукой на прекрасный букет.

А утром Галя варила кофе Андрею и себе. Андрей ещё лежал в постели, когда она, держа в руках поднос с двумя чашечками кофе, зашла в комнату. Андрей был неприятно удивлён: на кухне много посуды, кое-что он купил специально для этой квартиры, а что-то перевёз сюда со старой, маминой квартиры, даже кофейный сервиз! Но Галя почему-то достала из дальнего ящика шкафчика, стоящего на кухне, именно чашечку его мамы!.. Рука Андрея застыла в воздухе, Галя, ничего не заметив, подала ему чашечку, он взял. Она поставила поднос на столик и, не садясь, стоя, с наслаждением сделала маленький глоток. А потом приблизилась к кровати, чтобы сесть рядом с Андреем, но зацепилась ногой за его брюки, лежащие на полу. Чашечка выпала из её руки, ударилась об пол и рассыпалась на мелкие кусочки; кофе пролился на брюки, на край постели, растёкся по полу.

Галя, как стояла полусогнувшись, так и замерла, не зная, как быть.

— Кто тебя просил… брать эту чашечку? — отчеканил он, холодно глядя на неё.

Андрей смотрел на девушку и не мог понять, почему ещё минуту назад она нравилась ему, и вообще: что такого особенного он в ней нашёл?.. Не фигуристая. Бледное, невыразительное лицо. Сутулые плечи. Неуверенные, угловатые движения…

— Смотри ты, уже и хозяйничать начала, мамину чашку нашла!.. — сказал он с недоумением.

И как только она могла ему нравиться?!

А Галя по-прежнему стояла растерянная, не понимая, почему так быстро изменился Андрей?.. Сердится за разбитую чашку? Так это всего лишь чашка. И разбивается посуда на счастье…

А он молчал. Галя начала голыми руками собирать осколки, не обращая внимания на то, что очень мелкие фарфоровые крошки впиваются в её ладошки. Потом она бросилась в коридор, оделась и выскочила из дома. Он догнал её уже на улице и молча провожал до дома, возле подъезда протянул букет белых роз, она машинально взяла их…

— Спасибо, — сухо произнёс он, и это краткое слово, как она поняла, поставило точку в их отношениях. Навсегда…

Галя потом ещё долго вспоминала случившееся, и это слово: "Спасибо!" — постоянно и очень больно стучало в висках. Она даже возненавидела это слово, которое все так часто произносят!

Прошёл почти год. Андрей стал сдавать свою квартиру, нашёл новую работу. И хотя здесь ему платили намного меньше, чем на прежней должности,

но денег хватало. Да и много ли одному надо, если, в принципе, всё есть? О Гале он старался не думать. Но всё же время от времени будто невзначай она являлась в его воображении. Случалось, встречал какую-нибудь молодую красивую женщину и будто невзначай сравнивал её с Галей. И тогда, что для него самого было удивительным, она не казалась ему такой уж некрасивой, какой увиделась в тот момент, когда разбила любимую мамину чашку.

А потом ему захотелось встретиться с ней, извиниться, продолжать встречаться. Но он понимал, что она вряд ли понравилась бы маме. А маму Андрей вспоминал ежедневно, чувствовал её присутствие в доме. Мамина одежда по-прежнему висела в шкафу. В коридоре на тумбочке и на полке в ванной, как и раньше, стояли скляночки и тюбики с её косметикой. На тумбочке возле кровати лежала книга с закладкой, которую она не успела дочитать. Единственная мамина вещь, с которой он расстался не по своей воле, была чашка, которую разбила Галя.

Теперь Андрей чувствовал себя не то, что негодяем, а каким-то непорядочным мужчиной: затащил к себе девушку, провёл с ней время и… Но в тот момент, когда она разбила мамину чашку, он не мог совладать с собой: возмущение и злость, казалось, сами выплеснулись из него, а Галин жалкий вид лишь больше раздражал его.

Однажды ему приснилось, что он едет с мамой в автобусе, и она какая-то очень недовольная им, приказывает ему выйти на очередной остановке. Он послушно выходит, а она едет дальше.

Что это было?.. Материнская предостережение о чём-то неожиданном, подстерегающем сына, предупреждение?.. Или прощание мамы с ним навсегда, даже в снах?.. Или просто сон, не более?..

Был конец лета. Но на улице — тепло и солнечно. Легко и хорошо дышалось, ночью прошёл небольшой дождь, и сейчас влага испарялась под тёплыми лучами уже не утреннего, но ещё и не полуденного солнца, наполняя воздух упоительной свежестью.

Вскоре впереди себя он увидел женщину с коляской. Прошёл мимо, но вдруг…

— Андрей… — услышал он женский голос и вздрогнул.

— Галя?

Да, это была она, Галя. То же светлое лицо, те же добрые глаза, та же фигура. Разговорились. Он спросил, как зовут малышку.

— Люся?! Как ты узнала?

— О чём?

— О том, что мою маму звали Люся.

— Я не знала…

— Быстро же ты вышла замуж.

— Я и не выходила. И никого, кроме тебя…

Галя смутилась, осторожно взяла из коляски спящего маленького человечка, легонько качнула. Андрей протянул руки, чтобы взять девочку, но та открыла глазки, заплакала, и он остановился, растерянный.

— Не бойся, — улыбнулась Галя, качая ребёнка.

Улыбнулся и он, осторожно взяв на руки Люсю… Его Люсю.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

И ВСЯ ЗЕМЛЯ — ЦВЕТУЩИЙ РАЙ

ТАМ ГОДЫ ЗОЛОТОМ ЗВЕНЯТ...

О чём твой плач? Где тут красоты?
В стенаньях брошенной земли?
В домах, покинутых давно так,
что и пути к ним заросли?
В заросшей речке? На болото
похожем бывшем озерке?
Очнись, прекрасно и давно ты
живёшь в уютном далеке.

Ах, мне — вовек не наглядеться.
Не видит твой залётный взгляд
зорь, где моё сверкает детство,
Там годы — золотом звенят!
Там моя мама молодая,
отец там — сильный и большой,
и вера там живёт святая,
что мир наполнен добротой.

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна — лауреат первой Национальной литературной премии Республики Беларусь в номинации "Поэзия", многих Международных литературных премий, Всероссийских литературных премий "Прохоровское поле" и имени Ф. И. Тютчева, обладатель медали и Памятного Знака "Золотое перо "Тютчевъ", литературных премий имени Владимира Короткевича и Петруся Бровки. Автор 22 сборников стихотворений. Живёт в Минске.

ЗАВЕЩАНИЕ

Я вас прошу: в угаре увлеченья
Страх отметая, ложь и суету,
Не придавать пустым делам значенья,
Не тратить сил души на пустоту.
Живущему — однажды суждено
Вдруг испытать в отчаянии глубоком,
Что в смерти и страдании — одно
Дано нам: быть одним и одиноким.
У каждой жизни эти даты есть,
Достойные навек застыть в граните:
Одна — рожденье, а другая — смерть,
А между ними, радуясь, живите
День новый — словно с чистого листа,
Не сдерживая слёз и восхищенья,
А чтобы вас не съела пустота,
Не придавайте пустоте значенья.

У СВЕТА ТЕНИ НЕТ...

Ты ищешь Бога? Как понять
и где Его увидеть можно?
Ну, что в ответ тебе сказать?..
Ответить просто, верить сложно.

Бог есть любовь, Им всё живёт.
Он не карает, Он не грозен...
Вот Он: весною — терпкий мёд
Вишнёво-сливовый разносит,

И вся земля — цветущий рай,
Оркестр из трелей соловьиных,
Красот и солнца — через край,
Необъяснимо, невместимо.

РАДУНИЦА

Заворчат, заиграют апрельские грозы,
И на сёла и пашни прольются дожди,
И забудем до осени мы про морозы,
Про метели и стужи... тепло впереди.

И к родимой земельке склонившись — руками
Буду гладить траву, первоцвет целовать.
Здравствуй, жизнь, здравствуй, небо, любимые... мама...
В каждой ветке цветущей — вы с нами опять.

Потому так прекрасны сады наши в мае,
И луга золотые, и царственный лес,
Что всем сердцем и памятью вас мы встречаем,
И пасхальные звоны несутся окрест.

Вот и Радуница... и от слёз, что вы — с нами,
Что так радостно льётся небес синева,
Разрыдаюсь, заплачу такими словами,
Что при жизни сказать не сумела я вам...

ОЛЕГ ЖДАН

НЕБОМ ЕДИНЫМ...

Можно с уверенностью сказать: если в дружбе и понимании живут рядом два народа, если их соединила сама история, нити культуры так же взаимно пронизывают их жизнь. И, в частности, нити художественной литературы. Об этом свидетельствует книга, недавно вышедшая в Минске, в издательстве "Мастацкая літаратура" "Адреса русской литературы в Беларуси – Адреса белорусской литературы в России". Автор её – известный писатель, краевед, журналист Александр Карлюкевич. Десятки имён в этой книге, десятки литературных судеб их авторов, судеб произведений, повлиявших на развитие и состояние культуры. А в конечном итоге, сыгравших немалую роль в отношениях между нашими народами.

"Любые большие дороги начинаются из малых городов и деревень, из скромных уголков сельской провинции и городских улиц, дворов... – пишет автор в предисловии к книге. – Так и в писательских судьбах". Автор собрал в книге разные имена, события и факты, которые представили общую картину белорусско-российских литературных связей.

В Беларуси есть несколько регионов, городов, с которыми связано особенно много судеб русских писателей. Это, прежде всего, Брест. Здесь в 1813–1816 годах служил Александр Грибоедов, здесь он написал первые произведения, и, конечно же, многие здешние наблюдения отразились на страницах комедии "Горе от ума". С Брестом связаны судьбы Фёдора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Кондратия Рылеева, Петра Вяземского, Алексея Шаховского – и это только начало XIX века. А в 1867–1869 годах русский прозаик Фёдор Решетников заканчивал здесь роман "Глумовы", очерки и комедию "Прогресс в уездном городе". В Бресте есть даже улица, названная в память о самобытном русском писателе. Нельзя не вспомнить, что с Брестчиной связана судьба Константина Георгиевича Паустовского, находившегося в городке Кобрин во время Первой мировой войны в составе санитарного отряда. Именно здесь, под раскаты артиллерийской канонады формировался его талант. Вот несколько строк из "Повести о жизни": "...К вечеру мы вошли в местечко Кобрин. Земля, чёрная, как каменный уголь, была размешана в жижу отступающей армией. Косые дома с нахлобученными гнилыми крышами уходили в грязь по самые пороги. Ржали в темноте лошади, мутно светили фонари, лязгали расшатанные колёса, и дождь стекал с крыш шумными ручьями..." Позже, вспоминая эти дни, он написал стихотворение, опубликованное уже после смерти писателя, в котором есть такая строка: "Здесь не надо жалеть, здесь не надо любить..." Понятно, что эта строка – о состоянии человека на войне.

Во время Первой мировой служил на Брестчине, в Полесье, и Александр Блок.

Хорошо известно, какую роль город над Бугом сыграл в Великой Отечественной войне. Здесь фашистские войска впервые столкнулись с героическими защитниками Родины. И, конечно, со временем эти трудные дни нашли отражение на литературных страницах. В 1956 году здесь был открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Есть в Музее и стенд, посвящённый Сергею Смирнову (1915–1978), автору документальной книги "Брестская крепость", отмеченной Ленинской премией, а одна из улиц города носит имя писателя. Он является почётным гражданином Бреста. Писали о героических защитниках города и многие русские поэты: Сергей Орлов, Сергей Островой, Лев Ошанин, Николай Доризо, Владимир Кузнецов, Роберт Рождественский... Но и до Великой Отечественной, когда в 1939 году здесь побывала группа русских поэтов – Семён Кирсанов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Дмитрий Кедрин, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, – появились стихи, в которых уже возникло ощущение тревоги. Вот строки из стихотворения Владимира Луговского "Беловежская пуща":

Снег летит всё студёней и гуще,
И трёхтонки проходят гуськом.
Говорит Беловежская пуща
Монотонным ночным языком...

Придёт время, и Лев Ошанин напишет "Легенду о защитниках Бреста".

Есть несколько писательских судеб, достойных отдельного разговора, к примеру, судьба аварского поэта Мухтара Абакарова. Он служил в пограничных войсках в районе Бреста, там и принял бой с фашистами. Был тяжело ранен, но снова пошёл на фронт и воевал в звании старшины Дагестанского кавалерийского эскадрона. Погиб в 1944 году.

Среди защитников Брестской крепости были русские поэты Михаил Петров, Леонид Решетников, Алексей Романов... Воевали на белорусской земле многие поэты и писатели республик Советского Союза. Это и калмыцкий поэт, белорусский партизан Михаил Хонинов, удмуртский писатель Михаил Лямин (автор повести "Четыре года в шинели"), удмуртский поэт, командир пулемётной роты Филипп Кедров (он погиб в феврале 1944 года), татарский поэт Заки Нури (переводы его стихов на белорусский осуществил наш известный поэт Микола Метлицкий) и, конечно же, народный поэт Башкортостана, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, а во время Великой Отечественной войны – начальник связи артиллерийского дивизиона Мустай Карим... Некоторые оставили замечательные строки, стихи других погибли в огне войны.

Вот строки, написанные Мустаем Каримом и переведённые на русский язык Михаилом Дудиным:

Дрожит земля и звёзды меркнут
От орудийного огня,
И вдруг седая ночь, как беркут,
Накрыла крыльями меня.
Не тронь меня, проклятый беркут!
Земля, освободи меня!
Но кровь течёт, и звёзды меркнут,
И нет поблизости коня...

В августе 1942 года Мустай Карим был тяжело ранен и около полугода находился в разных госпиталях... Вернулся на фронт уже в качестве военного корреспондента.

Великая Отечественная война породнила многих с землёй Беларуси.

Старшее, да и среднее поколение нынешних граждан России и Беларуси хорошо помнит "Песню военных корреспондентов" Константина Симонова: "От Москвы до Бреста // Нет такого места, // Где бы не скитались мы в пыли, // С "лейкой" и блокнотом, // А то и с пулемётом // Сквозь огонь и стужу мы прошли..." Не забываются и многие иные произведения замечательного

писателя, прах которого, как известно, по завещанию поэта развеян над Буйничским полем у Могилёва. Более тесной связи не бывает...

Содержательная глава посвящена критику и литературоведу Алексею Кондратовичу, его книге "Признание" – сборнику портретов, воспоминаний, полемических статей. Алексей Кондратович внимательно следил за белорусской литературой. "Полагаю – и не без оснований, – что белорусская военная литература лидирует среди всех остальных литератур, – писал он. – Иначе вряд ли образовался бы превосходный авторский тандем Адамович – Гранин, а о Василе Быкове чуть ли не одновременно в Москве вышли две книги русских критиков. Такое не бывает случайно. Я бы сказал, что всесоюзный читатель следит за белорусской литературой так же внимательно, как за русской "деревенской" прозой, в своих лучших образцах, в сущности, равных классике. Мы обычно стесняемся говорить такие высокие слова, отдаём право произнести их потомкам, но ведь бывали случаи, когда говорили их и современники. И не ошибались".

В 1973 году в белорусском журнале "Нёман" появляются воспоминания Алексея Кондратовича об Александре Твардовском: "Я люблю белорусскую поэзию..." Рецензия "Дни тревог и мужества" в "Октябре" посвящена роману Ивана Чигринова "Плач перепёлки". В 1978 году в "Литературной газете" помещена рецензия на книгу Алёны Василевич "Одно мгновение" – "От корня белорусской прозы". В "Литературке" же появлялись рецензии критика на книгу Михася Стрельцова "Журавлиное небо" и на роман Виктора Казько "Колесом дорога".

Очерк А. Кондратовича о творчестве Нила Гилевича – "И этой веры хватит мне надолго...", – напечатанный в "Литературной газете" в 1982 году – доброе слово удивления перед открытием неведомого ранее таланта. Александр Карлюкевич приводит важные слова критика: "Поэзия Нила Гилевича – чистая, многозначная, говорящая с нами как бы сама собой, – и в этом её особенная прелесть". Продолжая тему связи русской и белорусской литератур, А. Карлюкевич отмечает, что Н. Гилевич переводил Александра Прокофьева, Бориса Слуцкого, Константина Ваншенкина, Римму Казакову, Владимира Фирсова и многих других, но его собственные стихи переводили относительно мало. Какая судьба ожидает его поэзию в России сегодня? Поэта такого масштаба в постсоветском пространстве смогут заново открыть лишь тогда, когда появятся соответствующие его уровню переводы на русский язык.

"Небом единым..." – так названа эта небольшая рецензия, таково название книги стихов Андрея Вознесенского в переводе белорусского поэта Рыгора Бородулина. И это ещё одно свидетельство взаимосвязи русской и белорусской литературы, свидетельство личной дружбы поэтов.

Однако рассказом о русских литераторах в Беларуси и белорусских в России не исчерпывается содержание этой книги. Важная её часть – связь белорусских писателей с писателями автономных республик России, в частности – с калмыцкими, татарскими, удмуртскими, чеченскими, дагестанскими литераторами.

В беседе А. Карлюкевича с народным писателем Удмуртии Ар-Серги разговор идёт о теперешнем положении писателя, живущего и работающего далеко от Москвы, о его жизненных и творческих проблемах. "Литература – моя взбалмошная подруга и моя строгая супруга, – говорит Ар-Серги, – мой праздник и мои тяжёлые будни, моя удача и непростые поражения. И поэтому я люблю её так, что всё время пытаюсь задушить в своих объятиях. Но она только смеётся..." И далее разговор идёт о творчестве как процессе, о влиянии литературы на реальную жизнь, о писателе как личности, о сегодняшнем читателе... "Литература – мой главный инструмент познания жизни. Никого я не хочу чему-либо учить, а лишь пытаюсь что-то понять сам, а потом уже, по возможности, поделиться с кем-то своим осмыслением действительности..." Интересно, что Ар-Серги, который пишет на удмуртском и русском языках, до 4-го класса школы вообще не знал русского языка. Однако со временем стал чувствовать, что ключом к пониманию мира во всех аспектах является русский язык, и освоил его быстро и глубоко.

Ар-Серги высокого мнения о предназначении литературы: "Пока жив человек, живо Слово, жива Литература. Человек, слово, время – вот три кита,

на которых зиждется литература". Нынче, конечно, в связи с расслоением общества многие писатели неясно представляют себе образ читателя. "Мой удмуртский читатель не хуже и не лучше других, – считает Ар-Серги. – Я его неплохо представляю – мыслящего вещественными категориями, не любящего выспренности, громоздких фраз и эстетского порхания над темой. Это объясняется его природным, земледельческим мышлением".

Не обойдён в интервью и вопрос об отношении писателя к белорусской литературе и вообще – к белорусам. Беларусь богата литературными талантами, считает Ар-Серги, это народ самодостаточный и деликатный, говорящий на мягком славянском языке.

(Вот и московский поэт Борис Дубровин писал: "Смотрю на Беларусь, встречаюсь с белорусами – и в душе, и на сердце только светлые чувства...").

Интервью оказалось содержательным, поскольку авторы хорошо знакомы с творчеством друг друга.

Неожиданным и откровенным получился разговор А. Карлюкевича с народным писателем Чеченской республики Мусой Ахмадовым. Проблем в республике много – и внутренних, и внешних. Однако литература продолжает жить.

Самое значимое событие последних лет – открытие Чеченского государственного молодёжного театра "Серло". Вопросы в своих спектаклях театр поднимает непростые: как сохранить традиции национальной культуры, возвратиться к духовным ценностям отцов и дедов, как проанализировать прошлое, найти пути к тому, чтобы оно не повторилось.

Беда в том, что чеченский язык теряет свои позиции. Тираж детского журнала на чеченском языке "Радуга" – 3–5 тысяч экземпляров. Причин тому несколько. Во-первых, детских писателей можно пересчитать по пальцам (Зайнап Сулейманова, Саид-Магомед Гелагаев, ещё несколько авторов...). Вторая причина – многие родители дошколят и учеников младших классов желают, чтобы их дети учились на русском языке. Дескать, образование на чеченском сужает перспективы, скажется на будущей профессиональной карьере ребят...

Есть всего лишь несколько молодых писателей, произведения которых построены на осмыслении исторического прошлого и настоящего чеченского народа. Однако среди 50–60-летних литераторов имеются громкие имена: поэзия Лечи Абдулаевой, проза Мусы Бексултанова, Султана Яшуркаева (хотя он живёт в другой стране – в Бельгии), и это не все имена...

Есть проблемы писательские, есть и читательские. Круг читателей старшего поколения сильно сократился: многие погибли в трагические для республики годы, иные бежали от войн в другие страны. Ну, а среди молодых людей мало тех, кто читает вообще, тем более на чеченском языке. Проблема эта всемирная, и связана она с возникновением новых информационных технологий. Однако Муса Ахмадов считает, что книга выдержит конкуренцию с айпадами и айфонами и будет жить параллельно с электронными изданиями.

Заметим, что, несмотря на все проблемы, названные Мусой Ахмадовым, в Чеченской республике переводят белорусскую поэзию. Известный литератор Адам Ахматукаев переводил в последние годы Янку Купалу, Максима Богдановича, а к международному симпозиуму в Минске "Писатель и время" представил творчество 19 белорусских поэтов на чеченском языке: Аркадия Кулешова, Максима Танка, Пимена Панченко, Михася Стрельцова, Рыгора Бородулина, Алеся Бадака, Виктора Шнипа...

Похожие проблемы у многих "малых" народов. В Дагестане четырнадцать письменных языков, естественно, что и носителей языков немного. К примеру, ногайцев сегодня чуть больше ста тысяч, а когда-то это было большое государство – Ногайская орда, – говорит Анварбек Култаев, заслуженный деятель культуры Республики Дагестан. – Нынче ногайцы живут в разных странах.

Национальная литература стала развиваться с появлением письменности – в 1920–1930 годы, и процесс этот был успешным. Дело в том, что у ногайцев богатый и разнообразный фольклор. В устном творчестве присутствуют все жанры и виды литературы: эпос, волшебно-фантастические, богатырские и бытовые сказки, сказки о животных, героические и лирические песни. Поэты и акыны обращались к образам легендарных личностей, героям народных сказок, песен: "Сорок ногайских богатырей", "Сын Айсылу Амет", "Шора Батыр",

“Эрболган”, а также к конкретным личностям – полководцу Эдиге, ногайской царице Суйимбике... Из прошлых веков ногайцы помнят многих поэтов: Кийиза Тиленши улы, Досманбета Азавлы, Казтувгана Суйиниша, Саркынбая Азавлы и др. С горечью и печалью говорили они о болезненных проблемах родины, о распаде могучего государства на мелкие части и, наконец, об их исчезновении.

Всё это послужило для молодых поэтов животворным родником.

Сегодня произведения ногайских писателей переводятся и на русский язык, и на языки народов Дагестана, и на языки стран Содружества Независимых государств. Налаживаются неплохие отношения и с белорусскими литераторами. Ряд произведений подготовили к печати Микола Метлицкий, Виктор Шнип, Татьяна Сивец... Подборка современной ногайской поэзии помещена в журналах “Полымя”, “Маладость”, в газете “Літаратура і мастацтва”. Это работа, которая обогащает духовно обе стороны.

В заключение приведём несколько строк Анварбека Култаева из стихотворения “Друзьям”:

Нет ничего друзей дороже —
Я этой дружбою горжусь.
Ведь наша дружба так похожа
На ослепительный Эльбрус!

Стихотворение это посвящено памяти Янки Купалы и Петруся Бровки.

Судьбы многих литераторов Советского Союза, а нынче – независимых государств – так или иначе связаны с Россией, с Москвой. В разные годы в столице России формировались таланты и белорусских поэтов и прозаиков. Беларусь, в свою очередь, принимала, обогащала духовно российских литераторов, по воле судьбы оказавшихся на нашей земле.

г. Минск

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВА

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА. СИНОП

Глава из книги "Нахимов"

"Там пахнет морской нацией"

В дневнике Пушкина есть такая запись за 1833 год: "30 ноября. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? Для безопасности Петербурга? Но он защищён Кронштадтом. Игрушка! – Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным). Ваше место Азия, там совершите вы достойный подвиг цивилизации... *etc*". Граф Д. П. Бутурлин, по прозвищу Жомини, написал "Военную историю походов россиян в XVIII столетии" в 4-х томах, к ней прилагалась карта России. Вот её-то поэт и рассматривал с Дж. Блайем, английским поверенным в делах.

Беседа произошла после заключения договора между Россией и Турцией в Ункяр-Искелеси, по которому российские военные суда получили исключительное право проходить через проливы Босфор и Дарданеллы. Предоставлялось оно России в благодарность за поддержку Турции в войне с её египетским вассалом, по условиям договора Россия могла даже требовать закрывать проливы для других иностранных судов. Не удивительно, что договор вызвал раздражение у самой могущественной морской державы мира и был пересмотрен под давлением Британии в 1841 году, фактически лишив Россию достигнутых ею преимуществ.

Конечно, Пушкину было хорошо известно стремление европейских политиков видеть Россию без морей и, желательно, в границах Московии XVI века. "Распространение" России вызывало опасение и злобу, потому и состоялся "любопытный разговор", который поэт вёл не с частным лицом, а членом английского посольства. Интересно, что ответил бы английский *поверенный в делах*, если бы поэт задал встречный вопрос: как долго будет распространяться по миру Британская империя? Или Французская? Или США на американском континенте?

Британцы всегда относились высокомерно к чужим флотам, Балтийский флот России они называли "игрушкой императора". Но после Наваринского сражения (1827) и блокады Дарданелл в 1829 году, подписания договора России и Турции в 1833 году, утверждения России в северо-западной части Америки и открытий русских моряков в кругосветных экспедициях Британия стала ревниво следить за российским флотом. В середине XIX века она начала проявлять усиленный интерес к Дальнему Востоку, Камчатке, Охотскому морю, демонстрируя, что все моря мира считает своими наследственными владениями и не желает мириться с конкуренцией. Выходит, уже и в Азии для России не оставалось места.

В 1830-е годы в петербургских гостиных передавали в разных вариантах разговор императора Николая с английским послом:

– Зачем вам строить такой большой флот, Ваше Величество? – спросил англичанин в Кронштадте.

– А вот именно затем, чтобы вы уже больше не осмеливались задавать мне подобные вопросы, – ответил император.

На Чёрном море игрушек не делали, и британцы почувствовали это раньше других. В 1841 году Севастополь посетил главный кораблестроитель английского флота В. Саймондс, он осмотрел все военные корабли молча, покусывая губы. И сообщил свой вердикт в Лондон: "Там пахнет морской нацией, чего на Балтике я не заметил, и ежели правительство поддержит, то морская часть в Чёрном море в скором времени очень усилится[1].

Мнение, высказанное специалистом, убедило британское правительство в существовании ещё одной морской державы, флот которой способен приносить пользу своему Отечеству. И потому целью вступления Британии в войну было, в первую очередь, ослабление России, уничтожение русского флота и его главной базы на юге – Севастополя.

Парус или винт?

В августе 1853 года в Севастополе только и говорили, что о смотре английского флота в Портсмуте. Капитан-лейтенант И. Шестаков, который был в Англии в командировке, описал учебное сражение на Спитхедском рейде. Противник в нём назывался "русские" и был представлен одними парусными кораблями. Английский флот представляли 20 пароходов со 130-ю пушками на борту. Происходило сражение так: пароходы выстроились в линию длиной в четыре версты и шли "ветер в зубы", затем развернулись – за 12 минут! – и атаковали неприятеля. Сражение длилось 10 минут, "русские" были разбиты, и, как писал Шестаков, "приговор парусным кораблям был подписан и скреплён".

Вряд ли англичанам в реальности удалось бы так легко расправиться с русским флотом. Но то, что приговор парусным кораблям уже вынесен, в этом Шестаков не ошибался.

Пароходы в России появились за 40 лет до Крымской войны. В 1815 году пароходик "Елизавета" мощностью в 16 л. с. уже трудился, попыхивая трубой, между Петербургом и Кронштадтом. В 1817 году на Урале построили первые колесные пароходы и машины к ним, на Ижорском заводе – пароход "Скорый" мощностью в 30 л. с., в 1825 году – "Проворный", машина которого имела уже 80 л. с. Колёсные паровые суда предназначались в основном для речного судоходства, для бурных морских погод они мало годились. И самое главное – пароходы не могли заменить парусных кораблей, поскольку несли незначительное число пушек, и в середине XIX века основным типом корабля во всех флотах по-прежнему оставался линейный корабль.

В 1820-е годы на Чёрном море трудились пароходы "Везувий" и "Метеор", в основном, они перевозили почту, грузы в портах, буксировали в штиль суда, то есть играли вспомогательную роль. Первый военный пароход появился в России в 1832 году, на него установили усовершенствованную машину, созданную русскими техниками-новаторами, для сравнения: такие машины без балансира появятся в Англии только в конце 30-х годов. Назывался военный пароход "Геркулес" и курсировал в Балтийском море, это на нём Нахимов отправился на лечение в Германию. Имелся и колёсный пароход "Богатырь" с 28 пушками на борту, мощностью 240 л. с., построенный на Ижорском заводе, и винтовой, названный "Архимед"[2].

Первые опыты по строительству военных винтовых кораблей начались во Франции и Англии всего за 10 лет до начала Восточной войны. В 1844 году в Англии был построен военный пароход "Ратлер", на котором испытывали винты разных систем, опыты оказались удачными. Во Франции в 1852 году был спущен на воду трёхпалубный корабль "Наполеон", имевший 90 орудий на борту. По виду это был обычный трёхмачтовый парусный корабль, но с одной особенностью: внутри него стоял двигатель мощностью 990 л. с., который приводил в действие гребной винт и обеспечивал скорость в 13 узлов. Между фок-мачтой и грот-мачтой с парусами скрывалась пароходная труба, во всем остальном силуэт корабля ничем не отличался от других. Гребной

винт помещался в кормовой части корабля, ниже ватерлинии, и приводился в движение паровой машиной. При попутном ветре винт поднимался, и корабль двигался при помощи парусов. Такой тип корабля назывался винтовой пароходофрегат.

В 1840-е годы во Франции и Англии развернулось строительство заводов, доков, производство оборудования, необходимого для нового винтового флота. Всё это потребовало немалых средств. Морской бюджет Британии, а вслед за ней и Франции увеличился во второй половине 1840-х годов почти вдвое, и не все соглашались с необходимостью подобных трат.

Всю первую половину XIX века среди флотских велась дискуссия о преимуществах и недостатках парусных и винтовых судов, можно сказать, решался вопрос: парус или винт? В Англии, например, долгое время всерьёз опасались, что паровая машина или винт могут помешать управлению парусным кораблем, поскольку они уязвимы для неприятельской артиллерии, и адмиралтейство всячески пыталось препятствовать их применению, чтобы не наносить "удар могуществу империи".

Спорили по этому поводу и в России, особенно много противников винтовых кораблей появилось после поломки "Архимеда". Так что небольшое число пароходов в России объяснялось не одним недостатком средств.

"Парус и винт" – так называлась статья, написанная историком флота капитан-лейтенантом А. П. Соколовым[3]. Он считал преимущества парохода незначительными, зато недостатков видел море: и вместимость их по сравнению с парусными судами невелика, и зависимость от угля постоянна, медлительность при разведении паров делает их непригодными в военных условиях. Повреждение пароходной трубы во время боя и вовсе "приведёт к замешательству", а уж если механик заболеет, запьёт или его убьют – пароход и вовсе встанет. Вывод из этого сравнения очевиден: "весла и парус всегда прочнее и надёжнее искусственных и сложных механизмов". Можно добавить ещё в этот ряд дороговизну пароходов: построенный в Америке пароход "Камчатка" называли "золотым", да и ходил он только на американском угле, что ещё больше удорожало его стоимость.

"Морской сборник" не напечатал тогда статью Соколова, возможно, как не отвечающую духу времени (позже, значительно отредактированная, она всё же появилась в журнале). Обиженный автор отправил её Нахимову. Почему именно ему? Да потому, что в Петербурге знали, что Нахимов называл пароходы "самоварами"; может быть, Соколов надеялся найти в герое Синопа единомышленника. Но при всей любви Нахимова к парусным кораблям, он твёрдо знал: будущее за пароходами.

Морской комитет внимательно следил и за дискуссией о преимуществах винтовых кораблей, и за успехами нового флота в Британии и во Франции. Однако строить новые корабли в России на своих верфях пока не могли: доки были малы для паровых судов, не был налажен выпуск собственных машин и механизмов, их заказывали в Англии, там же нанимали и машинистов. С приближением войны заказанные винты были конфискованы английскими властями, и российский флот не мог пополниться даже несколькими винтовыми судами. Как заметил военный историк Зайончковский, "для того, чтобы иметь винтовой флот, России надо было ещё несколько лет кипучей деятельности и затрат многих миллионов"[4]. Не лишним будет отметить, что Николай I был сторонником постройки паровых судов и денег на их покупку не жалел.

В марте 1854 года Нахимову было чем заняться в Севастополе, однако он нашёл время, чтобы прочитать написанное Соколовым. *"Соколова записку прочёл. Мне кажется, это самохвальство, к тому же он далеко не хорошо знаком с пароходством, если пишет, что пробитая труба может остановить действие парохода и пр..."*[5]. Не нашёл автор в Нахимове единомышленника, так что миф о Нахимове, не признающем преимуществ паровых и винтовых судов, тает, как дым из пароходной трубы.

Политический ландшафт накануне войны

В начале 1850-х годов вновь обострился восточный вопрос, на сей раз из-за спора о Святых местах. Иерусалимский патриарх Кирилл обратился к турецким властям с просьбой о ремонте купола храма Гроба Господня, и султан издал соответствующий фирман. Вслед за этим последовало возражение

французского посла в Константинополе, посчитавшего права католиков нарушенными. Для подкрепления своих требований Франция отправила к турецкой столице новейший корабль "*Charlemagne*" с 80-ю пушками на борту. И султан новым фирманом утвердил права католиков.

Отчего во Франции, где главной религией давно был атеизм, вдруг вспыхнул такой интерес к христианским святыням?

Незадолго до этих событий Наполеон III провозгласил себя императором Франции, и для укрепления авторитета ему нужны были не только корона и мантия, но и победы, как его дяде Наполеону I. Лучшего повода взять реванш за 1812 год он не придумал.

В феврале 1853 года Николай I для урегулирования вопроса направил в Константинополь миссию во главе с князем А. С. Меншиковым, её участником был и начальник штаба В. А. Корнилов. Переговоры продолжались почти три месяца, но судьбу их решали вовсе не российский и турецкий представители. Английский посол лорд Ч. Стратфорд-Каннинг, он же виконт Рэдклифф, который стоял за спиной турецких чиновников, делал всё, чтобы разногласия между Турцией и Россией переросли в прямое военное столкновение. Он даже пошёл на подлог документа, вместо слов о праве России "делать представление в пользу церквей Константинополя" в проекте оказались слова "давать приказы" – это меняло и содержание, и тон договора, в такой редакции он стал носить агрессивный и повелительный характер. Сочтя себя оскорблённой, Турция отказалась подписать договор и разорвала отношения с Россией.

Дипломатическая переписка тех лет ясно свидетельствует, что Николай I не стремился к разрешению конфликта военными средствами, и окажись на месте Меншикова более опытный и тонкий политик, войны, возможно, избежали бы. Как Франция при помощи своего новейшего корабля надавила на Турцию, так и Николай I отдал 14 июня приказ о введении русских войск в Дунайские княжества Молдавию и Валахию. В Манифесте о начале войны говорилось: "Не завоеваний ищем мы, в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви". Но Турция на попятную не пошла, убедившись в поддержке европейских держав.

Как могла Россия позволить втянуть себя в войну с двумя странами, имевшими столь мощные флот и армию? Во-первых, император не собирался воевать ни с Британией, ни с Францией, и уж тем более с ними обеими. Британию Николай I видел своей союзницей в лечении "хронического больного", как он называл Османскую империю, считая, что *если больной всё же скончается*, то Англия вполне удовлетворится Египтом. В возможность "сердечного согласия" между Британией и Францией, этими вечными противниками, император не хотел верить вплоть до начала боевых действий.

Во-вторых, Николай I ожидал поддержки Австрии, которая должна была быть благодарна России за помощь в событиях 1848-1849 годов, он и предположить не мог, что Австрия выступит против: "Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость", – говорил император уже во время войны.

Династия Сардинского королевства мечтала объединить Италию под своей властью, искала покровителей, и таким покровителем ей виделась Франция, которая, в свою очередь, искала союзников в грядущей войне.

В результате России пришлось воевать не с одной Османской империей, как предполагал император, а ещё и с Британией, Францией и Сардинией, да и Австрия вместо поддержки объявила вооружённый нейтралитет, угрожая ударом в спину на Балканах. Получалось, что эту шахматную партию Николай I проиграл ещё до её начала, неверно оценив свои силы. Вот только жертвовали игроки той партии не фигурами, а живыми людьми.

Определённая доля вины в дипломатическом просчёте императора лежит на его посланниках: Ф. И. Бруннов в Лондоне, Н. Д. Киселёв в Париже и П. К. Мейендорф в Вене уверяли, что опасаться вступления в войну Британии, Франции и уж тем более Австрии не стоит, а ловкий угодник К. Нессельроде сообщал императору только то, что тот хотел слышать.

И всё же главная вина лежала на самодержце, поскольку за ним было последнее слово. Как говорят моряки, у командира корабля всегда должно сохраняться чувство опасности. Если он утратит бдительность – корабль может

наскочить на рифы. Вот так и Николай Павлович, упоённый прежними успехами России в Европе и на Ближнем Востоке, усыплённый *сладкими песнями* посланников, утратил чувство опасности, и огромный российский корабль пошёл на всех парусах прямо на камни.

Война будет происходить сразу на нескольких театрах военных действий: на Балканах, на Кавказе, в Крыму, на морях – Балтийском, Белом, Чёрном – и на Тихом океане одновременно, поэтому правильнее называть ее не Крымской, а Восточной войной.

В поисках неприятеля

Ещё не высохли чернила на рапортах и донесениях о перевозке войск на Кавказ, как эскадру Нахимова вновь отправили в крейсерство. В октябре 1853 года пришли сведения из Константинополя об энергичном приготовлении турок к войне и самое главное – о том, что англо-французский соединённый флот, с июня стоявший в Безикской бухте близ Дарданелл, вошёл в Мраморное море. Таким образом, Лондонская конвенция 1841 года, запрещавшая иностранным военным кораблям проходить через проливы без объявления войны, была нарушена.

5 октября 1853 года Нахимов получил приказ отправиться с эскадрой к турецкому берегу Чёрного моря. Предписывалось крейсировать, держась по возможности на меридиане мыса Тарханкут и параллели 43°. Почему именно там? Если мы посмотрим на карту Чёрного моря, то увидим, что самым узким его местом будет расстояние от Крыма до мыса Керемпе на Анатолийском побережье Турции; параллель 43° делит это расстояние примерно пополам. "Эскадра может подходить на вид берегов, – говорилось в предписании Нахимову, – но не должна без открытия неприязненных действий со стороны турок" начинать военные действия. Главной целью турецкого флота был Кавказ, поэтому Нахимов и должен был сторожить турок, не давая им возможности высадить десант на Кавказском побережье. "Цель посылки эскадры... дабы при ожидаемом разрыве иметь морские силы у берегов Турции, и особенно на сообщении Константинополя с анатолийскими приморскими городами"[6].

В состав эскадры входили корабли "Ягудиил", "Храбрый", "Чесма", "Императрица Мария", фрегаты "Коварна", "Кулевчи", "Кагул", два брига – "Эней" и "Язон" и пароход "Бессарабия"; флагманским кораблём Нахимов избрал "Императрицу Марию". 10 октября Нахимов приказал привести суда в боевую готовность. *"При встрече с турецкими военными судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены. В заключение я должен сказать, что, имея таковой отряд под командою, мне не остаётся более желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турциею, и тогда я убеждён, что каждый из нас исполнит свой долг"*[7].

Кроме решительного намерения дать отпор, приказ демонстрирует уверенность командира в своих подчинённых, и это не бравада. Многие годы ушли на выучку эскадры, и теперь были видны плоды длительной и напряжённой работы. Мичман В. Д. Палеолог, служивший на бриге "Язон", вспоминал, что за три года бриг был в гавани всего два месяца, остальное время крейсировал в Чёрном море. И при этом ни на минуту не ослаблял бдительности: "Как только на горизонте показывалось судно, даже тучка, имеющая форму судна, мы снимались с якоря и летели к ней навстречу... Бриг был готов к бою: в $2^{1/2}$–3 минуты ночью, днём в $1^{1/4}$ и $1^{1/2}$ минуты по пробитии тревоги мог послать ядро"[8].

Давно прошли те времена, когда командиры сгорали со стыда, сравнивая время установки парусов на английском и русском кораблях. Теперь не только скорость в установке парусов, но и скорость и меткость стрельбы впечатляли. В походе корабли эскадры Нахимова постоянно проводили в море учебные стрельбы, матросы попеременно занимали места комендоров, заряжающих, словом, всей прислуги, и потому стреляли скоро и метко. "Орудие от прицела до прицела изготавливали в 15–18 секунд. В 3 минуты после тревоги каждое орудие выбрасывало по 5 ядер прицельным выстрелом". После неоднократной высадки десантов на Черноморское побережье Кавказа опыта у артиллеристов только прибавилось.

Перед походом Нахимов, верный своей привычке заботиться о команде и быть готовым ко всем неожиданностям в море, приказал снабдить суда эскадры всем необходимым для долгого зимнего плавания.

Турки рассчитывали, что в зимний период русские эскадры крейсировать не будут – слишком рискованно из-за непогоды, штормов и боры. Недаром Э. Лайонс, командир корабля "Блонд", писал в 1829 году адмиралу Гейдену: "Какой великолепный порт Севастополь! Какая красивая, процветающая Одесса и какое адское Чёрное море в это время!"[9] Это тот самый Э. Лайонс, который в чине вице-адмирала возглавит английский флот во время осады Севастополя. Крейсирование в "адском Чёрном море" в самое опасное время года, тем более на парусных кораблях, ещё раз доказало мастерство русских моряков, которого они сумели добиться за годы руководства флотом Лазаревым, Корниловым и Нахимовым.

О Синопском сражении сохранилось немало воспоминаний моряков, есть среди них и записки мичмана А. Сатина с корабля "Три святителя"[10]. Как всякий молодой офицер, он надеялся участвовать в разгроме турецкого флота (а что это будет именно разгром, никто из мичманов не сомневался), но вдруг неожиданно заболел лихорадкой и слёг в госпиталь. "Я чуть не плакал, утешал себя, что зимой ничего не будет, но на душе было скверно... Вдруг вбегает мой товарищ:

– Вставай, одевайся, турки в море! Через два часа эскадра снимается...

Что было тогда у меня на душе, то знает один Бог. Я нерешительно спросил:

– Доктор, можно?

– Странный вы человек, да вы лучше себя-то спросите, можете ли вы в этом положении, в эту погоду идти в море?

Товарищ мой вступился:

– Слушайте, доктор, вы умный человек, рассудите сами: вылечиться он всегда успеет, а если прозевает этот случай, жди 25 лет, пока турки опять заведут флот!"

Разве может мичман ждать войны ещё 25 лет? Да за это время вообще воевать перестанут, и ни одного сражения на его долю не останется! Доктор махнул рукой, проворчав: "Ох, мичмана, мичмана, бедный народ!" – и Сатин через полчаса был на корабле.

11 октября эскадра торжественно вышла из Севастополя, жители толпились на всех возвышенностях города, откуда был виден рейд, кричали и махали, провожая моряков. "Жаль, что Айвазовский не видел выхода эскадры в море! – говорили потом в Севастополе. – Он бы запечатлел для потомков этот знаменательный момент!"

В тот самый день, когда эскадра Нахимова покидала Севастополь, турецкими пушками были обстреляны с берега суда Дунайской флотилии. Погиб отрядный командир и шесть нижних чинов, 46 человек было ранено. Одновременно горцы и турецкий отряд напали на форт св. Николая на Кавказе, близ турецкой границы, и захватили его. Собственно, фортом укрепление можно назвать условно – это был таможенный пост, который охранялся казаками и двумя ротами пехоты при двух полевых орудиях[11]. Атаковали форт, как всегда, ночью, навалились всей массой и вырезали почти всех. Таким образом, первый выстрел, вопреки распространённому мнению, сделала в той войне не Россия, а Турция.

Нахимов был под парусами и не знал о событиях на Дунае, но предупреждал корабли своей эскадры: *"Близко к разрыву"*. Несколько раз встречали пароходы под турецким флагом, они останавливались, сближались на расстояние мили, но, увидев дымящую трубой "Бессарабию", спешно ретировались. "Душевно жалели мы, что не имеем разрешения обменяться с ним выстрелами", – сетовали офицеры эскадры. Впрочем, скоро такой случай представился.

14 октября в ясный, почти без ветра день увидели вдалеке турецкий берег, 18 октября Нахимову доставили новый приказ: Корнилов остановил его "благородное стремление поколотить басурман", потому что император повелел "быть до времени в оборонительном положении". Дипломатический маятник качнулся в другую сторону. Хорошо в тёплых кабинетах Парижа, Лондона, Вены и Берлина вести умные разговоры, диктовать, умащивая лестью, письма императору в Петербург, а каково крейсировать в штормовом осеннем море, не зная точно – атаковать или обороняться?

Ни Нахимову, ни Корнилову такие колебания были не по душе, но делать было нечего. "...Может быть, выстрелы, происшедшие на Дунае... и государь позволит нам доказать Джон-Булю, что мы не забыли своего происхождения от людей, спасших Европу... с удовольствием ожидаю с вами встретиться, и, может, свалять дело вроде Наваринского", – писал Корнилов Нахимову. И даже при таком горячем желании – предостережение об англичанах: "Вам известно, как они решительны, когда дело идёт об истреблении чужих кораблей по одиночке; я всё опасаюсь, что они выскочат из Босфора, чтоб на вас напасть". И подпись: "Душевно преданный Корнилов"[12].

20 октября пароход привёз эскадре свежую провизию и сообщение о событиях на Дунае вместе с новым предписанием: "Разрешить... при встрече с турецкими судами военные разрушать или брать военнопленными, отсылая в Севастополь", купеческие досматривать и отпускать, если на них нет военнослужащих. "...Если ваше превосходительство встретите сильнейшею эскадру вашей, под английским или французским флагом, то надлежит для избежания всякого рода случайностей уклониться в Севастополь..."[13]. Воевать по-прежнему собирались с одними турками, и соотношение сил в случае вступления в войну Англии и Франции оценивали реально.

Пока Нахимов сторожил турецкий флот на юге, Корнилов с группой пароходов "Владимир", "Громоносец", "Одесса", и "Херсонес" проводил рекогносцировку европейского берега Турции вплоть до Босфора. В Бальчике, Варне и Сизополе неприятельских кораблей обнаружено не было. Опросив встретившиеся в море купеческие суда, выяснили, что англо-французская эскадра по-прежнему стоит у выхода из Босфора, а из Константинополя в сторону Трапезунда отправилось три больших турецких парохода с войсками. Корнилов вернулся в Севастополь, приказав Новосильскому со своей эскадрой идти к Нахимову и сообщить ему о турецких пароходах.

22 октября Корнилов отправил Нахимову распоряжение ожидать подхода второй эскадры из Севастополя. "В случае же, что вам удастся предупредить севастопольскую эскадру и застать неприятеля на якоре под его крепостями, блокировать его до соединения, и тогда с Божьей помощью может повториться знакомое вам Наваринское сражение"[14]. А где же объявление войны? И как действовать Нахимову в ситуации, которая уж очень стала напоминать положение Кодрингтона в том самом Наваринском сражении?

23 октября Меншиков отправил, наконец, распоряжение Нахимову, его он получит 26 октября: "...турки, переправясь через Дунай... заняли город Калафат, следовательно, войну должно почитать действительно начавшеюся". Теперь можно было, встретив турецкий флот в море, атаковать.

Накануне полученного письма едва не произошло столкновение с турецким пароходом. Дело в том, что турецкие и английские корабли в случае необходимости выходили в море без опознавательных знаков. Такой пароход без флага, у которого на буксире был кливер, задумал проскочить мимо эскадры Нахимова. "Но Павел Степанович не мог хладнокровно смотреть на дерзкое намерение турецкого парохода", – как написал мичман Палеолог, и дал сигнал пароходу "Бессарабия" и фрегату "Кагул" заставить турка поднять национальный флаг. Пароход и фрегат тотчас пошли наперерез турецкому пароходу. Тот отдал буксир, кливер бросился к берегу, а сам пароход продолжал, как ни в чём не бывало, уходить от погони. Пришлось "Бессарабии" сделать два холостых выстрела, а затем послать ещё из кормовой пушки пять ядер для острастки. Это "вынудило упрямца поднять флаг... Будь это днём позже, турок дорого бы поплатился за свою дерзость".

28 октября Корнилов отправил Нахимову письмо из Севастополя с пожеланием победы: "Кажется, турки не на шутку озлобились; посылаемую ими флотилию в Батум или Сухум вы расколотите в пух; жаль, что не могу прибавить вам парохода, все починяются". Сам Корнилов отправился искать турецкую эскадру к мысу Калиакра, предупредив Нахимова: "Боятся вызвать англичан и французов, которые решительно объявили, что будут защищать турок на Чёрном море; того и смотри... придётся нам отсалютовать друг другу". Последняя фраза в письме была зачеркнута, хотя сразиться с англичанами и французами всё равно придётся, хотя и не в море. Заканчивается письмо пожеланием Нахимову победы и надеждой на скорую встречу: "Проберусь к вам на свидание, и тогда расскажем, буде Бог благословит, друг другу, что произошло"[15].

Объявление войны

1 ноября с пароходом получили известие: “Война объявлена, турецкий флот вышел в море, отслужить молебствие и поздравить команду”. Волнение на море было настолько сильное, что Нахимов два дня не мог передать манифест об объявлении войны командирам кораблей, и только 3 ноября издал приказ, который мичманы развезли по судам: *“Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам форт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить своё намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором – с Божиею помощью и уверенностью в своих офицерах и командирах я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю господ командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает своё дело”*[16].

А спустя три дня случилась первая победа на море: пароход “Бессарабия” вступил в бой с неприятелем и через час привёл на буксире приз – двухмачтовый турецкий пароход “Меджари-Теджарет”. Это был первый случай пленения парового судна в истории русского флота. О том, как это произошло, описано в “Историческом журнале” эскадры Нахимова. Командир “Бессарабии” капитан-лейтенант П. Ф. Щёголев увидел на горизонте пароходный дым и решил применить военную хитрость: на пароходе-фрегате поставили все паруса, трубу и кожухи замаскировали брезентами. Хитрость удалась, турки поверили, что перед ним русский парусник, и пошли на сближение. Едва дистанция сократилась до пушечного выстрела, как на “Бессарабии” убрали паруса и дали машине полный ход. После первого же залпа “Бессарабии” турецкий пароход спустил гребные суда, на которых бежали капитан, его помощник и оказавшиеся на судне чиновники. Осталась только команда, она спустила флаг, и командир “Бессарабии” приказал прекратить огонь.

Пленённый пароход назвали “Турок”, он уже на следующий день принёс пользу русскому флоту, когда в штиль по очереди с “Бессарабией” буксировал корабли эскадры Нахимова. Так прошли 7 миль к западу. Наконец, задул лёгкий ветерок, им наполнились паруса, и одновременно на эскадре услышали пушечные выстрелы. Адмирал дал сигнал: “Готовиться к бою!”

Вскоре увидели пароход “Владимир”, который буксировал трофей – египетский пароход “Перваз-Бахри”. Так вот откуда доносились выстрелы! Корнилов, который был на “Владимире”, рассказал Нахимову во всех подробностях о трёхчасовой перестрелке между пароходами. Нахимов и сам убедился в жестокости схватки, когда увидел корпус неприятельского парохода: он был весь изрешечён, только одна паровая машина на нём и уцелела. Турки отбивались отважно, сдались, когда у них погиб капитан; на “Владимире” было двое убито и трое ранено.

Для команды парохода это было боевое крещение, а начальник штаба Корнилов “получил полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которой они должны наблюдать, и о несовершенствах вооружения собственно наших пароходов”[17], – так он отписал в письме к брату. Корнилов знал все достоинства и недостатки наших пароходов, поскольку строились они в доках Англии под его руководством, теперь он увидел их в деле. Турецкий пароход починили и включили в состав Черноморского флота, позже он будет назван “Корнилов”. Командир парохода капитан-лейтенант Г. И. Бутаков был награждён орденом св. Георгия 4-й ст., все офицеры – следующим чином, 8 нижних чинов получили знаки отличия.

В том походе произошло немало событий, связанных с пароходами. Главной проблемой первых паровых судов была их ограниченная автономность: топлива они расходовали много, а возможности пополнить его было мало. Кстати, Лазарев ратовал за использование родного луганского антрацита, который по своим качествам значительно превосходил покупной английский уголь. Вскоре после захвата “Меджари-Теджарета” на нём закончился уголь, и тогда Нахимов принял смелое решение – перегрузить уголь на

бывший турецкий пароход с нашего пароходофрегата прямо в море. 5 ноября подвели "турецкий" пароход к левому борту "Бессарабии" и перегрузили на него 600 пудов угля. Этот был первый в истории случай погрузки угля в открытом море. С именем Нахимова многое связано в истории флота, о чём говорят *впервые*: и установка мёртвых якорей на Чёрном море, и подъём затонувшего тендера, и перегрузка угля в море. *Последним* будет только Синопское сражение в истории парусного флота.

Нахимов повторил операцию ещё раз, когда встретил в море турецкое купеческое судно, гружённое английский углем. Шкипер рассказал, что везёт груз из Константинополя в Синоп для немецкой компании. "*Имея при отряде только один пароход и крайнюю надобность в угле*, – докладывал Нахимов, – *я приказал командиру парохода "Бессарабия" взять судно к борту, нагрузиться и потом отпустить его, <...> дать ему квитанцию в получении угля*"[18]. Если шкипер сказал правду, компания, которой принадлежал уголь, могла предъявить квитанцию к оплате, поэтому Нахимов просил командира Севастопольского порта заплатить за уголь. При этом он не преминул заметить, что указанная шкипером цена закупки на уголь гораздо ниже той, что выставляют флоту в Николаеве и Севастополе.

От того же шкипера Нахимов узнал, что в Синопе на рейде стоят три турецких фрегата, два корвета и транспорт. Тогда Нахимов принял решение: отправиться в Синоп 6 ноября *"для осмотра (и, если возможно, – для истребления)"* турецкой эскадры. Ещё раньше он получил от командования разрешение отклоняться от курса крейсирования и выбирать маршрут самостоятельно.

Почему эскадра Новосильского ушла вслед за Корниловым в Севастополь, не совсем понятно: или кораблям требовался ремонт, или Севастополь было небезопасно оставлять без должной охраны, но как бы то ни было, эскадра Новосильского ушла, "переменившись некоторыми кораблями с вице-адмиралом Нахимовым"[19].

В ночь с 8 на 9 ноября эскадру Нахимова застиг у Синопа жестокий шторм, почти у всех изорвались паруса, у двух кораблей и фрегата сломало мачты и реи, они сигналили, что в море исправить повреждения не смогут, и отправились в Севастополь. На следующее утро ветер стих, но опустился такой туман, что берега видно не было. Когда 11 ноября туман рассеялся, и стало ясно видно Синоп, Нахимов поднёс к глазам трубу и насчитал на рейде 7 больших турецких фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп, 2 больших парохода и 2 транспорта. Не 5, как показал шкипер, а 12 судов выходило: сила одного борта турецкой эскадры составляла 262 орудия. Точное число корабельных орудий Нахимов, тогда, конечно, не знал, мог только примерно подсчитать, определяя класс судов. Пройдя как можно ближе к рейду, Нахимов сделал осмотр всей бухты, насчитали шесть береговых батарей, их оказалось больше, чем было обозначено на карте.

Пока Корнилов бороздил Чёрное море в поисках турецкого флота, его нашёл Нахимов. Какими же силами он располагал? Три 84-пушечных корабля – "Императрица Мария", "Чесма", "Ростислав" – и один бриг. И всё. Идти в сражение с целой эскадрой, стоящей на рейде у себя дома, под прикрытием береговых орудий, было безумием.

Лебединая песнь парусного флота

Своё решение он сообщил в рапорте, который отправил в Севастополь 11 ноября на пароходе "Бессарабия": *"Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтоб собрать такой отряд военных судов в Синопе, я положительно останусь здесь в крейсерстве и буду блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений. Тогда... я не задумаюсь их атаковать"*. К этим двум кораблям Нахимов просил добавить хотя бы один из новых 100-пушечных и "Ягудиил", к усовершенствованию которого Нахимов приложил руку. И ещё пароходы – *"в крейсерстве пароходы необходимы, и без них как без рук"*, если не все, то, *"по крайней мере, два"*. В том же рапорте Нахимов сообщает и разведданные о нахождении английского, французского и турецкого флотов: *"Стоят в Босфоре"*, – где французский флот делает подряд для снабжения провизией в Чёрном море[20]. К рапорту прилагался план расположения неприятельских судов в Синопе.

Меншиков отправил 12 ноября эскадру Новосильского из трёх 124-пушечных кораблей – "Константин Великий", "Париж" и "Три святителя", – двух фрегатов – 52-пушечного "Кулевчи" и 44-пушечного "Кагула". Что же касается пароходов, то тут вышла заминка: два чинились в Севастополе, третий не дошёл до Нахимова и тоже поломался. Вслед за эскадрой Меншиков послал Нахимову новое донесение: он сам должен принять решение, как ему действовать в сложившейся обстановке, главное – истребить неприятельские суда в Синопе, если они случайно ускользнут – преследовать и уничтожить в море. Меншиков тоже думал, что цель собранного в Синопе отряда – "напасть на Сухум-Кале и содействовать горцам. Ежели оно удастся ему, и войска, взявшие у нас Николаевскую крепость, одновременно двинутся на Редут-Кале, никем не защищаемое, ожидать должно отпадения Абхазии и всего восточного побережья".

Вот какова была цена возможной неудачи Нахимова. Он это прекрасно понимал, хотя само предписание Меншикова прочёл уже после сражения. А пока терпеливо выжидал, когда подойдёт эскадра Новосильского, сторожил турецкие корабли, чтобы они не ушли к берегам Абхазии, и готовился к сражению.

Было ли у него искушение атаковать? В характере Нахимова решимость замечательным образом соединялась с трезвым расчётом, первому необдуманному порыву он не поддавался. Он умел ждать. Весь его накопленный к 50-ти годам опыт говорил: военное искусство полководца заключается вовсе не в том, чтобы погибнуть как можно краше, главное – решить поставленную задачу с наименьшими для себя потерями.

Наконец, 16 ноября подошла эскадра Новосильского. Теперь у Нахимова было шесть кораблей и два фрегата, сила одного борта составляла 360 орудий, но береговые батареи Синопа оставались грозной силой. Шесть батарей, защищённых земляными брустверами, и сами по себе могли причинить немалый вред кораблям, но турки ещё оборудовали их специальными печами, в которых калились ядра. Эти ядра пробивали деревянные борта кораблей и вызывали пожар. К тому же, в отличие от корабельной артиллерии, береговые батареи стреляли более точно – на них не было качки, и пушки могли действовать перекрёстным огнём.

В истории найдётся немало примеров, когда флот при поддержке береговой артиллерии, даже уступая в численности, выигрывал сражение. Так, во время Наполеоновских войн, в 1801 году английский адмирал Сумарес с 6 линейными кораблями, фрегатом и люгером атаковал в заливе Альхесирас франко-испанскую эскадру, состоящую из 3 кораблей, фрегата и 7 испанских канонерских лодок. Несколько часов пытались англичане высадить десант на о. Верде, но французов поддерживал огонь двух береговых батарей, и Сумарес, потеряв один корабль, был вынужден уйти к Гибралтару.

Или вот ещё эпизод. В апреле 1849 года, во время войны между Данией и Пруссией за Шлезвинг и Голштинию датские корабли попытались войти в гавань Эккернфёрде, но установленные на берегу прусские батареи взорвали 84-пушечный корабль "Христиан VIII" и заставили спустить флаг фрегат "Гефион". Недаром артиллерист Наполеон Бонапарт говорил: "Я предпочитаю одну пушку на берегу десяти на борту корабля".

Нахимов прекрасно знал об этих событиях. Атаковать стоящий на якорях и под прикрытием батарей флот можно было несколькими способами: стреляя в движении, не становясь на якорь, и при помощи брандер. Но оба эти способа не давали значительных результатов. Зато третий способ – подойти к противнику как можно ближе, встать на якоря и открыть огонь – был самым результативным. Но он требовал решительности от командующего и хорошей выучки от команд.

Опыт Наваринского сражения подсказал Нахимову необходимые меры подготовки. В приказе от 3 ноября он советовал командирам после первых прицельных выстрелов, *"когда неприятель и мы покроемся дымом, палить горизонтально, для чего необходимо иметь на пушечных клиньях градусы"*. Далее следовало подробное разъяснение, как их сделать[21]. Следующим наставлением было *"озаботиться иметь на грот-марсе или салинге офицера для наблюдения за движением судов"*, он должен производить корректировку огня, сообщая результаты на шканцы.

Был ещё один момент, создававший сложность для эскадры Нахимова, который необходимо было учесть в предстоящем сражении. 14 ноября Меншиков отправил очередное предписание: "Известно, что французы и англичане обещали Порте в случае нападения нашего на турецкие портовые города и гавани выслать эскадры свои в Чёрное море для защиты оных, почему необходимо стараться избегать действий против городов <...> желательно, чтоб при нападении на турецкие военные суда, стоящие на рейдах, как в настоящее время у Синопа, не было бы, по возможности, нанесено вреда городу"[22].

Меншиков понимал сложность и едва ли возможность исполнения подобной инструкции, потому использовал такие обтекаемые выражения: "необходимо стараться", "по возможности избегать". Но единственным надёжным способом обезопасить город, было... вовсе не начинать сражение. И как же тогда уничтожить турецкую эскадру, которая прижалась к берегу, и саму береговую артиллерию?

Конечно, позволить туркам зверски вырезать гарнизон форта св. Николая можно было совершенно безнаказанно, иное дело турецкие города! Сразу наберётся немалое число защитников, особенно на страницах газет. Так что Нахимову приходилось учитывать и этот – не столько военный, сколько политический – момент.

Синоп был основан в древности греками, выходцами из Милета, которые для своих торговых поселений всегда выбирали хорошие гавани. У Синопа таких гаваней было даже две, а высокие горы защищали город от северных ветров, потому там и укрылись от шторма турецкие корабли, следовавшие из Константинополя к Черноморскому побережью Кавказа. Со времён античности сохранились в городе остатки крепости с башней, именуемой башней Митридата. В городе проживало примерно 10 тысяч жителей, половину составляли турки. Собственно, им и принадлежал весь город, вытянувшийся вдоль побережья, с базаром, мечетью, расположившимися у бухты верфями, адмиралтейством, складами и казармами. Другая половина населения, в основном греки, ютилась в нескольких кварталах на востоке города рядом с башней. После прихода к Босфору англо-французского флота турки чувствовали себя в Синопе совершенно в безопасности. Координировал действия турецкого флота и занимался боевой подготовкой англичанин Адольфус Слейд. Этот человек был хорошо известен в Севастополе.

Слейд был двумя годами моложе Нахимова, окончил морскую академию в Портсмуте, начинал службу у берегов Южной Америки, затем плавал в Средиземном море, участвовал, как и Нахимов, в Наваринском сражении. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов перешёл на службу в турецкий флот, вёл разведывательную работу у берегов Севастополя и Одессы на фрегате "Блонд". Командиром фрегата был тот самый капитан Э. Лайонс, который без карантинного разрешения заходил в бухты Севастополя, это ему и другим "исследователям" адмирал Лазарев советовал посылать пулю, если не в них самих, то хотя бы в их шлюпку. В 1840-е годы Слейд вторично обследовал Севастополь и представил в английское министерство подробный отчёт. Оценка возможностей Черноморского флота была не высока, иначе бы в английском министерстве знали о "виртуозах" Лазарева и о том, на что они способны.

Благодаря Слейду и другим агентам, неприятель был хорошо осведомлён о состоянии русского флота. А что знали в России о турецком флоте, с которым собирались воевать? Практически всё.

В военно-морском архиве российского флота хранится интересный документ, составлен он в марте 1853 года В. Корниловым на основании разведданных, собранных им во время пребывания с миссией Меншикова в Константинополе. В проекте анализируется возможность высадить десант на берега Босфора с целью предупредить действия англичан и французов в Чёрном море. В истории этот документ известен как "Босфорский проект", к числу его создателей ошибочно причисляют и Нахимова[23]. Однако доказательств причастности Нахимова к этому проекту найти не удалось, и, признаться, некоторая авантюрность плана не соответствует, как нам кажется, характеру и взглядам адмирала Нахимова.

Вторая часть документа известна меньше, она никогда не публиковалась[24]. В ней подробно описывается состояние турецкого флота, его материальная часть, подготовка команд, вооружение, есть данные о качестве металла

и литье пушек, рангоуте и такелаже, состоянии артиллерийского двора и заготовке сухарей на сухарном заводе. Вообще, надо признаться, умение разведки собирать данные о чужих флотах превосходит все выдумки романистов. В одном из документов, к примеру, сообщалось, из какого количества нитей плетут канаты англичане, из какого – французы, узнали об этом, ловко отрезав куски корабельных канатов.

Итак, что же увидел Корнилов? Турецкий флот в Босфоре и Золотом роге состоял из 10 кораблей, 15 фрегатов, 7 корветов и 7 мелких судов. Именно с этими фрегатами и встретится Нахимов в Синопе. Особенное внимание Корнилова привлекли пароходы, их он насчитал 5, среди них он отметил "Фети-Бахрие" в 450 л. с. с 12 орудиями и пароходофрегат "Таиф" также в 450 л. с. На последнем орудий установлено не было. Оба парохода Корнилов оценил как быстроходные, они легко обгоняли "Бессарабию". "Команды состоят из молодых людей, – писал Корнилов в отчёте, – на шлюпках гребут хорошо, при тревоге с пушками управляются проворно, хотя видно, что всё внимание у них обращено не на правильность, а на согласованность действий... Офицеры и командиры исключительно турки, кроме англичанина Слейда, капитана английского флота и контр-адмирала турецкого, он также имеет титул мушавер-паши, то есть инструктора; при нём – помощник... для обучения турок собственно морской артиллерии". Это и был тот самый А. Слейд. Накануне Восточной войны он выполнял обязанности начальника штаба при Осман-паше, командующем турецким флотом. Иностранцев на турецком флоте Корнилов видел мало, в основном среди докторов и машинистов на пароходах.

Вся эта информация была сообщена командирам соединений, Нахимов, конечно же, знал о ней и учитывал её при подготовке своих подчинённых к будущей войне.

17 ноября Нахимов провёл на своём корабле совещание, пригласив второго флагмана Новосильского и всех командиров кораблей. Там он предложил план будущего сражения, который состоял в следующем: атаковать неприятельский флот двумя колоннами; в первую назначались флагманская "Императрица Мария" (капитан 2 ранга П. Барановский), за ней – "Великий князь Константин" (капитан 2 ранга Л. Ергомышев) и "Чесма" (капитан 2 ранга В. Микрюков), вторую колонну должен был вести второй флагманский корабль "Париж" (капитан 1 ранга В. Истомин), за ним – "Три святителя" (капитан 1 ранга К. Кутров) и "Ростислав" (капитан 1 ранга А. Кузнецов).

Фрегаты "Кагул" (капитан-лейтенант А. Спицын) и "Кулевчи" (капитан-лейтенант Л. Будищев) должны были следить за турецкими пароходами, в *"случае, если, вступив под пары, они вздумали бы вредить кораблям или предприняли бы бежать из бухты"*[25]. Как ни просил Нахимов прислать пароходы из Севастополя, но к началу сражения они так и не пришли.

Якоря было приказано бросать *"как можно ближе к неприятелю"*. И отдельное напоминание: *"Консульские дома и вообще город предписано щадить, поражая рассчитанным огнём неприятельские суда и батареи"*. Для того и чертили градусные сетки, чтобы точно выполнить приказ Нахимова *"палить горизонтально"*, а не навесным огнём.

В тот же день на всех кораблях зачитали знаменитый приказ Нахимова, который содержал в себе 10 пунктов с самыми точными инструкциями. Их характер – сугубо практический, в целом они повторяли распоряжения Нахимова, за исключением двух пунктов: 4-го – *"При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги"* – и 10-го – *"Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на коих будут подняты их национальные флаги"*. Эти два указания самого гуманного характера показывают, что Нахимов помнил о возможных международных последствиях и старался избежать их.

Но есть в том же 4-м пункте и напоминание о бдительности: *"Посылать же для овладения ими* (спустившими флаг кораблями. – **Н. П.**) *не иначе, как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если с неприятельскими судами дело и было бы кончено"*.

Обращает внимание продуманность в приказе всех, казалось бы, незначительных моментов, но, как известно, в море мелочей не бывает. Завершают приказ такие слова: *"В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить*

командира, знающего своё дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания".

Весь день 17 ноября готовились к сражению. "К вечеру всё было готово. После ужина офицеры остались в кают-компании, кто писал письма, кто тихо передавал друг другу свои последние мысли, свои последние желания. Тишина была торжественная. У всех одно слово на уме: "завтра"[26].

Утро 18 ноября выдалось обычным для осени, дождливым и хмурым, небо заволокло тучами, такими же невесёлыми и пасмурными были и все предыдущие дни, а вот ветер задул нешуточный, свежий и самый неблагоприятный для атакующей эскадры – юго-восточный. Он упрямо надувал паруса и всё быстрее гнал корабли к турецкому берегу. Казалось бы, что же здесь плохого? Да то беда – случись что с якорем в бою, не удержать корабль, ветер будет сносить к неприятельским судам или под пушки береговой артиллерии. Но погоду не выбирают, действуют в той, которая устанавливается не по земным приказам, а свыше, и рассуждать было не время. Как говорил Нахимов перед Наварином, *"но было решено идти"*.

"...не имея противника, ударили в дробь"

"В 9 часов пополуночи мы спустили гребные суда, а в 9$^{1/2}$ – пошли в Синоп", – так начиналось славное Синопское сражение. Команды получили обед, иеромонахи отслужили молебен. В 10-45 Нахимов дал сигнал "приготовиться к бою". Корабли шли, как и было предписано, двумя колоннами, с короткой дистанцией, и быстро приближались к берегам, которые заволокло густым туманом. Пока это было на руку эскадре.

"Корабли, готовые к бою, летели на рейд под национальными флагами на брам-стеньгах". Обратим внимание на этот момент в рапорте Нахимова, к нему мы ещё вернёмся. Примечательна ещё одна деталь, отмеченная в шканечных журналах: "адмирал показал полдень", то есть дал сигнал о наступлении в 12 часов дня. Казалось бы, к чему? Совсем не тот момент, ведь не в маневрах участвуют, в бой идут. Но психологически такое действие совершенно оправданно. Когда среди матросов и офицеров есть новички, то такая обыденная, даже рутинная процедура показывает командам: всё идёт по плану адмирала, можно и время показать.

В полдень флагманской "Императрице Марии" до Синопа оставалось чуть более 2 миль. Несмотря на серый и дождливый день, в гавани заметили идущую к ней эскадру, в шканечных журналах записано, что к береговым батареям побежали люди из деревни, но эскадра уже успела пройти мимо батарей. *"Приблизясь ещё, я увидел,* – писал Нахимов, – *что семь турецких фрегатов и три корвета расположены были лунообразно под прикрытием четырёх батарей: одной об восьми и трёх о шести орудиях, за боевой линией стояли два военных турецких парохода и два транспорта, а в глубине залива – два турецких купеческих брига и купеческая шхуна под ионическим флагом"*.

Две колонны эскадры начали разворачиваться веером. На кораблях уже смачивали и посыпали песком палубы перед боем, опускали сукно над пороховыми камерами, командоры взялись за шнурки ударных замков орудий – все в напряжении, все ждут, – но турки пальбы не начинают. Почему?

Чтобы парусному кораблю встать на якорь, нужно притормозить, гасят скорость, убирая паруса. Вот турки и ждали, когда на русской эскадре раздастся команда, и матросы ринутся по вантам наверх. Но Нахимов, чтобы сберечь людей, дал сигнал не убирать паруса, а только взять на гитовы и горденя, то есть подтянуть паруса к реям с палубы. Это было очень рискованно: если корабль не сможет уменьшить скорость, его снесёт к турецкому берегу. Вот поэтому Нахимов так подробно инструктировал командиров перед боем: о том, что нужно бросать лоты – *"неприятель может перейти на мелководье"*; как должно травить якорные цепи, какой длины заводить канаты, как становиться на шпринг при разных ветрах. Все ситуации предусмотрел адмирал, но выполнить его указания могли только командиры, уверенные в своих экипажах.

Когда корабли эскадры начали занимать свои места, становиться на якоря и разворачиваться бортом к берегу, в этот момент турки открыли огонь. Было 12 часов 20 минут. "Они воображали, что, бросив якоря, мы пошлём

людей по реям убирать паруса, а потому орудия их были наведены по мачтам, и первый залп не причинил нам почти никакого вреда. Потом под нашим огнём и при густом дыме им было трудно взять верный прицел. Этим только и можно объяснить наш сравнительно малый урон. Что было первые пять-десять минут, сказать трудно, – вспоминал мичман Сатин. – Мы стреляли, по нам стреляли. Не только в батареях, но даже с палубы ничего от дыма не было видно".

Первые выстрелы были направлены преимущественно на флагманский корабль и "Париж", им досталось более других, "Императрица Мария" была буквально засыпана ядрами и книпелями. Английские офицеры прекрасно подготовили турецких комендоров, они стреляли настолько метко, что вскоре на флагмане осталась целой только одна ванта. Была перебита большая часть рангоута и стоячего такелажа, сильно пострадала кормовая часть, палубы, галереи, всего после боя насчитали в наружной обшивке 60 пробоин!

Флагман открыл ответный огонь практически одновременно с турками – в 12-28, он *"шёл вперёд, действуя батальным огнём по судам, которые проходил, и отдал якорь против адмиральского фрегата "Ауни-Аллах"*. Полчаса артиллерийской дуэли – столько выдержал турецкий флагман, – после чего с ним было покончено. *"Отклепал цепь и, не спуская флаг, бросился на берег",* под защиту батареи.

Тогда флагман перенёс огонь на 44-пушечный фрегат "Фазли-Аллах" ("Данный богом"). Этот корабль на Чёрном море хорошо знали. Его сделали мастера Севастопольской верфи, раньше он назывался "Рафаил" и ходил под Андреевским флагом. В 1829 году, во время крейсерства между Трапезундом и Батумом, он встретился в море с турецкой эскадрой из 15 вымпелов. Несмотря на явное несоответствие в силах, офицеры на военном совете приняли решение вступить в бой, однако командир корабля спустил флаг. Это был единственный до Цусимы случай в истории российского флота, когда корабль сдался, находясь под флагом. Турки очень гордились своим трофеем, его показывали всем в Константинополе и старательно берегли.

После нескольких лет плена из команды в 200 человек осталось 70, выживших обменяли. Капитана разжаловали в матросы, а корабль как "недостойный носить флаг Российский" Николай I приказал сжечь, если кому придётся с ним встретиться в море.

Теперь Нахимов исполнил это приказание с особенным удовольствием. Загоревшийся после обстрела корабль бросился по примеру своего флагмана к берегу. *"Засим на корабле, не имея противника, ударили в дробь"*, – так "Императрица Мария" закончила сражение.

Сохранилось несколько рассказов матросов, видевших Нахимова во время боя. Их безыскусное, правдивое и лишённое всякой лести повествование заслуживает того, чтобы познакомиться с ним: "А Нахимов! Вот смелый, ходит себе по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: "Туда тебе и дорога!" – и ходит он по верху, и приказание такое дал: покуда не будет повеления, чтобы паруса не убирали, а на гитовы, значит, взяли"[27]. – Этот рассказ записали в госпитале, где лежал матрос Антон Майстренко, у которого были обожжены глаза.

А вот другой рассказ, его записал во время обороны Севастополя медик А. Вышеславский: "Я был, ваше благородие, при Павле Степановиче горнистом под Синопом. Жаркое было дело <...> от грома пушек всё тряслось, и ходенем ходило, – пуще, чем здесь. И турки стреляли сначала важно; и нас, и самого адмирала так и обсыпало ядрами да гранатами! А Павел Степанович, как на ученье, строгий такой, всё видит, за всё взыщет; держи ухо востро! Иной бы и поробел, да куда! Не смей. А о выстрелах он и не думает, в самом что ни есть огне были. Ничего не слышно, только гул стоит, почитай, ничего и не видно; всё трещит и валится, ядра прыгают... Жарко! Стреляли, стреляли, все стояли на местах, словно на суше на батарее, с места не сошли. Как там было, какие у них маневры пошли, не могу сказать, а видел, что бомба наша зажгла один турецкий корабль. Горит, как свечка, а люди на нём; беготня, суета, а мы им уж и выстрелов не посылаем, – не до того уж им, сердечным, помочи ниоткуда нет. Вот пламя-то видно уж дошло до пороха, как треснет корабль, да и взлетел на воздух, вместе со всеми людьми! Как взглянул я наверх и вижу: брёвна, турки, бочки, пушки... Всё летит на нас, – так и осыпало адмиральский корабль!.. Возни было с этими гостинцами..."[28].

В рапорте Нахимов подробно описал роль каждого корабля своей эскадры в сражении. Вот "Великий князь Константин", *"приняв правою скулою град ядер, книпелей и картечи"*, становится на якорь рядом с флагманом и открывает правым бортом огонь по береговой батарее и по фрегатам "Навек-Бахри" и "Несими-Зефер". *"Меткими бомбическими выстрелами "Константин"* взорвал фрегат "Навек-Бахри" через 20 минут после открытия огня. Видимо, попадание было точно в крюйт-камеру, потому что взрыв оказался такой силы, что обломками корабля и телами команды засыпало ближайшую береговую батарею № 4, и та на время прекратила огонь. Когда же возобновила своё действие, то была уже заметно ослабленной.

Расправившись с одним фрегатом, "Константин" перенёс огонь на второй и стоявший рядом 24-пушечный корвет "Наджми-Фешан". В час дня якорная цепь турецкого фрегата была перебита, и его отнесло ветром на мелководье у греческих кварталов города, вскоре туда же был отброшен и корвет. После чего на "Константине" сыграли "отбой".

Бомбические пушки – самая неприятная для противника артиллерия. Эти крупные гладкоствольные орудия большого калибра, стрелявшие на расстояния до 2 км, заряжали не только ядрами, но и разрывающимися бомбами. Поэтому попадание в неприятельский корабль вызывало в нём пожар и взрыв. У военных историков есть разные мнения о бомбических пушках, одни считают их очень действенными против деревянных кораблей, другие находят их эффективность сильно преувеличенной. Не углубляясь в эту полемику, заметим: в Синопском сражении бомбические пушки показали себя прекрасно, особенно результативно они действовали против береговых батарей. Почти во всех шканечных журналах есть записи о том, что выстрелами бомбических пушек "береговые укрепления были срыты". "Париж" под командованием В. Истомина направлял свой огонь по береговой батарее, 22-пушечному корвету "Гюли-Сефид" и 56-пушечному фрегату "Дамиад". На нижней палубе "Парижа", как и на "Константине", были установлены бомбические пушки. Через полчаса обстрела турецкий корвет взлетел на воздух, а фрегат отбросило к берегу. Попало от "Парижа" и флагманскому "Ауни-Аллаху", который дрейфовал в этот момент рядом с кораблём Истомина. Затем "Париж" перенёс огонь на 64-пушечный фрегат "Низамие", к двум часам дня на нём были сбиты фок- и бизань-мачты, а фрегат сдрейфовал к берегу. Потравив шпринг, "Париж" принялся за береговую батарею.

"Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля "Париж", – докладывал Нахимов. Он решил выразить свою благодарность команде и командиру корабля прямо во время боя, да *"не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты"*. Европейская пресса после сражения напишет, что на турецких кораблях в Синопе были только что набранные из крестьян матросы, которые ещё и заряжать-то толком не умели. Да уж, хороши в Турции крестьяне, если стреляют так, что на корабле ни одной целой снасти не остаётся! Между прочим, перед Синопским сражением Нахимов приказал кормовые флаги прибить гвоздиками, чтобы перебитые верёвки не означали, что флаг спущен.

У корабля "Три святителя" в начале боя перебило шпринг, и его развернуло кормой к неприятелю. Главная сила парусных линейных кораблей – пушки вдоль бортов, поэтому корабль во время боя поворачивается к неприятелю бортом, на корме и носу артиллерия слабая. В дыму на "Трёх святителях" не сразу заметили перебитый шпринг и сделали несколько "дружественных выстрелов" по стоявшему прямо против них "Парижу", в результате "Париж" потерял полубаркас, картечью ранило мичмана. Увидев свою оплошность, на "Трёх святителях" немедленно дали команду: "Отбой!" Мичман Сатин побежал передавать команду, и пальба прекратилась. Несмотря на то, что "Три святителя" был под обстрелом турок, команда смогла завести другой шпринг. Приняв прежнее положение, корабль открыл бортовой огонь по 54-пушечному фрегату "Каиди-Зефер" и вскоре вынудил его броситься к берегу.

Корабль "Ростислав" стрелял по стоящему против него корвету и береговым батареям. В этот момент неприятельское калёное ядро попало в корабль, ударило в одно из орудий, разбило палубу и подожгло занавесь, которая ограждала картузы – так назывались мешочки с порохом для картузных орудий. Во время пожара пострадало 40 человек артиллерийской прислуги, они были обожжены и ранены, остатки горящей занавеси попали в люки пороховой

камеры. Корабль ждал неминуемый взрыв. Все, кто находился к крюйт-камере, бросились к дверям, однако мичман Колокольцев не растерялся: запер двери, приказал накрыть люки и начал хладнокровно тушить тлевшие обрывки занавеси. Команда была спасена. Мичман Николай Колокольцев "за особенное присутствие духа и отважность" был представлен Нахимовым к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом.

В шканечных журналах кораблей отмечено, что не прошло и четверти часа после начала сражения, как 20-пушечный пароход "Таиф" вышел из линии турецких судов и, беспрерывно меняя курс, то останавливая машину, то снова заводя, стал прорываться за линию русской эскадры. Фрегаты "Кулевчи" и "Кагул" было погнались за ним, но пароход мощностью в 450 лошадиных сил легко ушёл от них, *"обменявшись с фрегатами несколькими залпами"*.

Спустя три часа бой прекратился. Турецкой эскадры из 15 кораблей более не существовало. *"Неприятельские суда, брошенные на берег, были в самом бедственном состоянии, я велел прекратить по ним огонь, хотя они и не спускали флагов, как оказалось, от панического страха, которым были объяты экипажи"*, – сообщал Нахимов в рапорте. Когда парламентёр, отправленный в город, проходил мимо этих судов и приказал спустить флаги, их спустили без сопротивления.

Парламентёру не удалось найти в городе начальство, чтобы передать сообщение Нахимова: *"Эскадра пришла для истребления турецких военных судов и не желает вредить городу"*. Турецкое население бежало в горы, греческое спряталось за стенами башни Митридата. Стоявшие в бухте купеческие суда и транспорты затонули, турецкие корабли взрывались один за другим. *"Пожар продолжался во всё время нашего пребывания в Синопе, никто не приходил тушить его, и ветер свободно переносил пламя от одного дома к другому"*. Почти час ждал на берегу парламентёр представителей городской власти – напрасно, никто не появился. Только греки стали толпами сбегаться в гавань и умолять взять их на корабли. *"Поскольку мои инструкции предусматривали только действия против турецких военных судов, я направил этих несчастных к европейским консулам"*, – написал Нахимов.

В 13-30 из-за мыса показался дым: это подходил пароход "Одесса" под командованием адмирала Корнилова, вслед за ним шли "Крым" и "Херсонес". Увидев "Таиф", Корнилов дал сигнал "*атаковать неприятеля, поставив его в два огня*" и отправился в погоню. Хотя "Одесса" и попыталась приблизиться к "Таифу" и даже обстреляла его, но силы были слишком не равны. "Крым" и отставший "Херсонес" были старенькими гражданскими пароходами, перевозившими перед войной почту, на них поставили по шесть пушек, и это только замедлило их ход. "Одесса" была военным пароходом, но по скорости и вооружению сильно уступала "Таифу". *"Погоня за пароходом оказалась неуспешна по значительному преимуществу его хода"*, – докладывал Нахимов. Ещё бы – машина "Одессы" могла развить максимум 8 узлов, тогда как у "Таифа были все 10. На это Слейд и рассчитывал. Он не собирался вступать в бой с Корниловым, хотя мог: на его борту было 22 пушки и 300 человек экипажа против 6 пушек "Одессы" и 194 человек. Тем не менее, это Корнилов пытался атаковать, а не Слейд! И всё же советнику А. Слейду нельзя отказать в военном опыте: исход сражения стал ему ясен спустя четверть часа после начала. Так "Таиф" остался единственным спасшимся кораблём из турецкой эскадры.

В четвёртом часу, когда сражение было закончено, к Синопу подошли пароходы, и были встречены громовым: "Ура!" Князь В. И. Барятинский, флаг-офицер Корнилова, присутствовал при встрече двух адмиралов: "Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются в объятия друг другу, мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен: фуражка на затылке, лицо обагрено кровью, новые эполеты, нос – всё красно от крови, матросы и офицеры, большинство которых мои знакомые, все черны от порохового дыма, вообще весь корабль имел крайне боевой вид"[29].

Нахимов пригласил Корнилова и Барятинского к себе в каюту пить чай. Но сначала повёл их на балкон адмиральской каюты, откуда был хорошо виден Синоп, рейд и корабли. Смешанные чувства рождались при взгляде на пейзаж после битвы: горящий город, взрывающиеся турецкие корабли, люди, что пытаются спастись вплавь, чёрный ночной небосклон и стаи белых птиц.

“Мы замечаем стаи морских птиц и голубей, выделяющихся на багровом фоне озарённых пожаром облаков. Весь рейд и наши корабли до того ярко освещены пожаром, что наши матросы работали над починкой судов, не нуждаясь в фонарях”. Фотографа на эскадре не было, и Нахимов поручил Барятинскому нарисовать эту величественную картину. “Я говорю, что это выше моих сил, но всё-таки означаю на листе бумаги главные приметные черты вида”. После сражения Меншиков отправил Барятинского с поручением, по дороге он заехал в Феодосию, где передал свои наброски Айвазовскому. По этим эскизам Айвазовский написал три картины, посвящённые Синопскому сражению.

В адмиральской каюте Нахимов угощал гостей чаем, он был “в отличном расположении духа и много говорил о самом сражении и предшествовавших ему событиях”. Барятинский заметил, что пальто Нахимова, висевшее в каюте, было всё “изорвано ядрами”.

В 8 часов вечера пароходы отбуксировали корабли подальше от Синопа. “Ночь была тёмная, и шёл дождь, – записали в шканечных журналах, – но большое зарево пылавшего во многих местах города, а также и пламя от горевших судов освещало горизонт на далёкое расстояние, и Синоп мог служить в эту ночь... маяком”.

Победа в Синопе была одержана, но до Севастополя было ещё так далеко! Значительно быстрее могли добраться до Синопа англичане и французы, и тогда избитым в бою кораблям Нахимова с израсходованным боезапасом пришлось бы несладко.

Всю ночь и весь следующий день команды работали, не покладая рук. Как писал в донесении Меншикову Корнилов, рангоут и такелаж некоторых кораблей были до такой степени изранены и порваны, что “нельзя не удивляться, как на некоторых устояли мачты”. Корнилов уговорил Нахимова перейти на корабль “Великий князь Константин”, который тоже пострадал в бою, но в меньшей степени. Несмотря на большой урон кораблям, ни один из них не затонул. Сам Нахимов впоследствии, когда говорили о Синопе, неизменно замечал: удивляться надо не победе, а тому, с какой быстротой – менее, чем за 36 часов – успели команды восстановить свои корабли. Скромность его была общеизвестна, и потому не приходится удивляться такой сдержанной оценке. Но его боевой друг и начальник штаба Корнилов оценил сражение в самых восторженных словах, когда писал брату: “Нахимов задал нам собственное Наваринское сражение. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику”..

19 ноября священство отслужило молебен. Потери эскадры составили 38 убитых и 235 раненых, потери неприятеля – более 3000. Пленных свезли с затонувших кораблей, их насчитали до 180 человек, среди них оказался и раненый Осман-паша.

Когда турецкий флагманский корабль, подбитый Нахимовым, медленно погружался в воду, команда, увидев, что командующий ранен в ногу, вытащила у него из кармана ключ от каюты, ограбила, раздела и бросила умирать. 62-летний Осман-паша стоял уже по пояс в воде и собирался принять смерть, как подошла шлюпка с русской эскадры. Пока матросы переносили его, он все повторял: “Яваш, яваш”, – что означало “потише”. А матросы отвечали:

– Знаем, брат, что теперь ты наш.

20 ноября Нахимов отправил в Синоп письмо австрийскому консулу: *“Позвольте мне обратиться к вам как к единственному европейскому представителю, флаг которого я вижу развевающимся в городе, чтобы вы известили власти несчастного города Синопа о единственной цели прибытия сюда императорского русского флота. Узнав, что турецкие корабли, которые постоянно направляются к абхазским берегам для возмущения племён, подданных России, укрылись на Синопском рейде, я был доведён до плачевной необходимости сражаться с ними с риском причинить ущерб здешнему городу и порту. Я отношусь с симпатией к печальной судьбе города и его мирных жителей, и только упорная защита вражеских кораблей и, в особенности, огонь батарей вынудили нас применить бомбы в качестве единственного средства поскорее привести их к молчанию. Но наибольший ущерб, причинённый городу, определённо вызван горящими обломками турецких кораблей, сожжённых большей частью их собственными экипажами...”* И подпись: *“Нахимов, вице-адмирал флота Его Величества Императора всея России”*.

Сражение прошло в соответствии с планом Нахимова, недаром моряки сравнили его с концертом, "мастерски разыгранным... по смычку Нахимова"[30]. Прошедшие школу Лазарева "виртуозы" в бою подтверждали своё прозвище и уже сами воспитали талантливых учеников.

Эхо Синопского сражения

Наскоро залатав пробоины, 20 ноября корабли вышли в обратный путь. Их буксировали пароходы, и спустя два дня эскадра прибыла на родной рейд. Севастопольцы высыпали на Графскую пристань, крики "ура!", восторги, цветы и слёзы радости встречали героев. Об этом торжественном моменте напоминает мемориальная доска на Графской пристани.

Пока корабли стояли в карантине, Нахимов издал три приказа по эскадре. В первом он благодарил всю эскадру и её героев: *"Истребление турецкого флота в Синопе... не может не оставить славной страницы в истории Черноморского флота. Изъявляю душевную мою признательность второму флагману как главному моему помощнику, который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо ввёл её в бой, гг. командирам за хладнокровное и точное постановление своих судов по данной диспозиции во время сильного неприятельского огня, равно и за непоколебимую их храбрость в продолжение самого дела <...> благодарю команды, которые дрались, как львы"*.

Во втором приказе назначал благодарственный молебен, после которого собирался быть лично на судах для поздравления: *"С такими подчинёнными я с гордостью встречусь с любым неприятельским европейским флотом"*. В третьем отмечал команды пароходов, благодаря которым состоялся *"вывод флота из Синопа с повреждённым рангоутом при огромной зыби и ввод его в Севастополь"*.

В рапорте Меншикову были представлены к награде 155 офицеров. *"Нижним же чинам вообще за истинно русскую храбрость и присутствие духа во время боя, за неутомимую их деятельность во время продолжительного крейсерства до сражения и при исправлении повреждений судов после оного почтительнейше прошу исходатайствовать денежное награждение для всех и знаки Георгия Победоносца..."* Примечательны заключительные слова этого рапорта: *"Осмеливаюсь присовокупить, что таковое ходатайство Вашей Светлости поставляю выше всякой личной мне награды"*. Скромность Нахимова была известна, он в рапорте о сражении ничего не сказал о себе. Как заметил хорошо его знавший Э. Тотлебен, "для Павла Степановича его собственное "я" положительно не существовало".

Конечно, награду Нахимов получил: орден св. Георгия 2-й степени. В рескрипте императора, который с восторгом узнал о Синопе, говорилось: "Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятною в морской истории".

Когда закончился карантин, и все съехали на берег, Нахимова встретил Рейнеке – его "любезный Мишустя".

Как Рейнеке оказался в Крыму? В 1853 году он тяжело заболел, врачи стали настаивать на лечении за границей. Но то ли отсутствие средств, то ли память о неудачном лечении Нахимова, а может быть, желание увидеться с другом были причиной того, что вместо Карлсбада Рейнеке оказался в Севастополе. В июне 1853 года он добрался до Николаева и был изумлён увиденным: новые верфи, адмиралтейство, портовые сооружения привели его в восторг. Прожив две недели в Николаеве, Рейнеке отправился в Севастополь к Нахимову. Однако виделись они редко: Нахимов готовился к войне и был поглощён делами эскадры, впрочем, и сам Рейнеке отдыхать не очень-то умел. В Крыму он совмещал лечение со службой и составлял проект управления портовыми сооружениями Севастополя и Николаева, а также по просьбе Корнилова занимался устройством станций метеорологических наблюдений[31].

В дневнике Рейнеке, который он вёл педантично, день за днём, есть немало подробностей о жизни Нахимова с ноября 1853-го по май 1854 года. Сохранил он и приказы Нахимова, и письма к нему, даже ответы на эти письма занятый Нахимов порой просил сочинить друга.

Генерал-майор Рейнеке, человек эрудированный, руководитель русской гидрографии, член-корреспондент Академии наук, дал высокую оценку Си-

нопскому сражению: “Следствия Синопской битвы весьма важны не по героизму моряков наших, имевших превосходные силы, но по влиянию на общий ход войны. 1. Турки лишились хотя и небольшой, но лучшей части своего флота с 3000 матросов, назначенного беспокоить наше кавказского побережье и коммерческие порты. Истребление этих судов успокоило Кавказ, Одессу и Феодосию. 2. Нравственная отвага турок, возбуждённая первыми их успехами на Дунае и на кавказских границах, должна ослабнуть, а дух наших войск и флота – возвыситься. 3. Англичане и французы должны теперь решить – берут ли они явно сторону турок или отказываются от своего вмешательства”[32]. Конечно, об этих последствиях они не раз говорили с Нахимовым.

В мемуарной литературе сохранились упоминания о том, что Нахимов мрачнел, когда при нём вспоминали о Синопе. Обычно объясняют это так: после Синопа последовала осада Севастополя, выходит, уничтожением турецкой эскадры Нахимов втянул страну в большую войну.

Но к моменту разгрома турецкой эскадры война шла уже пять месяцев, и не совсем успешно для России. 23 октября на Дунае русские войска отступили с потерями после боя у Ольтенице. Лучше складывалась обстановка на Кавказе, но и там дело при Баяндуре 2 ноября далось тяжело, потери составили 800 человек. Правда, спустя четыре дня 5-тысячный отряд под командованием генерала от кавалерии князя Андроникова при селе Ахалцых разгромил 20-тысячный турецкий корпус Али-паши. И всё же решающих успехов пока не было. И вот случился Синоп.

Лишившись значительной части своего флота и тяжело пережив эту катастрофу, турки не осмеливались более отправляться к побережью Кавказа. В результате сразу взлетели цены на невольничьем рынке. “Черкесские рабы и особенно рабыни для гаремов и публичных домов так вздорожали, что хоть не выходи на базар человеку со скромными средствами, – говорили турки, – прямо не подступиться”. У работорговцев просто руки опустились после победы Нахимова.

Особенно много жалоб английскому послу Стрэтфорду де Рэдклифу поступало от турецкого министра иностранных дел Решид-паши. Его жена владела большим предприятием по скупке молодых женщин, что было известно всем европейским дипломатам в Константинополе, но стыдливо замалчивалось. Французские и английские газеты чаще писали не о турецкой работорговле на Чёрном море, а о необходимости защиты от русских “варваров” турецкой культуры, “богатой, хотя и несколько своеобразной”[33].

О Синопе стало известно в Европе через неделю, и Англия “огласилась воинственным воплем”. Газеты и журналы теперь писали только о России, русском флоте и Синопе, поднимая до небес свои тиражи и увеличивая доходы. Иван Шестаков находился в то время в Лондоне, он читал газеты и лично видел происходящее. “Не завидна была доля русского сердца, бившегося на берегах Темзы; некоторые из наших соотечественников, жившие в то время в Англии, пытались отклонить общее мнение от пагубного заблуждения. Тщетно! Свобода тиснения, английская терпимость, филантропия – всё стало пустым словом. В припадке ярости холодные дотоле британцы отвергали всякое рассуждение, и безумие реяло по торжищам нового Карфагена”[34]. И благо бы корреспонденты рассказывали прямо и с откровенностью о происшедшем, пусть даже с благородным негодованием, так нет, печать наполнилась ложью и клеветой, очернительством главного виновника события – Нахимова.

Оказывается, он внезапно и вероломно, под английскими флагами, напал на турецкий флот. Как можно напасть “вероломно”, неделю крейсируя перед Синопом? Осман-паша мог выйти в море и всей силой навалиться на три корабля Нахимова, пока им на помощь не подоспел Новосильский с эскадрой. Что касается чужих флагов, то такие фокусы водились обычно за турецкими судами, во всех шканечных журналах эскадры Нахимова есть записи о поднятии национального флага.

Осман-паша потому-де не мог выйти в море, что силы были неравны: к трём кораблям Нахимова приписали ещё 6 фрегатов, от 6 до 8 малых судов и несколько пароходов, увеличив его огневую мощь в два раза. Однако он всё же не решился, пока не подоспело подкрепление, и уже при трёхкратном превосходстве начал бой. Когда Нахимов отправлял в Севастополь два потрёпанных штормом корабля своей эскадры, то в рапорте Меншикову написал: дождавшись обратно этих или двух других, он “не задумается атаковать”.

Вряд ли стоит сомневаться в этом. Но идти в сражение с 3 кораблями против 12 – только пролить кровь и ничего не добиться, в этом доблести мало.

Ещё одним обвинением Нахимову было сожжение Синопа. Не намеренное – просто русские артиллеристы стреляют так плохо, что их ядра вместо турецких кораблей попадали по городу. Понятно, что в тех статьях нет ни слова о береговых батареях, и совершенно не понятно, отчего же тогда взрывались турецкие корабли, если русские артиллеристы не попадали куда надо?

Итак, Нахимову отказали в личной храбрости, мастерстве полководца и обвинили в вероломстве и неслыханной жестокости. Рейнеке записал в дневнике, что Нахимов огорчался, читая английские и французские газеты, их сообщения ещё и русские издания перепечатывали. Как тут не мрачнеть?

Были и американские газеты. Вот как описала *New-York Daily Tribune* 9 января 1854 года Синопское сражение в передовой статье: "Русские, не желая стоять под парусами у берегов, куда их могло прибить ветром, бросили якоря. Затем последовала четырёхчасовая артиллерийская дуэль между обеими стоявшими на якорях эскадрами, протекавшая без всякого маневрирования на море и напоминавшая скорее артиллерийскую перестрелку на суше. Возможность обойтись без применения морской тактики, без каких-либо маневров была очень на руку русским, чей черноморский флот, судовые команды которого состоят почти исключительно из "пресноводных моряков" (land lubbers), особенно из польских евреев, имел бы мало шансов на успех в сражении в открытом море с турецкими судами, располагающими хорошими командами. И тем не менее, русским всё же понадобилось четыре часа, чтобы заставить замолчать слабые корабли своего противника"[35].

Статья называлась "Синоп и Ахалцых", и автором её был тогда совсем не известный журналист, а ныне самый популярный, – если посчитать количество улиц в России, названных его именем, – Фридрих Энгельс. Из-под его пера регулярно выходили статьи о Восточной войне, военная тематика вообще его очень привлекала. Недаром Карл Маркс называл своего друга "генералом", было за что: Энгельс целый год проходил военную службу в Берлине, одновременно посещая лекции по философии в местном университете. Став после года срочной службы военным экспертом, заодно историком и философом, он теперь считал себя вправе давать оценки по всем вопросам, особенно о России, которую хорошо знал по карте. И вот итог его аналитической статьи: "Победа при Синопе не доставляет славы русским".

А вот какой план действий он набросал в статье "Европейская война", опубликованной после того, как англо-французский флот вошёл в Чёрное море в январе 1854 года. "Без сомнения, союзный флот способен разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. Нет ничего легче, если действовать быстро и энергично". На воплощение этого плана в жизнь Энгельс выделил месяц.

Как говорил его друг Маркс, практика – критерий истины, вот английская, французская, турецкая и сардинская армии и проверили на практике, то есть в Крыму, каким экспертом был Энгельс. Оказалось – никудышным: не месяц, а 349 дней им потребовалось только для того, чтобы занять Южную сторону Севастополя, оставленную русской армией. Достигнутый результат стоил союзническим армиям, по разным оценкам, от 160 до 170 тысяч убитых, раненых и умерших от болезней. О "занятии и удержании" Крыма речь вообще не шла.

После завершения операции на Чёрном море эксперт Энгельс планировал отправить флот на Балтику и бомбардировать Кронштадт. "Необходимо любой ценой добиться союза со Швецией, если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путём высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключён только при условии воссоединения этой области со Швецией... Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остаётся, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич"[36].

Такому калеке-великану, какой видится Россия Ф. Энгельсу, не нужно оставлять места даже в Азии. По сути, это план премьер-министра Британии

лорда Палмерстона, усилиями которого была развязана Восточная война. Энгельс лишь повторил его. Что можно добавить к оценке классика, труды которого изучало не одно поколение студентов России? Разве что рассказ французской газеты о Синопе, где повествуется об офицере эскадры Нахимова, который, взяв турецкий фрегат, дорубил оставшегося на нём единственного турка, отрезал кусок его мяса и съел. За что получил от императора орден. После прочтения таких газет за утренним чаем в воображении обывателя должен был вставать образ зловещей, кровожадной, отсталой и агрессивной России.

Справедливости ради отметим, что в этой общей вакханалии клеветы и травли Нахимова, которую развязали нечистоплотные журналисты, пусть негромко, но всё же звучали голоса английских моряков, призывающих объективно оценить сражение. "Часть русского флота держалась в море несколько дней в такую ужасную непогоду, в которую ни турки, ни австрийские пароходы... не смели показываться в море. Неужели эти русские матросы те самые трусливые новобранцы из евреев, о которых нам толковали? Боевой их порядок в деле удивительный... В продолжение часа одиннадцать кораблей были потоплены, подняты на воздух или сожжены. Такого совершенного истребления и в такое короткое время никогда ещё не бывало"[37].

Английские офицеры собирали в Синопе свидетельства и подробности битвы и не могли не выразить должной похвалы мастерству и решительности Нахимова.

В начале 1854 года в Севастополе получили письмо из монастыря, написал его богослов и духовный писатель о. Игнатий (Брянчанинов). В молодости святитель окончил Главное инженерное училище в Санкт-Петербурге, родители прочили ему военную карьеру, государь отличал его, однако после окончания училища он принял постриг и в 40-е годы был назначен настоятелем Сергиевской пустыни под Петербургом. Оттуда, из монастырской кельи, он внимательно следил за событиями Восточной войны, читал репортажи в газетах и журналах, переписывался с Н. Н. Муравьёвым. Несоответствия такой любознательности своему сану и монашескому положению святитель совершенно не видел, ибо "всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ: во-первых, православному Отечеству, во-вторых – единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству", – рассуждал он в письмах.

Его суждения о происходящем на Кавказе и в Чёрном море сразу выдают в нём человека с военным образованием, Синоп он отметил как блистательную победу русского флота и не мог не написать Нахимову, хотя и не был знаком с ним лично.

"Милостивый государь Павел Степанович! Подвиг ваш, которым вы и сподвижники ваши с высоким самоотвержением подвизаетесь за Россию, обратил к вам сердца русских. Взоры всех устремлены на вас, все исполнены надежды, что сама судьба избрала вас для совершения дел, великих для Отечества, спасительных для православного востока. Не сочтите странным, что пишет вам русский, не имеющий чести лично быть знакомым с вами. Примите дружелюбно мои строки, примите присланную при них на благословение вам от обители Преподобного Сергия икону Святителя Митрофана Воронежского, новоявленного чудотворца. Пред этой иконой братство здешней обители отслужило молебен угоднику Божию и с нею присылает вам свои усердные молитвы о том, чтобы Святитель Митрофан содействовал вам к поруганию врагов..."[38].

Вот на какую высоту Брянчанинов поднял Синопскую победу – он её видел как победу над тяжким игом, под которым "стонет Православие Цареграда, порабощённого последователями Магомета". Для православных конфликт о святых местах вовсе не был пустой формальностью и не сводился, как иногда пытаются изобразить, к спору о том, у кого будут храниться ключи от храма Гроба Господня и кто будет иметь право чинить на нём крышу. Нет, вопрос стоял так: либо за православным населением Османской империи сохраняется право на покровительство и помощь единоверной России, либо они лишаются этой возможности и навсегда остаются "райя" – скотом, как именовали христиан в Турции. И святитель напомнил об этом.

Получив письмо от о. Игнатия (Брянчанинова), имевшего высокий духовный авторитет ещё при жизни, Нахимов немедленно, среди забот о починке

кораблей и подготовке к войне, сел за ответ, точнее, принялся диктовать его Рейнеке.

"Ваше Преосвященство! Не нахожу слов для выражения глубокой признательности моей за внимание, оказанное вами лично мне и товарищам моим по службе письмом вашим от 1 февраля и за молитвы ваши о нас, и за благословение нас от вашей обители иконою Святого Митрофания Воронежского Чудотворца. Ходатайство Церкви перед Господом Богом об успехах оружия православного царя нашего подкрепляет дух наш и упование на всесильную святую помощь Господа в защиту Православия. Утешительные слова ваши тем глубже проникли в души наши, что получены во время приготовления нашего к принятию святых таинств. Исполнив этот священный долг христиан, каждый из нас с новыми силами готов вступить в рать драгоценного Отечества нашего. Икона святителя будет щитом нашим. Это изображение святого лика будет всегда сопутником моим на море, и молитвы пред ним – утешением моим в час скорби.

Но простите, что и после такого внимания к нам осмеливаюсь, по общему желанию моих сослуживцев, ещё утруждать вас покорнейшею просьбою – молить Господа Бога об успокоении души бывшего начальника и благодетеля Черноморского флота, адмирала Михаила Петровича Лазарева. Его неусыпным трудам и попечениям обязаны мы настоящим воинственным состоянием кораблей и бодростью духа, способствовавших при помощи Божией выполнить повеление нашего царя. Его деятельность, его бескорыстное самоотвержение поныне руководит нами в служебной и частной жизни. Да успокоит Господь душу незабвенного адмирала Лазарева и позволит удержать силы наши..."[39].

Благодаря этому письму теперь мы знаем, перед каким образом возносил молитвы адмирал Нахимов, как причащался святых таинств Великим постом в 1854 году. Церковь Святителя Митрофания воздвигли в Севастополе уже после гибели Нахимова – в 1858 году, на Корабельной стороне. По форме она напоминала перевернутое днище корабля. В годы Великой Отечественной войны церковь была разрушена, от неё осталась лишь колокольня, в нынешнее время церковь возрождается на том же месте в новом здании.

В феврале или марте Нахимов получил ещё одно письмо от неизвестного ему адресата[40]: "Великий адмирал, победитель при Синопе! Посылаю тебе снимок с чудотворной иконы великого угодника Божия Николая Чудотворца. Прикажи с того великого угодника снять две иконы точно так, как здесь изображено: одну – маленькую, которую носи на груди, а другую – большую и, освятивши их, отслужи молебен и поставь большую икону на корабле и со всеми тебе подчинёнными молись с верою этому великому угоднику. Он даст тебе силу и крепость, и победу на врага рода христианского. Без него ни твой ум, ни твоя храбрость ни защитят тебя. Этот угодник Божий творил и творит великия чудеса на море и на суше, спасал утопавших, воскрешал их, укрощал бури и ветры морския, ходил по морю, как по суще, как делал наш Спаситель. Сей великий угодник Божий избран Самим Богом для утверждения Церкви Христовой заступником и утешителем всех скорбящих, молись ему с верою, и он спасёт вас всех, ибо его молитва велика у престола Божия. Он с вами и вы с ним, да никто же из вас не отчаивайтесь. Господь Бог сильнее всех, и силу Свою Он явит вам чрез Своего угодника".

Если бы такое письмо получил мичман Нахимов, то, наверное, усмехнулся бы и убрал в дальний угол, а то и вовсе выбросил. Теперь, на склоне лет, всё виделось яснее и проще.

Во время Синопского сражения Нахимову был 51 год, в этом возрасте человек, если он склонен к осмыслению происходящего, думает о том, что уже большая часть его земной жизни миновала, и поневоле размышляет о жизни вечной. Нахимов просил Рейнеке заказать эти две иконы: одну, большую – для корабля, и маленький образок у золотых дел мастера – для себя. *"Я бы носил его на груди, а большой грудной образ, не напишешь ли к Стодольскому, чтоб приказал в Суздале с этого рисунка снять копию и прислал бы сюда".* Рейнеке думал послать рисунок в Феодосию к Айвазовскому, чтобы тот написал большую икону. Кто взялся за эту работу, установить не удалось, но она была выполнена, большой образ написали и прислали в Севастополь с почтой в июле 1854 года.

Что касается маленького образка, то о нём Нахимов просил особенно настойчиво, и вот почему: *"... любезный Миша, если золотых дел мастер не*

возьмётся сделать образок, то купи мне в лавках с изображением Николая Чудотворца, освяти его и пришли мне. Совестно признаться, а у меня ни крестика, ни образка нет на груди!!!" Что тут сказать? Три восклицательных знака говорят сами за себя: как говорится, лучше поздно, чем никогда. Племянник Нахимова, который был в Севастополе, сообщил Рейнеке: "Заветный образок Св. Чудотворца Николая он носит на груди постоянно"[41]. Значит, и эту просьбу *"любезный друг Мишустя"* выполнил.

В те дни Нахимов на берег не съезжал, жил на корабле и болел, да так тяжело, что, по собственному признанию, не вставал с дивана и, кроме лекарств, ничего не мог проглотить. Он простудился, когда делал смотр кораблям, и состояние их нашёл после Синопа плохим, и сам заболел. И потому просьбу своего занятого и больного друга Рейнеке выполнил, а вслед за ней и ещё одну.

"Мне хотелось бы отдать военный приказ по эскадре, – писал Нахимов 24 марта 1854 года, *– в котором высказать в кратких и веских словах, что это война священная, что я уверен, что каждый из подчинённых горит нетерпением сразиться с защитниками Магомеда – врагами Православия, что павшего в бою ожидает бессмертие, за которое будет молиться Церковь и всё Православие, победившего – вечная слава и, наконец, самые летописи скажут потомкам нашим, кто были защитники Православия! Но как ни бьюсь, не могу сказать, ничего у меня не выходит. Потрудись, дружок! Если ты здоров и в духе, составь мне приказ. Ты этим большое бремя снимешь с меня"*.

Одно письмо – митрополиту Агафангелу – он всё же написал сам и приложил список имён убитых и умерших от ран *"для принесения молитвы о душах их"*. Другой список был с именами раненых и покалеченных в Синопском бою. Адъютант Нахимова вспоминал, как во время Севастопольской обороны каждый раз, проезжая мимо Михайловской церкви, куда приносили на отпевание убитых с ближайших бастионов, "Нахимов давал деньги, чтобы поставить к каждому убитому по три свечи, как это обыкновенно делается, и часто приезжал в эту церковь на панихиды; такие поездки требовали, можно сказать, самоотвержения, так как делались под неприятельскими штуцерными пулями"[42].

В память о Синопском сражении моряки ежегодно 18 ноября устраивали в Севастополе обед, на который собирались офицеры, служившие под командованием Нахимова. В 1886 году часть Морской улицы назвали именем Нахимова. Через 45 лет после Синопского сражения, 18 ноября 1898 года, в Севастополе открыли и освятили в присутствии императора памятник Нахимову (авт. А. А. Бильдерлинг и И. Н. Шредер) на площади перед Морским собранием. К сожалению, в годы Советской власти его постигла участь всех памятников "царским генералам": он был снят, на его место водрузили памятник Ленину.

После Великой Отечественной войны памятник Нахимову был отлит вновь и установлен в 1959 году на том же месте (авт. Н. В. Томский и А. В. Арефьев), только теперь он смотрит не на море и Графскую пристань, как раньше, а обращён лицом к городу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из письма Лазарева А. И. Веревкину. / Лазарев М. П. Документы. М., 1961. Т. 3. С. 230-231.

[2] Шершов А. П. История военного кораблестроения. СПб, 1994.

[3] РГАВМФ – Ф. 315, оп. 1, д. 101. Л. 38–42.

[4] Зайончковский А. М. Восточная война. 1853–1856. Т. 1. СПб, 2002. С. 550-551.

[5] Письмо Нахимова Рейнеке. / Нахимов П. С. Документы и материалы. СПб, 2003. Т. 2. С. 26.

[6] Предписание командования Черноморским флотом П. С. Нахимову. / Нахимов П. С. Документы и материалы. Т.1. СПб, 2003. С. 255 – 256.

[7] Приказ Нахимова. / Нахимов. Т. 1. С. 259-260.

[8] Палеолог В. Д. Плаванье брига "Язон". // Морской сборник. 1854. № 3.

[9] Богданович Е. В. Наварин. М., 1877. Приложение. С. 70.

[10] Сатин А. Синоп. Из записок Черноморского офицера. // Русский вестник. 1872. № 8. С. 771–782.

[11] Тотлебен Э. И. Описание обороны Севастополя. Ч. 1. Кн. 1. М., 2017. С. 80.

[12] Письмо Корнилова Нахимову. / Нахимов. Т. 1. С. 261-262.

[13] Предписание Корнилова. / Нахимов. Т. 1. С. 260-261.

[14] Предписание. / Нахимов. Т. 1. С. 262.

[15] Письмо Корнилова. / Нахимов. Т. 1. С. 263.

[16] Морской сборник. 1854. № 3.

[17] Письмо Корнилова брату Александру Алексеевичу. / Вице-адмирал Корнилов. М., 1947. С. 205.

[18] Рапорт Нахимова Станюковичу. / Нахимов. Т. 1. С. 274.

[19] Палеолог В. Д. Плаванье брига "Язон". // Морской сборник. 1854. № 3.

[20] Сравнительная таблица судов, сражавшихся на Синопском рейде 18 ноября 1853 года. / Нахимов. Т. 1. С. 308-309.

[21] Приказ Нахимова. / Нахимов. Т. 1. С. 267-268.

[22] Предписание Меншикова. / Нахимов. Т. 1. С. 278.

[23] Мазунин Н. П. Адмирал П. С. Нахимов. М., 1952. С. 20.; А. Кухарук. Мнимый больной // Родина. № 3-4. 1995. С. 22.

[24] РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 704. Л. 5–26.

[25] Рапорт Нахимова Меншикову от 29 ноября 1853 года. / Нахимов. М., 1954. С. 321–326.

[26] Сатин А. Синоп... С. 775.

[27] Сокальский Н. // Современник. 1856. № 3.

[28] Вышеславский А. Севастополь в последние месяцы осады. (Из записок медика). // Морской сборник. 1860. кн. 20, № 2, С. 62–64.

[29] Воспоминания кн. Барятинского. // Русский архив. 1905. № 1. С. 98–104.

[30] Крашенинников С. Замечания на статью "Из записок севастопольца". // Морской сборник. 1868. № 2.

[31] Пасецкий В. М. Михаил Францевич Рейнеке. М., 1978. С. 117.

[32] Письмо генерал-майора Рейнеке. / Нахимов. Т. 1. С. 350-351.

[33] Тарле Е. Крымская война. М.-Л., 1950. Т. 1. С. 401.

[34] Шестаков И. Обзор действий на море в течение настоящей войны. // Морской сборник. 1855. № 2.

[35] В собрание сочинений она вошла под названием "Ход турецкой войны". / Маркс и Энгельс. Собр. соч., изд. 2-е. М., 1958. Т. 9.

[36] Там же. Европейская война. Т. 10.

[37] Сообщения газет цит. по: Материалы для истории Крымской войны. Под ред. Н. Дубровина. СПб, 1871. Вып. 1. С. 199-200; Шестаков И. Обзор действий на море в течение настоящей войны. // Морской сборник. 1855. № 2.

[38] Письмо настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Брянчанинова). / Нахимов. Документы. Т. 2. С. 13-14.

[39] Ответ Игнатию (Брянчанинову). / Нахимов. Документы. Т. 2. С. 331.

[40] Текст письма цитируем по дневнику Рейнеке. / Нахимов. Т. 2. С. 35.

[41] Нахимов. Т. 2 С. 95.

[42] Воспоминания Шкота. / Нахимов. Т. 2. С. 288.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 5

КОНЕЦ 1950-Х

В Институте мировой литературы Кожинов встретился со стариками, родившимися еще в XIX веке, каждый из которых был человеком многослойной и очень непростой судьбы. Иван Никанорович Розанов, Корнелий Люцианович Зелинский, Леонид Ефимович Пинский, Иван Михайлович Гронский, Яков Ефимович Эльсберг, Юлиан Григорьевич Оксман... Молодые смотрели на своих старших коллег с почтением и с ощущением солидной дистанции, которая по мере всё более тесной совместной работы неуклонно сокращалась.

Молодые – это Пётр Палиевский, Сергей Бочаров, Георгий Гачев, Виталий Сквозников, Юрий Борев... С некоторыми из них Вадим встретился, как со старыми знакомыми ещё по университету.

Кожинов специализировался по теории литературы, в сфере его внимания изначально были общетеоретические проблемы искусства в целом, но тему будущей диссертации он определил как становление европейского романа.

Идей множество, библиотека в ИМЛИ богатейшая (иных книг не найдёшь и в Ленинке!), история жанра поистине захватывающая, тем более, если брать её в историческом освещении.

Башня из слоновой кости? Ждите! В идеологическом учреждении даже кабинетика из этого экзотического материала не предусмотрено.

На закате сталинской эпохи в журналах кипели страсти по поводу только-только напечатанных романа Гроссмана, повестей Казакевича и Пановой, "Районных будней" Овечкина... Кожинов читал их, но после рецензии на Николаеву не реагировал, сочтя всю эту литературу однотипной и однолинейной... При этом работу над материалом по западноевропейскому роману сочетал с работой над своим любимым Маяковским, который, казалось, органически сочетался с новым временем, словно сбывалась на глазах стихотворная молитва "горлана": "Не листай страницы! Воскреси!"

...Тут же страницы "Нового мира" с дивным Заболоцким, "Знамени" с циклом Пастернака "Стихотворения из романа "Доктор Живаго" (послевоенное его "Избранное" Кожинов читал и перечитывал, но здесь, как и многие, совершенно заново открывал, казалось бы, давно знакомого и любимого поэта)... Конечно, рядом со всем этим вызывали вполне естественное любопытство, но как-то не особенно захватывали небольшие бури на страницах "Литературной газеты", будь то фельетон "За голубым забором" неких

Продолжение. Начало в № 1-6 за 2019 год.

А. Суконцева и И. Шатуновского, посвящённый Сталинскому лауреату Николаю Вирте, или открытое письмо "Замалчивая острые вопросы" в "Комсомольской правде", написанное в защиту нашумевшей статьи В. Померанцева "Об искренности в литературе" и подписанное, в частности, кожиновскими университетскими однокашниками Сергеем Бочаровым и Владиславом Зайцевым.

Но все "литературные треволнения" отступали перед тем, что творилось в общественно-политической жизни страны.

А творилось нечто полуфантастическое с точки зрения не только рядового обывателя, но и человека, более или менее искушенного в политике. Ещё совсем недавний "культ Сталина" начал сменяться его же "антикультом". Новая власть ясно пыталась дать понять согражданам, что жизнь продолжается (да и должна продолжаться!) и без бывшего вождя.

Массовая реабилитация бывших политзаключённых началась в 1953 году. По бериевскому указу 27 марта "Об амнистии" на свободу вышли 100 тысяч заключённых (из 580 тысяч) ещё до осени. 1 февраля 1954 года на стол "Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущёву Н. С." легла справка за подписью Генерального прокурора Руденко, министра внутренних дел Круглова и министра юстиции Горшенина:

"В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашими указаниями о необходимости пересмотреть дела на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем: за время с 1921 года по настоящее время на контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.380 человек, в том числе к ВМН – 642.980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2.369.220 человек, в ссылку и высылку – 765.180 человек.

Из общего количества осуждённых ориентировочно осуждено: 2.900.000 человек – Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием и 877.000 человек – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией..."

Это был документ "закрытый", для внутреннего пользования, и каждый вменяемый человек, полагаю, согласится, что причины намеренно преуменьшать количество репрессированных ни у Генерального прокурора, ни у министра внутренних дел, ни у министра юстиции не было и не могло быть. Тем более в ситуации, когда борьба с "культом личности Сталина" начинала принимать гипертрофированные формы.

Всех, кто ещё по инерции или в силу честного отношения к самим себе и к прошедшей жизни пытался следовать "прежнему курсу", участь ждала незавидная.

Если раньше редакторы, руководствуясь невесть кем написанными правилами, настаивали на включении не только в тексты публицистических статей, но и в тексты художественных произведений цитат из Сталина и упоминаний о нём, то теперь картина изменилась кардинально: любое не то что доброе, но даже нейтральное слово о Сталине вышвыривалось вон. Константин Симонов, обозначивший в статье, опубликованной в "Литературной газете", "самую важную" задачу в литературе – "во всём величии и во всей полноте запечатлеть... образ величайшего гения всех времён и народов – бессмертного Сталина", – через несколько месяцев, в августе 1953 года лишился своего поста, а потом и вовсе вынужден был уехать из Москвы. В 3-м номере "Нового мира" читатели (и Вадим среди них), наверное, с особым чувством в меняющейся на глазах атмосфере прочли отрывок из новой поэмы Александра Твардовского "За далью даль", представляющий собой текст, направленный п о п е р ё к всей тогдашней политики (неудивительно, что и Симонов, и Твардовский могли свои сочинения опубликовать лишь в тех органах, где они сами были главными редакторами):

...И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.
Тут ни убавить, ни прибавить —
Так это было на земле.

И пусть тех дней минувших память
Запечатлела нам черты
Его нелегкой временами,
Крутой и властной правоты.

Всего иного, может, боле
Была нам в жизни дорога
Та правота его и воля,
Когда под танками врага

Земля родимая гудела,
Неся огня ревущий вал,
Когда всей жизни нашей дело
Он правым коротко назвал.

Ему, кто вёл нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам.

Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

Через много лет, описывая и анализируя ключевые события истории России XX столетия, Кожинов специально остановится на этом эпизоде:

"...Публично осуждали Твардовского не за его... строфы, а за появившиеся в редактируемом им журнале "вольнодумные" в том или ином отношении статьи В. Померанцева... М. Лифшица... и др., подвергавшиеся критике в печати с самого начала 1954 года. Но есть достоверные основания полагать, что "сталинские" стихи поэта сыграли главную роль в его отставке. Дело в том, что "Новый мир" уже подвергался не менее резкой критике ранее, в феврале-марте 1953 года за публикацию также отмеченных "вольнодумством" романа В. Гроссмана "За правое дело", повести Э. Казакевича "Сердце друга", статей А. Гурвича, В. Огнева и т. п., но вопрос об отставке Твардовского тогда даже не возникал. А "оправдание" Сталина в его стихах затрагивало в тот момент насущнейшие интересы самых *верхов* власти, и Твардовский был в начале августа 1954 года отстранён и заменён... Симоновым, который к тому времени "исправился"...

Твардовский и Симонов принадлежали, в общем, к одному поколению, вступившему в литературу в начальный период безраздельной власти Сталина, и являли собой не только литературных деятелей – они были причастны идеологии и даже политике (оба они, кстати, побывали в составе ЦК КПСС), то есть являлись в прямом смысле слова деятелями *истории* страны. Но между ними было коренное различие, которое, правда, не выражалось резко и открыто. Твардовский, в конечном счёте, исходил из своих собственных глубоких убеждений (насколько они были истинными – это уже другой вопрос), а Симонов – из господствующей в данный момент идеологии..."

К 1956 году было освобождено более 80 процентов политзаключённых. В воздухе явственно ощущались глобальные перемены. Но никто не ждал и не мог ожидать того, что произошло в феврале на XX съезде партии.

О докладе Первого секретаря ЦК КПСС Хрущёва "О культе личности и его последствиях", произнесённом за закрытом заседании, поначалу ходили смутные слухи. И лишь через некоторое время доклад стали публично зачитывать в официальных учреждениях. В том числе и в ИМЛИ.

Для многих, привыкших к безусловному восприятию всего, что нисходит с высоких трибун, прослушивание документа обернулось сильнейшим психологическим шоком. Но люди думающие и сопоставляющие факты, хотя бы в первом их приближении, не могли не задать (если не публично, то хотя бы самим себе) ряд нелёгких вопросов.

“Этот человек будто бы всё знает, всё видит, за всех думает, всё может сделать; он непогрешим в своих поступках. Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет”, – вещал Хрущёв.

Волей-неволей вставал неизбежный вопрос: само по себе культивировалось? Или это понятие “культивировали” конкретные люди? И какова в этом “культивировании” роль самого Никиты Сергеевича? Каждый мог сказать: ничуть не меньшая (если не большая), чем выступивших ранее с критикой последствий “культа личности” Андрея Маленкова и уже к тому времени расстрелянного Лаврентия Берии.

А дальше – больше. Сталин, – как следовало из доклада, – безусловный борец “за построение социализма в нашей стране”, но вот его “культ” “превратился на определённом этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжёлых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности”.

На каком именно этапе? И что такое “извращение революционной законности”, если любая революция сама по себе отменяет в с я к у ю прежнюю законность, что было очевидно даже из школьных учебников истории того времени?

Письмо Ленина Сталину, оглашённое Хрущёвым, как бы санкционировало нынешнее “разоблачение культа”. При этом цитата из ленинского “письма съезду” (“Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть”) опять же заставляла задуматься: кто конкретно “сделал” Сталина генсеком и сколько времени ему понадобилось на “сосредоточение” этой самой власти?

И это было лишь начало доклада. А далее следовало признание безусловной заслуги Сталина в борьбе с троцкистами и бухаринцами, с “правым уклоном”, который якобы делал ставку на “кулака”, утверждение, что “Сталин ввёл понятие “враг народа”... Любой человек, начитанный хотя бы поверхностно в мировой истории, не мог не сообразить, что понятие “враг народа” известно со времён Великой французской революции (газета неукротимого проповедника террора Жана-Поля Марата называлась “Друг народа”), и тут уже – хочешь не хочешь – приходили мысли и о термидоре, и о том, не поступил ли Сталин так, как в своё время не смог или не успел поступить Робеспьер, отправив на “гильотину” своих товарищей по партии? Ибо, если Сталин был прав в борьбе против “троцкистко-зиновьевского блока”, то почему на следующем этапе “борьбы” он становится преступником?

Оглашённое на съезде письмо Роберта Эйхе, упоминание среди “ни в чём не повинных коммунистов” Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева не разрешало тяжких сомнений, а лишь порождало всё новые и новые. Дальнейшее, уже рассчитанное на чересчур легковерных людей, вроде того, что военные операции “Сталин планировал по глобусу”, что Сталин “страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам”, что “украинцы избежали этой участи (высылки. – **С. К.**) потому, что их было слишком много и некуда было выслать. А то бы он и их выселил” – всё это напоминало какую-то трагикомическую карикатуру. Не зря стенограмма сохранила рядом с этими словами помету: “*Смех, оживление в зале”.*

Естественно, при упоминании “Ленинградского дела” фигурировали лишь имена Сталина, Берии и Абакумова, но не Маленкова (не говоря уже о самом Хрущёве). Обилие жутких фактов, по-своему перетолкованных, вставленных в “нужный контекст”, не давало возможности тут же проанализировать услышанное по существу. Но какие-то концы с концами можно было связать и на ходу.

“...Мы чувствовали, что дело с арестом врачей – это нечистое дело... Это позорное “дело” было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своём понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше... “

И сразу после этого пассажа:

“В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втёршийся в доверие к Сталину”.

Немного времени ведь прошло с тех пор, как реабилитация врачей состоялась именно по указу Берии – “мерзавца”, который “шёл вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке” (по словам Хрущёва).

И дальнейшее "детективное повествование" о том, как пытались раскрыть партии глаза на "мерзавца" старые большевики Каминский, Снегов, Картвелишвили-Лаврентьев, "старый коммунист т. Кедров", в глазах большинства людей воспринималось, как отчаянная борьба благородных (и проигравших) с выигравшими негодяями, а думающего и сомневающегося меньшинства – как взаимное сведение счётов между борцами с "врагами народа" как с той, так и с этой стороны.

...Глобальные последствия этого доклада (особенно после публикации его на Западе) слишком хорошо известны: разрыв отношений с Китаем, фактический распад "левого движения" в Европе, кровавое восстание в Будапеште (самое поразительное: уже после провокационных выстрелов одновременно в демонстрантов и советских военнослужащих, произведённых 25 октября неизвестными снайперами (!) и прибытия из Австрии групп вооружённых боевиков, в том числе венгерских нацистов, 30 октября газета "Правда" публикует "Декларацию об основах взаимоотношений с соцстранами", где происходящее в Венгрии оценивается как "справедливое и прогрессивное движение трудящихся". И лишь после кровавых уличных расправ над венгерскими коммунистами – одновременно с кризисом в районе Суэцкого канала, грозящим перерасти в третью мировую войну, – СССР принимает меры для подавления "фашистского мятежа"). Интересно, как оценивали происходящее молодые интеллектуалы-гуманитарии?..

"Помню, – писал на склоне лет Кожинов, – как... Георгий Гачев предложил своеобразное объяснение 1937 года. Победившие в октябре 1917-го революционеры были убеждены, рассуждал он, что они сами по себе суть власть, что "Советское государство – это мы сами". Но затем создалась прочная и многосторонняя государственная структура, и люди, продолжавшие сознавать и вести себя так, как будто именно и только они являются воплощением всей власти, стали "лишними" и уже потому "вредными". Гачевская мысль производила особенно сильное впечатление и потому, что собственный его отец, – эмигрировавший в 1926 году в СССР болгарский революционер, – был в 1938 году репрессирован и в 1945-м скончался в лагере..."

Пётр Палиевский был ещё более радикален. Он утверждал, что 1937 год – это великий праздник, праздник *исторического возмездия.* Тогда – в середине 1950-х годов – это звучало даже не как ересь, скорее, как опровержение всей становящейся новой идеологии. Но под этими – внешне эпатажными – заявлениями была весьма солидная основа.

Молодые люди в это время читали не только русскую и мировую классику. По рукам ходили переведённые на русский язык и перепечатанные в неучитываемом количестве экземпляров "1984" и "Скотный двор" Джорджа Оруэлла, "О, дивный новый мир!" Олдоса Хаксли, "Слепящая тьма" Артура Кестлера.

Да, это был своего рода интеллектуальный пир, почва для столкновений, споров, размышлений о природе социализма, о его изводе в истории советского государства. Всё прочитанное проецировалось на отечественное бытие – тем более, что перед современниками во весь рост вставали тени двадцать лет тому назад казнённых, а ныне реабилитируемых Акулова, Алксниса, Антонова-Овсеенко, Артузова, Беленького, Белобородова, Берзина, Бермана, Блюхера, Бокия, Бубнова, Варейкиса, Вацетиса, Гамарника, Гарькавого, Гендина, Гикало, Глебова-Авилова, Голодеда, Дерибаса, Дыбенко, Жуковского, Затонского, Икрамова, Кабакова, Калмановича, Каминского, Квиринга, Киршона, Косиора, Крыленко, Лациса, Литвина, Лозовского, Межлаука, Мессинга, Осинского, Петерса, Постышева, Пятницкого, Тухачевского, Уборевича, Хатаевича, Шеболдаева, Эйхе, Якира. Чиновники, военные высших чинов, работники НКВД – партийцы, "недореабилитированные" Берией, о реабилитации которых в первую очередь позаботился Хрущёв. Кровью заливавшие страну. Арестовывавшие, судившие, отправлявшие на расстрел друг друга... Все они – каждый в отдельности и вместе взятые – отражались в образе кестлеровского Рубашова, твердокаменного большевика, апологета мировой революции, казнимого утверждённой им властью. Создавалось впечатление (точнее, сознательно нагнеталось), что трагедия 1937 года (а это была – подчёркивалось со времён хрущёвского доклада – трагедия "того дровья, что вспыхнуло и сгорело в тридцать седьмом году", как писал входящий тогда в литературную славу Борис Слуцкий) – это трагедия партийцев, чекистов, военных, "без которых враг и дошёл в 41-м почти до Москвы"...

И трагедия, и моральные терзания Рубашова, и "казарменный социализм", сотворённый в "ангсоце" и "скотном дворе" Оруэлла, где "все животные равны, но некоторые – равнее других" (в образе "главной свиньи" не мог не усматриваться новый глава СССР), в "дивном новом мире", – всё это накладывалось на воспоминания о французском термидоре, и от устоявшегося афоризма "революция пожирает своих детей" мысль шла к судьбе советских термидорианцев, также "сделавших своё дело"... И волей-неволей вставали вопросы: "За что боролись?" и "От какого наследства мы отказываемся?" А также вечный и неизбежный вопрос русской истории: "Что делать?"

Само собой разумеется, что, встречаясь с многочисленными простодушными людьми, для которых хрущёвский доклад на XX съезде стал истиной в последней инстанции, Кожинов (которому не было ещё и тридцати!) очень про себя веселился, наслаждаясь невинным розыгрышем: он с самым серьёзным видом уверял, что точнее всего о 1937 годе написал Корней Чуковский. И начинал со своими комментариями цитировать сказку "Тараканище", написанную в 1923-м: "Ехали медведи на велосипеде... Зайчики – в трамвайчике, жаба – на метле... Едут и смеются, пряники жуют... "Это – достижения первых пятилеток", – комментировал Вадим Валерианович. Ну, а дальше... Дальше наступает нечто страшное: "Вдруг из подворотни – страшный великан, рыжий и усатый та-ра-кан..." "Кстати, – вставлял Кожинов, – Сталин был то время рыжеват, поседел потом". И читал дальше – с выразительной интонацией: "Приводите ко мне своих детушек, я сегодня их за ужином скушаю..." Ну, и конечно: "Звери задрожали – в обморок упали. Волки от испуга скушали друг друга..." "Вот он – 1937-й! – заключал Кожинов. – Точнейшая картина! "А слониха, вся дрожа, так и села на ежа..." Понятно, о ком идёт речь? Конечно, о наркоме внутренних дел!"

И этот примитивный розыгрыш действовал безотказно! Слушатели в полной мере отождествляли Сталина – героя хрущёвского доклада – с тараканищем Чуковского и восхищались смелостью детского поэта!.. Честно говоря, когда уже в 1970-е годы я услышал от Кожинова этот рассказ, я не поверил ему до конца. Однако пришлось убедиться в его полной справедливости. Через какое-то время в обществе еще не слишком хорошо знакомых мне людей я повторил кожиновский "анализ" "Тараканища". И все окружающие, как один, приняли его за чистую монету!

А в декабре 1956 года зал заседаний Института мировой литературы на Поварской был забит до отказа. Шло обсуждение нашумевшего и обсуждаемого на всех углах напечатанного в "Новом мире" романа Владимира Дудинцева "Не хлебом единым". Такого шума не произвела даже пресловутая эренбурговская "Оттепель".

Драматическую судьбу инженера Лопаткина пересказывали, пережёвывали, пере... Чего только не "пере"! И в этом шуме почти незамеченной прошла жёсткая и по-настоящему трагичная повесть Павла Нилина "Жестокость", с разговора о которой и следовало начать анализ послесталинской литературы на фоне всей советской истории.

Но это уже, наверно, чрезмерные требования к тому времени. Факт остаётся фактом: сначала состоялось триумфальное обсуждение Дудинцева в ЦДЛ, где Всеволод Иванов, Валентин Овечкин, Владимир Тендряков и, особенно, Константин Паустовский возносили до небес автора, славили неукротимого Лопаткина и низвергали подлого Дроздова... В общем – триумф!

Бенедикт Сарнов, присутствовавший на том собрании, вспоминал, как "клочья летели" во время обсуждения... И тут выступил ещё один молодой человек, умудрившийся проникнуть в заветную комнату над дубовым залом. Задумчиво, решая для себя важную проблему, он произнёс:

– Я лично разделяю для себя понятия рассказ и новелла.

Из дальнего угла выдохнул бывший фронтовик и зек Борис Бедный:

– Счастливый человек!

Может быть, ошибусь, но рискну предположить, что этим молодым человеком был Кожинов, именно в это время занимавшийся историей литературных жанров.

Может быть, он сознательно сбивал чрезмерный пафос выступавших. А может быть, действительно на ходу решал теоретическую проблему... Так или иначе – документальных свидетельств о его личном присутствии на том собрании мы не имеем.

Не то было в ИМЛИ. Там речь уже не шла о жанрах. Вадим выбрал совершенно другую тему.

Он зачитал отрывок из сталинского доклада от 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б): "За отчётный период ("с 1934 года", – уточнил Кожинов) партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков партийных и примыкающих к партии".

– Это значит, – последовал комментарий выступающего, – что более 500 тысяч людей, находившихся ранее на руководящих постах, сумели "задвинуть"...

Поднялся негодующий шум. Уже эти слова были восприняты, как крамола, учитывая атмосферу в стране после венгерских событий. С резкими репликами в адрес молодого аспиранта выскочил на трибуну бывший неукротимый борец с космополитизмом Александр Дементьев, уже перекроившийся в неистового антисталиниста... Сама по себе мысль, что прежние палачи через достаточно короткое время сами становятся жертвами, была нестерпима для послушных исполнителей партийных идеологических зигзагов.

А для Кожинова и его друзей это противопоставление – жертв и палачей – означало просто неумение ни мыслить, ни анализировать.

...И Ленин уже читался другими глазами. И заново перечитывался Маркс. И бродили, и озвучивались тревожные и насущные размышления о судьбе советской цивилизации.

В этих дискуссиях молодые ИМЛИйцы обретали новых собеседников, таких же, как они, выпускников МГУ – Юрия Давыдова, Леонида Пажитнова, Бориса Шрагина, Юрия Карякина, Александра Зиновьева... Большей частью эти интеллектуальные пиры проходили на квартире одного из характернейших и интереснейших людей той эпохи – философа Эвальда Васильевича Ильенкова.

* * *

"Тридцатилетний Ильенков, – вспоминал Кожинов, – ...казалось, целиком и полностью пребывал в самодовлеющем мире философии. Правда, в нём отнюдь не было цеховой замкнутости, он легко сходился со многими и разными людьми, но всё же создавалось впечатление (и убеждён, не только у меня), что философия была его единственным интересом, единственной страстью.

Помню, как летом 1958 года мы оказались вместе с ним в Коктебеле, и меня очень удивило его горячее увлечение собиранием черноморских мидий с целью устроить экзотическое пиршество (так, впрочем, и не осуществившееся, поскольку мидий нашлось слишком мало). Я-то полагал, что Эвальда влечёт лишь "пир" в платоновском смысле. И с полным основанием можно сказать, что его философские беседы были настоящими пиршествами, создававшими эффект буквального "насыщения", ибо о сугубо "абстрактных" проблемах он умел говорить с предельной, подчас поражающей конкретностью (безусловная "конкретность" истины вообще была едва ли не основным его девизом), так что самые "бесплотные понятия словно обретали осязаемую плоть.

Близкие ему люди знают, что Эвальд Ильенков был убеждён во вполне реальном бытии понятий, то есть, если воспользоваться разграничением, принятым в средневековой западноевропейской философии, был сторонником "реализма", а не "номинализма", который считается предшественником материализма Нового времени...

Нельзя умолчать и о том, что устное философствование Эвальда впечатляло намного сильнее, чем все написанные им тексты... Смысл ильенковских книг и статей значительно труднее воспринять во всей полноте, во всех оттенках. А живое общение с мыслителем в самом деле являло собой философский пир..."

Фронтовик, орденоносец, участник штурма Берлина, выпускник философского факультета МГУ, одно время ведший там спецсеминар, посвящённый логике "Капитала" Карла Маркса, Ильенков был крайне интересной и самобытной личностью.

Его тезисы (совместно с Валентином Коровиковым) "К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития", где авторы утверждали, что философия не может решать проблемы современных наук, а может быть только теорией познания, что сама философия есть наука о научном мышлении, о его законах и формах, а реальный мир она изучает в той мере, в какой он находит своё идеальное выражение в человеческой мысли, и что нет ни истмата, ни диамата, а есть материалистическая диалектика как логика мышления и деятельности и как материалистическое понимание истории, – были заклеймены в отчёте проверявшей факультет комиссии Отдела науки ЦК КПСС как "рецидив давно разгромленного и осуждённого партией меньшевиствующего идеализма" и "извращение философии марксизма". Обвинённые в гегельянстве соавторы тезисов были отстранены от преподавания, а Коровиков вообще уволен из университета.

Ильенков в это время был самым настоящим гегельянцем и в то же время пристальным, вдумчивым исследователем Маркса. Он настаивал на том, что "подлинное понятие не только абстрактно, но и конкретно... его определения сочетаются в нём в единый комплекс, выражающий единство вещей, а не просто соединяются по правилам грамматики".

Следуя за Гегелем и Марксом, он представлял конкретное как единство многообразного, предполагая диалектическое понимание категорий единого и многого, выражающих объективную взаимосвязь всех необходимых сторон реального предмета. Теория мышления, – настаивал он, – полностью совпадает с материалистической диалектикой.

Его беседы о целостном образе, о мыслящем бытии производили неизгладимое впечатление. "Нет мышления без материи и нет материи без мышления. Мышление – абсолютно высшая форма движения и развития".

Тайна творчества, объяснял он, непосредственно связана с природой идеи и с природой идеального. Чтобы выражение сущности вещи было идеальным, материалом для него должно стать общественно значимое тело другой вещи. Вещь как бы вручает свою "душу" этой другой вещи, чтобы та сделала её своим символом. Идеи – не предельные абстракции нашего рассудка, а нормы, своего рода образцы бытия, придающие смысл нашей активности – как внутренней, так и внешней. Сама по себе идея должна быть недосягаемо выше, чем возможности её исполнения.

Личность, – рассуждал Ильенков. – тем значительнее, чем полнее и шире представлена в ней – в её делах, в её словах, в поступках коллективно-всеобщая, а вовсе не сугубо индивидуальная неповторимость. А неповторимость подлинной личности состоит в том, что она по-своему открывает нечто новое для всех. Истина есть не что иное, как противоречие, взятое в том виде, в каком оно разрешается самим предметом рассмотрения не только в сознании, но и в объективной реальности. Диалектическая же логика – учение о формировании и бытии метода конкретного разрешения реальных противоречий.

Истина конкретна. И противоречия не должны внушать страх. Они должны служить стимулом к их разрешению.

Немаловажно для Кожинова, наверное, то, что его знакомство с Ильенковым пришлось на время работы философа над "Космологией духа", основные мысли которой, можно предположить, Эвальд Васильевич "обкатывал" на своих слушателях. Смысл и цель существования во Вселенной разумных существ в том, что им суждено противостоять энтропии Вселенной. Смерть мыслящего духа становится творческим актом рождения новой Вселенной и в ней – иных разумных существ.

Он рассматривал диалектику абстрактного и конкретного на примере "Капитала" Маркса в своей известной книге, но, по сути, в своих размышлениях выходил за пределы изучаемого труда, настаивая на необходимости восхождения "от неполного ("абстрактного") представления о предмете к всё более полному и всестороннему знанию о нём". Понятия личности, свободы и таланта для этого учёного были неразрывны.

Все слушатели и собеседники Ильенкова позже говорили о нём как о человеке, удивительно умевшем излагать сложное не только просто, но буквально материализуя духовные категории, отчего они являлись как бы воочию. Это была "зрячая мысль", способность "видеть то, что мыслишь". И не просто видеть, а передавать своё ви́дение собеседнику.

“Словами он действовал, как пальцами, расщепляя и раздвигая тонкие лепестки и обнажая, вышелушивая что-то очень конкретное – мысль”, – вспоминал один из его собеседников и учеников Лев Науменко. Он как бы ещё и проверял м а т е р и а л ь н о с т ь м ы с л и. Той, что существует не для одного, а для всех.

В беседах о социализме, о его природе Ильенков, апеллируя к Марксу. подчёркивал, что при социализме преодоления отчуждения труда не произошло. Оно должно наступить лишь с превращением частной собственности “в реальную возможность *каждого* индивида, *каждого* члена общества”. Коммунизм для Маркса, в его размышлении, “не идеал, с которым должна сообразовываться действительность, а действительное движение, призванное уничтожить теперешнее состояние”. В обществе капитализма, где значительная доля богатства, созданного человеческой деятельностью, летит на ветер, разделение труда ведёт к профессиональному кретинизму (особенно когда профессией становится политика).

Коммунизм для Ильенкова – единственная теоретическая доктрина, “предусматривающая ликвидацию пресловутого отчуждения”. Но коммунизм для него – не только доктрина, но и реальность, создающаяся в нашей стране. Другое дело, как он видел, создающаяся в извращённых формах, ибо отрицание частной собственности порождает иллюзию, что это и есть “позитивное разрешение” всех проблем цивилизации: превращение частной собственности в государственную лишь углубляет отчуждение общества от индивида.

Идеализм? Нет, идея, которая выше возможностей её исполнения. Но, верил он, д о с я г а е м о выше.

Позитивизм Ильенков уничтожал. Релятивизм и плюрализм ненавидел. “Ни один из “правоверных” марксистов-ленинцев не вызывал у него симпатии, – вспоминал Науменко, – и, напротив, совсем было не обязательно быть марксистом, чтобы заслужить его уважение. Лосев, к примеру. Или И. Ильин. Но были среди марксистов люди принципиальные, марксисты твердокаменные. Эвальд о них не сказал ни одного обидного слова, хотя интересны они ему не были. Но в большинстве-то своём они были “прохиндеями”...” Слишком хорошо знал философ цену этому “прохиндейству”. И он же в своей докторской диссертации “К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики)” (в этой диссертации он ставил сверхзадачу “создать такое систематическое изложение материалистической диалектики, которое на деле (а не на словах только, во всех отношениях (по глубине и тонкости анализа) превосходило бы немецкую классическую философию”), опираясь на “критику разума” Канта, писал (а ранее наверняка проверял эту мысль на собеседниках), что “познание всегда осуществлялось и всегда будет осуществляться через полемику, через столкновения и борьбу полярно противоположных идей, взглядов, гипотез, теорий и понятий. Дело не в том, чтобы этот факт отрицать, и не в том, чтобы стараться от него избавиться. Дело может состоять только в том, чтобы борющиеся в науке “партии” были бы взаимно вежливы и взаимно уступчивы, а для этого – самокритичны. В этой ситуации возможен только один выход, достойный культурных людей – добиться того, чтобы законное стремление провести логично и систематически в исследовании определённый принцип не превращалось бы в параноическое упрямство, в догматическую слепоту, мешающую усмотреть “рациональное зерно” в суждениях теоретического противника, исходящего из полярно противоположной идеи. При условии “самокритичности” разум будет находить в критике противника средство своего собственного усовершенствования”.

Мы ещё увидим, как эти рассуждения не просто повлияли на Кожинова – как они, точнее говоря, сформировали многое в его внутреннем мире, в его творческой позиции.

Сам же Вадим в своих поздних воспоминаниях об Ильенкове, рисуя сложный, противоречивый (не боясь этих противоречий) целостный образ, акцентирует чрезвычайно важные для него ноты:

“Все, близко знавшие Ильенкова, наверняка помнят об исключительном значении музыки Вагнера в его жизни (конечно же, эта музыка существовала для него в нераздельном единстве с великой философией Германии). Мне, как – знаю – и другим, Эвальд неоднократно предлагал погрузиться вместе с ним в “Кольцо нибелунгов” и явно был готов, не прерываясь, слушать всю многочасовую оперную тетралогию (у него имелись её отличные грамзаписи)

до конца... Признаюсь, я (да и другие) не был способен на столь долгое погружение в эту напряжённую музыкально-философскую мистерию. К тому же лицо Эвальда воплощало в себе при этом такое полнейшее сопереживание, которое и захватывало, и как-то глубоко и даже тяжко тревожило..."

К слову: Пётр Палиевский, бывший ближе Кожинова знаком с Ильенковым и чаще у него бывавший, сказал мне в одном разговоре, что он всю вагнеровскую тетралогию выслушал до конца, и это было невероятным мыслительным, психологическим и физическим напряжением (Лев Науменко вспоминал, что Ильенков вёл о Вагнере долгие телефонные разговоры с Лосевым).

Но вернёмся воспоминаниям Кожинова:

"Я познакомился с Эвальдом Ильенковым, когда его философское предназначение вполне оформилось, откристаллизовалось; он воспринимался как человек, словно специально созданный для мыслительной деятельности. Его взгляд запомнился мне всегда тревожно устремлённым в безграничную ширь Мира и одновременно – в глубь мыслящего духа. Он был в чём-то похож, – по крайней мере, по моему впечатлению – на проникновенного мыслителя первой половины XIX века Ивана Киреевского, хотя это ни в коей мере не соответствовало его собственному, ильенковскому самосознанию. Перелистывая однажды в моём доме старинное собрание сочинений Киреевского, Эвальд высказался неодобрительно не только о его трудах, но и о выражении его лица на портрете...

...Здесь перед нами встаёт самая, пожалуй, сложная проблема ильенковской мысли. Он постоянно утверждал, что философия должна быть **теорией познания** – и только ею... Но я склонен полагать, что глубокой причиной стремления Ильенкова "ограничить" философию гносеологической проблематикой являлась не верность марксистскому завету и даже не убеждение в истинности такого понимания цели философии... Сведение философии к теории познания, к гносеологии не совпадало с целостной жизнью его духа, противоречило ей.

Он утверждал, например (убеждая, быть может, не столько собеседников, сколько самого себя), что проблема **смерти** – не философская, что её призвано осваивать **искусство** (та же музыка Вагнера!), а не мысль как таковая. Но он, без сомнения, глубоко и напряжённо мыслил и о смерти личности, и о конце человечества в целом, что подчас невольно обнаруживалось.

Так, в начале 1960-х он побывал на философском конгрессе в Вене и посетил там выставку "авангардной" живописи, которая произвела на него очень сильное впечатление, но не с точки зрения художества, искусства, а в качестве определённого симптома – симптома, если угодно, эсхатологического. Он говорил (и даже кратко написал) о том, что присущее множеству взявших в руки кисти людей подобное восприятие мира как распада, хаоса, **безобразия** (с ударением и на "о", и на "а") – являет собой предвещание близящегося всеобщего **конца**...

Я не ставлю вопроса о правоте либо неправоте этого умозаключения, порождённого венской экспозицией; я хочу только показать, что мысль Эвальда Ильенкова не была всецело поглощена разработкой гносеологических проблем (хотя в этом деле он не имел себе равных!)... Не сомневаюсь, что в нём всегда жило и развивалось глубокое и мощное осознание трагедийности бытия...

При всём том Ильенков настоятельно стремился заключить свои философские искания в рамки, в границы теории познания, в как бы всецело бесстрастное изучение **возможностей** приближения разума к объективной истине. И не так легко понять, чем это ограничение было вызвано...

Думаю, что тут была сугубо личная причина. Сам, если так можно выразиться, **мыслительный организм** Эвальда Ильенкова, неотделимый от всего его не только душевного, но и телесного существа, с такой чрезвычайной обострённостью, даже потрясённостью реагировал на основополагающие "роковые" темы человеческого бытия, <...> что, отдавшись им, этот организм мог как бы взорваться..."

Этот замечательный портрет Ильенкова был написан через много лет, через дымку времени, на том расстоянии, на котором можно было *увидать лицо к лицу.* Кожинов не случайно вспомнил реакцию Эвальда Васильевича на авангардную живопись. В конце 1950-х годов он сам пережил кратковременное, но чрезвычайно сильное увлечение ею. И не только ею.

* * *

Сейчас много кому может показаться удивительным, что Кожинов был первым организатором "домашней выставки" полотен Оскара Рабина и "представлял" на ней поэзию ещё одного "лианозовца" Игоря Холина, читавшего стихи, которые потом записывали и повторяли собравшиеся на это действо литераторы (как вспоминал Вадим Валерианович, их было более семидесяти):

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стене надпись: "Миру — мир!"

Во дворе Иванов морит клопов.
Он бухгалтер Гознака.
У Барановых — пьянка.
У Сидоровых — драка.

Это была, конечно, не поэзия, но стихотворный з н а к того времени, времени духовного полураспада в целом слое художественной интеллигенции, и Кожинов ещё тогда, может быть, не сознавая этого в полном объёме, ощущал необходимость подобного творчества.

Доклад на этой презентации делал Сергей Чудаков, ещё один инфернальный персонаж той эпохи, шокировавший и восхищавший одновременно окружающих своим стихотворчеством:

Ильич отсель наш агнец лысоватый
Был вундеркинд, а ныне экспонат.
Висел в петле его мятежный брат,
Играла мать кучкистские сонаты...

На том собрании Чудаков охарактеризовал и живопись Рабина, и стихи Холина как примеры нового стиля – стиля "баракко"... Присутствовавший там же Евгений Евтушенко, только набиравший настоящую популярность, потом благополучно перекроил это "одеяние" на самого себя – со временем у него вошло в привычку напяливать на себя чужие "одежды":

У барака учился я больше, чем у Пастернака.
Драка — это стихия моя.
И стихи мои в стиле "баракко".

Алексей Пузицкий вспоминал своё присутствие на этой "презентации": "Однажды он (Вадим. – **С. К.**) привёл меня на выставку картин О. Рабина, устроенную в большой квартире на набережной Москвы-реки. Картины поражали необычностью и мрачным взглядом художника на жизнь. Селёдочные скелеты на фоне чёрных бараков и ржавых консервных банок, и тому подобное. Всё это оценивала восхищённая богемистая публика, слонявшаяся из комнаты в комнату. Мальчики и девочки. Присутствовал сам автор. Увидел я и И. Холина, стихи которого так созвучны картинам. Всё необычно. Бог спас меня от этой компании, и я больше там не появлялся".

Это было отрицание не только прежнего искусства, но и породившего его всего прежнего бытия, что Вадим очень остро почувствовал. "Важно осознать (хотя мало кто это делает), – писал он впоследствии, – что авангардизм второй половины XX века явился своего рода *возмездием* авангардизму первой трети века, ибо последний отвергал "старый мир" (и его литературу), а "новый мир" (и его литература) оказался во многих отношениях намного или даже гораздо хуже..."

Кожинов же был организатором одного из первых (домашних) концертов Булата Окуджавы с его первыми песнями.

Интересно (и симптоматично одновременно), что ни Рабин, ни Окуджава никогда не вспоминали о роли Вадима Валериановича в их творческой жизни. Так же, как ни разу не упомянул о своём знакомстве с Кожиновым в обществе Ильенкова в своих, изданных уже за рубежом мемуарах и Шрагин.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

11 ноября 2018 года на Елисейских полях в Париже проходили торжества по случаю 100-летия окончания Первой мировой войны. В специальном павильоне возле Триумфальной арки сидели руководители восьмидесяти государств, президент Франции Эммануэль Макрон произнёс речь, молодёжный оркестр Европы под руководством дирижёра Василия Петренко исполнил "Болеро" Мориса Равеля, участника войны. Надо сказать, что речь Макрона была слишком уж продолжительной. Она явно утомила присутствующих гостей. И уже окончательно "добила" гостей музыкальная часть церемонии. Дело вовсе не в прекрасной, завораживающей своим ритмом музыке Мориса Равеля и не в дирижере с замечательным молодёжным оркестром. Всё же выбор музыкального номера был неудачным, не совсем уместным. Телевизионные камеры крупным планом показали лица высоких гостей, на них было жалко глядеть. Кто-то не выдержал и заснул. Меланья Трамп с лицом Мегеры уперлась лицом в беззастенчивые теле- и фотокамеры. Было хорошо видно, как ей плохо. И её нетрудно понять. Помимо интереса к ней самой, теле- и фото-папарацци нацелились на уснувшего с ней рядом старичка, какого-то монарха с Ближнего Востока. Молодцом был только наш президент. Он вперил свой взор в облака, да так и застыл в позе св. Себастьяна, принимающего мученичество. Я подумал, вот как здóрово учат наших разведчиков держаться при допросах с применением физического насилия. Именно так и надо смотреть разведчику, когда его пытают, чтобы враги не видели его страданий.

Нет, всё же зря Макрон выдумал такую процедуру торжеств. Он не учёл психологию и вкусы приглашённых гостей. Лучше бы пригласил Мика Джаггера или Пола Маккартни, или, уж если хотели акцентировать национальное, то Мирей Матье или кого-нибудь из более молодых известных шансонье (честно признаться, я не знаю кого-либо из молодых, кто бы был на равных по популярности с Шарлем Азнавуром или Джо Дассеном, Жаком Брелем или Гару).

Разумней поступила королева Великобритании Елизавета. На пятидесятилетие своей свадьбы она устроила концерт перед Букингемским дворцом 3 июня 2002 года, куда пригласила звёзд брит-попа. Брайан Мэй со своей львиной гривой исполнил гимн "Боже, спаси Королеву" на крыше Букингемского дворца. Это было очень эффектно. Свыше 200 миллионов человек во всем мире посмотрели этот концерт по телевидению, он был записан на диски.

Продолжение. Начало в №1, 5, 6 за 2016 год, №6, 8 за 2017 год, №2 за 2018 год и №1, 5, 6 за 2019 год.

Этот эпизод описан в моей любимой книге историка, профессора Гарвардского университета Тима Бленнинга “Триумф музыки. Композиторы, музыканты и их аудитории, от 1700 до наших дней”[1]. Замечательно, живо написанная книга повествует о том, как менялось в европейском обществе отношение к музыке, как менялась музыкальная аудитория. В третьей главе “Места и пространства” Бленнинг даёт представление о том, какой был пройден путь от “секуляризации общества и сакрализации музыки” в XVIII–XIX веках до демократизации музыкального пространства, как менялись помещения, где исполнялась музыка в Европе, – от церкви и дворца к стадиону, когда усилители и электроинструменты дали возможность охватывать звуком огромные площади, путь от Гевандхауса, Променад-концертов и фестивалей в Байройте, на *Arena di Verona* и вплоть до Вудстока.

Бленнинг в своей схеме смены пространств музыкальных событий исходил из представлений о публичной сфере Юргена Хабермаса[2].

Я вспомнил Бленнинга и Хабермаса не случайно. В истории нашей культуры есть одна загадочная история. Её точно сформулировал Тихон Хренников в своём малоправдоподобном рассказе, как он просил Хрущёва отменить Постановление 1948 года. Описывая свою якобы состоявшуюся беседу на премьере оперы “Мать” с главой партии (дело было в конце 1957 года, Хрущёв тогда ещё не стал Председателем Совета Министров), Хренников заметил: “И я Хрущёву говорю, что получается очень неприятная для партии вещь, потому что люди, которые в постановлении пригвождены как антинародные композиторы, – мировые корифеи. Это признано всем миром, а пятно остаётся на партии, которая высказалась о них в сорок восьмом году вот таким образом. И нужно обязательно что-то сделать, чтобы этого клейма на партии не оставалось. <...> Писатели до сих пор ничего не сделали, хотя было постановление о журналах “Звезда”, “Ленинград”, об Ахматовой, о Зощенко...”[3].

Вероятно, Хрущёв всё же не послушался совета Хренникова и Постановление 1948 года так и не отменил, о чём пойдёт речь дальше, но тут интересно замечание композитора, что “писатели... ничего не сделали”. И действительно, 28 мая 1958 года вышло Постановление ЦК КПСС “Об исправлении ошибок...”, касающееся музыки, а отмена или хотя бы исправление ошибок в Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года по поводу журналов “Звезда” и “Ленинград” в то время так и не последовало[4].

М. М. Зощенко был очень обижен, что композиторов реабилитировали, а его с Ахматовой так и оставили виноватыми. Конечно, не нужно было ему на встрече с английскими студентами сетовать на свою судьбу, на несправедливость, объясняться, что он в своих рассказах имел в виду дореволюционную, а не советскую Россию. Ахматова вела себя умнее наивного Михаила Михайловича[5]. Как известно, она уклонилась от вопроса о том, как она относится к Постановлению ЦК ВКП(б) 1946 года. И если А. Ахматову восстановили в 1951 году в Союзе писателей, то Зощенко не повезло. Правда, Хренников был не совсем прав. Всё же писатели пытались что-то сделать, но друзьям бедного Зощенко – ни Вс. Иванову, ни В. Каверину – не удалось уговорить правление Союза писателей СССР восстановить справедливость. Не помогли неоднократные попытки ряда ленинградских писателей, в том числе Веры Кетлинской, Ольги Берггольц, добиться отмены Постановления ЦК ВКП(б) 1946 года.

Вопрос состоит в том, почему так получилось, и вряд ли когда-нибудь его можно будет окончательно прояснить. Документально подтвердить какую-либо версию причины отказа невозможно. Письменных документов, скажем, записи в стенограмме какого-либо протокола заседаний Президиума ЦК КПСС, скорее всего, нет. Есть протоколы, отразившие внимание партийного синклита к роману Б. Пастернака “Доктор Живаго”, к воспоминаниям И. Эренбурга “Люди, годы, жизнь”, к В. Гроссману и А. Твардовскому, а вот по поводу Постановления 1946 года никаких следов в опубликованных повестках дня заседаний Президиума ЦК КПСС не сохранилось[6]. Это вовсе не значит, что наверху не было разговоров или обмена мнениями о нём, они могли и быть, но до решений дело не дошло.

Конечно, свою роль сыграло недоверие Хрущёва к писателям. Его известные выступления и речи явно свидетельствуют о его недовольстве романом В. Дудинцева “Не хлебом единым”, альманахом “Литературная Москва”.

Трудно представить, что он стал бы в 1957-1958 годах, после венгерских событий, давать такую поблажку писателям. Он наверняка понимал, что, отмени он Постановление 1946 года, западная пропаганда раздула бы очередной антисоветский костёр, а советские писатели могли бы подумать, что партия пошла навстречу либеральным умонастроениям, сильно распространённым в писательской среде после XX съезда КПСС. В советском обществе и народе нарастало недовольство, и в этих условиях литература могла стать опасной своими даже не оппозиционными настроениями, а всего лишь робкой критикой действительности[7].

Иное дело музыка. Она не была так опасна, как литература, смыслы и образы, заключённые в звуках, были не так понятны и не так точно определённы, как смыслы слов. Демократизация пространства музыки ещё не достигла соответствующей стадии, да и сама музыка, технология её передачи и распространения не давали возможности шагнуть ей на стадионы. Ещё было далеко до перехода с пластинок на компакт-диски[8], тем более борьбы форматов mp3 с iTunes[9]. Наконец, всё ещё сохранялась традиционная "буржуазная публичная сфера" (Ю. Хабермас). На музыкальном рынке классическая музыка ещё была свободно доступна, транснациональные компании ещё, что называется, не положили её в свой карман, не приобрели всех исполнителей и композиторов, ещё были частные антрепренёры вроде хорошо известного в СССР американского импресарио и продюсера Сола Юрока. К тому же светское общество, его истеблишмент ещё предпочитали классические симфонию и концерт, оперу и балет. Королева Великобритании Елизавета II наградила крупнейшего английского композитора Бенджамена Бриттена орденом Заслуг (1965) и титулом барона Бриттена из Олдборо незадолго до смерти композитора (1976). Лишь много позднее, уже в эпоху демократизации публичной сферы, в эпоху концертов на стадионах и миллионных тиражей компакт-дисков при ней Командором ордена Британской Империи (в 1996 году) стал популярный певец, рок-музыкант Элтон Джон, возведённый ею в рыцарство-бакалавриат 24 февраля 1998 года, давший ему титул "Сэр".

В середине пятидесятых годов симфонический концерт всё ещё сохранял свои высокие позиции, классическая музыка распространялась благодаря радио, постепенно осваивалась телевидением. В ходу были долгоиграющие (LP) пластинки и только-только набирающие свою аудиторию бобинные магнитофоны. Публичная сфера музыки по своим коммуникативным свойствам, по охвату аудитории намного превосходила публичную сферу литературы. Трудно себе представить, чтобы рассказы М. М. Зощенко, "Голубая книга" или "Сентиментальные повести", нашли широкого, массового читателя за рубежом. Как в те годы, да и ныне тоже. *Слушатель победил читателя*.

Советская пропаганда умело использовала музыку, музыкантов. Ещё до войны имели огромный успех за рубежом выступления знаменитого и великолепного по своему составу Ансамбля песни и пляски РККА под руководством А. Александрова. Музыка видных советских композиторов, ноты, позднее – механические записи постоянно распространялись по миру. Даже после Постановления 1948 года ноты сочинений "формалистов" Шостаковича, Хачатуряна, Прокофьева расходилась через ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

После смерти Сталина стали постепенно налаживаться культурные связи. И с каждым годом увеличивалось количество выезжающих на гастроли исполнителей, хоровых, оркестровых и танцевальных коллективов. В своих речах, выступлениях и отчётах весьма впечатляющие цифры роста количества выезжающих за рубеж советских музыкантов любил приводить министр культуры (с 1955 по 1960) Н. А. Михайлов[10]. Сначала ездили скрипачи, пианисты – Д. Ойстрах, Э. Гилельс. Зарубежные исследователи уже давно дотошно описывают все детали договоров, гонораров наших прославленных музыкантов, кто и с кем договаривался об их гастролях, о репертуаре[11]. Если внимательно присмотреться к политическим событиям тех лет, то нетрудно заметить, что гастроли наших артистов чаще всего предшествовали или совпадали с визитами в эти же страны делегаций высшего партийного и советского руководства.

В 1958 году зарубежные гастроли наших музыкантов приобрели буквально характер *инвазии*[12] – нашествия, особенно в Европу и США. За границей побывали Госоркестр СССР, балетные труппы Большого и Кировского театров, Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством

И. Моисеева, Госхор СССР под управлением А. В. Свешникова, дирижёры, скрипачи, пианисты, народные хоровые коллективы – всех не перечесть. И это далеко не случайно. Музыка в том году оказалась органично вписанной в политический ландшафт времени. *Слушатель был важнее читателя*...

31 декабря 1957 года Н. Хрущёв, Н. Булганин и К. Ворошилов направляют новогодние приветствия президенту США Дуайту Эйзенхауэру, королеве Великобритании Елизавете II, премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану и ряду глав других ведущих мировых держав, а также руководителям компартий и главам правительств соцстран. И во всех посланиях красной нитью проходит мысль о необходимости разоружения и диалога. Вот выдержка из послания Д. Эйзенхауэру: "Мы выражаем надежду, что наступающий год будет годом укрепления дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Соединённых Штатов Америки, годом, когда великие принципы мирного сосуществования, находящие всё более широкое международное признание, станут основой взаимоотношений между нашими государствами"[13]. Вариант этой же мысли находим и в послании королеве Великобритании Елизавете II: "Пользуясь этим случаем, мы хотели бы выразить надежду, что наступающий год принесёт исполнение чаяний наших народов, так же как и всех людей на земле, к обеспечению спокойной мирной жизни и плодотворного сотрудничества, избавит народы от тревоги за завтрашний день, за судьбы грядущих поколений"[14].

В новогоднем поздравлении советскому народу от партии и правительства, опубликованном 1 января 1958 года в первом номере газеты "Известия", можно найти следующие строки: "Пожелаем же, чтобы 1958 год был мирным годом, чтобы люди жили без волнений и страха за свою судьбу, за судьбу своих детей, жён и матерей. Путь для достижения этой цели – воплощение в жизнь всеми государствами принципов мирного сосуществования. Со своей стороны, Советский Союз не пожалеет сил для укрепления мира и безопасности народов и надеется, что другие государства тоже сделают всё, от них зависящее, для устранения угрозы войны"[15].

Третьего января 1958 года выходит очередной, третий номер газеты "Правда", на шестой странице которого помещена большая подборка разных материалов под рубрикой "*За решение международных проблем путём переговоров*", "*Мировая общественность за встречу Д. Эйзенхауэра с Н. С. Хрущёвым*". Через весь год идея разрядки напряжённости проходит красной нитью. Весь год главам ведущих государств мира из Кремля идут одно за другим письма, послания, ноты. Хрущёв весь год в своих бесчисленных интервью разным агентствам новостей и газетам говорит о необходимости проведения совещания в верхах с целью достичь разоружения, прекращения испытаний атомного оружия. Советский Союз идёт на сокращение численности вооружённых сил, на одностороннее прекращение испытаний атомной и водородной бомбы.

Но всё не так просто. Беспрестанно возникают очаги напряжения на Ближнем Востоке, в Сирии, в Йемене, в Иордании, следуют один за другим кризисы (берлинский, тайваньский), революции (в Ираке, на Кубе), идёт борьба за независимость в Африке. Везде заметна "рука Москвы", всем оказывается "братская помощь", везде американцы в пику Советскому Союзу создают "охранные зоны" вроде Багдадского пакта, организации АСЕАН на Дальнем Востоке. И, тем не менее, Хрущёв упорно продолжает настаивать на встрече с Д. Эйзенхауэром, на совещании представителей четырёх держав.

В этой ситуации музыка становится составной частью стратегии политики разрядки[16]. В свете этой политики в начале 1958 года было достигнуто Соглашение между СССР и США в области культуры, техники и образования, опубликованное 29 января 1958 года в газете "Правда". В разделе IV п. 1 было прописано: "С целью установления контактов, обмена опытом и большего ознакомления с общественной и культурной жизнью обеих стран советская сторона организует в течение 1958 года приглашения в Союз Советских Социалистических Республик групп американских писателей (5-6 человек), композиторов (5-6 человек), художников и скульпторов (3-4 человека), а американская сторона на основе взаимности организует приглашение в 1958 году в Соединённые Штаты аналогичных советских групп".

Соглашение не замедлило привести к первым результатам. 23 мая 1958 года в Москву приезжает, а в июне даёт концерт в Москве Леопольд Стоковский,

в конце мая москвичи могли познакомиться с искусством Филадельфийского оркестра под руководством Ю. Орманди. Летом того же года К. Кондрашин летит в США по приглашению Вана Клиберна, о чём пойдёт ещё речь. В следующем, 1959 году из Соединённых Штатов приезжает группа американских композиторов, ответный визит наносит делегация советских композиторов.

Мировым событием стала Всемирная выставка в Брюсселе. Советский Союз был весьма достойно представлен на этой первой после войны выставке. И сам павильон, лёгкий, воздушный, при своём грандиозном размере (25 тысяч кв. м) без фундамента покоившийся только на мачтах-опорах, внушительные 18 отделов (где были представлены советские наука и образование, промышленность, автопром, культура, соцбыт) произвели сильное впечатление на более чем 30 миллионов посетителей. Главной изюминкой была, конечно, копия первого искусственного спутника Земли. К тому же в космосе в это время летали второй, а затем и третий искусственный спутник. У американцев с космической программой в том году не ладилось. Их главная надежда – ракета "Атлас" – не взлетела, в павильоне США для неё оставили отверстие в крыше, но так и не поместили её на выставке.

Пропагандистский эффект от выставки был необыкновенно велик, не зря на неё были потрачены немалые силы и деньги. Помимо копии спутника, обратили на себя внимание и модели самолётов Ту-114 и Ил-18, вертолётов МИ-14 и КА-18, атомохода "Ленин". На высоте оказался Горьковский автомобильный завод. ГАЗ-21 был признан лучшим легковым автомобилем Европы, получил Гран-при. Было получено внушительное число высших призов, медалей. Выставку оформляли лучшие художники и скульпторы Советского Союза. Она вызвала целую цепочку культурных акций. В том числе и музыкальных. Выступали оркестровые, хоровые коллективы, солисты, музыканты-исполнители, танцоры. Всего в Брюссель приехало 560 человек артистов из 15 республик. Они выступали на самой выставке, в залах и на площадях Брюсселя, в других городах Бельгии. Принимали их везде, судя по прессе, восторженно. Событий было много, о некоторых из них пойдёт речь дальше.

И всё же главным героем, главным актором советского музыкального искусства в 1958 году стал не исполнитель, а композитор, Дмитрий Дмитриевич Шостакович. И это выдвижение также оказалось органично вписанным в стратегию культурной политики СССР в том году.

Сейчас трудно сказать, кто конкретно рекомендовал сделать ставку на Шостаковича, лично ли Хрущёв или кто-то другой из партийного руководства, в чьём подчинении находилась музыкальная жизнь, кто курировал непосредственно композиторов. Вероятно, подсказала сама жизнь, государственные интересы. Если внимательно проследить за событиями в музыкальной жизни СССР в 1958 году, то станет ясно, что Шостакович в том году становится не просто общепризнанным лидером советской музыки, но и творцом, который был необходим государству. И государство использовало его талант, его авторитет в своих пропагандистских целях, в представительской функции, сделало его активным участником своей культурной политики. Собственно, он таковым был и прежде, но после смерти Сталина был момент, когда его реноме было несколько поколеблено. Достаточно вспомнить, как годом ранее, на Втором съезде советских композиторов Хренников открыто критиковал Шостаковича за его Десятую симфонию, напоминал ему о его формалистических грехах, апеллируя к Постановлению 1948 года.

И вот в течение года всё преобразилось. Имя Шостаковича не сходит с газетных полос, журнальных страниц, не исчезает из радиопередач, сообщается о каждом событии, связанном с ним, освещается буквально каждый его шаг.

Сообщения – значительные и не столь уж значительные – начинаются с первых номеров центральных газет за 1958 год. В Москве в начале января проходит конкурс на детскую песню. 5 января в газете "Правда" появляется краткая информация о конкурсе, о том, что жюри возглавляет Д. Шостакович.

Просматривается некая "симфонія", согласованность между информацией политического характера и сведениями о композиторе.

7 января "Правда" публикует сообщение ТАСС "О новом сокращении вооружённых сил СССР". На следующий день в газете "Известия" на первой странице помещена по этому поводу передовица "Новое проявление доброй воли". На третьей странице размещено небольшое информационное сообщение

о создании в СССР Общества советско-германской дружбы и культурных связей (в 1958 году эти общества будут расти, как грибы, они сыграют немаловажную роль во внешней и культурной политике СССР). Помимо связей с ГДР, новое общество "будет стремиться всячески способствовать расширению культурного обмена и взаимной информации населения СССР и ФРГ о новейших достижениях науки и искусства этих стран, что значительно облегчит установление взаимопонимания между народами Советского Союза и населением ФРГ"[17]. Председателем общества был избран писатель К. Федин. Среди заместителей — Т. Хренников. А ниже под этим кратким сообщением помещена большая статья Д. Шостаковича "Ближе к народу!" К этой статье мы ещё вернёмся.

В тот же день 8 января газета "Правда" на шестой странице под рубрикой "Дневник искусств" рапортует: "В крупнейших залах Москвы с большим успехом прошли в этом концертном сезоне творческие отчёты А. Хачатуряна, В. Соловьёва-Седого, Д. Кабалевского, В. Шебалина, Д. Шостаковича, Г. Свиридова". И далее: "В концертных залах, в заводских и студенческих клубах выступили с исполнением своих сочинений Д. Шостакович, Т. Хренников, А. Хачатурян, Б. Кабалевский, М. Коваль, А. Новиков, А. Бабаджанян, О. Тактакишвили, С. Туликов, Н. Раков, З. Левина".

10 января в центральных газетах публикуются тексты Посланий Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина президенту Соединённых Штатов Америки Дуайту Д. Эйзенхауэру и премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану. Газеты "Правда" и "Известия" помещают комментарий к этим посланиям под названием "Предложения Советского правительства по вопросам ослабления международной напряжённости". А 15 января в газете "Известия" публикуется список кандидатур на соискание Ленинской премии 1957 года. В списке значится и Д. Д. Шостакович. Присуждение Ленинской премии, кандидаты на премию, работа секций, пленарные заседания Комитета — это особая тема, и мы посвятим ей позже несколько страниц. Это один из узловых моментов в истории советской музыкальной культуры 1958 года. Здесь только сразу отметим факт — премию получил Д. Д. Шостакович. От этого события потянутся нити ко многим другим событиям культурной (и не только) жизни того года.

Другой, также весьма значимый музыкальный момент 1958 года — проведение Первого международного конкурса пианистов и скрипачей им. П. И. Чайковского. И это весьма существенное, незабываемое событие тоже окажется связано с Д. Д. Шостаковичем.

Старшие поколения наверняка помнят первый международный конкурс пианистов и скрипачей им. П. И. Чайковского. Это было событие отнюдь не менее значимое и не менее популярное, нежели зимняя олимпиада–2014 в Сочи или чемпионат мира по футболу в 2018 году. За конкурсом следила без преувеличения вся страна. Газеты, радио практически ежедневно передавали сводку новостей из Московской консерватории, знакомили советских любителей музыки с именами конкурсантов. В Большой зал консерватории невозможно было попасть не только на прослушивания очередных туров, но даже на репетиции. На открытии и закрытии конкурса присутствовал почти весь Президиум ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущёвым, министры, депутаты Верховного Совета СССР, многочисленные представители дипкорпуса. Почётным гостем конкурса была королева Бельгии Елизавета. Обаятельный американский пианист Ван Клиберн стал не то, что звездой, а просто кумиром советских любителей музыки. Он понравился и жюри, и многочисленной публике, его хвалили критики. На церемонии награждения победителей конкурса Никита Хрущёв лично поздравил Вана Клиберна; сохранился снимок, на котором изображён довольный, улыбающийся глава компартии и государства[18], жмущий руку смущённому американцу[19].

Д. Д. Шостакович принимал деятельное участие в работе конкурса в качестве главы оргкомитета.

Предыстория конкурса стала известна сравнительно недавно. Историку Л. Максименко удалось выяснить, что идея конкурса восходит к 1951 году. Как считает учёный, "есть основания полагать, что её автором был лично Сталин"[20]. Зная неравнодушное отношение вождя к Шостаковичу, это вполне возможно предположить. Во всяком случае, мысль о проведении конкурса в рамках праздника музыки, равно как и кандидатура Д. Шостаковича в качестве председателя оргкомитета, была одобрена генералиссимусом.

Эту идею не удалось воплотить при жизни Сталина. О ней вспомнили уже при Хрущёве после XX съезда. Президиум ЦК КПСС принимает 30 июля 1956 года постановление "О проведении в г. Москве Международного конкурса пианистов и скрипачей им. П. И. Чайковского" и утверждает дату его проведения – в марте-апреле 1958 года. Был рассмотрен вопрос о персональном составе оргкомитета и утверждена кандидатура Д. Шостаковича в качестве председателя оргкомитета.

В печати все время сообщалось о работе оргкомитета, о разного рода событиях в связи с конкурсом, о работе жюри, о предварительных прослушиваниях, о каждом туре самого конкурса[21].

Перед конкурсом и во время его проведения события культурной жизни в Москве тесно переплелись с событиями в стране и далеко за её пределами в необыкновенно пёстрый клубок. Тем не менее, все они или, по крайней мере, самые важные оказались в стройном согласии и логически связанными между собой. И Шостакович оказался в центре этих событий.

Об этом ясно говорит хроника тех дней.

В конце января Шостакович вместе с квартетом им. Бетховена находится в Болгарии. Музыканты исполнили в Софии квартеты Шуберта, Чайковского и Шостаковича[22]. Помимо квартета, в Софии был исполнен Второй фортепианный концерт Шостаковича. Солировал сам автор[23]. В это же время на сцене Софийского оперного театра шла опера С. С. Прокофьева "Война и мир". 18 января в газете "Советская культура" помещается рецензия на этот спектакль болгарского композитора Г. Димитрова. Отношения с Болгарией, как и с другими восточноевропейскими странами социалистического лагеря, были очень важны для СССР.

Культурным связям с социалистическими странами придавалось большое значение. Особенно после венгерских и польских событий лета и осени 1956 года. 20 января 1958 года в газете "Правда" публикуется пространная статья Г. Можаева "Культурное сотрудничество социалистических стран". В статье декларируется "идейная общность национальных культур братских народов стран социализма на основе незыблемых принципов марксизма-ленинизма", которая "обеспечивает яркий расцвет духовной жизни социалистических наций, способствует быстрому росту общего фонда социалистической культуры"[24].

Конечно, культура была лишь как "гарнир", как аккомпанемент к стратегическому партнёрству со странами Варшавского договора. В начале мая 1958 года в Софии состоялись переговоры между партийно-правительственными делегациями Польши и Болгарии, которые солидаризировались с предложением СССР о созыве конференции на высоком уровне для обсуждения узловых вопросов международного положения. В конце мая 1958 года Болгария приняла участие в Совещании коммунистических партий стран-членов СЭВ, состоявшемся в Москве. Там же 24 мая 1958 года болгарская делегация принимала участие в совещании Политического консультативного комитета стран Варшавского Договора. Со 2 по 7 июня в Софии проходил VII съезд БКП. На съезд приехала внушительная партийная делегация во главе с Н. Хрущёвым.

29 января "Известия", а на следующий день – "Правда" печатают текст Соглашения между США и СССР в области культуры, техники и образования. 30 января "Советская культура" тоже печатает текст этого Соглашения на четвёртой странице, а на первой помещает ответ товарища Н. А. Булганина на вопрос корреспондента газеты "Известия" по поводу этого Соглашения. В этом же номере газета даёт подборку "Американская печать о выступлении советского пианиста" – о гастролях Э. Гилельса в США. Одновременно с этим в том же номере в рубрике "Концертный дневник" помещена рецензия об исполнении ГСО Союза ССР под управлением К. Иванова 11-й симфонии Шостаковича[25]. Здесь же дана информация о гастролях французской скрипачки Мишель Оклер в Москве и Ленинграде. С оркестром Московской государственной филармонии лауреат конкурса Жака Тибо и Маргариты Лонг Оклер играла скрипичный концерт Чайковского. Дирижировал Кирилл Кондрашин.

Каждый номер газеты, как правило, скрыто несёт в себе некую концепцию дня и проекцию на будущее. Данная проекция стала понятной в дальнейшем.

Насыщенным информацией оказался номер 37 газеты "Правда" за 6 февраля. На первых двух страницах публикуется список лиц, выдвинутых на выборы в депутаты Верховного Совета СССР. Хрущёв планировал низложение

Н. А. Булганина с поста Председателя Совета Министров провести на сессии Верховного Совета СССР, но уже в новом составе. Здесь же на первой странице сообщалось о движении второго искусственного спутника Земли. Эта была постоянная информация, переходящая из номера в номер.

На третьей странице публикуется статья секретаря ЦК БКП Станко Тодорова, министра сельского хозяйства[26]. Болгарская линия получает продолжение на третьей странице этого номера "Правды". Под рубрикой "Народы приветствуют мирное послание Советского Союза. Зарубежные отклики на Послание Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина президенту США Д. Эйзенхауэру" помещена короткая заметка "Реальный подход к современной обстановке". И здесь голос болгарских коммунистов созвучен политическому курсу КПСС: "СОФИЯ, 5 февраля. (Соб. корр. "Правды") – "Нависшие над миром облака должны быть рассеяны". "Конкретные шаги", "Самый короткий путь к миру" – под такими заголовками центральные газеты публикуют редакционные статьи и комментарии по поводу Послания Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина президенту США Д. Эйзенхауэру. Болгария не уходит на периферию весь 1958 год.

Здесь же помещено "Заявление Эйзенхауэра на пресс-конференции", из которого следует, что президент США ещё не готов вступить в диалог с СССР (а без согласования с членами НАТО США не могут в одностороннем порядке убрать из Европы ядерное оружие) и что он обсуждает с Даллесом, каким образом можно сделать совещание плодотворным и какие вопросы обсуждать на совещании. Из интервью генерала было ясно, что его беспокоит больше всего контроль над межконтинентальными ракетами и германский вопрос. Этот вопрос угрожающе висел облаком ядовитого дыма в политической атмосфере 1958 года. В конце года он обрёл очертания "берлинского кризиса" и получил разрешение значительно позже, когда была построена Берлинская стена. Правительство СССР вело постоянную переписку с канцлером Аденауэром, контакт с ФРГ был очень важен. И опять-таки культура, музыка были, говоря бюрократическим языком, задействованы, не случайно в том году было создано Советско-германское общество дружбы и культурных связей.

На четвёртой станице газета дала отчёт о пресс-конференции советских и иностранных журналистов, на которой выступил генеральный комиссар советской секции на Всемирной выставке 1958 года в Брюсселе Д. А. Рыжков. Он упомянул Послание Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина премьер-министру Бельгии А. Ван Аккеру, в котором говорилось, что выставка "будет способствовать расширению контактов между народами и ослаблению международной напряжённости".

Комиссар подробно рассказал о том, что будет показано в советском павильоне, отметив, в первую очередь, модели первых искусственных спутников Земли. Из его слов было видно, что 18 разделов павильона СССР дадут возможность широко познакомиться как с достижениями в науке, промышленности, так и с жизнью советских людей. Не забыл Рыжков сказать о культурной программе. Советский Союз будет участвовать в международных павильонах – Дворце науки и Дворце искусства. Советское сценическое искусство будет широко показано в Брюсселе в период выставки и особенно в "национальные дни" СССР – 11, 12 и 13 августа 1958 года. Балетная труппа Большого театра СССР, Ансамбль народного танца СССР под управлением И. Моисеева, Государственный цирк, Русский академический хор под управлением А. Свешникова, Государственный украинский народный хор, а также выдающиеся солисты и исполнители продемонстрируют своё искусство посетителям выставки.

Ниже, под информацией о пресс-конференции Д. А. Рыжкова помещена короткая заметка "К Международному конкурсу пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского". В заметке сообщается, что "5 февраля коллегия Минкультуры СССР обсудила вопросы подготовки к конкурсу". И далее сообщается о составе участников. "В конкурсе примут участие 21 скрипач из 13 стран и 42 пианиста из 18 стран. В числе зарубежных исполнителей – музыканты Австралии, Албании, Англии, Аргентины, Болгарии, Венгрии, ГДР, Израиля, Испании, Канады, Китая, Кореи, Мексики, Польши, Португалии, Румынии, США, Франции, ФРГ, Чехословакии, Эквадора, Японии".

И в самом низу четвёртой страницы помещено совсем короткое сообщение под заголовком "Неудачная попытка в США запустить второй искусственный спутник Земли".

Обычный читатель газеты мог и не догадываться о скрытом смысле концепции этого номера газеты. Его понимали те ЦКовские "мойры", которые плели судьбоносные нити того года, кто планировал акции, кто писал партитуру будущих событий. Пожалуй, только последнее сообщение о неудаче американцев содержало нечто непредвиденное.

Д. Д. Шостакович с блеском справился с ролью своеобразного "мажордома" конкурса. Он постоянно давал интервью, приветствовал участников на открытии, встречал королеву Бельгии Елизавету, был на приёмах у К. Е. Ворошилова, устроенных по случаю приезда и отъезда королевы из Москвы. Королеву принимал Хрущёв, придавая её визиту большое значение. К дням СССР на Всемирной выставке в Брюссель прилетел Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов. Его встречал король Бельгии Бодуэн I. Ворошилов побывал на выставке и выступил с речью в советском павильоне. Его выступление транслировалось по телевидению, местные СМИ обстоятельно отреагировали на эту речь[27].

Музыка Шостаковича прозвучала в Брюсселе. Фанфары популярной "Праздничной увертюры" возвестили начало гала-концерта в первый из Национальных дней СССР на площади перед советским павильоном при стечении 20 тысяч зрителей. Специальный корреспондент газеты "Советская культура" начал свой отчёт панегириком Шостаковичу: ""Праздничная увертюра" Дмитрия Шостаковича как бы специально создана для звучания на массовых народных празднествах, торжественных шествиях, объединяющих тысячи людей. Выдающийся советский композитор успешно продолжил здесь традиции Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова и других классиков русской музыки, созданные ими в этом жанре. Музыка "Праздничной увертюры" сверкает, искрится, блещет, заражает весельем, задором, эмоциональным подъёмом. И когда Государственный симфонический оркестр СССР под управлением Константина Иванова великолепно, с большим темпераментом сыграл сочинение Шостаковича, это сразу придало праздничный, приподнято-торжественный характер всей первой программе показа советского искусства на Всемирной выставке в Брюсселе, с большим успехом исполненной вчера в первый раз перед многочисленными зрителями"[28].

13 августа Госоркестр СССР под управлением К. Иванова во Дворце изящных искусств дал авторский концерт Д. Д. Шостаковича. Были исполнены его Второй концерт для фортепиано с оркестром (солист – Дмитрий Паперно) и 11-я симфония. Королева Бельгии и К. Е. Ворошилов присутствовали на концерте, который, как сообщали газеты, "прошёл с огромным успехом". Помимо этого концерта, Госоркестр под руководством К. Иванова дал ещё один во Дворце изящных искусств с программой из произведений П. И. Чайковского. Были исполнены 5-я симфония, Итальянское каприччио и Первый фортепианный концерт. На исполнение концерта был специально приглашен Ван Клиберн. Так конкурс имени П. И. Чайковского получил своё продолжение в Брюсселе, обретя политический подтекст.

8 февраля Н. С. Хрущёв беседовал с западногерманским издателем Акселем Шпрингером и главным редактором газеты *Die Welt* Гансом Церером, и в который раз затронул вопрос о разделённой Германии[29].

В тот же день Хрущёв устроил приём в Большом Кремлёвском Дворце. Как обычно, он произнёс длинный спич, говорил об успехах советского искусства, упоминал и композиторов: "В творчестве наших композиторов, в музыкальном театре есть много ценного и интересного. Здесь чувствуется многообразие талантов, широта художественных исканий. Очень радует, что музыка развивается у нас на здоровой национальной основе, что наши композиторы идут вперёд в своём творчестве, создают близкие и понятные народу произведения"[30]. Советской музыке посвятил своё выступление П. Н. Поспелов и затем предоставил слово нашему герою. Привожу его слово в изложении, опубликованном в газете "Правда". "Выдающийся советский композитор Д. Д. Шостакович говорил, что в истории музыкального искусства не было ещё таких замечательных условий для расцвета таланта, мастерства и искусства композиторов, какие существуют сейчас. Советские композиторы за последние годы создали много отличных, превосходных произведений. Особенно "урожайным" был юбилейный 1957 год. К нашему великому юбилею, к нашему радостному празднику советские композиторы создали ряд превосходных произведений. "Я не буду говорить здесь о тех замечательных

условиях, которые создали нам Коммунистическая партия и Советское правительство, о всех тех материальных заботах, которые партия и правительство оказывают советским композиторам. Я хочу сказать о повседневном отеческом, внимательном, чутком руководстве нашим музыкальном искусством".

Д. Д. Шостакович провозгласил здравицу в честь Коммунистической партии Советского Союза и её ленинского Центрального Комитета, в честь родного Советского правительства, великого советского народа. Знаменательно, что Шостакович произнёс свой тост в преддверии своеобразного юбилея — десятилетия выхода в свет Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года "Об опере "Великая дружба" В. Мурадели"[31].

Обычно с таким ритуальным тостом на приёмах у Хрущёва выступал Т. Н. Хренников. Но в 1958 году эта традиция была нарушена. И далеко не случайно. Как правило, слово Хренникову на такого рода приёмах предоставлял Д. Т. Шепилов, главный меломан среди членов и кандидатов Президиума ЦК КПСС, покровитель советских композиторов и живописцев. Но, как заметил в своей статье "Октябрь и искусство. Заметки художника" Евгений Вучетич, "антипартийная деятельность Шепилова нанесла немалый вред искусству и литературе"[32].

В этом же номере газеты "Правда" помещена маленькая заметка Г. Свиридова "Виртуозная игра Д. Ойстраха". В 1958 году газеты практически не давали статей, посвящённых номинантам конкурса на Ленинскую премию. Рецензия Г. Свиридова была одним из редких материалов, проникших в прессу. Не знаю наверняка, но догадываюсь, что Свиридов это сделал по просьбе Д. Д. Шостаковича, горячо поддерживавшего Д. Ойстраха в Комитете по Ленинским премиям. Дмитрий Дмитриевич вероятно и "устроил" заметку Свиридова в газете ЦК КПСС. Ойстрах много сделал для пропаганды музыки Шостаковича. С Первым скрипичным концертом он гастролировал во многих странах мира. Но программа рецензируемого Свиридовым концерта состояла из сочинений иностранных композиторов XVIII–XX веков. Дж. Тартини, Ц. Франка, Р. Шумана, К. Шимановского и П. Владигерова. Впрочем, был и ещё один повод написания этой рецензии, о чём ниже.

10 февраля под председательством Н. С. Тихонова состоялось заседание пленума Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства. Было закончено предварительное рассмотрение кандидатур, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1958 года. Отобрали 34 кандидатуры. В субботу 15 февраля в газете "Известия" был опубликован список кандидатов. Этот список в сравнении со списком, опубликованным ранее, в январе, значительно "похудел". В области музыкального искусства вместо 13 осталось 8 кандидатур, отсекли практически всех исполнителей, из 9 кандидатур музыкальных спектаклей, проходивших по секции театрального искусства, осталось всего четыре.

Подготовка и проведение конкурса им. П. И. Чайковского и работа Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства шли параллельно. К истории присуждения Ленинской премии мы ещё вернёмся, сейчас проследим за конкурсом имени П. И. Чайковского и обстановкой, в которой он проходил.

Никита Сергеевич Хрущёв никак не мог успокоиться после устроенного им приёма в Кремле. Газеты печатали славословия в адрес КПСС, цитировали первого секретаря. Выражали своё согласие с линией партии и писатели на Четвёртом пленуме Правления Союза писателей СССР, который проходил в Москве 11 и 12 февраля, и актёры В. Пашенная, П. Кадочников и др.[33].

Особенно старались выразить лояльность писатели. В своём докладе на писательском пленуме Н. Тихонов не забыл отметиться: "В последний период некоторые литераторы попали в туман идейных шатаний, проявили склонность к ревизионизму перед лицом атак со стороны зарубежных врагов социалистической литературы, поставивших под сомнение целую четверть века её истории и ополчившихся против социалистического реализма"[34].

Пройдёт ещё немного времени, и вопрос о присуждении Б. Пастернаку Нобелевской премии за роман "Доктор Живаго" будет обсуждаться на Идеологической комиссии ЦК КПСС, о чём, конечно, было известно Хрущёву[35]. Какая уж тут отмена Постановления Бюро ЦК КПСС от 14 августа 1946 года "О журналах "Звезда" и "Ленинград"! В верности социалистическому реализму писатели будут клясться весь год — и на пленумах, и на Третьем съезде

писателей СССР. Не говоря уже о разгоревшемся в конце года скандале с присуждением Нобелевской премии Б. Пастернаку. Да, явно в 1958 году *музыка* для советского государства была важнее *литературы*.

Газета "Известия" от 13 февраля поместила официальный материал о контактах советского посла в Великобритании А. Я. Малика с председателем комитета Британского совета по установлению культурных связей с СССР К. Мейхью. Ещё 20 декабря 1957 года между ними состоялся обмен мнениями по вопросу об организации некоторых мероприятий в области культурных связей между Советским Союзом и Великобританией. 11 февраля 1958 года Малик сделал Мейхью заявление, что СССР готов обсуждать этот вопрос, и, между прочим, сказал, что ещё в октябре прошлого, 1957 года был согласован план культурного обмена с Францией, а также упомянул существование договора между СССР и США об обмене в области культуры и техники. Мэйхью обещал А. Я. Малику, что он рассмотрит его заявление. Увы, так в том году и не удалось договориться с Британским советом. Общая ситуация в отношениях между двумя странами складывалась неблагополучно. Это, между прочим, отразилось и на культурном обмене. Возможно, не наладившиеся связи с Британским советом омрачили пребывание Д. Д. Шостаковича в Лондоне во время его поездки в Англию на вручение ему почётного звания доктора *honoris causa* в конце июня 1958 года. Не помогло и создание общества "СССР – Великобритания" во главе с поэтом А. Сурковым в качестве председателя.

Между тем, перед выборами в Верховный Совет СССР газеты усиленно воскуривали фимиам Хрущёву. 15 февраля газета "Советская культура" напечатала подборку выступлений музыкантов под общим заголовком "Советская интеллигенция и впредь будет с честью выполнять свой долг перед народом". Впервые в том году в центральной газете отметился глава Союза композиторов СССР. Вынужденный уступить Шостаковичу право произнести здравицу в честь КПСС на встрече в Кремле, теперь он мог лишь подавать "голос из хора": "Советские композиторы и музыканты, исполнители счастливы, что их творческая деятельность так высоко оценена Центральным Комитетом нашей партии. Те сердечные, тёплые слова, которые прозвучали в выступлениях товарищей Н. С. Хрущёва и П. Н. Поспелова на приёме в честь народной интеллигенции, зажигают наши сердца большим творческим горением, рождают непреодолимое желание добиваться новых и новых успехов"[36]. Что называется, во чужом пиру похмелье...

Вероятно, скрытая обида побудила Тихона Николаевича не упомянуть выступление своего коллеги на том "пиру", но наш главный герой не заставил себя ждать. В этом же номере газеты "Советская культура" помещена рецензия на авторский концерт Шостаковича, исполненный Госоркестром СССР под управлением А. Гаука в Большом зале Московской консерватории. В программе были "Праздничная увертюра", 2-й фортепианный концерт (солировал автор) и 11-я симфония. Именно с этой программой Госоркестр отправился в августе в Брюссель на Всемирную выставку. К тому же, в это время уже работал Комитет по Ленинским премиям, на секциях шёл отбор сочинений.

Критик Е. Постникова, стремясь представить Шостаковича как автора музыки, открытой для самой широкой демократической аудитории, отмечала: "Д. Шостакович не случайно поместил рядом в программе "Праздничную увертюру", Второй фортепианный концерт и Одиннадцатую симфонию. Эти разные по характеру и масштабу произведения были одинаково горячо приняты слушателями. Разве это не лучший ответ тем односторонним "почитателям" Д. Шостаковича, которые судят о композиторе предвзято, признавая в нём лишь художника монументальных философских концепций и не замечая иных прекрасных черт его выдающегося таланта?!"[37]. Односторонние "почитатели" наверняка были удивлены в том году – Шостакович "одарил" их опереттой.

В следующем номере той же газеты "Советская культура", вышедшем во вторник 18 февраля, на первой странице помещена передовица "Больше смелости в исканиях". Это фраза из выступления Хрущёва в Кремле на встрече с интеллигенцией. В передовице она приводится полностью. "В своём выступлении на приёме в Большом Кремлёвском Дворце тов. Н. С. Хрущёв сказал: "Чего хочется пожелать нашим писателям, деятелям театра, кино, музыки, изобразительного искусства? Больше смелости в исканиях, больше внимания

к жизни, к людям! Настойчивее обращайтесь к современности. Иногда у нас слишком увлекаются прошлым, что особенно сказывается на репертуаре некоторых театров. Художник, пытающийся уйти от современности, от её больших тем, неизбежно отрывается от жизни, уходит от большого искусства". И хотя слова первого секретаря КПСС обращены ко всем деятелям искусства, сама передовица была посвящена театральному миру. "Деятелям театра из этого справедливого и глубокого замечания следует сделать серьёзные практические выводы".

Вслед за передовицей на той же первой странице газеты помещено Обращение IV пленума Правления Союза писателей СССР к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Читать это обращение откровенно горько. Трудно найти иное слово, нежели лакейство. Рефреном звучат слова "партия помогла", панегирик партии соединяется с поклонами в пояс в холопской благодарности: "Обозревая пройденный литературой путь, мы хотим выразить благодарность партии и её Центральному Комитету за ту поддержку, которую она неизменно оказывала писателям в борьбе со всеми, кто пытался посеять среди нас идейный разлад. Она помогла нам в борьбе с чуждыми, антисоциалистическими, ревизионистскими влияниями, проникающими к нам из империалистического лагеря, в борьбе за чистоту советской, ленинской идеологии. Целая серия бесед с писателями и деятелями искусств, проведённых в Центральном Комитете партии, ряд выступлений Первого Секретаря ЦК товарища Н. С. Хрущёва по насущным вопросам развития литературы и искусства способствовали консолидации литераторов на принципиальной идейной основе".

Как ни крути, но музыкантам было в это время несравненно легче. Конечно, ярмо партийной опеки лежало и на них, и им приходилось славить КПСС, и всё же, когда сравниваешь литературную и музыкальную жизнь в 1958 году, заметна существенная разница в положении писателей и музыкантов. *Слушатель явно побеждал в том году читателя...*

События в культурной и политической жизни страны к концу февраля и в начале марта развивались всё быстрее и быстрее, причём с синхронной точностью.

19 февраля открылась Всесоюзная конференция советских Обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В 1958 году этих обществ заметно прибавилось, они возникали по мере усиления или налаживания новых контактов с разными государствами. В 1958 году на эти общества легла большая нагрузка. В том числе и на общество советско-австрийской дружбы, которое возглавлял Д. Д. Шостакович. Летом СССР посетил президент Австрии Юлиус Рааб, в Москве шли переговоры на высшем уровне. Осенью в Вену прибыл Шостакович в качестве главы общества. Этот визит не сопровождался концертами и носил дипломатический характер[38]. КПСС удостоил конференцию обществ дружбы приветствием, что говорило о её уровне. Газета "Советская культура" 20 февраля опубликовала это приветствие и обращение конференции к КПСС.

22 февраля "Правда" проинформировала о решении оргкомитета конкурса имени П. И. Чайковского по составу жюри конкурса. Жюри по конкурсу пианистов возглавил Эмиль Гилельс, у скрипачей – Давид Ойстрах. Оба – старые знакомые королевы Бельгии Елизаветы. Она вручала им премии лауреатов конкурса имени Изаи, проходившие до войны под её патронатом (в 1938 году – Эм. Гилельсу и в 1937 году – Д. Ойстраху). Так что Свиридов не зря писал рецензию на концерт Давида Ойстраха, которого композитор – весьма взыскательный к музыкантам – по-настоящему ценил.

25 февраля в газете "Советская культура" опубликовано Обращение Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов и Обращение ВЛКСМ по поводу предстоящих выборов в Верховный Совет СССР. Тема выборов станет ведущей внутриполитической темой СМИ – Хрущёв придавал большое значение этим выборам, он готовился взять в свои руки полную власть в стране, быть уже не только главой КПСС, но и главой правительства. Все дни в конце февраля и в начале марта в преддверии выборов газеты постоянно публиковали воззвания, лозунги, передовицы с подробными разъяснениями внутренней политики партии, с описанием достижений народного хозяйства, особенно в области сельского хозяйства, а также отчёты кандидатов перед избирателями. Среди кандидатов были и композиторы. В газете

“Советская культура” 27 февраля в рубрике “Наши кандидаты” публикуется заметка о В. П. Соловьёве-Седом.

В дни пленума развернулась мощная пропагандистская кампания по сельскому хозяйству. Хрущёв готовил одну из своих самых решительных реформ в этой области — он намеревался передать колхозам и совхозам всю технику из машинно-тракторных станций. Эта затея, как показало время, была одной из крайне неудачных. Впрочем, это обнаружилось позднее. А Хрущёв придавал этой акции большое значение.

Ей был посвящён февральский пленум ЦК КПСС. Сам Первый секретарь выступил с большим докладом “О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций”. По этому докладу 26 февраля было принято соответствующее Постановление ЦК КПСС. В этот день газета “Правда” информировала о награждении большого отряда сельских тружеников Казахстана. 27 февраля та же газета “Правда” половину номера посвятила сюжету присвоения звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства Украины.

В этом же номере газеты был опубликован доклад Н. В. Подгорного “К новому подъёму сельского хозяйства Украины” и “духоподъёмная” статья о победах в развитии экономики в странах социализма.

В эти дни начала свою работу Всесоюзная конференция работников кино. Она стартовала 27 февраля просмотрами фильмов. Надо сказать, что советский кинематограф второй половины 1950-х годов обогатился рядом выдающихся по любым меркам произведений. Пожалуй, кинематограф в 1958 году был на особой высоте, и в этой области искусства достижения были не менее значимы, нежели в музыке. Достаточно сказать, что кинофильм “Летят журавли” в том году получил высшую премию престижного фестиваля в Каннах. Жорж Садуль делился впечатлениями от просмотра этого фильма и свидетельствовал о том, что Жорж Орик, Жан Кокто и Пабло Пикассо не скрывали слёз во время его просмотра[39].

На конференции выступали с докладами ведущие кинорежиссёры, актёры, киноведы. С. Герасимов выступил с докладом “Проблемы актёрского мастерства в советском киноискусстве”[40], Е. Габрилович посвятил свой доклад состоянию и проблемам советской кинодраматургии[41], М. Ромм говорил о проблемах режиссёрского мастерства. Ведущим был И. Пырьев.

Отсутствовала там только одна тема — киномузыка. Правда, перед началом работы конференции в газете “Советская культура” была опубликована подборка статей под рубрикой “К Всесоюзной творческой конференции работников кино. Песня в фильме”. Выступили — вполне нейтрально — композитор А. Новиков, кинорежиссёр Г. Александров, поэт А. Фатьянов. Только поэты Е. Долматовский и Л. Ошанин позволили себе высказать своё мнение о ситуации с песней. Долматовский осторожно заметил: “С грустью мы признаём, что искусство песни в картине, искусство, которым славилось наше кино в прошлые годы, за последнее время увяло”. И лишь Л. Ошанин выступил с определённой позицией и указал конкретно, в какой ситуации находится жанр песни.

Этот жанр всегда был предметом особого внимания как со стороны общества, так и со стороны государства. Но в середине 1950-х годов, особенно после Московского фестиваля 1957 года в песенном жанре стали происходить существенные перемены, это была настоящая интонационная революция. Профессиональные композиторы ощутили это первыми и начали серьёзный разговор на эту тему. В начале января Д. Д. Шостакович выступил с большой статьей, где поднял эту проблему отдельно, что делал очень редко. В сентябре в газете “Правда” о том же написал Г. Свиридов.

Оценка Л. Ошаниным состояния советской песни в 1958 году может показаться излишне суровой, ригористичной. И, хотя в этой оценке сказалось и характерное для него в тот момент положение официально признанного советского поэта, тем не менее, в его словах была известная доля правды.

Вот что написал автор знаменитой песни “Дороги” в своей статье: “Советской песне приходится в наши дни выдерживать очень трудную борьбу с проникающей к нам западной песней, в частности, с особенно модной сейчас южноамериканской песней. Мы можем конкурировать с этой песней, создавая свои в том же духе, можем решительно противопоставить ей нашу, советскую

песню, имеющую большие традиции. В первом случае это неизбежно будет подлаживанием под чужой вкус. Сохранить и развивать традиции советской песни – вот наша задача. Но разговоры о высоком качестве на практике часто уживаются с тем, что торжествуют произведения невысокого вкуса. В этой связи мне хочется вспомнить некоторые песни А. Лепина. Это, несомненно, талантливый композитор, у него бывают удачи (например, песня из <фильма> "Солдат Иван Бровкин" – "Если б гармошка умела...")". Но если он окончательно пойдёт по пути песен из "Карнавальной ночи", это не приведёт его на широкую дорогу подлинного творчества. А между тем, на "Мосфильме" к песням такого рода относятся, как к музыке высшего класса. Дурным вкусом отличаются песни в новой комедии "К Чёрному морю". М. Матусовский, автор текстов этих песен, человек талантливый, но за последнее время он стал писать хуже, а пишет всё больше и больше. То же происходит и с В. Коростылёвым. Он удачно начал работать в кино, однако когда человек пишет подряд 10–12 песен, это не приводит к добру. Иногда пытаются противопоставить песню лирическую и гражданскую. Часто упрекали, например, А. Фатьянова в том, что он, лирик, далёк от гражданской темы, пишет пустячки и т. п. А сейчас песни Фатьянова несут ярко выраженное общественное содержание. Я имею в виду песню из фильма "Весна на Заречной улице". Это настоящая лирическая песня, проникнутая гражданским пафосом, чуждая псевдолирическим произведениям, каких у нас, к сожалению, ещё очень много"[42]. К оценке музыки к кинофильму "К Чёрному морю" мы ещё вернёмся в связи со статьёй Свиридова.

Возвращаюсь к конференции деятелей кино. Конференцию приветствовал Центральный Комитет КПСС. С докладом выступил министр культуры Н. А. Михайлов[43]. В резолюции были упомянуты среди лучших фильмы "Сорок первый", "Летят журавли", "Весна на Заречной улице", "Тихий Дон", "Высота", "Карнавальная ночь", "Солдат Иван Бровкин". Был отмечен и совместный советско-албанский фильм "Великий воин Албании Скандербег", к которому музыку писал Г. Свиридов. Были упомянуты и слабые фильмы, вроде "Девушка с маяка" или "К Чёрному морю". Были освещены вопросы, поднимавшиеся в докладах на конференции, – сценарии, актёрское мастерство, драматургия, киноплёнка, кинопроизводство, создание фильмотек, видеоряд.

Все эти дни газеты не забывали напоминать о гастролях советских музыкантов за рубежом. В марте С. Рихтер гастролировал в Венгрии и Болгарии, в Румынии – Д. Шафран, С. Шапошников и П. Лисициан – в ГДР[44], выступления В. Пикайзена и Э. Гилельса проходили в Канаде, в Белграде давал свои программы балет Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова[45]. И это были далеко не все гастроли. Наряду с выступлениями советских артистов за рубежом в центре внимания центральной прессы оставалась декада грузинского искусства и литературы[46].

11 марта Министерство культуры СССР и оргкомитет Международного конкурса имени П. И. Чайковского устроили пресс-конференцию. Открыл её замминистра культуры В. И. Пахомов. Потом выступил Д. Шостакович[47]. В этот же день в Большом театре СССР состоялась премьера балета А. И. Хачатуряна "Спартак" в постановке И. Моисеева. Дирижировал Ю. Файер. М. Плисецкая исполняла партию Эгины. И хотя этот спектакль не имел большого успеха, сам балет был выдвинут на Ленинскую премию, и вокруг него в Комитете по Ленинским премиям вскоре развернулись споры.

В воскресенье 16 марта состоялись долгожданные выборы в Верховный Совет СССР. В этот же день в газете "Известия" опубликовано Предложение Советского правительства по вопросу о запрещении использования космического пространства в военных целях.

Во вторник 18 марта вышел в свет очередной номер газеты "Правда". В этом номере газеты, отличающимся праздничным, приподнятым настроением – точка схождения всех основных социальных, политических, культурных целеполаганий КПСС на тот год.

На первой странице шапка: "Народный блок коммунистов и беспартийных одержал на выборах в Верховный Совет СССР полную и безраздельную победу". Непонятно, над кем одержал победу, ведь выборы были безальтернативные, но здесь важен сам победительный тон шапки. Праздничные рапорты идут из Чечено-Ингушетии, Ямало-Ненецкого автономного округа, из старинного Львова, из Киргизии. Заголовки материалов взывают: "Советский депутат – слуга народу". Внизу: приём Н. С. Хрущёвым представителей США,

прибывших в СССР для ознакомления с ходом избирательной кампании. Какие-то неизвестные профессора и корреспондент какой-то заштатной газеты. Скорее всего, коммунистической. Но для читателя был важен сам факт присутствия на выборах иностранных наблюдателей, да не Бог весть откуда, а из самих Соединённых Штатов.

На второй странице номера – заголовок, звучащий, как строка из гимна: "Вечный союз народов-братьев". Это к 10-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Народной Республикой Болгария. Не зря ездил в Болгарию Шостакович и квартет им. Бетховена...

На четвёртой странице – "народ обсуждает реорганизацию МТС".

На пятой странице – подборка откликов из разных стран на предложения СССР под общим заголовком "Советские предложения открывают широкие перспективы борьбы за мир".

Наконец, на шестой странице читателя оповещают, что 18 марта – день открытия конкурса имени П. И. Чайковского. "Правда" поместила статью А. Хачатуряна "Имени Чайковского...", празднично-радостную, как финал его знаменитого Скрипичного концерта. "Сегодня у нас, советских музыкантов, большой праздник, радость и значительность которого разделяют с нами тысячи людей в нашей стране и за рубежом, – в Москве открывается Международный конкурс пианистов и скрипачей имени Чайковского. Это будет широчайший форум музыкантов различных стран мира, съехавшихся в Советский Союз, на родину великих композиторов и артистов. Мы гордимся этим и горячо приветствуем всех наших гостей. Первый в нашей стране международный конкурс не случайно назван именем Петра Ильича Чайковского. В имени этом – слава и величие русской музыки, её неувядаемая красота, общественная значимость, человечность, демократизм. Во всё время конкурса будут громко звучать идеи Чайковского, будут наглядно осуществляться его мечты о великом братстве людей". И в завершении статьи – актуально-политическая ода: "Да, есть в этом конкурсе, помимо его чисто профессионального интереса, и прекрасная жизненная идея, которая нам, людям середины XX века, особенно дорога, – идея дружбы и мира народов, человеческого единения".

Всё самое важное сошлось в этом номере. Выборы в Верховный Совет СССР (на первой сессии нового состава Совета Хрущёв станет единоличным руководителем страны и будет утверждать свой план очередной перестройки сельского хозяйства). Не забыта тема братских социалистических стран, с которыми, как считали тогда, "дружба на вечные времена". А конкурс имени П. И. Чайковского тесно переплёлся с насущными вопросами внешней политики и должен был способствовать разрядке напряжённости. И, как оказалось, сыграл немаловажную роль в организации встречи на высшем уровне, о чём будет сказано дальше.

"Радостный день" – вторят "Правде" заголовком "Известия" от 18 марта. Как и в "Правде", номер газеты открывается, подобно сводке Информбюро военной поры: "Блестящая победа народного блока коммунистов и беспартийных". На второй странице газета напоминает, что на предстоящей сессии Верховного Совета СССР страну ожидает обсуждение вопроса дальнейшего развития колхозного строя и реорганизации МТС.

В отличие от "Правды", "Известия" помещают материалы о конкурсе на третьей странице. Название такое же, как и "Правде", – "Имени Чайковского", только без многоточия и с подзаголовком: "Сегодня открывается международный конкурс пианистов и скрипачей". Статья чисто деловая, с подробной информацией о работе конкурса, членах жюри, о конкурсантах. Не обошлось без политики, но в умеренной дозе. "Международный конкурс имени великого русского композитора П. И. Чайковского, несомненно, сыграет важную роль в дальнейшем укреплении дружеских и культурных связей между народами многих стран мира. Он будет содействовать взаимному ознакомлению с постановкой музыкального образования, почерпнуть то хорошее, что есть в педагогической практике разных стран. Молодые иностранные музыканты смогут получить для себя немало полезного во время пребывания в Советском Союзе. Мы постараемся со свойственным нашей стране гостеприимством сделать их пребывание в Москве интересным и поучительным". Автор статьи – Д. Шостакович. Вслед за ней – Хроника конкурса. И тут же, на этой странице – "Животворная сила советско-болгарской дружбы". Нет, нет, всё же не зря ездил в Софию Д. Д. Шостакович...

Четвёртая страница "Известий" посвящена приезду в Москву большой делегации деятелей грузинского искусства и литературы. Наряду с конкурсом в Москве одновременно открывалась декада грузинского искусства и литературы. Надо сказать, декада получилась на редкость удачной. Грузины привезли прекрасные спектакли: драматический – "Царь Эдип" и музыкальный – балет "Отелло". Оба были выдвинуты на Ленинскую премию. Декада открылась постановкой в Большом театре оперы "Даиси" классика грузинской музыки Захария Палиашвили.

"Литературная газета" в тот день откликнулась на выборы статьёй В. Саянова и информацией о всенародном обсуждении доклада Хрущёва и Постановления февральского пленума ЦК КПСС.

Конкурсу "Литературная газета" предоставила разворот на второй и третьей страницах. Головной послужила статья Эмиля Гилельса "Музыкальная весна мира". И здесь не обошлось без дани большой политике, что, впрочем, было вполне уместно и оправдывало немалые средства, вложенные в конкурс. "Международный конкурс скрипачей и пианистов имени П. И. Чайковского – выдающееся и радостное событие не только в жизни нашей страны, нашего искусства, но и всей мировой музыкальной культуры, – слова народного артиста СССР, всемирно известного музыканта, выдающегося пианиста звучали достойно. – Мы от души приветствуем эту международную встречу музыкантов, которая ещё больше укрепит дружеские культурные связи между народами и будет новым серьёзным шагом в развитии мировой музыкальной культуры". Эмиль Гилельс не забыл поприветствовать и заодно представить читателю членов жюри конкурса пианистов – живую легенду Маргариту Лонг, композитора сэра Артура Блисса, итальянского дирижёра Карло Цекки, бельгийского дирижёра Фернана Кинэ, а также своих соотечественников, коллег Д. Кабалевского, Л. Оборина, Г. Нейгауза, С. Рихтера, П. Серебрякова. После статьи Гилельса шла подборка коротких выступлений конкурсантов под рубрикой "Говорят участники конкурса".

Газета "Советская культура" 18 марта отметила на первой странице выборы в Верховный Совет СССР передовицей "Великое единение партии и народа" и поприветствовала приехавших в Москву на декаду грузинских деятелей культуры "Добро пожаловать!" Третья страница открывалась лозунгом: "Привет участникам Международного конкурса имени П. И. Чайковского!" Подборка материалов на странице открывалась статьёй Давида Ойстраха "Событие огромного значения". Статья начиналась упоминанием конкурсов, проходивших в СССР в 1930-е годы, затем речь шла о знаменитом конкурсе им. Маргариты Лонг и Жака Тибо, лауреатом которого Ойстрах стал в 1937 году. Бóльшая часть статьи была посвящена истории создания концерта для скрипки с оркестром П. И. Чайковского и другим произведениям разных композиторов, которые вошли в обязательную программу конкурса. Помимо Ойстраха, газета предоставила место для приветствий членам жюри – Ефрему Цимбалисту и Александру Плоцеку (Чехословакия). В "подвале" разместились выступления конкурсантов.

На следующий день газеты описали церемонию открытия конкурса. "Правда" сообщила о выступлении Д. Шостаковича и приветствии конкурсу старейшего музыканта, члена жюри Ефрема Цимбалиста. Торжественность открытию придало присутствие высших партийных и государственных персон. Присутствовали А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. А. Булганин, А. И. Кириченко, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущёв, П. Н. Поспелов. Подобную же информацию об открытии конкурса поместили и "Известия".

И далее практически каждый день газеты давали материалы по конкурсу, интервью участников, членов жюри, гостей, репортажи, короткие рецензии. Не забывали газеты сообщать и о других музыкальных и – шире – культурных событиях. Довольно подробно и в самых высоких тонах газеты освещали ход декады грузинского искусства и литературы. Не забывали информировать читателя и о зарубежных гастролях советских музыкантов. Так, например, "Советская культура" 25 марта отметила короткой заметкой выступление дирижёра Г. Рождественского, пианиста Льва Бермана и скрипача Игоря Безродного с оркестром Лондонской филармонии. Здесь же сообщалось о вылете из Москвы группы артистов балета Большого театра на гастроли в Объединённую Арабскую Республику. В это же время балетная труппа ленинградского театра

им. С. М. Кирова представила на сцене пражского театра им. Б. Сме́таны спектакль "Каменный цветок" С. Прокофьева.

Между тем, события в Москве разворачивались одновременно, наслаиваясь одно на другое, как тема в стретте фуги.

Главной темой дня стала открывшаяся первая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва. И первым документом, принятым на сессии, стало Постановление Верховного Совета СССР о назначении Председателем Совета Министров СССР товарища Хрущёва Никиты Сергеевича. Н. А. Булганин, как и полагалось в тех случаях, когда решение согласовывалось и проходило без эксцессов, подал заявление об отставке. Уже в качестве главы партии и государства Хрущёв зачитал доклад "О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций". Он хотел теперь провести свою очередную реформу сельского хозяйства не только через партийное постановление, но и как решение правительства[48].

Между тем, в Москву прибывает королева Бельгии Елизавета. Помимо протокола, среди встречавших были министр культуры СССР Н. А. Михайлов, глава оргкомитета конкурса Д. Д. Шостакович и давний знакомый королевы Д. Ойстрах.

Днём королева была на устроенном в её честь приёме у Председателя Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, где также присутствовали Шостакович и Ойстрах. Вечером королева посетила балет "Отелло" в Большом театре, его специально привезли грузины на свою декаду, чтобы с ним могли познакомиться члены Комитета по Ленинским премиям.

На следующий день К. Е. Ворошилов приглашает королеву Бельгии на завтрак, там же присутствовали Шостакович, Ойстрах и Гилельс. Разговор шёл о конкурсе. Газета "Советская культура", помимо краткого сообщения о приёме у Ворошилова, даёт очередную информацию о событиях на самом конкурсе. Не забыта и декада грузинского искусства и литературы. Газета не прошла и мимо открытия в Греции декады советско-греческой дружбы[49].

Верховный Совет продолжил свою работу. 30 апреля на основании доклада Хрущёва был принят Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций[50]. Кроме этого закона, было принято Постановление "По вопросу об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия". Постановлением Верховного Совета председателям обеих палат поручено было обратиться к парламентам государств – участников антигитлеровской коалиции и стран, пострадавших от гитлеровской агрессий в годы Второй мировой войны. Соответствующее заявление сделал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Хрущёв ясно дал понять Западу, что он действительно намерен сесть за стол переговоров относительно разоружения.

Подходил конец декады грузинского искусства и литературы. Газета "Советская культура" разразилась хвалебным обзором[51]. Действительно, грузины привезли в Москву очень впечатляющую программу. Особенно горячо были приняты спектакли. На грузинских артистов, художников, писателей, как из рога изобилия, посыпались награды, надо сказать, вполне заслуженные. Атмосфера декады была на редкость тёплой, дружелюбной.

Разумеется, декада не могла затмить конкурс. 1 апреля были объявлены первые победители конкурса имени П. И. Чайковского среди скрипачей. Как известно, первую премию получил Валерий Климов.

И вот, наконец, конкурс завершён. 14 апреля состоялось его торжественное закрытие. В Большом зале Московской консерватории присутствовали королева Бельгии Елизавета, Н. С. Хрущёв, К. Е. Ворошилов, пригласивший королеву на конкурс, А. И. Микоян и Е. А. Фурцева. Награды победителям вручал Д. Д. Шостакович. Газета "Правда" подробно освещала это событие в номере от 15 апреля. В этом же номере газеты "Правда" дана официальная информация о беседе Н. С. Хрущёва с королевой Бельгии. О том, как были точно скоординированы все события тех дней, красноречиво говорит заголовок. Королеву принимал не глава КПСС, а только что вновь назначенный решением Верховного Совета СССР новый Председатель Совета Министров СССР, то есть глава советского государства. Тут же в газете "Правда" дана информация о приёме в честь королевы Бельгии Елизаветы 14 апреля. На приёме присутствовали учёные, писатели, композиторы. Нетрудно догадаться, что среди приглашённых был и Д. Д. Шостакович.

Конечно все центральные, ведомственные, городские газеты и радио дружно откликнулись на конкурс. В том же номере от 15 апреля "Правда" посвятила ему целую страницу под шапкой "Выдающееся музыкальное событие". Здесь помещены фотографии лауреатов конкурса Н. Штаркмана, В. Клиберна, Л. Власенко и Лю Шикуня. А также отзывы о конкурсе его лауреатов и членов жюри. Среди них – А. Блисс, А. Хачатурян, Е. Цимбалист. И в центре – статья Э. Гилельса "Искусство сближает народы". "Известия" поместили подробную информацию о закрытии конкурса, статью И. Мартынова, а также предоставили слово Вану Клиберну.

16 апреля газета "Правда" проинформировала об отъезде из Москвы королевы Бельгии Елизаветы, отметив, что среди провожавших был Д. Д. Шостакович.

17 апреля газета "Советская культура" опубликовала подробный отчёт о приёме, который устроил министр культуры СССР по случаю окончания конкурса. Чтобы читатель мог нагляднее представить себе, какое значение придавалось конкурсу советским государством и как тесно переплелись вопросы большой политики с культурой и, конкретно, с общественным положением Д. Д. Шостаковича в тот исторический момент, привожу полностью текст этого отчёта.

"В Большом Кремлёвском Дворце министр культуры СССР П. А. Михайлов устроил вечером 15 апреля приём по случаю окончания Международного конкурса скрипачей и пианистов имени П. И. Чайковского. В Георгиевском зале можно было встретить участников творческого состязания, известных музыкантов, композиторов, артистов, писателей. Здесь были члены оргкомитета и жюри конкурса, а также почётные гости конкурса. В центре внимания собравшихся – лауреаты Международного конкурса. На приёме были товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев. Н. А. Булганин, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян. Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, И. С. Хрущёв, А. Н. Косыгин, министры СССР, депутаты Верховного Совета СССР. Среди гостей находились члены дипломатического корпуса. К собравшимся обратился с речью министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Он выразил глубокую благодарность правительству СССР за внимание и помощь, которые были оказаны в проведении этого большого конкурса. Конкурс имени П. И. Чайковского решено было сделать традиционным и проводить его раз в четыре года. Конкурс был замечателен тем, сказал тов. Михайлов, что он содействовал взаимному обогащению культуры народов, обмену творческим опытом между музыкантами многих стран. Композитор Д. Д. Шостакович пожелал победителям и всем участникам конкурса совершенствовать своё мастерство, новых больших успехов в творчестве, здоровья и счастья. Во время приёма, прошедшего в тёплой, сердечной обстановке, состоялся концерт, в котором приняли участие также лауреаты Международного конкурса пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского".

Знаменательно, что в тот день, 17 апреля в Брюсселе открывалась Всемирная выставка. И в том же номере газеты "Советская культура" от 17 апреля помещена статья генерального комиссара Советской секции Всемирной выставки Я. Ломко, в которой даётся представление об обширной программе участия советских музыкантов и артистов в культурных мероприятиях. Как пишет Ломко, "советское искусство будет широко показываться не только в национальные дни СССР – 11, 12 и 13 августа. Месяц в Бельгии будет гастролировать балетная труппа Большого театра Союза ССР, с большой и разнообразной программой выступят Государственный ансамбль народного танца СССР, Краснознамённый ансамбль песни и пляски Советской армии, Государственный хор русской песни под управлением А. Свешникова, Украинский народный хор под управлением Г. Верёвки. Специальную программу подготовила советская цирковая труппа, Симфонический оркестр, Центральный театр кукол под руководством С. Образцова, группа солистов из союзных республик, скрипачи Д. Ойстрах и Л. Коган достойно представят наше социалистическое искусство на выставке в Брюсселе. Предполагается, что выставку посетят от 35 до 50 миллионов человек".

Остаётся неизвестным, был ли в это время уже согласован вопрос об авторском концерте Шостаковича с Госоркестром СССР в Брюсселе, – объявление об этом концерте появится позднее. Точно так же трудно теперь сказать, случайное ли это совпадение или нет, но в этом же номере газеты в рубрике

“Книжные новинки” анонсирован выход небольшой книжицы из разряда популярных брошюр: Лебединский Л. “Хоровые поэмы Д. Шостаковича. Пояснение”.

Приближалась важная юбилейная дата в жизни советского народа и государства – день рождения В. И. Ленина, 22 апреля. По установившейся традиции в этот день объявлялись имена лауреатов Ленинской премии. В преддверии этого дня газета “Советская культура” известила читателей о присвоении звания народного артиста СССР композитору А. Мачавариани и дирижёру А. Димитриади. Привезённый ими из Тбилиси балет “Отелло” имел большой успех в Москве. Строгий судья в своей профессии, весьма скупая на похвалы коллегам Г. Уланова разразилась статьёй, дав спектаклю очень высокую оценку[52]. К тому же, этот балет посетила королева Бельгии. Такие посещения не бывают неожиданными, они готовятся заранее, согласовываются с Министерством культуры СССР, с соответствующими отделами ЦК КПСС, по дипломатической линии. Скорее всего, организаторами поездки и службой приёма королевы Бельгии посещение ею этого спектакля было рекомендовано и запланировано свыше.

Балет “Отелло” был выдвинут на Ленинскую премию. Однако премию получили только балетмейстер и исполнитель главной роли Вахтанг Чабукиани, а в качестве компенсации композитор и дирижёр были удостоены высокого звания народных артистов СССР.

22 апреля во всех центральных газетах было опубликовано официальное сообщение Комитета по Ленинским премиям о присуждении Ленинских премий.

Как протекала работа Комитета по Ленинским премиям в 1958 году, почему не получил премию весь коллектив участников и постановщиков балета “Отелло” Государственного театра оперы и балета им. З. Палиашвили – об этом отдельный рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Blanning Tim. The Triumph of Music. Composer, musicians and their audiences, 1700 to the Present. – L.: Penguin Books*, 2008.

[2] Хабермас Ю. “Структурное изменение публичной сферы: Исследование относительно категории буржуазного общества = *Strukturwandelder Öffentlichkeit: Untersuchungenzueiner Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*” – М.: Весь мир, 2016. – С. 82–97 (см. Главу II. Социальные структуры публичной сферы, §5. Институты публичной сферы).

[3] Хренников Т. Исправление ошибок. Цит. по изд.: Никита Сергеевич Хрущёв: Материалы к биографии. / Сост. Ю. В. Аксютин. – М.: Политиздат, 1989. – С. 123-124.

[4] ЦК КПСС отменил это Постановление только в 1988 году.

[5] Как вспоминал Г. В. Свиридов, “Шостакович говорил мне, что он (Зощенко. – **А. Б.**) не производил на него впечатление особо умного человека. Я, разумеется, ничего об этом не могу сказать – знал его мало” (Свиридов Г. В. Музыка как судьба. / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – С. 496). Свиридов относился к творчеству Зощенко и к самому писателю с большой симпатией. В июне 1946 года в Ленинградском театре комедии состоялась премьера комедии Зощенко “Очень приятно”. Музыку к спектаклю писал Свиридов. Разумеется, после Постановления Бюро ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” от 14 августа 1946 года пьесу тут же сняли. В архиве театра об этом спектакле не осталось и следа...

[6] См. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 тт. Т. 2. Постановления 1954–1958. / Гл. ред. А. А. Фурсенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политическая энциклопедия, 2015; Т. 3. Постановления 1959–1964 / Гл. ред. А. А. Фурсенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.

[7] О недовольстве народа и интеллигенции см., например, Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). / В. А. Козлов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010 (История сталинизма); Аксютин Ю. В. Хрущёвская “оттепель” и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

[8] О процессе этой технологической революции в области звукозаписи и рождении международных транснациональных компаний в сфере музыкального бизнеса и их влиянии на общественные вкусы и музыкальные предпочтения см. переведённую на русский язык книгу: Лебрехт Н. Маэстро, шедевры и безумие: тайная жизнь и позорная смерть индустрии звукозаписи классической музыки. – М.: Издательский дом "Классика XXI", 2009. Есть и предшествующая этому исследованию его же книга "Кто убил классическую музыку? История одного корпоративного преступления". – М.: Издательский дом "Классика-XXI", 2007.

[9] О смене форматов, о состоянии музыкальной индустрии в конце XX – начале XXI века, в эпоху интернета см.: Уитт, Стивен. Как музыка стала свободной. / Стивен Уитт, пер. А. Беляева. – М.: Белое яблоко, 2016.

[10] См., напр., Михайлов Н. А. Доклад на съезде работников профсоюза искусств. // Советская культура. – 1958. – 24 мая. – № 63. – С. 2.

[11] См., например, *Tomoff Kirill. Virtuosi Abroad: Soviet Music and Imperial Competition during the Early Cold War*, 1945–1958. См. также одну из статей финского социолога Мери Херрала, которая специализируется на исследованиях гастролей советских исполнителей в США в 1950-е годы: *Herrala Mery. "Fighting for the Fiddler: The Competition for Securing David Oistrakh's First American Concert Tour in 1955" // Valahian Journal of Historical Studies, issue*: 20 /2013, *pages* 35–60.

[12] Invasion (*англ.*) – вторжение, нашествие, набег.

[13] Известия. – 1958. – 3 января. – № 2. – С. 1.

[14] Там же. Ср. с помещённым ниже на этой же странице следующим фрагментом из послания Г. Макмиллану: "Мы питаем надежду, что в Новом году Великобритания, играющая столь важную роль в международных отношениях, совместно с Советским Союзом и другими миролюбивыми государствами предпримет усилия для оздоровления международной обстановки, избавления народов всех стран от страха за завтрашний день, для создания атмосферы доверия и делового сотрудничества в отношениях между странами на основе получивших широкое международное признание принципов мирного сосуществования".

[15] Советскому народу. Новогоднее поздравление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. // Известия. – 1958. – 1 января. – № 1 – С. 1.

[16] Тема использования культуры в чисто внешнеполитических целях СССР в годы "холодной войны" давно уже привлекает внимание на Западе. В последнее время интерес появился и к культурной политике США. Все больше исследователей начинают понимать, что искусство, культура служат стратегическим задачам государственной политики. См., напр., недавно вышедшее исследование канадской исследовательницы Эмили Абрамс Ансари "Звук сверхдержавы. Музыкальный американизм и "холодная война"" (*Ansari E. A. The Sound of a superpower. Musical Americanism and the Cold War. – L.; Oxford: Oxford University press*, 2018).

[17] Германский вопрос был в том году одним из наиболее острых.

[18] К моменту окончания конкурса Хрущёв уже стал председателем Совета Министров СССР. Избирательная кампания по выборам в Верховный Совет, избрание Хрущёва главой советского правительства на первой сессии Верховного Совета СССР 5-го созыва 27 марта 1958 года стали одной из главных тем в "полифонии" событий 1958 года.

[19] См. фото в газете "Правда" от 15 апреля. № 105. С. 2. Хрущёв поздравляет Вана Клиберна.

[20] Максименков Л. Совершенно концертно // Огонек. – 2015. – 8 июня. – № 22 (5375). Далее все цитаты приводятся из этого источника без указания страниц.

[21] См., напр.: К Международному конкурсу пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского. Предстоящий конкурс вызывает всё больший интерес. 5 февраля коллегия Минкультуры СССР обсудила вопросы подготовки к конкурсу. // Советская культура. – 1958. – 6 февраля. – № 16. – С. 1; К международному конкурсу им. П. И. Чайковского. Как к конкурсу готовится Дом-музей в Клину. // Советская культура. – 1958. – 4 января. – № 2. – С. 2; К международному конкурсу пианистов и скрипачей. (Об издании литературы по Чайковскому и нот композиторов, в том числе Прокофьева, Шостаковича, Кабалевского). // Советская культура. – 1958. – 25 января. – № 11. – С. 3; Серебряков П. Председатель жюри отборочного прослушивания пианистов. Прослушивание кандидатов на конкурс им. П. И. Чайковского. // Советская культура. – 1958. – 14 января. –

№ 6. – С. 1; Подготовка к конкурсу им. П. И. Чайковского. Интервью Ойстраха об отборочном прослушивании скрипачей. // Советская культура. – 1958. – 18 января. – № 8. – С. 3.

[22] Концерт советских артистов в Софии. // Советская культура. – 1958. – 28 января. – № 12. – С. 1.

[23] Об этом исполнении С. М. Хентова упоминает в составленном ею Хронографе жизни и творчества Д. Д. Шостаковича. См.: Хентова С. М. Шостакович. Жизнь и творчество. Т. 2. – Л.: Советский композитор, ЛО. 1986. – С. 610.

[24] Можаев Г. Культурное сотрудничество социалистических стран. // Правда. – 1958. – 20 января. – № 20. – С. 3. Говоря об интересе советских писателей, композиторов и художников к национальным культурам соцстран, автор в качестве примера ссылается "на сюиту К. Караева из музыки к кинофильму "Вьетнам", сюиту Г. Свиридова на албанские темы, произведения Б. Чайковского на славянские темы, М. Вайнберга – на польские темы". Любопытно, что упомянуты композиторы из круга Шостаковича.

[25] Симфония была исполнена в Большом зале консерватории, в ДК завода им. Лихачева и в Доме Советской армии. По сути, эти три концерта были генеральной репетицией оркестра перед его поездкой за рубеж с симфонией Шостаковича, о чём пойдёт речь дальше.

[26] В 1958 году Тодор Живков решил начать преобразования в сельском хозяйстве наподобие китайского "большого скачка". В 1957 году Хрущёв загорелся идеей "догнать и перегнать Америку" по производству мяса и молока. В начале 1958 года он готовит реформу МТС, в опыте болгар он видит моральную поддержку своим реформам сельского хозяйства.

[27] См.: Ратиани Г. Демонстрация достижений советских народов. От специального корреспондента "Правды". // Правда. – 1958. – 15 августа. – № 227. – С. 4. Впрочем, судя по составу делегации, эта поездка не имела какого-либо делового смысла, была чисто представительской и носила пропагандистский характер. Хрущёв в это время только вернулся из КНР, где его сильно озадачил Мао Цзэдун; 11 августа он открывал Волжскую ГЭС.

[28] Б. п. Показ советского искусства. // Советская культура. – 1958. – 12 августа. – № 96. – С. 4.

[29] См.: Правда. – 1958. – 8 февраля. – № 39. – С. 1-2. Летом того же года в рамках большого турне по Западной Европе балет Большого театра дал несколько спектаклей в Кельне и Гамбурге.

[30] В честь советской интеллигенции. Приём в Большом Кремлёвском Дворце. Речь товарища Н. С. Хрущёва. // Правда. – 1958. – 9 февраля. – № 40 – С. 3-4.

[31] На это обстоятельство обратила внимание музыковед Лоурел Фей – оппонент С. Волкова, критиковавшая издание *Testimony*. См. *Fay Laurel E. Shostakovich. A Life. – Oxford, N.-Y.: Oxford University press*, <2000>. – *P.* 203 (*chapter The Thaw*).

[32] Известия. – 1957. – 22 сентября. – № 226 (12533) – С. 4.

[33] См. передовицу "К новым высотам художественного творчества" в том же номере газеты "Известия" (13 февраля. № 37. С. 1).

[34] Вместе с народом, вместе с партией. Доклад Н. С. Тихонова на пленуме правления Союза писателей СССР. // Правда. – 1958. – 12 февраля. – № 43. – С. 3.

[35] Созданная 3 января 1958 года Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей (сокр. Идеологическая комиссия) на заседании 7 апреля 1958 года приняла постановление "О мероприятиях советского посла в Швеции в связи с возможным выдвижением Б. Пастернака на Нобелевскую премию" (См.: Идеологическая комиссия ЦК КПСС 1958–1964. Документы. / Сост. Е. С. Афанасьева и др. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 48).

[36] Хренников Т. Сплотив все творческие силы. // Советская культура. – 1958. – 15 февраля. – № 20 – С. 2.

[37] Постникова Е. Шостакович – автор и исполнитель. // Советская культура. – 1958. – 15 февраля. – № 20 – С. 3.

[38] Прибытие в Вену делегации Советско-австрийского общества. // Правда. – 1958. – 29 ноября. – № 333. – С. 6. "ВЕНА, 28 ноября. (ТАСС). Сегодня в Вену для участия в пятом конгрессе Австро-советского общества прибыла делегация Советско-австрийского общества во главе с председателем правления этого общества композитором Д. Д. Шостаковичем". По всей видимости, целью визита делегации было участие в работе комиссии по подготовке программы VIII Международного фестиваля молодежи в Вене, который планировался в 1959 году. См.: Соколова В. Международные связи молодёжи в СССР

в годы хрущёвской “оттепели”. // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. Серия История. Исторические науки. 2008. № 4 (23). С. 186–188.

[39] Садуль Жорж. Мысли о фестивале в Каннах. // Известия. – 1958. – 25 мая. – № 125. – С. 5.

[40] Советская культура. – 1958. – 6 марта. – № 28. – С. 3.

[41] Габрилович Е. О состоянии и задачах советской кинодраматургии. // Советская культура. – 1958. – 4 марта. – № 27. – С. 3.

[42] Ошанин Л. Бороться с дурным вкусом. // Советская культура. – 1958. – 8 февраля. – № 17. – С. 2.

[43] Михайлов Н. А. Доклад Министра культуры СССР Н. А. Михайлова “О задачах советской кинематографии в свете решений XX съезда КПСС и выступления товарища Н. С. Хрущёва “За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа” на конференции кинематографистов. // Советская культура. – 1958. – 4 марта. – № 27. – С. 2.

[44] Советская культура. – 1958. – 4 марта. – № 27. – С. 4.

[45] Советская культура. – 1958. – 8 марта. – № 29. – С. 4.

[46] См., например, Советская культура. – 1958. – 11 марта. – № 30. – С. 1.

[47] Накануне Международного конкурса пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского. // Правда. – 1958. – 12 марта. – № 71. – С. 8. 11 марта в газете “Советская культура” вышла его статья о конкурсе. См.: Шостакович Д. Председатель оргкомитета Международного конкурса пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского. Праздник музыки. // Советская культура. – 1958. – 11 марта. – № 30. – С. 4.

[48] Правда. – 1958. – 28 марта. – № 87. – С. 1.

[49] См.: Советская культура. – 1958. – 29 марта. – № 38. – С. 1, 3, 4.

[50] См.: Сов. культура. – 1958. – 1 апреля. – № 39. – С. 1. Реформы Хрущёва вызывали и до сих пор вызывают вполне заслуженную критику. Впрочем, объективности ради следует заметить, что не все хрущёвские нововведения в области сельского хозяйства были нецелесообразными для своего времени. См. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. / В. А. Шестаков; Ин-т рос. истории РАН. – М.: Наука, 2006. Особенно гл. IV. Социально-экономическое развитие СССР. В условиях реформ 50-х – середины 60-х годов. Утопии и реалии аграрной реформы.

[51] Осипов Г. Десять радостных дней. // Советская культура. – 1958. – 1 апреля. – № 39. – С. 3. См. его же статью “Триумф грузинского искусства” в газете “Сов. культура” от 3 апреля 1958 года, с. 1.

[52] Уланова Г. “Отелло”. Спектакль Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили. // Правда. – 1958. – 30 марта. – № 89. – С. 6.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ИНДУСТРИЯ 4.0 И МЫ

В изданной в 1990 году книге “Эпоха мыслящих машин” американский изобретатель и футуролог Рэймонд Курцвейл предположил, что к 2020 году обычный персональный компьютер достигнет мощности, сравнимой с человеческим мозгом. К 2025 году появится массовый рынок гаджетов-имплантов, в 2031 году врачи напечатают человеческий орган на 3D-принтере, а к 2042 году потенциально добьются реализации бессмертия. Уже к середине XXI века небиологический интеллект станет неизмеримо более разумным, чем биологический, а Земля начнёт превращаться в один гигантский компьютер. Затем постепенно этот процесс может распространиться на всю Вселенную. Сегодня такие сценарии с каждым годом кажутся всё менее фантастическими.

Термин “четвёртая промышленная революция” или “индустрия 4.0” родился в 2011 году на Ганноверской ярмарке в Германии. Он получил активное использование в рамках проекта немецкого правительства по компьютеризации промышленности.

В последнее время эта тема стала наиболее обсуждаемой на Всемирных экономических форумах в Давосе. Его основатель и председатель Клаус Шваб написал книгу “Четвёртая промышленная революция”, ставшую чуть ли не бестселлером. Напомним, какие были предыдущие три.

Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Изобретение парового двигателя послужило толчком для развития машиностроения, железнодорожного транспорта, текстильной промышленности и других отраслей. Вторая началась в конце XIX века и продолжалась до начала XX-го. Благодаря распространению электричества и внедрению конвейера она привела к массовому производству. Третья проявилась с 1960-х годов. Её называют компьютерной или цифровой революцией. Катализатором её стало развитие полупроводников и ЭВМ, сначала объёмных, затем персональных компьютеров и сети Интернет. Что же представляет собой четвёртая?

Отметим, что её приверженцы утверждают, что пока мы стоим лишь на её пороге или у её истоков. Как пишет Шваб: “Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Её основные черты – это “вездесущий” и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины”.

Согласно концепции “Индустрия 4.0” в ближайшем будущем технологии объединят виртуальный (цифровой) мир с физическим. Роль “умных машин” в наступающую эпоху станет настолько велика, что без них сложно будет

---

* Последняя статья Георгия Николаевича Цаголова. Завершена при поддержке Руслана Дзарасова.

представить себе повседневную жизнь людей, производство и государственное управление. Люди и раньше использовали разные машины во многих сферах жизни, но теперь машины могут объединяться в сети, анализировать данные и самостоятельно принимать решения.

На Западе и у нас имеются те, кто предпочитает давать технологическим изменениям иные градации. Так, академик РАН Сергей Глазьев связывает радикальные сдвиги в индустриальной базе с длинными циклами Кондратьева, длящимися около 50 лет. По мнению известного экономиста, мы находимся в стартовой фазе шестого технологического уклада. Однако его содержание и трактовки четвёртой промышленной революции зарубежными аналитиками в основном совпадают.

В развёртывании "Индустрии 4.0" можно выделить три блока: физический, цифровой и биологический. Физический блок включает беспилотные транспортные средства, трёхмерную (3D) печать, передовую робототехнику и новые материалы. Помимо беспилотного автомобиля, появились дроны, другие автономные транспортные средства, включая воздушные и морские суда. По мере совершенствования датчиков и развития искусственного интеллекта, возможности широкого их применения в самых различных областях возрастают с каждым годом. 3D-печать начинается с сырого материала и создаёт объект трёхмерной формы на основе цифрового шаблона. 3D-печать уже широко используется в производстве одежды и обуви. *В конце 2015 года фирма "Адидас" открыла автоматизированную фабрику Speedfactory в немецком городе Ансбахе, где основную работу делают роботы и активно применяется 3D-печать. Перенеся производство из Китая на заводы рядом со своим потребителями, компания планирует сократить издержки и расходы на логистику. Прежде там работала тысяча человек. Сейчас персонал сократился до 180. Это начинание фирмы поддерживается правительством Германии, субсидирующим предпринимателей, создающих высокоиндустриальный имидж нации. Такой же завод фирма открыла в США. Он производит около полумиллиона пар обуви в год. Американская корпорация "Найк" также выстроила в Мексике подобное предприятие.* Используется 3D-печать уже и в медицинских продуктах, например, имплантах, способных адаптироваться к организму человека. Благодаря быстрому развитию робототехники взаимодействие человека и машин становится обычной каждодневной практикой. Теперь роботы могут получать информацию в удалённом режиме при помощи "облачных" технологий, соединяясь с сетью других роботов.

Одним из ярких примеров индустрии 4.0 являются так называемые "автоматизированные склады", получившие широкое распространение с конца прошлого века. Они оборудованы управляемыми компьютерами подъёмно-транспортными устройствами. Подобное оборудование исключает ручной труд, экономит складские площади, резко ускоряет складские операции и повышает эффективность контроля за запасами, так как позволяет проследить путь и местонахождение каждого отдельного товара. Первоначально автоматизированные склады начали внедряться фармацевтическими компаниями, затем эстафету подхватили компании электронной коммерции. С 2010-х годов ведущие ритейлерские компании США и ЕС перешли на широкое использование роботов. В России этот процесс также постепенно развивается, особенно в области учёта товара и его комплектации. Пионерами являются такие компании, как Yves Rocher, интернет-магазины Perekrestok.ru и OZON. Но это склады. Теперь уже имеются и целиком автоматизированные (умные) производства.

Последствия появления новых материалов трудно постижимы. Взять, к примеру, такой наноматериал, как графен. Его прочность в двести раз превышает прочность стали, а толщина в миллион раз меньше человеческого волоса. К тому же он является эффективным проводником тепла и энергии. Пока он ещё дорог, но в ближайшем будущем обеспечит прорыв в сфере производства и инфраструктуры.

Цифровая революция решительно меняет взаимодействие между отдельными людьми и учреждениями. Благодаря цепочке блоков, или блокчейн, сеть компьютеров коллективно заверяет сделку до её регистрации и подтверждения. Это даёт возможность незнакомым между собой людям взаимодействовать, минуя центральный орган. Блокчейн представляет собой программируемое, криптографически защищённое, то есть надёжное хранилище. Оно не

поддаётся контролю какого-либо одного пользователя, а также может быть проверено любым человеком. Сегодня самым известным приложением блокчейн является биткоин (Bitcoin), но вскоре будут созданы (и уже создаются) множество подобных приложений.

Цифровые платформы ведут к "экономике совместного потребления". С помощью них миллионам людей теперь предоставляется свободное место в автомобиле, незанятая спальня в квартире и пр. услуги. Возникает вопрос: что является более ценным – владение платформой или базовым активом? Как подмечает один аналитик: "Крупнейшая в мире компания такси *Uber* не является собственником транспортных средств. Самый популярный в мире медийный собственник *Facebook* не создаёт контента. Самый дорогостоящий розничный продавец *Alibaba* не имеет товарного запаса. Крупнейший в мире поставщик услуг по временному проживанию *Airbnb* не является владельцем недвижимости".

Мостом между физической и цифровой реальностью служит так называемый *интернет вещей*, обеспечиваемый взаимосвязанными средствами соединения предметов физического мира с виртуальными сетями. Компактные, дешёвые и "умные" датчики устанавливаются повсюду. Миллиарды устройств по всему миру, включая телефоны, планшеты и компьютеры, объединены сетью Интернет. Скоро это принципиально изменит способ управления цепочками поставок, предоставив возможность осуществлять мониторинг и оптимизацию активов, а также деятельность предприятия на всех уровнях.

Инновации в биологической сфере особенно впечатляют. Организм человека содержит генетическую информацию, зашифрованную в молекуле ДНК. Последнее время достигнут значительный прогресс в секвенировании – тестах для определения генетических повреждений (мутаций), которые являются причиной наследственных болезней, предрасположенностей и особенностей организма. Секвенаторы нового поколения уже способны определять полную структуру генома человека, причём это может происходить в течение несколько часов и с небольшими затратами. Знание генетического состава опухоли позволит врачам принимать решения о способах лечения раковых заболеваний.

Возможности биологической инженерии могут применяться практически ко всем типам клеток, обеспечивая создание генетически модифицированных растений или животных. 3D-производство может сочетаться с генным редактированием для производства живых тканей с целью их восстановления и регенерации – "биопечать". Данная технология уже используется для создания кожной, костной, сердечной и мышечной ткани. Знания о функциях мозга увеличиваются, наблюдаются интереснейшие разработки в области нейротехнологии. Упрощение высокоточных манипуляций с геномом человека, взятым у жизнеспособного эмбриона, говорит о том, что не за горами появление *спроектированных младенцев*, обладающих конкретными качествами или устойчивостью к определённым заболеваниям.

По подсчётам экспертов Всемирного банка, внедрение Индустрии 4.0 вызовет прирост мировой экономики на 30 трлн долларов.

Несколько слов о последствиях Индустрии 4.0 в условиях капитализма. Позитивные последствия состоят в резком росте производительности труда и снижении пагубного влияния предприятий на окружающую среду; негативные – в росте социального неравенства и безработицы. Крупные корпорации ещё больше оторвутся от остальных. Если верны расчёты, что к 2035 году доля автоматизированных процессов в производстве и логистике достигнет 95%, то 50–70% нынешних рабочих мест перестанут существовать. Готовясь к смягчению такого удара, Запад экспериментирует с так называемым *безусловным базовым доходом*, который рассматривается как "соломинка" для тех, кто обречён потерять работу. Впрочем, вместе с отсутствием потребностей в прежних профессиях наблюдается дефицит высококвалифицированной рабочей силы.

Заметим, что доля России в мировом производстве и экспорте хай-тек продукции в последние годы колеблется от 0,2 до 0,3%. Глобальный рынок высоких технологий возрастёт в ближайшие 5 лет с 3 до 10–12 трлн долл. В то же время объём рынка энергетических ресурсов увеличится с 0,7 до 1 трлн долл., в результате чего произойдёт масштабное изменение соотношения высокотехнологического и энергосырьевого рынков с сегодняшнего 4:1 до 10:1, и тогда наше положение на мировой экономической арене в случае сохранения нынешних реалий существенно ослабится.

Есть ли у России реальные возможности перескочить в Индустрию 4.0 или новый шестой технологический уклад? Недавно объявленные президентом РФ успехи в военном производстве как будто подтверждают это. Однако они говорят не о достижениях российского частного бизнеса, а о госучастии в продвижении технического прогресса. Разумеется, российские власти не остались в стороне от так называемой цифровой революции и объявили, что самым перспективным разработкам будет обеспечена материальная поддержка. Принято считать, что первый успех нашей страны в области цифровой революции связан с инициативой двух крупных отечественных компаний: Ростелекома и Роскосмоса. Они организовали Ассоциацию по содействию развитию Промышленного интернета. К ним относился, в частности, беспилотный коммерческий транспорт. В 2016 году на XV Международном инвестиционном форуме в Сочи был торжественно представлен беспилотный "смартбус" *Matrёshka*. На следующий год правительство одобрило выделение гранта в размере до 200 млн рублей на данный проект. Однако реально дело дошло только до выпуска четырёх экземпляров беспилотника, которые переданы в Политехнический музей. Компании-партнёры инициатора проекта – компании "Волгобас" – подали на неё в суд из-за возникшего финансового конфликта. Похоже, что это ещё один громко разрекламированный проект, которому не суждено осуществиться.

В начале 2017 года наше правительство также утвердило Национальную технологическую инициативу – программу "Технет". Она ставит своей целью создание условий для достижения глобального технологического лидерства России к 2035 году. Была принята так называемая *дорожная карта* – проект по расширению роли РФ на глобальном рынке этих услуг. В наше время российская доля составляет 0,28%, но планируется увеличить её до 1,5%.

Однако внушает тревогу тот факт, что расходы на исследования и разработки, осуществляемые в нашей стране, до сих пор не превышают 40% от уровня 1990 года. Доля госфинансирования исследований в России выросла с 14% до 69% за 2000–2014 годы. Это показатель низкой заинтересованности отечественного бизнеса в результатах НИОКР. Так, в США и Китае порядка 75% расходов на эти цели покрывается частным сектором, и эта модель доказала свою эффективность. Но у нас она не приживается.

На 10 тысяч занятых в России приходится лишь 50 человек, работающих в сфере НИОКР. В Израиле эта цифра составляет 174 человека. Доля финансирования науки в ВВП нашей страны составляет 1,1%. Между тем, лидеры научно-технического прогресса выделяют на эти цели 2–4% ВВП. В расчёте на душу населения по данному показателю мы занимаем далеко не почётное 35 место в мире. По данным ВШЭ, лишь 0,6% выпускников российских вузов идёт в исследовательскую область. Стоит ли удивляться, что каждый третий научный работник в России уже достиг пенсионного возраста, а доля учёных академии наук старше 60 лет достигла почти 40%. Зато мы продолжаем снабжать *первоклассными мозгами* заграницу – число высококвалифицированных специалистов, покинувших нашу страну, подскочило с 20 до 44 тысяч в 2013–2016 годах. Понятно, что эти процессы являются ярким проявлением режима "бюджетной экономии", с помощью которого наше правительство стремится преодолеть бюджетный дефицит. Цель, как будто, благая. Однако не очевидно ли, что в данном случае ради текущей финансовой стабилизации приносятся в жертву долгосрочные факторы конкурентоспособности страны на мировой арене, по сути, приносится в жертву её будущее?

Причины нашего отставания от мира, совершающего невиданный технологический рывок, в неэффективном экономическом строе. Разрушив плановое хозяйство и без подготовки "плюхнувшись" в рынок, мы вскоре оказались в олигархическом, а затем и бюрократическо-олигархическом капитализме. Разговоры о том, что мы осуществляем "переход к рыночной экономике", некорректны. Новый экономический строй в России давно уже сформировался, выдвигая на передний план тенденции паразитизма и загнивания. Да, по числу миллиардеров мы стоим на третьем после США и Китая месте в мире. Но почему наши магнаты так разительно отличаются от их коллег на Западе и Востоке? Треть всех богатств России принадлежит 110 олигархам. Что сделали они для прогресса общества? Мало что. Рейдерство и коррупция оказываются выгоднее инноваций и модернизации. Где столь широко разрекламированный Ё-мобиль Прохорова? Его нет и, как видно, не будет.

Именно неспособность отечественного капитализма воспользоваться плодами четвёртой промышленной революции говорит о его исторической обречённости. Но это вовсе не значит, что обречено всё наше общество, и для него нет места в *технологическом завтра* человечества.

В связи с этим хочется отметить, что поспешили те, кто утверждает, что социализм сошёл с исторической сцены. Хотя он и потерпел крах в СССР и ряде других стран, но всё же оказал сильное воздействие на развитие мирового капитализма, социализировав его. Говоря о социализме, имеются в виду не только Куба или Северная Корея. В Китае симбиоз социализма с капитализмом вот уже на протяжении 35 лет показывает выдающиеся результаты. То же самое относится и к Вьетнаму. А разве не социализированы и многие другие страны Азии, например, Индия, государства Европы и Латинской Америки? Во всех этих странах существует макроэкономическое планирование и не утерян централизованный общественный контроль над производством – исходная координирующая сила, с которой, согласно школе политической экономии МГУ, и "начинается Родина" социализма.

Вместе с тем, истекшие десятилетия выявили и то, что планирование всего и вся из одного центра неэффективно. Для рационального исполнения регулирующих функций необходимо обладать достоверной информацией о том, что обществу нужно, а что – нет. Планирующие органы государства могут обладать такой информацией в сфере производства угля, стали, нефти, газа и электроэнергии. Но в сфере изготовления обуви, одежды, персональных компьютеров, косметики и других индивидуальных товаров и услуг обособленный частный производитель знает свой рынок и его потребности лучше государственного чиновника и может выполнять свои задачи грамотнее него. Ни в перестроечную эпоху, ни позже вопрос так не ставился. Стоит ли удивляться тому, что, шарахаясь из одной крайности в другую, мы попадаем из огня да в полымя. Разрушив "до основанья" плановое хозяйство, мы *выплеснули с водой и ребёнка*.

Практика показывает, что требуется не просто комбинация планового и рыночного регуляторов, а соединение преимуществ социализма и капитализма. Именно так понимал будущее капитализма выдающийся американский мыслитель Джон Кеннет Гэлбрейт, сторонник и активный разработчик теории "конвергенции". Но у России есть собственная традиция разработки подобной модели общества. Речь идёт о выдающемся мыслителе – философе, социологе, экономисте – Питириме Сорокине. Он считал идеалом будущего "интегральное общество", главной чертой которого как раз и является *соединение несоединимого* – социализма и капитализма, общего блага и индивидуальных свобод.

Только на этом пути Россия сможет преодолеть тупики технологического отставания и зияющего социального неравенства, сумеет осуществить прорыв в технологическое будущее, обеспечив своим гражданам достойную жизнь. И занять место в мире, подобающее великой державе.

ФЁДОР КУЗМИЧЁВ
профессор

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРУШЕНИЯ

Публикаций по проблемам высшего образования в современной России достаточно много – от заказных и хвалебных до критических. В числе последних есть достаточно интересные исследования профессора Балацкого по академической ренте, открытое письмо преподавателей мехмата Самарского госуниверситета к руководству страны от 2011 года и аналогичное письмо профессора Афанасьевой к министру образования и науки от 2016 года. В конце концов, имеется сайт "Университетская солидарность", где учителя и преподаватели обсуждают насущные проблемы высшей школы и в целом образования в России. **Какой тогда смысл в появлении ещё одной статьи по этой, казалось бы, набившей оскомину проблематике?** Всё дело в том, что авторы этих достаточно жёстких статей и писем, стремясь достучаться до руководства страны, апеллируют к логике, да и просто к здравому смыслу, надеясь, что наконец-то будут приняты адекватные решения и ситуация каким-то образом нормализуется. **И это ожидание длится уже десятилетия!**

Хочу сразу ответить – бесполезно! Бесполезно надеяться, бесполезно ожидать и бесполезно апеллировать. Ситуация в высшем образовании аналогична ситуации с запущенной раковой болезнью. По меньшей мере, наивно пытаться вылечить эту болезнь, обращаясь к медицинским светилам, когда она развивается по своим собственным законам и никакие лекарства, никакие паллиативные меры не в состоянии помочь больному, если только не произойдёт чудо. Но это уже не из сферы рационального мышления.

У мыслящего читателя сразу возникнет вопрос – почему, по мнению автора, именно высшее образование выступает в столь неприглядной роли в современной России? Разве другие области социальной жизни не находятся в столь же плачевном состоянии и в той или иной степени инициируют такие же разрушительные процессы? Да, наверное, это так – и экономика страны, и демография, и культура переживают далеко не самые лучшие времена. Всё это верно, но **только высшее образование является источником формирования будущей элиты страны,** и сегодняшние студенты через 10–15 лет, войдя в государственные и корпоративные структуры в качестве, казалось бы, опытных специалистов, экспертов и управленцев, будут в полной мере определять судьбы людей – граждан России и, в конечном счете, всей страны.

Но ведь так, мне могут ответить, было всегда – каждое молодое поколение, приходящее на смену старому и обладающее новыми знаниями, очень

часто отрицало опыт отцов. Но если бы это отрицание имело положительное значение, автор не стал бы писать этой статьи. Разрыв между поколениями в современной России носит явно нигилистический характер и во многом инициируется извне, как это уже не раз было в российской истории. Достаточно вспомнить княгиню Тенишеву: "А что же случилось с верхами? С так называемыми образованными сословиями? Случилось то, что они дали нам ряд поколений, лишённых патриотизма и презрительно и недоброжелательно относящихся ко всему русскому. Русское общество веками понемногу теряло своё достоинство, стало стыдиться самого себя, и в наши дни у большинства окончательно исчезло сознание русской национальной идеи. Наша интеллигенция, за малым исключением, вышла обезличенной, отрекшейся от всего своего, с чужими, навеянными идеями и напичканная вкривь и вкось утопиями западной материалистической философии, которая у многих ребром легла в спутанных и ещё недозревших мозгах". Эти горькие мысли были ею озвучены в эмиграции в двадцатых годах прошлого столетия. Не правда ли, весьма актуально они звучат и сегодня...

Но в Советском Союзе смогли преодолеть эти разрушительные тенденции. Более того, высшее образование, невзирая на всё убожество идеологических клише, являлось катализатором экономического, культурного, духовного роста общества. Об этом много написано, и нет смысла повторять старые истины.

А что же в современной России? **Я могу смело утверждать, что высшего образования в традиционном понимании этого термина в современной России нет** – оно полностью утратило две свои главные функции: во-первых, социализации, предполагающей подготовку к профессиональной деятельности на основе приобщения к традиционным ценностям и нормам общества; во-вторых, уничтожило необходимые условия для развития интеллектуальных способностей, позволяющих молодым специалистам достаточно быстро включаться в профессиональную деятельность.

Хочу сразу оговориться, что особых заслуг российских либералов в уничтожении высшего образования нет – они просто реализуют некий глобалистский проект (форсайт-проект), в котором России отведена вполне понятная и уже очевидная для каждого мыслящего российского гражданина роль – роль отсталой периферийной страны, ориентированной в основном на добычу и экспорт природных ресурсов. **И, соответственно, высшее образование должно соответствовать данной роли.**

Остановимся на первой и, по нашему мнению, главной функции высшего образования – социализации личности. Априори предполагается, что выпускник вуза должен обладать такими качествами, как честность, трудолюбие, пунктуальность, и при этом быть высококультурным человеком, уметь работать в команде и т. д. Ещё бы – ведь он будет являться носителем самых высоких смыслов российского общества, то есть, по определению, **должен быть примером** для остальных граждан и поэтому, как уже говорилось выше, у него имеются все шансы войти в высшую политическую и экономическую элиту страны. Это, конечно, некий труднодостижимый идеал, но тем более прискорбно, что **движения в эту сторону нет и в помине**. Более того, создаётся впечатление, что современный российский вуз вольно или невольно ставит своей целью готовить абсолютно циничных, некомпетентных, мало способных к созидательной работе, с позволения сказать, "профессионалов". И если далеко не все выпускники становятся такими, то в основном не благодаря, а вопреки политике вузов и, безусловно, Министерства образования и науки (с мая 2018 года – Министерства науки и высшего образования России).

Естественный вопрос – почему возникла такая ситуация и действительно ли она такая? Могу сразу ответить – да, она соответствует реальности. И причины её возникновения лежат на поверхности.

Среди них первая и самая главная – это то обстоятельство, что **деньги "правят бал", то есть они определяют всё и вся в современном вузе, как, впрочем, и в современном обществе**. Конечно, об этом вслух не говорят, наоборот, вы часто можете услышать нечто прямо противоположное, но не надо обманываться – это так. Причина этого достаточно банальная – образование практически полностью лишилось своих социальных функций, оно превратилось в обычную коммерческую услугу. Благодаря системе нор-

мативно-подушевого финансирования, навязанного глобалистскими структурами, неуспевающие студенты в редких случаях отчисляются из вузов, а количество студентов, обучающихся на коммерческой основе, растёт по экспоненте, они желанный контингент в любом вузе, поскольку приносят деньги. Более того, от количества этих студентов прямо зависит и бюджетное финансирование. **Автор часто говорил знакомому профессору, что она бесполезный и даже вредный человек в вузе, по сравнению со студентом, обучающимся на платной основе, поскольку она забирает деньги, а студент приносит их.** А когда деньги в обществе вольно или невольно признаются высшей ценностью, то отношение к профессору и студенту определяется именно этой максимой, а в каких пропорциях – это уже особенность каждого отдельно взятого вуза.

Но если вуз превращается в заурядное коммерческое предприятие, предоставляющее образовательные услуги (о причинах такой государственной политики говорить не будем, чтобы не травмировать ранимые души наших высоких руководителей, это отдельный разговор), то во главе этого предприятия должен стоять никак не педагог, не учёный, а "успешный" и "эффективный" менеджер. **Так и происходит – о доходах уважаемых ректоров не писал только ленивый журналист.** А эти доходы, если и не напрямую связаны с вузом, всё равно, без сомнения, являются результатом использования административного ресурса. А поскольку все ректоры российских вузов назначаются, а не избираются, пусть даже формально, то вполне понятно, что **такое положение создано руководством страны, а уж кем конкретно, пусть выясняют более осведомлённые люди**.

Косвенным подтверждением этого тезиса является тот факт, что если по критериям дохода взять самых "успешных" ректоров российских вузов, а в интернете имеются эти данные и множество публикаций на эту тему, то можно без удивления обнаружить, что многие из них находятся достаточно длительное время на своих постах: ректор Санкт-Петербургского горного университета г-н Литвиненко – с 1994 года, ректор РАНХ и ГС г-н Мау – с 2002 года, ректор ВАВТ г-н Синельников-Мурылёв – с 2007 года, ректор МИИТ г-н Левин – с 1991 года, ректор Финансового университета г-н Эскиндаров – с 2006 года, ректор ВГИКа г-н Малышев – с 2007 года, ректор РГУ нефти и газа г-н Мартынов – с 2008 года, ректор МГИМО г-н Торкунов – с 1992 года, ректор ВШЭ г-н Кузьминов – с 1992 года, ректор РЭФ им. Плеханова г-н Гришин – с 2008 года.

Конечно, им можно было бы простить и высокие доходы, если бы качество российского образования стремительно повышалось и мы были *впереди планеты всей* по этому показателю. Но, увы, повышается оно, как можно предположить, только в заранее проплаченных рейтингах, ничего общего с реальностью не имеющих. **А поскольку де-факто ректоры российских вузов являются, скорее, коммерсантами или бизнесменами (по выбору читателя!)**, нежели руководителями творческих коллективов, то традиции скороспелого российского бизнеса, к числу которых автор относит полное пренебрежение к личности человека и гражданина, патологическую жадность, чрезвычайно низкий уровень корпоративной культуры и т. д., активно проникают и в вузовскую среду.

А собственного говоря, почему бы им и не проникать, если для этого созданы все условия? Достаточно вспомнить о российском форсайт-проекте "Образование-2030", который был разработан ещё в 2010 году. Самое поразительное, что ректоры вузов, занимающие длительное время свои посты и входящие в Российский союз ректоров (интересная организация!), выступают в последнее время инициаторами введения новой системы оценки качества высшего образования. **Странная вещь – кто им мешал это сделать раньше?**

Но ведь вузы – это не только образовательные учреждения, они традиционно занимаются и научными исследованиями. Поэтому есть смысл раскрыть конкретные научные заслуги наших уважаемых ректоров. Любознательный читатель может найти в РИНЦ потрясающие сведения о неутомимой работе ректорского корпуса на ниве науки – многие их работы написаны, как правило, в соавторстве, а если и нет, то, скорее всего, "благодарными" подчинёнными, что, собственно говоря, и не принято особо скрывать. **Интеллектуальное рабство** существовало ещё в Древнем Риме – образованный раб, как

правило, грек, читал гостям своего хозяина "Одиссею" или "Илиаду", но хвалили рабовладельца, а не раба, поскольку, как считалось в то время, рабовладельцу принадлежало не только тело, но и знания раба. В вузах современной России сложилась именно такая ситуация, она молчаливо признаётся всеми как вполне нормальная, и если ректор позволяет себе такие "вольности", то и его подчинённые тоже следуют его примеру. **Проректоры, заведующие кафедрами, руководители департаментов тоже предпочитают писать в соавторстве, используя для этого фактически бесплатный труд зависимых от них преподавателей, аспирантов, магистрантов и т. д.** Естественно, что при этом качество публикаций падает год от года, и это не только российская – это глобальная проблема. На сайте ассоциации "Аналитика" приведены данные агентства "Гартнер" – если в 2000 году доля оригинального текстового контента в интернете составляла 75–80%, в 2010-м она снизилась до 30–35%, а сейчас **не превышает и 5–7%. Но в России как в стране, находящейся фактически под внешним управлением, данная проблема проявляется особенно остро.**

Но формально, с точки зрения скромного российского обывателя, ректоры ведущих вузов России выглядят как некие полубоги – и вузами руководят эффективно, и бизнесом управляют в самых разных ипостасях, и науку двигают, и общественной работой занимаются и... и... **Стоит зайти на официальные сайты вузов и ознакомиться с их биографиями, просто оторопь берёт – откуда столько сил, энергии, времени находится у этих людей, чтобы вести такую работу, которая была бы под силу разве что титанам из древнегреческих мифов!**

Но только немногие из них занимаются своими прямыми обязанностями – мало кто из ректоров читает лекции и, тем более, проводит семинарские и практические занятия, хотя многие из них, возможно, это и делали *на заре туманной юности*. Вот это действительно достижение современной России – и в Российской империи, и в Советском Союзе ректоры обязаны были читать лекции и выступать с собственными научными докладами. **Подчёркиваю: с собственными, а не написанными "интеллектуальными холопами".** Но, может быть, это и хорошо, что они редко выступают, поскольку качество этих докладов оставляет желать лучшего – это что-то, похожее на воспоминания времен "развитого социализма", а там рефреном звучало: "есть отдельные недостатки, но мы идем вперёд..." Чем закончился "развитой социализм", знают все, такая же участь, видимо, ждёт и современную "вертикаль власти" в научных и образовательных структурах, поскольку фундаментальная наука в России прекращает своё существование, а взамен неё нам любезно предлагают свои концепции западные "учителя".

Конечно, из чистой благотворительности, поскольку аборигенам необходимо внушить, что их вымирание – это результат плохого осмысления их теоретических конструкций. Возможно, для их лучшего усвоения проректорами в некоторых ведущих вузах России назначались граждане западных стран, так, например, проректором по инновационной деятельности Нижегородского государственного университета имени Лобачевского с 2013-го по 2016 год являлся гражданин США Кендрик Дэвис Уйат, **проректором Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) некоторое время была гражданка Великобритании (к сожалению, все данные о ней удалены из интернета).** И можно предположить, что это далеко не единичные случаи.

Но самое поразительное даже не это, а то, что многие ректоры ведущих российских вузов действительно считают себя если не гениальными, то уж, во всяком случае, "успешными" и "эффективными", и только по недоразумению не получившими в своё время Нобелевские премии. Эти амбиции взращиваются и подкрепляются практически неограниченной властью во вверенных им вузах. **Нетрудно догадаться, как они относятся к своим подчинённым, имея доходы, в десятки и сотни раз превышающие доходы преподавателей и сотрудников, и поэтому традиционное обращение "коллеги" в их устах превращается просто в лицемерие и откровенное издевательство.** В современном российском вузе не только рядовой сотрудник, но и профессор с трудом может попасть на приём к ректору, поскольку тот отгорожен от всех "низших" секретариатом, охраной и прочей челядью, содержать которую, как можно предположить, весьма накладно.

И вот здесь как раз и нужны студенты, обучающиеся на коммерческой основе, и неважно, что они не могут учиться, важно, что они могут платить, и поэтому возможность содержать прикормленных, приученных холопов обеспечивается в полной мере. Во многих вузах соотношение административного персонала к профессорско-преподавательскому давно превысило все разумные величины. Но ничего – многочисленные проверки нарушений не выявляют, и вполне понятно, почему не выявляют. Но дело даже не в этом. Если статус сотрудника определяется близостью к власть имущим, то любые заслуги на ниве преподавания или науки не имеют особого значения. **При этом зарплаты этих сотрудников, а также проректоров, руководителей департаментов, заведующих кафедрами, то есть лиц, особо приближенных к ректору, в государственных вузах являются тайной за семью печатями.**

И поэтому если хозяин, то есть ректор, достаточно пренебрежительно относится к своим преподавателям, то почему его челядь должна относиться к ним иначе? Вес и значение личной секретарши ректора существенно выше аналогичных у профессора, неважно, с мировым именем он или без оного. Ведь современный российский вуз – это некое удельное княжество, герцогство, султанат или эмират (по выбору читателя!), где всё определяется только желанием или просто прихотью первого лица и главных лиц из его ближайшего окружения. А для того чтобы власть ректора приобрела поистине гигантские масштабы, во многих ведущих вузах совсем недавно введена такая невиданная ранее структура – **департаменты, которые заменили кафедры**. Но суть, конечно, не в переименовании – руководитель департамента назначается и снимается приказом ректора. И никаких выборов! Общественное мнение, таким образом, как бы это помягче выразиться, просто выброшено на помойку, его заменили бесконечные интриги в окружении ректора.

А как же учёный совет, спросит вдумчивый читатель, ведь именно он управляет вузом в соответствии с уставом. Отвечаю: учёный совет – это только ширма или, если хотите, штамповочная мастерская по утверждению уже принятых ректором решений, да и учёным советом его можно назвать с большой натяжкой, поскольку туда по желанию ректора можно ввести кого угодно. Исторические аналогии беспредельной власти есть – император Калигула в Древнем Риме возвёл коня в ранг сенатора, и, следуя его примеру, пусть и не в полной мере, некоторые ректоры российских вузов назначают проректорами своих бывших водителей, охранников и т. д.

Самое странное, что такая ситуация с ректорским корпусом, похоже, устраивает всех. Никакие скандалы, связанные с наркотиками в студенческих общежитиях, традиционными и нетрадиционными сексуальными отношениями между начальниками и подчинёнными (достаточно вспомнить руководителя института образования ВШЭ господина И. Фрумина), коррупцией и т. д., не могут их сдвинуть с насиженных мест. Ещё бы, ведь стоит ректорам покинуть свой пост, как их "бизнес-империи", созданные с таким трудом, будут уничтожены. Именно поэтому многие из них мёртвой хваткой, невзирая на пенсионный возраст, вцепились в свои кресла, и если работодатель, то есть профильное министерство, относится к ним достаточно лояльно, то они могут занимать этот пост фактически бессрочно. И поэтому ректорам абсолютно всё равно, как к ним относятся подчинённые и в целом исчезающее научное сообщество, ориентируются они, что вполне логично, в первую очередь, на работодателя. Впрочем, нынешним ректорам вряд ли необходимо беспокоиться о своём будущем; после поста ректора они, как правило, плавно переходят на пост так называемого президента вуза, представляющий собой фактически пожизненную синекуру.

Таким образом, принцип вузовского самоуправления, существовавший в той или иной форме в нашей стране длительное время, полностью ликвидирован.

Следствием такого положения дел является постепенно набирающий динамику отрицательный отбор в вузовской среде – в перспективе там останутся, в основном, равнодушные, беспринципные, бесталанные или пенсионного возраста преподаватели, которым, учитывая существующие пенсионные выплаты, можно безболезненно уйти разве только на кладбище. Да и им не доверяют, аудитории во многих ведущих вузах оснащаются видеокамерами, и в любой момент, по прихоти ректора или его заместителей, можно эту видеокамеру

включить, сделать соответствующие записи и предъявить претензии неугодным преподавателям под надуманными предлогами. А учитывая то обстоятельство, что средний возраст преподавателей даже в ведущих российских вузах далеко за пятьдесят и, соответственно, шансов приобрести вторую профессию у них практически нет, то понятно, что их поведение во многом определяет **страх**. Страшно не угодить начальству, потому что оно, абсолютно произвольно, определяет, на какой срок тому или иному преподавателю продлить трудовой договор, страшно оказаться на улице с нищенской пенсией без перспектив дальнейшего трудоустройства, потому что во всех вузах идут сокращения, страшно сказать что-нибудь не то, потому что... и т. д., и т. п.

Вследствие такой ненормальной ситуации преклонение перед начальством и часто откровенное **лизоблюдство и лакейство стали одной из характерных черт современной вузовской среды**. В этих условиях личность преподавателя, его поведение, мировоззренческие установки, **вкусы и пристрастия если и будут оказывать влияние на молодое поколение, то только в отрицательном смысле**. Да и в самом деле, какие образцы поведения может давать запуганный и загнанный человек, поминутно оглядывающийся на высокое и не очень высокое начальство, поскольку от него полностью зависит его заработная плата? Но есть и другие преподаватели, пользующиеся благосклонностью вузовского начальства, вот им можно всё – и откровенное издевательство над студентами, и незнание предмета, и грубое нарушение элементарных этических норм. Параллельно у студентов убивает всякие стимулы к повышению интеллектуального уровня внедренная без всякого гласного обсуждения балльно-рейтинговая оценка успеваемости, о вреде которой (закон Гудхарта, закон Кэмбелла, волны де Брюйна) неоднократно писал на сайте "Университетская солидарность" профессор Кудюкин.

При этом в самом сложном положении оказались медицинские и технические вузы. В этой категории вузов преподавателю сложнее переступить через себя, в отличие от гуманитарных вузов, где критерии оценки знаний достаточно размыты. Поэтому отток профессионалов приобрёл там чудовищные масштабы. Так, **по оценкам некоторых экспертов, медицинское образование в России прекратит своё существование через несколько лет – не может уважающий себя преподаватель ставить по требованию администрации вуза будущему врачу положительную оценку, если тот не только не знает предмет, но и плохо владеет русским языком**. Зато в этой ситуации возможности для коррупции просто беспредельны, чего нельзя сказать о мотивации к учёбе.

Вследствие этого отчуждение между преподавателями и студентами нарастает, и возникает трагикомическая ситуация – многие преподаватели делают вид, что учат, а студенты – что учатся. "Docendo discimus" (обучая других, мы учимся сами) – похоже, эта фраза Сенеки вычеркнута из лексикона российских вузов на длительное время. Но это и понятно. Если значительное количество студентов – это люди, приносящие деньги, то ректор и его администрация всегда на их стороне – им можно всё: повальное списывание на зачётах и экзаменах, скачивание из интернета рефератов, курсовых работ и т. д. Разумеется, имитируется, и весьма помпезно, борьба с этими явлениями, издаются грозные приказы и инструкции, но если преподаватель проявит принципиальность, то он накажет, в первую очередь, самого себя: пересдачи практически не учитываются в нагрузке, но требуют больших нервных и временных затрат. Нервных, потому что **авторитет преподавателя в глазах студентов стремительно снижается, многие из них в достаточно хамской форме занимаются откровенным вымогательством нужной им оценки**. И родители часто помогают им в этом! Ребёнок ведь *получает услугу*, следовательно, он вправе оценить её качество, особенно когда за неё заплачены немалые деньги. Именно поэтому во многих вузах существует негласное правило – **двоек не ставить и за неуспеваемость не отчислять. А о том, что такое поведение развращает молодых людей, порождает инфантилизм и иждивенчество**, редко кто из "заботливых" родителей задумывается. И, как следствие, в мегаполисах мы видим целые толпы 30–40-летних представителей "офисного планктона", не способных не только отстаивать, но даже осознавать собственные интересы, не говоря уже об интересах государственных.

При этом во многих вузах зарплата работников деканатов прямо поставлена в зависимость от количества отчисленных студентов, естественно,

с отрицательным знаком. Для ещё большего "внуздания" преподавателей регулярно проводятся опросы среди студентов о качестве лекций и практических занятий, и в этом непотребном действе **Высшая школа экономики опередила все другие вузы: если преподаватель угодил студентам, то ему повышают зарплату.** Безусловно, в учебном процессе должна существовать обратная связь, исключающая субъективизм отдельных преподавателей, но, конечно, не в таком извращённом виде.

Чтобы у чрезмерно пассионарных преподавателей не оставалось времени на размышления о печальной участи российского высшего образования, от них требуется, помимо выполнения своих прямых обязанностей, писать бесконечные отчёты по самым разным формам, переписывать учебные программы, которые мало кто из студентов читает, и ещё много-много всего другого. **Об этой бюрократической вакханалии неоднократно писали в пустоту многие возмущённые работники высшей школы** на протяжении, по меньшей мере, последних десяти лет, не понимая при этом одной простой вещи: что руководству вуза нужно чем-то занимать рабочее время многочисленного административного персонала.

Отрицательному отбору в вузовской среде способствует и постоянное увеличение учебной нагрузки преподавателей – до 900 часов в год, этот верхний предел одинаков для всех – что для преклонного возраста профессора, что для молодого неопытного ассистента. А поскольку **качественно справляться с такой нагрузкой просто невозможно, то *синдром эмоционального "выгорания"* чаще всего настигает неравнодушных, беспокойных, озабоченных интересами дела, а не только своего собственного кармана, преподавателей**. Впрочем, такой объём нагрузки, можно сказать, "подарок" преподавателям от министерских чиновников – несколько лет назад они серьёзно обсуждали вопрос о верхнем пределе нагрузки в 1200 часов. Но при этом, как по Оруэллу, – ***на скотном дворе все равны***, но есть и те, кто *гораздо равнее*, а в российских вузах это, без сомнения, ректор и его администрация. Вот для них указанный предел не имеет никакого значения: заведующие кафедрами и руководители департаментов сами себе абсолютно произвольно устанавливают учебную нагрузку.

Кроме того, в принудительном порядке в вузах внедряется система так называемого "эффективного контракта" (название-то какое!), требования которого выполнить в некоторых "особо преуспевающих" вузах просто невозможно. Цель, в общем-то, понятная – **сократить в максимальной степени количество преподавателей по рекомендациям Всемирного банка**. Как следствие – о какой эффективной (очень любят это слово наши руководители!) научной работе при такой нагрузке может идти речь? Это ведь тоже одна из причин, по которой **наука в России, по признанию нынешнего президента РАН Сергеева, находится в катастрофическом состоянии – как академическая, так и вузовская**. При этом в совершенно удивительном положении оказалась аспирантура. До сих пор никто в современной России не может понять, что это такое? Действительно ли это ступень высшего образования или все-таки "кузница" кадров высшей квалификации?

Теперь мы вынуждены снова вернуться к отдельной категории студентов, обучающихся на коммерческой основе, которых в некоторых вузах и на особо престижных факультетах больше половины. Как правило, учёба им глубоко безразлична ("по барабану" – на молодёжном сленге). Многие из них просто не в состоянии освоить программу обучения, но при этом прекрасно знают, что диплом, при условии своевременной оплаты обучения, они получат в любом случае, и поэтому их отношение к преподавателям и студентам-бюджетникам очень часто, прямо скажем, достаточно пренебрежительное. Именно они чаще всего отрицательно действуют на тех студентов, которые стремятся учиться, заражая их своим цинизмом и безразличием. Конечно, не все из них такие, но, как говорят психологи, самые неполноценные типы в любом коллективе стремятся всех остальных опустить до своего уровня. Здоровьем не заражаются, заражаются болезнями, а в студенческой среде это происходит мгновенно – зачем "париться", если можно просто "потусить", а результат будет одинаковым. Те немногие талантливые студенты, которые зачислены в вуз на коммерческой основе и не могут по материальным причинам в полном объёме оплачивать образование, делают всё для того, чтобы перевестись на бюджетную форму обучения. Это, безусловно, крайне негативно отражается на

поведении данных студентов – смысл учёбы теперь для них состоит не в получении знаний, а в стремлении угодить всем и вся, чтобы решить данную проблему, которая в принципе практически не решаема, поскольку вуз не заинтересован в такого рода переводах и они, как правило, носят единичный характер.

Это тоже одна из существенных причин, вследствие которой содержательная часть учебного процесса постепенно перестала быть определяющей в российских вузах. Способствует этому также и повсеместное внедрение дистанционного образования на основе современных компьютерных технологий, естественно, с подачи наших американских учителей – читайте книгу Рона Пола "Революция в школе. Новое решение для разрушенной системы образования". В ней автор красочно и убедительно доказывает преимущества такой формы обучения, хотя для любого здравомыслящего человека рано или поздно становится понятно, что это образование – всего лишь один из легальных "способов сравнительно честного отъёма денег у населения" и эффективный метод разрушения всеобщей системы высшего образования. Благодаря дистанционной форме обучения система высшего образования в значительной степени фрагментируется и поляризуется, то есть сфера элитного образования для высших слоев общества в немногих престижных университетах начинает разительно отличаться от обычной вузовской, которая, в свою очередь, стремительно деградирует. Соответственно, интеллектуальное расслоение повышает и без того высокий уровень социальной сегрегации, а по его показателям современная России действительно является мировым лидером. Согласно данным, приведённым в *Global Wealth Report*, в 2012 году Российская Федерация среди крупных государств занимала первое место по уровню неравенства распределения доходов. На долю 1% богатейших российских граждан приходится 71% активов, при этом, для сравнения, на 1% самых богатых граждан в Индии приходится 49% активов, в Индонезии – 46%, в развивающемся "социалистическом" Китае этот показатель находится на уровне 32%, в США – 37%, в Японии – 17%. Лидирует Россия и по такому показателю, как богатство миллиардеров в отношении к богатству остального населения – он выше в 13 раз, чем в среднем по миру. Понятно, что отпрыски богатых российских семей редко получают образование в своем Отечестве, а если и получают, то рассматривают его как промежуточный этап и уезжают доучиваться в престижные западноевропейские и американские университеты. Если они и возвращаются потом назад, то только на высокие должности в сфере государственного и корпоративного управления с соответствующими, вызывающими оторопь у рядовых россиян окладами.

Но, может быть, прежнее министерство образования и науки, а в настоящее время науки и высшего образования думало или думает, в первую очередь, о талантливой молодёжи в студенческой среде, проводит, по аналогии с транснациональными корпорациями, "охоту за головами"? Ничего подобного! Есть официальное сообщение Счётной палаты: "По итогам 2016 года фактическое количество получателей грантов президента Российской Федерации для поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности и поступивших на обучение в образовательные организации высшего образования по очной форме обучения по программам бакалавриата и специалитета, составило 1 172 человека, что меньше показателя, установленного указом президента, на 1 228 человек. Федеральным бюджетом на 2016 год было предусмотрено 384 миллиона рублей на выплату указанных грантов, при этом кассовое исполнение составило всего 102,8 миллиона рублей, или 26,8 процента".

И, наконец, важнейший элемент социализации – воспитание патриотизма. Замечательных речей на эту тему произнесено великое множество, но, как это часто бывает в современной России, в реальности наблюдается обратная картина. Во многих престижных вузах руководство вузов и руководители структурных подразделений имеют или гражданство, или вид на жительство в другой стране. О недвижимости не пишу, поскольку не имею сведений, но нетрудно догадаться, что, скорее всего, и этот вопрос у многих решён самым положительным образом. Можно представить, в каком духе они воспитывают молодое поколение! Поневоле вспоминаются стихи профессора Московского университета Печерина, написанные в 1830-х годах:

Как сладостно — Отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничиженья!
И в разрушении Отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья!

А вот и современность: в 2013 году около 45% студентов, по данным социологического опроса Левада-центра, не связывают свою судьбу с Россией, а некоторые самые честные говорят, что они не любят свою страну. И в некоторой степени их можно понять – жить в обстановке очковтирательства, лжи, бюрократического произвола крайне трудно. Если учитывать, что в настоящее время социально-экономическая ситуация намного ухудшилась по сравнению с 2013 годом, то можно смело предположить, что процент молодых людей, желающих покинуть Россию, ещё больше увеличился. Правда, и в других странах ситуация ненамного лучше, но они-то этого не понимают! Впрочем, бывший министр экономического развития, а ныне "узник совести" г-н Улюкаев так не считает, и его стихи к сыну, опубликованные в 2011 году в журнале "Знамя", это подтверждают:

Езжай, мой сын, езжай отсель!
На шарике найдёшь теперь
Немало мест, где шаг вперёд
Необязательно пятьсот
Шагов назад, где, говорят,
Не всё всегда наоборот,
Где не всегда конвойный взвод
На малых выгонят ребят...

Таким образом, можно констатировать, что за прошедшие два века некоторые представители нашей русофобски настроенной интеллигенции сделали значительный шаг вперёд – добились даже высоких министерских постов.

Здесь необходимо заметить, что не только вузы виноваты в сложившейся ситуации, а, по мнению автора, и система российского образования в целом. Достаточно вспомнить нашумевшее выступление в бундестаге в ноябре прошлого года десятиклассника из Нового Уренгоя Николая Десятниченко, в котором он, видимо, по подсказке своих учителей назвал погибших солдат вермахта "невинными жертвами". Если следовать этой логике, то "злая и варварская" Россия теперь должна платить репарации Германии, а покинуть её – просто "долг" любого образованного человека. То есть в настоящее время можно с уверенностью констатировать, что требования Всемирного банка по внедрению "минимальных стандартов гражданственности" в российское образование, выдвинутые его экспертами ещё в 1994 году, не только выполнены, но и перевыполнены.

Теперь, если перейти к проблеме интеллектуального развития, уровню профессионализма выпускников, то возникает вопрос – каких специалистов выпускают современные российские вузы? Отвечаю: технические – инженеров, которые не знают закон Ома, медицинские – врачей, которые не могут поставить правильный диагноз, гуманитарные – историков, которые будут излагать историю своей страны по книгам Резуна, экономические – экономистов и финансистов, которые будут совершать в несколько раз больше должностных преступлений, по сравнению со скромными выпускниками колледжей. Может быть, в военных или специальных вузах иная ситуация? Наделавший много шума в 2016 году автомобильный пробег на элитных внедорожниках *Mercedes-Benz Gelandewagen* выпускников академии ФСБ свидетельствует о том, что и эти вузы тоже находятся, как это теперь модно говорить, в общем тренде.

К сожалению, можно смело утверждать, что данные выводы – это не фантазии автора, это суровая реальность. Уже сейчас мы видим и слышим председателя Банка России г-жу Набиуллину, которая уровень инфляции определяет стоимостью салата оливье и селёдки под шубой; молодого министра экономического развития г-на Орешкина, для которого, оказывается, есть такое понятие, как "отрицательный экономический рост", и многих других, рангом пониже. О бывшем министре обороны г-не Сердюкове вообще можно

целую поэму написать, его "интеллектуальные способности" особенно ярко проявились в подборе мебели для собственного кабинета.

Но, может быть, автор преувеличивает, и ситуация на "нижних этажах" государственной власти не такая плохая? Исхожу из личного опыта общения с представителями государственной власти разных уровней в возрасте от 30 до 50 лет. Как правило, плохо образованные, но амбициозные и... трусливые, неспособные без благосклонного кивка начальника самостоятельно решить даже самый элементарный вопрос. Единственная сфера, в которой они преуспевают, – это разворовывание бюджетных средств. По экспертным данным, через коррупционную деятельность преступные сообщества незаконно присваивают себе часть легального ВВП страны, в том числе, разворовывая до 30% бюджетных средств. Понятно, что это делают не фрезеровщики, не токари и не фермеры. И возникает крамольная мысль, – может быть, вообще закрыть многие российские вузы, ограничившись средним профессиональным образованием, потому что специалисты с такими человеческими качествами ничего, кроме вреда, обществу и государству по определению принести не могут.

А вот в подтверждение вышеизложенных тезисов более конкретный пример из практики: Фонд профилактики рака и НМИЦ онкологии им. Н. Н. Петрова провели третий ежегодный конкурс на грант "Высшая школа онкологии". Его неутешительные результаты представил исполнительный директор фонда Илья Фоминцев на проходившей в Москве 5-6 октября 2017 года VIII международной конференции "Росмедобр-2017" – "Инновационные обучающие технологии в медицине". В конкурсе приняли участие 354 выпускника из всех регионов страны и бывших республик СССР. Конкурс состоял из трёх этапов: рассмотрения заявок, решения клинических ситуационных задач на время, очного собеседования. До решения задач были допущены 222 студента, чей средний балл диплома составлял 4,53. В ходе второго тура в собственном аккаунте на сайте ВШО претенденты получили доступ на 1 час. Было дано 5 случайных клинических ситуаций из реальной жизни: нужно было открытым текстом поставить дифференциальный диагноз и предложить оптимальную тактику лечения. Большинство задач касались диагностики и тактики при критических состояниях. Оценку производили вслепую действующие резиденты ВШО по специально разработанным критериям. Оказалось, что по результатам выполнения задач у 30% участников конкурса "умерли" все пациенты, у остальных – несколько, только у 8,5% все "выжили".

Какой вывод из приведённых примеров может сделать любой мыслящий молодой человек? Очень простой – по Омару Хайяму:

Тот, кто следует разуму, — доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Таким образом, способности и знания не являются условиями карьерного или профессионального роста в современной России, то есть они ничего не дают выпускнику вуза, более того, они могут сослужить ему в будущем плохую службу. Ситуация – как в начале XIX века по Грибоедову: "А впрочем, он дойдёт до степеней известных, // Ведь нынче любят бессловесных..." Эрудированный и интеллектуально развитый молодой человек обладает осознанным чувством собственного достоинства, а вот этот "товар" в современной России явно не востребован, зато деньги и родственные связи дают многое. Пример назначения сыновей наших высокопоставленных руководителей на высокие государственные должности, в частности, Патрушева-младшего, Фрадкова-младшего, Рогозина-младшего и др., у всех перед глазами. Ну и, конечно, выгодное замужество или женитьба. Вот и все стимулы для вертикальной, по выражению социологов, социальной мобильности в современном российском обществе. Конечно, эти явления существовали всегда – и в императорской России, и в Советском Союзе, но всё-таки там были и определённые ограничители. Во всяком случае, эта проблема не носила такой всеобщий, наглый, демонстративный характер и не входила в столь явное противоречие с традициями и культурой общества.

В подтверждение этого тезиса можно привести ещё много примеров, относящихся к высшему образованию, которые косвенно отражают полную разбалансированность системы государственного управления в современной России. В частности, непонятно, сколько специалистов необходимо для тех или иных отраслей экономики, для государственного и корпоративного сектора хотя бы на ближайшую перспективу. Учитывая то обстоятельство, что макроэкономическая ситуация в стране характеризуется полной неопределённостью, а прогнозируемый на ближайшие годы экономический рост в 2% – это утверждённая правительством стратегия дальнейшей деградации российской экономики, может быть, и не стоит так уж обвинять бывшее министерство образования и науки, а тем более – вузы в создавшейся ситуации. Но ведь они молчат! В условиях, когда потребности рынка труда никем не определены, возможности трудоустройства выпускников вузов сужены до предела. Очень многие из них не могут, а некоторые и не хотят работать по специальности, и таковых, даже по официальным данным, около 80%. Естественно, что в этих условиях наиболее талантливые специалисты просто уезжают из России, как правило, в западные страны, то есть к нашим традиционным геополитическим противникам. Оставшиеся, как нетрудно догадаться, пополняют армию мелких торговцев или так называемых "предпринимателей", иногда становятся просто безработными. Те, кому повезёт, вливаются в стройные ряды неоколониальной администрации и, как предвидел один из видных представителей евразийства князь С. Н. Трубецкой, будут не "за страх, а за совесть служить делу угнетения и порабощения России".

На естественный вопрос: "А сколько вузов и какого профиля нужны современной России?" – может ответить разве что Всемирный банк. В его докладе № 13638, изданном ещё в далёком 1994 году и многократно цитировавшемся в интернете, количество вузов в России ограничено цифрой 200. Эту цифру в своих докладах неоднократно повторял бывший министр образования и науки, а ныне помощник президента господин Фурсенко. И, по нашему мнению, эта цель будет достигнута без всяких усилий со стороны Всемирного банка, только за счёт, как раньше говорили, "внутренних резервов", то есть за счёт самих аборигенов. При этом среди оставшихся вузов предполагается выделить 50 ведущих университетов, которые будут получать более или менее приемлемое финансирование. Из этих 50 вузов 23 уже получили право самостоятельно присуждать научные степени – вот такой замечательный бизнес-проект, который полностью разрушает единое образовательное пространство страны. Потому что, какой бы плохой и коррумпированной ни была Высшая аттестационная комиссия (достаточно вспомнить историю с арестом в 2013 году председателя оной господина Шамхалова), её функционирование, при условии соответствующего реформирования, сохраняло шансы хотя бы в перспективе разрабатывать и проводить единую государственную политику в сфере подготовки кадров высшей квалификации. А поскольку их в ближайшем будущем, скорее всего, в России не останется, останутся только вывески, следовательно, наука в нашей стране просто исчезнет ввиду полной её ненадобности.

Остальные российские вузы, не вошедшие в число 50 ведущих, как нетрудно предположить, будут финансироваться по остаточному принципу, благодаря чему социальная сегрегация в России, которая и так, как уже говорилось выше, является одной из самых высоких в мире, возрастёт ещё больше. Это и понятно – страна стремительно скатывается в феодализм, в новые "тёмные века", как характеризуют этот период некоторые интеллектуалы.

И, наконец, совершенно особая статья в деятельности вузов – это рейтинги публикационной активности научно-педагогических работников. В последние годы важнейшим показателем для любого российского вуза является количество научных статей, зарегистрированных в базе данных *Scopus*, разработчиком и владельцем которой является издательская корпорация *Elsevier*. Сведения об этой корпорации имеются в интернете. Удивительное дело – во всём мире поднимается протест против монополизации рынка научных публикаций, в котором данная корпорация принимает активное участие, а в России – наоборот. Ни один доцент и ни один профессор в ведущих вузах в недалёком будущем не сможет выставить свою кандидатуру на конкурс, если он не имеет публикации в *Scopus*. При этом самое поразительное, что корпорация *Elsevier* не признаёт вхождение Крыма в состав России, но преподавателей крымских вузов обязывают иметь статьи в *Scopus*. Что это – глупость или предательство?

Таким образом, получается, что публикации в российских научных журналах абсолютно второстепенны и, следовательно, этим журналам предписано умереть. Если рассматривать эту ситуацию с точки зрения здравого смысла, то, похоже, диссоциативное расстройство личности поразило многих представителей нашей так называемой политической элиты. На самом деле, ситуация гораздо печальнее: преподавателям и студентам целенаправленно навязывается мышление рядового жителя колонизируемой страны – наша страна отсталая, тёмная, забитая, у неё нет ни нормальной истории, ни достойных восхищения традиций и т. п. А если и было или есть в стране что-то действительно заслуживающее уважения, то это только благодаря иностранным учителям. Поэтому забудьте об отечественных журналах – только *Scopus*, только так называемые международные рейтинги!

Отдельно поговорим о стоимости публикаций. Она колеблется от тысячи до трёх тысяч долларов – сумма, явно неподъёмная для рядового российского преподавателя. Но даже если ему всё-таки удастся найти и заплатить указанную сумму, то возникает проблема, которая на языке экономистов звучит так: чистый отток капитала за рубеж. Впрочем, есть и российские фирмы, которые наладили диалог с корпорацией *Elsevier* и берут за посреднические услуги достаточно весомые проценты. Перед зданиями некоторых "престижных" вузов прямо на асфальте можно прочитать рекламные объявления – публикации в *Scopus*, в журналах ВАК и т. д. Но даже если наиболее успешным преподавателям удастся пройти все эти барьеры, никто им не гарантирует, что журнал, зарегистрированный в базе *Scopus*, останется в ней сколь-нибудь длительное время. Имеются прецеденты, когда те или иные журналы, в основном, из развивающихся стран, объявлялись "мусорными" и под этим предлогом исключались из базы *Scopus*. Соответственно, публикации преподавателей, за которые были заплачены немалые деньги, в вузах учитываться не будут. Удивительное дело, в недалёком прошлом русские и советские учёные никому за границу денег не передавали, но совершали открытия мирового уровня. Вероятно, в силу своей "отсталости", они бы сейчас просто не поняли всё "величие" замыслов руководителей нашего образования...

Надо полагать, что созданию такой ситуации всячески способствовало неоднократно упоминавшееся бывшее министерство образования и науки и, конечно, сама министр госпожа Васильева, достучаться до которой так стремилась профессор Афанасьева. Самое смешное, что некоторые представители нашей так называемой патриотической "тусовки" считали образовательную политику в России в бытность госпожи Васильевой министром науки и высшего образования (в настоящее время она министр просвещения) национально ориентированной и весьма прогрессивной. Но можно предположить, что, вероятно, такую идею – у нищих российских преподавателей России забрать "лишние" деньги и передать иностранной корпорации – госпоже Васильевой подсказали мормоны, поскольку её связи с этой американской сектой не являются секретом и имеют давнюю историю. Может быть, поэтому она и была назначена на пост министра просвещения в нынешнем составе правительства и, как можно предположить, по-прежнему будет отстаивать интересы американских сектантов. Конечно, последние "помогают" России из чистой благотворительности, хотя результаты этой "помощи" у всех на виду. Тем не менее, судя по всему, госпожа Васильева полностью оправдала их ожидания, о чём свидетельствует тот факт, что возглавляемое ею министерство просвещения в июне 2018 года выступило с инициативой внедрения проекта "Цифровая школа", реализация которого, по мнению очень многих педагогов, означает окончательный развал российского начального и среднего образования. Другими словами, те проблемы, которыми отягощена средняя школа, не только не будут разрешены, но и многократно возрастут, что приведёт, как несложно спрогнозировать, к дальнейшей атомизации общества, усилению социального неравенства и, как следствие, дальнейшему ослаблению государства.

ДЖУЛЬЕТТО КЬЕЗА

КТО ПОСТРОИЛ БЕРЛИНСКУЮ СТЕНУ?

11. План Маршалла

Как мы помним, двумя годами раньше, в июле 1947 года, вместе с появлением новой директивы *JCS* 1779 вступила в действие новая редакция плана Маршалла, подписанная Трумэном 3 апреля 1948 года. Первым, но уже очень многозначительным решением было поднять долю производства стали в послевоенной Германии до 50% довоенного производства. Трёхсторонние Ялтинское и Потсдамское соглашения открыто запрещали такую возможность, но советские протесты уже ничего не значили. Решение было принято без Советского Союза. Началось "участие Германии в восстановлении Европы". А в действительности – создание нового государства – союзника Запада. На деньги, одолженные Америкой. В действительности план Маршалла заключался не в подарках, а в займах, хотя в коллективном представлении народов, измученных только что окончившейся войной, он был – и остался запечатлённым в общей памяти – колоссальным проявлением незаинтересованной солидарности, неподдельной бескорыстной дружбы.

Сколько было миллиардов долларов, ассигнованных по этому плану, спорят до сих пор. В западной публицистике ходят разные цифры. Те, насчёт которых существует наибольшее согласие, говорят о 14 миллиардах долларов, распределённых на четыре года, после выступления генерала Маршалла 5 июня 1947 года в Гарвардском университете. В пересчёте на нынешнюю стоимость денежных средств это примерно 200 миллиардов долларов. Другие источники говорят о примерно 500 миллиардах долларов в пересчёте на сегодняшнюю стоимость. Точный подсчёт суммы военных репараций, выплаченных Германией западным странам, никогда не был сделан. А если он и сделан, то никому не известен. Теоретически это была сумма около 2,4 миллиарда долларов в год, и последний денежный взнос был выплачен, как кажется, в 1971 году. Если это было так, это значит, что Германия выплатила гораздо больше, чем получила по плану Маршалла. Действие плана Маршалла официально завершилось в 1951 году, о чём и было объявлено. По всей вероятности, имела место серия компенсаций, более или менее секретных, которые объясняли политическими мотивами – вымышленными, потому что открыто об этих компенсациях не объявляли.

Если целью Запада было быстро восстановить сильное западногерманское государство, – а так и было, – тогда не было никакого смысла вынуждать это

* Окончание. Начало в №6 за 2019 год.

государство тратить во время трудного индустриально-экономического возрождения такие большие суммы, отнимая их у инвестиционной политики. Это доказывает, впрочем, и поведение западных стран в отношении Саара. Вначале его вручили Франции вместе со всем углём и со всей уцелевшей во время войны промышленностью. Но в 1955 году, главным образом, под англо-американским давлением Франция была вынуждена провести плебисцит о его возвращении под германское управление. Результат голосования был положительным, и первого января 1957 года Саар вновь присоединился к Западной Германии.

На самом деле план был нужен, чтобы снова привести в движение всю мощную машину немецкой промышленности при помощи инвестиций в промышленное оборудование и средства производства (многие из которых импортировались из Соединённых Штатов). В действительности первое, для чего требовались эти деньги, — покупка предметов первой необходимости, топлива, промышленных товаров. Европа, превращённая в развалины, была не в состоянии производить почти ничего. То есть займами, по плану Маршалла, США финансировали по большей части собственное сельскохозяйственное и промышленное производство. И нельзя забывать, что этими займами финансировалась и колоссальная пропагандистская операция, целиком американская, которая научила европейцев использовать (и действовать в соответствии с ними) такие важные понятия, как "свободное предпринимательство", "предпринимательский дух", "производственная эффективность", "рынок" и "конкуренция".

Это отлично объясняет, почему Советский Союз, с лукавым умыслом приглашённый принять участие в плане Маршалла, после краткого размышления отказался. И так же поступили, по распоряжению Москвы, все страны восточного блока и три прибалтийские страны, оставшиеся под его контролем. Сталин не имел никакого желания позволять англичанам и американцам с их долларами, фунтами стерлингов и с их пропагандой проникать в его сферу влияния.

Однако ситуация с другой стороны "железного занавеса" оказывалась ещё сложнее, чем с западной. Вся европейская Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Кавказ только что подверглись страшным разрушениям и в своих промышленных, и в сельскохозяйственных областях. Задача их восстановления была поручена исключительно Советскому Союзу. Но Москве досталось решать и бóльшую часть проблем, связанных с восстановлением экономики её сателлитов. И это был не только финансовый вопрос: речь шла о соревновании с богатым Западом, во главе которого стояли богатейшие Соединённые Штаты, и одновременно надо было доказать странам восточной Европы, приобретённым во время военного наступления и бывшим совсем не в восторге от своего нового положения, что оставаться с этой стороны "занавеса" лучше.

Важное доказательство, что намерения Советского Союза на том этапе были именно таковы, — обязательство, взятое на себя СССР во время Потсдамской конференции: удовлетворить польские требования военных репараций с Германии, уступив Польше часть причитающейся СССР суммы. Щедрость Сталина была важным политическим решением, принятым, чтобы завоевать симпатии Варшавы. Но самым нашумевшим следствием поворота в западной политике вместе с созданием Федеративной Республики Германия была — как уже сказано — внезапная необходимость для Советского Союза пересмотреть всю свою политику в отношении своей оккупационной зоны.

СССР придерживался собственного плана "репрессивной оккупации". Промышленные предприятия нацистской Германии, оставшиеся невредимыми или подлежавшие восстановлению, были демонтированы и перевезены в СССР. Транспортные средства, локомотивы, вагоны, даже железнодорожные рельсы были секвестированы и изъяты. СССР, не имевший таких ресурсов, "сам себе" платил военные репарации без особой деликатности, точно так же, как поступали западные страны в своих зонах вплоть до 1947 года. Известно, что в начале 1947 года, по крайней мере, четыре миллиона немецких солдат использовались на подневольной работе в Соединённом Королевстве, во Франции и в Советском Союзе. На востоке такая ситуация продлилась до середины 1948-го. С возникновением Федеративной Республики Германия Советскому Союзу тоже пришлось, в свою очередь, создать германское государство. 7 октября 1949 года возникла Германская Демократическая Республика (*Deutsche Demokratische Republik*) со

столицей в Берлине. И снова сами даты из хроники тех лет неопровержимо доказывают, что политическая, дипломатическая, экономическая инициатива постоянно принадлежала Западу. Советский Союз действовал только "в ответ", "в противовес", реагировал, отгораживаясь "железным занавесом", который создавал Запад.

План Маршалла оказался большим успехом Запада с любой точки зрения. Обвинение Москвы в адрес Америки, что та хочет колонизировать Европу, пронеслось, как слабый вздох, только по международным дипломатическим резиденциям, но его услышала разве что незначительная часть западного общества. Западному общественному мнению объяснили, что американский план имел по преимуществу гуманитарные цели. Так его и восприняли – как братскую помощь Америки-победительницы. А экономический эффект действовал даже нагляднее, чем самая мощная пропаганда: немецкая экономика и промышленное производство Бонна (выбранного "временной" столицей ФРГ) быстро росли. Через два года после принятия плана Маршалла Германия уже подавала признаки бурного экономического возрождения, и остальная Европа начинала получать выгоду от его результатов.

Но самое реалистическое описание того, что означал план, дано было самим его создателем, генералом Джорджем Маршаллом, которого Гарри Трумэн назначил госсекретарём, в выступлении в Гарвардском университете (Кембридж, штат Массачусетс). На семи отпечатанных на машинке страницах, прочитанных им с трибуны Мемориальной церкви, излагались идеи, которые Трумэн потом озвучит в момент подписания плана: "План Маршалла <...> – не филантропическая операция <...>. Он основан на нашем видении требований, которые предъявляет нам безопасность американцев. <...> Это единственный мирный способ, сейчас открытый для нас и соответствующий нашему образу жизни, и отвечающий требованиям безопасности ответить на коммунистический вызов".

В 1951 году Западная Германия увеличила промышленное производство в шесть раз по сравнению с 1946 годом. Запад доказывал народам своё экономическое превосходство. Коммунистические партии, возрождавшиеся тем временем во всех европейских странах, везде чувствовали себя слабыми и растерянными. Советскую модель, угрюмую и далёкую, невидимую за "железным занавесом", защищать было трудно. Финансирование, которое Москва могла им дать, было крохами по сравнению с огромными долларовыми пирогами, которые Соединённые Штаты могли стряпать для поддержки проамериканских партий, формировавших все западноевропейские правительства. Повсюду происходило одно и то же. Поддержка социалистических идей чувствительно ослабла. Все самые важные органы печати, радио и телевидение стали объектами приобретения для крупных промышленных центров и американских спецслужб. То, что произошло в Италии, касалось всех. 18 апреля 1948 года Итальянская коммунистическая партия, которая благодаря Тольятти совершила Салернский поворот – радикальное обращение к парламентской демократии и правовому государству, отказавшись от идеи диктатуры пролетариата, – проиграла выборы и вскоре была исключена из правительства.

Политика демонтирования немецкой промышленности кончилась в 1951 году, а в 1952-м ФРГ присоединилась к Европейскому Сообществу угля и стали (CECA). Военная оккупация Западной Германии официально завершилась в 1955 году. Джорджу Маршаллу вручили Нобелевскую премию мира в 1953-м. По эту сторону "железного занавеса" американская гегемония была обеспечена всеми средствами.

12. Нюрнберг и "денацификация" Германии

Для нас неизбежно вернуться на шаг назад, чтобы посмотреть, как победители поступали не только с государством, но и с побеждённым режимом. Заявление Москвы в октябре 1943 года, подписанное Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, определило критерии, которые они считали главными для решения проблемы. Забраковали идею общей казни виновных, которая имела сторонников среди журналистов и западных политических лидеров, и решили, что только торжественный приговор и законный судебный процесс может прочертить на будущее юридическую и этическую границу, указывающую, что

не только и не столько незаконна война, сколько незаконно использовать её для нарушения всех моральных правил в отношении мирного населения и прав каждого человека на жизнь и человеческое достоинство.

Решено было, что главных руководителей нацистской партии будут совместно судить союзники, тогда как все соучастники – не немцы будут принудительно депортированы в родные страны и там судимы по тем законам, какие будут там действовать на момент подписания перемирия. Через шесть с половиной месяцев после капитуляции Германии, 20 ноября 1945 года в Нюрнберге начался судебный процесс над самыми высокопоставленными германскими функционерами, оставшимися в живых. Международный военный трибунал был составлен из судей, назначенных в равном количестве Соединёнными Штатами, Великобританией, Францией и Советским Союзом. Каждый из четырёх победителей назначал судью и группу прокуроров, которые должны были выдвигать обвинения. Необходимо было определить юридические нормы, которым надо было следовать в ходе процесса – задача нелёгкая, так как критерии, существовавшие в четырёх странах-победительницах, были не одинаковы. Сам выбор главных подсудимых не обошёлся без споров и проблем. В конце концов, было достигнуто согласие насчёт 24-х подсудимых, которых на самом деле выбрали для того, чтобы они представляли весь класс нацистских руководителей в его военной, политической, экономической и дипломатической составных частях.

Трое из этих подсудимых, – конечно, главные, – не могли сесть на скамью, потому что покончили с собой перед концом войны: Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер, Йозеф Геббельс. В числе подсудимых должен был быть и Густав Крупп – крупный промышленник, главная опора германской милитаризации. Крупп, хотя его и включили в первоначальный обвинительный акт, перед судом не предстал. Во время предварительных слушаний решили с общего согласия, что возраст и слабое здоровье – достаточный мотив исключить его из числа обвиняемых. В конце концов, перед судом предстал 21 человек. Мартин Борман, личный секретарь Гитлера, не был задержан, и его судили заочно. Роберт Лей, занимавший пост одного из 18-ти рейхсляйтеров (руководителей рейха) в качестве главы *Deutsche Arbeitsfront* (Немецкого рабочего фронта), покончил с собой накануне процесса.

Их обвиняли в преступлениях против мира, военных преступлениях, заговорах, преступлениях против человечности. В число последних входили убийства, истребление людей, депортация, преследование населения оккупированных областей по расовому, политическому и религиозному признаку. Трибунал постановил, что каждое решение, чтобы быть принятым, должно получить согласие, по крайней мере, троих из четверых судей. Впоследствии предстали перед судом все главные нацистские организации: рейхсканцелярия, специальные военные формирования – такие, как СС, служба безопасности – СД, гестапо (тайная полиция), штурмовые войска (СА) и верховное командование германских вооружённых сил. Вердикт первого и самого важного процесса в Нюрнберге был вынесен 1 октября 1946 года. Двенадцать подсудимых приговорили к смертной казни, кремировали в Дахау и сбросили пепел в реку Изар. Трое подсудимых получили пожизненное тюремное заключение, других приговорили к более мягким наказаниям. Трое были освобождены.

24 главных обвиняемых были выбраны как предупреждение и как символ. В истории, на страницах учебников, в воспоминаниях того поколения остался процесс над руководителями. За ним последовали мириады менее значительных процессов, на которых судили офицеров и чиновников менее высокого уровня. Гарри Трумэн назначил главным прокурором американца, который расследовал дела 183-х обвиняемых-немцев на 12-ти отдельных процессах. В послевоенные годы в зоне, находившейся под советским контролем, последовали друг за другом сотни процессов. Другие судебные процессы состоялись в Италии, Австрии и Франции. Но история германской “денацификации” совсем не так ясна, как представлялось на Нюрнбергском процессе.

Достаточно вспомнить, что 10 октября 1945 года комиссия американского Сената под председательством сенатора Килгора опубликовала результаты расследования об ответственности немецких промышленников, “несомненно замешанных в преступлениях, совершённых нацистами”, где фигурировали 42 крупных промышленника, среди них названы были Крупп, Стиннес, Клик, Тиссен, Сименс, Пфердменгес. 23 марта того же года, за восемь месяцев до

“главного” процесса, генерал Маршалл распорядился арестовать 1800 промышленников. Ещё была крепка в умах и в сердцах – и на Западе, и в Советском Союзе – мысль, что очищение страны не должно быть поверхностным, иначе нельзя создать демократическую страну. Но достаточно вспомнить дату “длинной телеграммы” Джорджа Кеннана (23 февраля 1946 года) и Фултонской речи Черчилля (5 марта 1946-го), чтобы понять, почему 29 ноября 1946-го 27 из 42-х немецких нацистских промышленников были освобождены как невиновные.

Западные страны уже начали снова принимать бывших нацистских главарей на гражданские и административные должности на всех уровнях. Начали терпимо относиться к формированию военных объединений неонацистского толка. “Денацификация” Германии начала терять поддержку именно тогда, когда начинался Нюрнбергский процесс. То же относится и к “демилитаризации”. Создание НАТО уже шло полным ходом. В конце 1949 года генерал Клей открыто поддержал необходимость создать западноевропейскую армию и включить в неё германский контингент. 25 мая 1950 года западные министры иностранных дел, собравшись в Лондоне, решили, что “Германия должна быть освобождена от всякого контроля”. По этой новой колее, на которой уже неуместно было говорить о денацификации, пошло создание вооружённых сил Федеративной Республики Германия.

Статья 5 Потсдамского соглашения была забыта:

“Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и её целей, должны быть арестованы и интернированы”.

Для сравнения с высказанными здесь намерениями – вот несколько фактов: **Адольф Хойзингер**, командир дивизии, генеральный инспектор и глава генерального штаба Бундесвера – его мы вскоре встречаем на посту председателя военного комитета НАТО, который был высшей руководящей структурой этой организации. Следует добавить, что его имя открыто называлось в списке военных преступников – там он фигурировал в качестве экс-главы главного штаба Гитлера. И весь список производит впечатление. Вот ещё пример: **Фридрих Руге**, вице-адмирал, кавалер ордена Креста, вручённого по приказу Гитлера, сотрудник военного преступника Кессельринга в Италии – он тоже занял высокое положение в Атлантическом Альянсе. Так же, как и **Ганс Шпайдель**, ставший командующим наземными силами НАТО в центральной Европе, имея не вызывающее сомнений прошлое организатора нацистской агрессии против Франции и потом – главы гитлеровского генерального штаба. **Йозеф Каммхубер**, дослужившийся до командира дивизии, генерал-инспектор государственных сил истребительной авиации – после того как был питомцем Геринга и бомбил (10 мая 1940 года) немецкий город Фрибург, чтобы дать нацистам предлог для воздушного терроризма против мирного населения Франции. Итак, достаточно запомнить это краткое перечисление, чтобы понять, какой политический и моральный переворот совершился в эти послевоенные годы: в 1957 году гитлеровских генералов, занимавших посты в командовании Бундесвера, было 38; в 1960-м их стало 160.

Этот процесс стал даже более явным, когда формировались первые правительства Федеративной Республики Германия под руководством Конрада Аденауэра. Приводим здесь текст статьи 6 Потсдамских соглашений:

“Все члены нацистской партии, которые были больше, чем номинальными участниками её деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуобщественных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии”. Но в середине 1961 года из 18-ти министров 13 были членами акционерных обществ тяжёлой промышленности при гитлеровском режиме, а 9 сотрудничали с режимом или занимали должности в национал-социалистической партии, в СС, в нацистском государственном аппарате.

Несколько примеров будут полезны, чтобы лучше понять происходившее. **Людвиг Эрхард**, вице-канцлер и министр экономики ФРГ, был руководителем нацистского института промышленных исследований. **Франц Йозеф Штраусс**, министр обороны при Аденауэре, был офицером-инструктором вермахта. **Ганс Кристоф Зеебом**, министр транспорта, был командиром в СС. **Теодор Оберлендер**, министр по вопросам беженцев, руководил пресловутыми СА и был председателем фашистского союза "Восточная Германия". **Ганс Иоахим фон Меркатц**, министр юстиции, начинал свою карьеру в гестапо – гитлеровской спецслужбе.

Стоит упомянуть о таком наглядном эпизоде. 22 октября 1952 года канцлер Аденауэр в ответ на запрос депутата от социал-демократической партии Эрлера, заявившего, что в государственных органах боннского правительства слишком много нацистов, заметил: "Господин Эрлер утверждает, впрочем, вполне справедливо, что, чем выше взбираться по лестнице правительственных должностей, тем больше увидишь нацистов. Это правда, что среди функционеров, перечисленных господином Эрлером, начиная с должности советника и выше, около 66% составляют нацисты. Но я думаю, что нужно рассматривать этот вопрос с должной беспристрастностью, и можно сказать, что нельзя было действовать иначе. Было бы невозможно, например, восстановить наше министерство иностранных дел, если бы не были возвращены, по крайней мере, на высшие должности, лица, имевшие определённый опыт в этой области. Я считаю, что мы должны перестать требовать удаления этих нацистов".

13. Нацизм и Запад

Мы уже познакомились с рассуждениями Запада, то есть англо-американцев, о распаде антинацистского альянса, произошедшем сразу же после Потсдамской конференции. Это очень точные стратегические, геополитические, экономические и военные оценки. Конечно, реалистические, потому что, как мы увидим, верно учитывают американские и западные интересы. Однако это не исчерпывающие объяснения последующего развития событий. Не обязательно, хочу я сказать, чтобы создание Федеративной Республики Германия должно было происходить именно так, как оно в действительности происходило. План Маршалла, например, – совсем не то же самое, что НАТО, и не другая сторона той же медали. То есть создание НАТО вовсе не было необходимо в этих специфических условиях, хотя Запад считал необходимым прекратить "карательную оккупацию" побеждённой нацистской Германии и начать создавать Федеративную Республику Германия. Если НАТО создали, то потому, что в планах Соединённых Штатов было неограниченное наступление, и его первой целью было поражение Советского Союза.

Никто, я думаю, не описал это миросозерцание американской элиты лучше, чем это сделал Гор Видал в своём "Золотом веке", когда вложил в уста одного из будущих новых хозяев мира такие рассуждения:

"Настоящим врагом Соединённых Штатов, а в то же время и Бога, потому что они тождественны и неразделимы, был не Гитлер и не нацизм, а Сталин и его неотразимое кредо, изобретённое, чтобы очаровывать безмозглые массы всего мира – коммунизм без Бога, который покончит с деньгами во всём мире"[1].

Думаю, что Видал, который, будучи непосредственным свидетелем, верно описал идеи, распространившиеся в американской элите тех лет, подметил главное: "И чего требует от нас сегодняшний день?" – спрашивает один из тех, кому Америка обязана своим величием. И собеседник ему отвечает – с сарказмом, необходимым, чтобы не улыбнуться самому, но с уверенностью человека, произносящего историческую фразу: **"Быть уверенным, что свет свободы от факела той железной дамы сияет от Нью-Йоркского залива до далёких башен Улан-Батора, если там есть башни, в чём я сомневаюсь"**[2]. Слова, вложенные в уста Генри Адамса[3]: **"Видишь ли, в конце концов, Европа уже не будет иметь значения, Европа – наше очаровательное прошлое. Тихий океан – наше ближайшее будущее. Потом континенты к северу. Провинция Шаньси в Китае. Манчжурия, Сибирь. Сейчас у нас власть. И у России. А вот это – к сожалению"**[4].

Именно: к сожалению, и причину сожаления рано или поздно надо будет устранить. Но не обязательно сейчас. "Сдерживание", на которое Джордж Кеннан указывал как на ключевой момент будущей американской политики в отношении Советского Союза, не предполагало само по себе создания военного блока откровенно агрессивного характера, каким стал с первых шагов блок НАТО. Не будем забывать, что Варшавский договор возник почти через пять лет, в ответ на создание НАТО (и не забудем при случае, что после развала Советского Союза, последовавшего за распадом Варшавского договора, блок НАТО продолжает существовать, безмерно расширился и даже стал вооружённой рукой Запада, грозящей всему остальному миру).

Значит, надо искать другие мотивы, которые лучше объяснили бы не только агрессивное искажение политики Запада против СССР, но и нацистскую окраску этого неожиданного искажения, приобретённую сразу же после окончания "карательной оккупации", действовавшей до Потсдамского соглашения. В немногие месяцы совершился переворот, который превратил в "друга" и товарища государство, прежде бывшее злейшим врагом Запада. Среди этих мотивов был один решающий. Влиятельные части английских и американских элит финансировали приход Гитлера к власти и поддерживали отношения большой дружбы и открытой идеологической близости с нацизмом как политическим движением. В этих объятиях с нацистами прямо участвовали не только многие политики из Лондона и Вашингтона, но – как уже было здесь замечено – западные промышленники и банкиры из самых влиятельных. В этом смысле можно с уверенностью утверждать, что Уинстон Черчилль отлично выражал настроения всех этих людей, когда всякий раз систематически реагировал на каждый шаг Рузвельта к дружественным соглашениям с Советским Союзом.

Черчилль был тем же самым Черчиллем, который с 1918 года провозглашал необходимость "задушить в колыбели" большевистскую угрозу. Советская Россия оставалась, и не только для него, постоянной навязчивой идеей. И теперь он был вынужден, не скрывая своей нетерпимости, вести диалог с Советским Союзом и со Сталиным не только на равных, но и как с собеседником, сыгравшим главную роль в достижении победы и предъявившим свои права на оккупацию огромнейшей части Европы. Но Уинстон Черчилль был в то же время "последним из могикан" Британской империи. Он чувствовал, что исход Второй мировой войны означает закат имперских амбиций Лондона. Он чувствовал это каждое мгновение по напористости и бестактности новоприбывших из-за океана, по грубости и высокомерию новых хозяев, с которым они держались. Поэтому он защищал свои воспоминания и своё прошлое – своё и своего круга – людей, с которыми он встречался, к примеру, в залах Райт-Клуба в Лондоне, в котором состояло немало членов британского правительства, не только антикоммунистов, но и откровенных антисемитов.

В этой среде систематически оказывали поддержку Гитлеру. Эдуард Восьмой, "король-предатель", который был таким большим другом Гитлера, что стал его информатором. Он вынужден бы отречься от престола именно по этой причине, а не из-за своих "скандальных" отношений с Уоллис Симпсон, как рассказывали тогдашние газетёнки. Управляющий Банка Англии Норман Монтегю руководил сверхсекретными операциями, позволившими нацистам присвоить австрийское (во время вторжения в Австрию в 1938 году) и чешское золото. В обоих случаях местом назначения, куда перевезли краденое золото (в случае с чешским золотом речь шла, как утверждают историки, о сорока восьми миллионах долларов), был швейцарский город Базель, а точнее – бронированные хранилища Банка международных расчётов, вскоре ставшего, почти подпольным образом, – широкая публика даже не подозревала о его существовании – главным среди центральных банков Запада.

До того времени Соединённые Штаты ещё были – или делали вид, что были, как показывают приведённые здесь цитаты из "Золотого века" Гора Видала, – актёрами на вторых ролях, младшими братьями, учениками. В отношениях Рузвельта и Черчилля можно увидеть отражение ещё недавно начавшегося упадка одних и возвышения других. Возвышение Третьего рейха поэтому происходило вначале под покровительством Британии, а в это время американские симпатии к нацизму быстро росли, и ненасытная жажда капиталов, которые были уже вложены и которые ещё можно было вложить в нацистскую Германию, стимулировала их не менее, чем идеологическая близость с нацизмом и ужас перед советским коммунизмом и плодами, которые пожинала

в те годы большевистская система планирования. На обоих берегах Атлантического океана те, кто дальше видел, понимали, что нацизм может стать важным союзником в борьбе против экспансии коммунизма.

Одним из главных заокеанских первооткрывателей нацизма стал Прескотт Буш, отец Джорджа Херберта Уокера Буша и дедушка Джорджа Буша-младшего, двух последних избранных президентов Соединённых Штатов Америки, управлявших страной в общей сложности три президентских срока. Дедушка Прескотт занимал важный административный пост в банке *Brown Brothers Harriman*, когда правительство США издало *Trading with the Enemy Act* (Закон о торговле с врагом). Шёл октябрь 1942 года, и 20-го числа этого месяца одним из первых последствий этого указа стал секвестр акций *Union Banking Group*, часть которой составлял *Brown Brothers Harriman*. Мотивом послужило то, что Прескотт Буш, Гарримен и их немецкие партнёры все вместе служили подставными лицами для нацистов и вместе управляли их делами в Соединённых Штатах[5].

И они были не одни. Ещё одним влиятельным покровителем Гитлера был Генри Форд. На его предприятиях "сконструировали пятитонный грузовик, на котором строилось всё снабжение в немецкой армии"[6]. Однако речь шла не только о делах, инвестициях, военных машинах и прибылях, но и о дружбе. Операция "возвращение нацизма" в Америке и в Европе шла в связи с одним из самых важных и дальновидных проектов, связанных с разрывом Потсдамских соглашений. Речь шла о том, чтобы возвести на верховные посты Атлантического Альянса как можно больше способных нацистов – постепенно, систематически, опираясь на хорошо продуманную стратегию. В особенности это касалось сотрудников спецслужб Третьего рейха. Это были кадры очень опытные, идеологически убеждённые, и нужны они были не только для решения сиюминутных задач, но и для того, чтобы поставить на ноги информационные и коммуникативные структуры Соединённых Штатов, ещё находившиеся в зачаточном состоянии.

Одно из самых ярких дел в этой операции касалось генерала Рейнхарда Гелена, командовавшего русским отделом организации *Obercommando di Wermacht* (*OKW*), то есть главного штаба Гитлера. Гелен был увезён, спасён американскими спецслужбами и в условиях полной секретности доставлен в Соединённые Штаты Америки. Как ясно каждому, вопрос этой операции был предварительно хорошо продуман. Речь шла о том, чтобы ключевой виновник ускользнул не только из советских рук, но и из рук союзников. Гелен увёз с собой самые важные части секретного архива о Советском Союзе. Условия этого бегства, сложность его организации указывают, что он пользовался покровительством на высшем уровне. В Вашингтоне Рейнхард Гелен вступил в тесные отношения с филонацистом Алленом Даллесом и с его братом Джоном Фостером Даллесом – первый станет главой *Central Intelligence Agency*, второй – госсекретарём.

И потому именно Гелен создал русский отдел ЦРУ, которое как раз возникало в эти годы, чтобы затем стать самым мощным оперативным орудием Соединённых Штатов Америки. Тогда оно называлось *Office of Strategic Services* (*OSS*) – это учреждение было распущено в 1945 году и заменено *Central Intelligence Group* (*CIG*), а после принятия *National Security Act* (Закона о национальной безопасности) 1947 года стало называться ЦРУ. Эти высокие заслуги были признаны и вознаграждены, когда Гелен через несколько лет вернулся в Германию и встал во главе *Bundesnachrichtendienst* (*BND*) – спецслужбы ФРГ.

Следы Рейнхарда Гелена и Аллена Даллеса, ставшего тем временем главой ЦРУ, заметны во многих молниеносных карьерах нацистов в НАТО. Мы уже упоминали генерала Адольфа Хойзингера, ставшего председателем военного комитета НАТО после того, как он занимал пост в *OKW* на ступеньку выше Гелена. И нацистский адмирал Фридрих Гуггенбергер сделал карьеру и дошёл до верхов военного комитета НАТО в Вашингтоне. А нацистский генерал Ганс Шпайдель несколько позже, в 1957-м, стал главнокомандующим вооружённых сил Центральной Европы (*AFCENT*).

Список можно продолжать. Нацистские старшие офицеры, такие, как полковник Генниг Штрумпелль и полковник Гейнц Коллер-Штраусс под внимательным руководством Соединённых Штатов получили места в союзнических главных штабах и в руководстве спецслужб НАТО. Можно сказать, что все они

вместе создавали настоящую сеть контроля над политикой Атлантического Альянса, в свою очередь, интегрированную в ЦРУ. Эта связь между ними наилучшим образом характеризует и эту сеть, и ЦРУ.

Особенного внимания заслуживает история Эберхарда Тауберта, нациста с 1931 года, одного из самых высокопоставленных чиновников министерства пропаганды Геббельса. Когда война кончилась, ему удалось бежать в Южную Африку, но он вернулся в Германию под защиту Гелена, который позвал и его в спецслужбу *BND*. Оттуда он перешёл в министерство обороны под начало другого бывшего нациста, Франца Йозефа Штраусса, чтобы, наконец, тоже попасть в НАТО в качестве консультанта отдела психологической войны.

Одним словом, от Геббельса до отдела психологической войны в НАТО и потом, как мы увидим, до проекта *Bluebird* ("Синяя птица") и "маньчжурского кандидата" Аллена Даллеса чёрная нить тянется к стратегии напряжённости в Италии, которая началась 12 декабря 1969 года с теракта на площади Фонтана[7]. Канва была та же. Берлинская стена отбрасывала тень на умы многих, кому показывали, как в платоновской пещере, образы-тени, которые они принимали за анархистов и коммунистов. Красные бригады с похищением Альдо Моро[8], решение о котором принималось в Вашингтоне, и убийством его охранников стали апогеем *convenzio ad excludendum*[9] Итальянской Коммунистической партии. В сущности, очень похоже на пожар рейхстага: отлично организованная *false flag operation*[10], фирменный знак нацистов.

14. Аллен Даллес и операция "Скрепка"

Не только неизбежно, но и просто обязательно сделать здесь отступление, чтобы пояснить, какую роль сыграл Аллен Даллес в истории, некоторые из основных вех которой мы здесь реконструируем. Придётся изложить саму его биографию, чтобы сообщить факты и восстановить логическую цепь, которая их связывает. Даллес был первым "гражданским", ставшим директором ЦРУ в 1953 году. Но его жизнеописание и до этой даты изобилует событиями. Отступая вспять, мы видим его директором *OSS* в Швейцарии под кодовым именем "Агент 110", под прикрытием должности помощника американского посла. Он оставался там с 1942 по 1945 год. Идеальное место для адвоката, для банкира и для посредника в купле-продаже оружия, каковым он и был предыдущие десять лет.

Но его забывчивость в отношениях с нацистами восходит к более раннему времени – на несколько лет раньше его службы в Швеции. Например, когда 4 января 1933 года Гитлер, попавший в затруднительное положение, был спасён банком Шрёдера, покровительствуемым группой немецких промышленников, этому помогали и руководили операцией двое американцев – братья Джон Фостер Даллес и Аллен Даллес. Второй из них в 1934 году вошёл в административный совет банка Шрёдера, а первый стал юрисконсультом этого банка. И – эффектный оборот дела, достойный шпионского романа, – через два года банк Шрёдера объединяется с банком "Рокфеллер и К". Последний, в свою очередь, поглотил уже упоминавшийся *Brown Brothers Harrimen and Rock* (почти *Rockfeller*), где Даллес вёл финансовые дела с Прескоттом Бушем.

Многочисленные шпионские операции Аллена Даллеса удавались именно благодаря его широким связям и знакомствам в нацистской среде. Благодаря этим знакомствам ему удалось глубоко изучить спецслужбы Третьего рейха – методы, учреждения и людей. В самом деле, он сыграл главную роль в операции "*Paperclip*" – "Скрепка", в ходе которой Соединённые Штаты "импортировали" на свою территорию около 20 000 немецких учёных и членов их семей. Операция получила санкцию Трумэна и строгий гриф "совершенно секретно". Конечно, их нужно было наказать, но, чтобы этого не делать, использовали фиговый листок – разделение на тех, кто "сильно привержен нацизму", тех, кто "немножко меньше". Некоторые из них были слишком важны для государства, чтобы позволить их узнавать, и поэтому американская спецслужба подновила их биографии, снабдила их фальшивыми документами, прикрепив их скрепкой, чтобы в случае нужды можно было их отыскать. И обеспечила их домами, убежищами, службой, лабораториями в других странах, многие из которых были американскими "почти колониями" Соединённых Штатов.

Значение и важность этой операции были огромны. США убили одним выстрелом многих зайцев. С одной стороны, они приобрели кадры, сыгравшие решающую роль в научных успехах нацистской Германии, избежав риска, что эти кадры попадут в советские руки. С другой стороны, они могли использовать немецких нацистов, принявших американское гражданство, как шпионов для внедрения на советскую территорию[11]. Говорят, что ни Трумэн, ни Эйзенхауэр не были в курсе ни масштабов операции, ни применения её результатов[12].

Именно при Аллене Даллесе были изобретены и опробованы утончённо разработанные системы, позволяющие ЦРУ избежать контроля политических институтов Соединённых Штатов. В период его руководства Центральным разведывательным управлением оно стало государством в государстве, часто таким могущественным, что могло своими действиями определять политику администрации США и самих президентов. В столкновении, идущем, когда я пишу эти строки, между действующим президентом Дональдом Трампом и тем, что многие комментаторы называют "глубинным государством", легко различить корни этого последнего, крепко вросшие в спецслужбы. И в этом случае безумный страх перед советским коммунизмом принудил многих считать, что все средства хороши, чтобы противостоять КГБ. Включая те, которые могут обернуться против американских граждан, против государственных чиновников, против непокорных журналистов, режиссёров, писателей. И как раз в те годы, которые мы здесь исследуем, были заложены основы почти полной бесконтрольности ЦРУ.

Central Intelligence Agency Act (Закон о Центральном разведывательном управлении) был принят при Трумэне в 1940 году. Главы организации получили доступ к средствам самой настоящей секретной казны, которая существовала параллельно с государственной, и были освобождены от контроля и ограничений, связанных с пользованием государственной казной. В указе открыто говорилось, что ЦРУ освобождается от обязанности предоставлять кому бы то ни было, не принадлежащему к этой организации, какую бы то ни было информацию, касающуюся самой организации, её функций, обязанностей её сотрудников, их числа, их жалованья. Исходя из этого, можно представить, и даже в деталях (информация, добытая благодаря опытности нацистов, тоже была проворно взята в оборот), как должны были использоваться перебежчики, "пятые колонны", "подходящие иностранцы", как свободно можно было подделывать документы, обходить иммиграционные процедуры, обеспечивать, когда нужно, экономическую поддержку, прикрытия, технику.

Кто хочет подробнее изучить, например, события, которые предшествовали 11 сентября – террористическому акту огромных масштабов, расчистившему путь для "бесконечной войны" против терроризма, – сопутствовали ему и следовали за ним, найдёт те же оперативные инструменты, работающие на полном ходу. Начиная с управления мнимыми террористами (которые вели четыре самолёта) как "подходящими иностранцами", которых Соединённые Штаты снабдили въездными визами, а некоторым из них оказывали помощь и гостеприимство, даже когда они находились в тренировочных центрах ЦРУ и армии Соединённых Штатов. Но это уже другой, долгий разговор, выходящий за пределы этой работы. Всё это уже широко применялось, когда Аллен Даллес управлял американской политикой со своего поста директора ЦРУ до того дня, как Джон Кеннеди решил его уволить 28 ноября 1961 года.

Конъюнктурной причиной увольнения был провал вторжения в залив Свиней на Кубе, которое хотел и который даже навязывал Аллен Даллес. В действительности Даллесу предъявили тяжёлые обвинения круги американской печати, близкие к Джону Кеннеди и его брату Роберту: его обвиняли в финансировании нацистов перед Второй мировой войной; в сотрудничестве с американской мафией, в том, что он приводил к власти режимы определённо проамериканские, но также определённо не пользующиеся поддержкой народа, диктаторские, коррумпированные. Он ушёл после того, как лично испытал эйфорию имперской власти, вознёсшей его на самые вершины. Среди ста операций, которые "его" ЦРУ успешно осуществило, одной из "лучших" была знаменитая операция "Аякс" – свержение Мохаммеда Моссадыка в Иране в 1953 году. Одна из главных, как сейчас принято говорить, *regime changes* – операций по смене режима XX века. Место Моссадыка занял шах Реза Пехлеви, отменивший национализацию *Standard Oil Company*. То есть компании, которая, между прочим, принадлежала дяде Аллена Даллеса Джону Дэвисону Рокфеллеру.

За этой операцией последовала другая – "*PBSuccess*" – государственный переворот 1954 года в Гватемале, когда сместили демократически избранного президента Хакобо Арбенса Гусмана. Но в те славные годы Аллен Даллес действовал изобретательно в полном смысле этого слова. Выучка нацистов дала ему крылья, чтобы летать и в более отдалённые страны. В это время возникал Голливуд, и его образы начинали вторгаться в мир вместе с долларом, поощряя завоевательный дух без пределов. Вероятно, именно в этой атмосфере возник в 1953 году проект "*MK-Ultra*", иначе "*Bluebird*"[13], иначе "*Project Artichoke*". Речь шла о контроле над человеческой психикой, чтобы воспитывать бессознательных убийц и держать их "под гипнозом", даже годами, пока они не понадобятся, чтобы можно было подтолкнуть их к действию какой-нибудь командой, влияющей на подсознание. В ЦРУ думали, что таким образом можно контролировать неудобных иностранных лидеров, приручать их или убивать. И Голливуд, так сказать, не отставал. Кто не слышал о фильме "Маньчжурский кандидат" ("Иди и убей!") с Фрэнком Синатрой в главной роли?

15. Бреттон-Вудская конференция

Один из главных мотивов, вызвавших Вторую мировую войну, был специфически западным – это был тяжелейший кризис 1929-1930 годов. Советский Союз из-за своей экономической модели, альтернативной капитализму, и из-за своего богатого запаса энергетических полезных ископаемых остался от кризиса в стороне. Это был мировой кризис, и в первый раз он исходил из Соединённых Штатов, демонстрируя, что они уже в центре мировой экономической системы. Контроль над рынком обмена, в конце концов, подорвал в корне систему международных платежей. Конкуренция обменных курсов заменила реальную конкуренцию производственных процессов. Те, кто мог, снижали стоимость своей валюты и тем самым наращивали свой экспорт, уменьшая таким образом дефицит платёжного баланса. В результате доходы самых везучих стран, как правило, вырастали на краткий период, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе успех оборачивался катастрофой. Инфляция снижала спрос на товары, это, в свою очередь, провоцировало рост безработицы. Мировая торговля сокращалась.

В тридцатые годы, начавшиеся американским биржевым крахом 1929 года, большей части мира пришлось столкнуться с тем, что назвали Великой депрессией. Много сказано и написано в последующие десятилетия в похвалу экономической и социальной политике "Нового курса", то есть мудрости и решительности Франклина Делано Рузвельта. Американский президент, без сомнения, был великим человеком, но этого самого по себе было бы недостаточно. Сегодня все знают – или должны знать, – что решающим фактором, позволившим преодолеть Великую депрессию, была трагедия Второй мировой войны. Такая оценка в особенности важна сегодня, когда бóльшая часть западного мира находится в аналогичной ситуации. Инструменты контроля за системой стали мощнее и утончённее, но и вредоносность процессов и их способность избегать контроля выросла. И беспокойство, что кризис усилится, увеличивается с ростом сознания, что нет регулирующего "центра", способного установить новые правила.

Эти предварительные и по необходимости краткие рассуждения приводят нас к другому важному моменту, охарактеризовавшему десятилетие, которое мы исследуем, – к Бреттон-Вудской конференции. Вторая мировая война ещё не кончилась, когда первого июля 1944 года открылись переговоры о том, чтобы установить новую международную валютную политику. 22 дня в напряжённых дискуссиях 730 делегатов от 44-х наций исследовали узлы, которые Великая депрессия обнаружила перед всеми без возможности их развязать. В отеле "Маунт Вашингтон" были представлены практически все страны западного мира, но очевидно было, что главных героев, которые могли бы решить, как регулировать торговые и финансовые отношения в послевоенном мире, меньше, чем пальцев на одной руке.

На Бреттон-Вудской конференции не было Советского Союза. Партия разыгрывалась между империей, которая сходила со сцены, и другой империей, которая на неё вступала; обе империи были капиталистические. Речь шла о том, чтобы в первый раз определить в планетарном масштабе международную финансовую политику. Всем остальным, вольно или невольно,

приходилось подчиняться исходу этой партии. Тот, кто должен был решать, знал, что будущие богатство и бедность народов зависят от этого исхода. Война скоро кончится. В этот момент ткался холст целого наступающего исторического этапа.

Война привела в движение огромные экономические ресурсы. Государство взяло на себя руководство этими процессами и приумножало инвестиции. Конечно, при этом оно без удержу делало долги, но зато избавляло страну от страха. Рецессия оставляла место для оптимизма. Открывались новые фабрики, занятость росла вместе с благосостоянием, а от этого росло и потребление. Единственное, с чем нелегко было справиться, – это память о недавней катастрофе. Война кончалась. Что будет дальше? Придётся вернуться к тревогам минувшего десятилетия? Бреттон-Вудская конференция в городе Кэролл, штат Нью-Гэмпшир, проходила под знаком этого вопроса. Европа была грудой развалин. Америка хотела сохранить и увеличить своё благосостояние.

Факторы производства были, впрочем, совершенно ясны. Так же, как реальное соотношение сил и соответствующих интересов. Все европейские страны нуждались во всём, для них речь шла о том, чтобы заново запустить промышленное производство; восстановить разрушенную инфраструктуру; иметь еду, одежду, лекарства; производить железнодорожные, автомобильные, морские транспортные средства; заново строить разрушенные больницы и школы. Средства производства Америки были не только невредимы, но и в таком состоянии, что скоро должно было начаться перепроизводство. Европейские нужды были отличным симметричным ответом американскому богатству. Финансовая система Америки тоже была переполнена. Война сделала её главным кредитором. Золото европейских государств было перевезено туда, где оно не подвергалось риску и по большей части оставалось там по двум связанным друг с другом причинам: потому, что оно нужно было для гарантий возврата кредитов, и потому, что никто не мог обеспечить лучшей защиты, чем победоносный доллар.

Бреттон-Вудская конференция точно отражала ситуацию. Доллар стал единственной валютой для всей мировой торговли. Эта система создалась, когда США дали обязательство привязать доллар к золоту с фиксированной обменной ставкой 35 долларов за унцию. Поэтому центром системы стал "золотой стандарт", и доллар был единственной монетой, соизмеримой с этим стандартом. Чтобы гарантировать (читай – навязать) всем остальным странам определённые правила, была создана система учреждений, и все они контролировались Соединёнными Штатами, которые определяли и контролировали систему фиксированных ставок при помощи доллара. Доллар тем самым стал резервной валютой всех центральных банков.

Этими учреждениями стали Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ). Полностью он назывался Международный банк реконструкции и развития. Все страны оказались обязанными соразмерять свою обменную ставку с долларом. "Учреждения" следили, чтобы "колебания" были незначительными. Задача уравновешивать международные платежи была поручена МВФ, представлявшему собой что-то вроде международного акционерного общества, в котором США могли контролировать всё. "Учреждения", к которым впоследствии добавилось *GATT* (*General Agreement on Tariffs and Trade* – Генеральное соглашение по тарифам и торговле), чьей задачей была либерализация международной торговли, начали действовать только тогда, когда соглашение ратифицировало определённое число государств. Это произошло в 1946 году.

То, что я назвал учреждениями (так было и тогда, так остаётся и до сегодняшнего дня) – на самом деле, "международные амортизаторы" строжайшего американского контроля. После Бреттон-Вудской конференции доля США в МВФ составляла треть – более чем достаточно, чтобы взять на себя командные функции и решать, кому давать займы и на каких условиях, чтобы можно было оздоровить свой долг и платить проценты. Дискуссию в отеле "Маунт-Вашингтон" затруднило наблюдение, которое были в состоянии сделать все: Соединённые Штаты оказались в центре очень странной ситуации. Все европейские страны и Япония задолжали им огромные суммы. В то же время они управляли огромным излишком торгового бюджета и их резервы безостановочно росли. Проблема заключалась не в том, как привлечь

ещё новые доллары в Соединённые Штаты, а в том, чтобы доллары могли уходить из Соединённых Штатов. Существенное условие, чтобы распространять внешние инвестиции.

Но никто ничего не дарит просто так. Тот, кто держал в руках бразды правления, принял решение: американские инвестиции потекут в Германию и Японию в виде капиталов, прямых инвестиций, помощи, обучения кадров. Два врага во Второй мировой войне становились двумя бастионами долгого бескризисного развития Соединённых Штатов. В дальнейшем Германия и Япония могли стать конкурентами, но пока они находились в положении полной подчинённости. Надо было использовать эту подчинённость, чтобы связать их обязательствами, которые позволили бы Империи ограничить их будущие претензии. Поэтому обмен был одновременно и экономическим, и политическим: финансирование находящихся в подчинённом положении иностранных столиц, поддержка избыточного баланса в торговле с ними, политический контроль над их правящими кругами, чтобы не было эксцессов и излишков свободы, финансовый контроль над их бюджетами и их обменными ставками. Всё то, о чём мы же рассказывали в предыдущих главах: конец плана Моргентау, разрыв Потсдамских соглашений, создание Федеративной Республики Германия, — было результатом тех стратегических экономических оценок, с которыми США выступали на Бреттон-Вудской конференции.

Конечно, не все всё видели и не все всё понимали. Речь шла о том, чтобы сломить сопротивление, прежде всего в Европе. Но в том, что касается Японии, задача была быстро решена. Япония была одинока, у неё не было союзников, чтобы убеждать и успокаивать. Не было никакой нужды проводить что-нибудь вроде денацификации страны. Здесь Запад не оказывался перед лицом тяжкого исторического наследия, с которым требовалось бороться. И в любом случае, американцы не обращали на это внимания. У Страны Восходящего Солнца не было мощной агрессивной идеологии. Напротив, японский народ, будучи побеждён, проявлял всяческую покорность, совмещавшуюся с развитой промышленностью. Генерал Дуглас Макартур, командир оккупационных войск и вице-король Империи, загнал в угол императора, начал быстро заменять военные и политические элиты кадрами, управлявшими экономикой, как того требовала необходимость, то есть обещания, данные Америке. Американские капиталы довершили чудо, и восстановление было быстрым и беспрепятственным.

В Европе было труднее. Там был холокост, и евреи требовали правосудия. А сионизм воздействовал решающим образом на поведение влиятельных американских финансовых групп. В Америке тоже сильна была идея превратить Германию в картофельное поле. Среди союзников непримиримее всего против экономического и промышленного возрождения Германии настроены были французы. Они требовали, чтобы половина германских промышленных мощностей была разрушена. Они требовали опустошения Саара. Они были против идеи, чтобы немецкая марка фактически стала европейской валютой. Но их "переубедили" — на них подействовали деньги по плану Маршалла и мысль, что и французская экономика могла бы извлечь пользу из экспансии в Германию. Кроме того, всех остальных европейских политических руководителей, в том числе итальянских, Вашингтон успокоил заверениями, что очень скоро начнётся этап европейской политической интеграции. Это будет этап обуздания Германии, заявил Вашингтон. И сдержал обещание. Действие плана Маршалла продлилось четыре года — до 1951-го. Вскоре наметилось начало следующего этапа — создание Европейского объединения угля и стали: интеграция тяжёлой промышленности предшествовала интеграции политической.

На дороге оставалось только одно препятствие, мешавшее американцам совершить поворот, — Великобритания. Уинстон Черчилль стал эмблемой и главным действующим лицом сопротивления — скрытого, упрямого, искусного, изощрённого и основанного на опытности. Он отдавал себе отчёт в неизбежности маргинализации Лондона после того, как Вторая мировая война смешала все карты. Мы помним, как он сопротивлялся проектам Франклина Делано Рузвельта. Он то и дело советовал неожиданно напасть на Советский Союз, пока тот только начал радоваться своей победе, но ещё пребывает в прострации от только что перенесённых неизмеримых разрушений.

Черчилль воплощал нетерпимое отношение британской элиты к тому принижению, которому, как она чувствовала, она подвергается. Он понимал,

и все понимали, что существование самой великой из империй, а именно – английской – близится к концу. И это происходит несмотря на весь опыт Лондона, на его умение, столь же изощрённое, сколь и хищническое, управлять своими трофеями, несравнимое с умением их "неотёсанных" американских родственников. Они не могли примириться ни с тем, что Британская империя уйдёт "по-английски", ни с тем, что их древнее отечество окажется в подчинённом положении по отношению к своим бывшим колониям.

Так думал Уинстон Черчилль. А чтобы проиллюстрировать, что думала американская элита, можно снова использовать фразу, которую Гор Видал вложил в уста Гарри Хопкинса в своём романе: "**Теперь империя – мы, а они станут просто государством-сателлитом. Заморским островом. Конечно, они нам близки во многих смыслах, но не необходимы. Ясно выражаясь, мы можем выжить – и даже процветать – без них. Это дьявольски разумная мысль умных изоляционистов, которые не только за лозунг "*America first*", как они говорят в своих выступлениях, но и за "*America über alles*"**[14] ("превыше всего" – слова из гимна нацистской Германии, начинавшегося со слов "*Deutschland, Deutschland über alles*". – *Прим. пер.*).

Но и в этом случае соотношение сил определило исход этого спора, прекратившегося, когда Черчилль сошёл со сцены. Соединённое Королевство вышло из войны с огромными долгами, которые надо было платить Соединённым Штатам. В том, что касалось восстановления промышленности, оно оказалось в положении, сходном с положением остальной Европы. А по отношению к Германии, которая не могла ничего требовать, а могла только смиренно повиноваться, Лондон претендовал на то, чтобы участвовать в руководстве тем, что там происходило, и даже подсказывать решения. "Неотёсанные" американские родственники усвоили британский прагматизм и потому просто решили "поставить на место" Лондон, не признавая за ним никакого права руководить. Взамен им предоставили право поддерживать свой покрытый славой фунт стерлингов; установили привилегированные отношения между Сити и Уолл-стрит; воздали честь их оружию и связали спецслужбы Британии как главной сотрудницы с американскими. Позднее ей предоставили честь и труд иметь – с американского разрешения – даже ядерное оружие. Империя теперь называлась Соединённые Штаты Америки.

Европейское объединение угля и стали в любом случае было самой крупной картой, которую американцы бросали на стол и которая, если использовать жаргон игроков в покер, позволяла им сорвать банк. И давала возможность регулировать цены, согласовывать решения насчёт производства, устанавливать общие критерии для измерения производительности труда. Кроме Федеративной Республики Германия и Франции, ЕОУС объединила Италию, Бельгию, Люксембург и Голландию. Все эти переходы: от плана Маршалла к ЕОУС, потом к Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), затем ставшей Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), были существенно важными инструментами, чтобы объединять, направлять по нужным каналам инвестиции, сделать единой, однородной европейскую экономику. И вместе с НАТО – для стандартизации военного производства, что тоже стало предпосылкой настоящего объединения Европы.

Можно спокойно утверждать, что план Маршалла был прародителем Европейского Союза, хотя, когда он был задуман, даже Соединённые Штаты ещё не имели ясных идей насчёт будущего. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Идеи проясняются быстро. Европа могла бы стать вместилищем для товаров и денег, чтобы позволить американской экономике и дальше процветать в последующие десятилетия без навязчивой идеи о новом кризисе. И, чтобы это могло осуществиться быстро, необходимо было без промедления заново запустить маховик немецкого производства.

Помогла созреванию этой американской мысли очевидность итогов войны: половина Европы была занята Красной армией. Как будет развиваться ситуация в этой части Европы, "потерянной" для Запада, никто не мог предвидеть. Существовало только убеждение, которое первым высказал Джордж Кеннан, что Запад сильнее, лучше организован, действует эффективнее, чем Советский Союз. И что, в конце концов, "сдерживание" врага завершится тем, что покажет, что Советский Союз не может повлиять на судьбы противостояния. Через сорок лет, как мы знаем, его "пророчество" осуществилось. Но это было такого рода пророчество, которое само себе помогало осуществиться.

В самом деле, это убеждение было подкреплено, углублено, поддержано гигантскими пропагандистскими усилиями, созданием учреждений-инструментов, организаций, финансированием, и всё это было нужно для одной цели: чтобы (используя грамшианскую терминологию) создать свою гегемонию, опираясь на две ключевых идеи – Германии как "бастиона Запада" и "нависшей советской угрозы". То есть создавался консенсус и создавал вокруг себя идеологическую гегемонию новой империи.

Так стали расти, как грибы, культурные центры, учреждения, лобби, экономические структуры, и все они были предназначены для поддержки "европейского федерализма". Немало миллиардов по плану Маршалла были направлены, прямо или косвенно, именно на эти цели. В 1948 году был основан АКОЕ (Американский комитет объединённой Европы), который, в свою очередь, тут же создал – с помощью американских фондов: государственных, фондов Форда, Рокфеллера, ЦРУ – Организацию европейской молодёжи и Европейское движение. Это последнее поддерживали такие известные люди Европы, как бельгийский социалист Поль Анри Спаак, французский социалист Жан Мари Монне, итальянский христианский демократ Альчидо Де Гаспери, французский социалист Леон Блюм и, конечно, Уинстон Черчилль. Небесполезно будет напомнить, что вездесущий Аллен Даллес занял место члена консультационного комитета АКОЕ.

О ЕОУС мы здесь уже говорили. Но к нему скоро присоединился ЕКО (Европейский комитет обороны), Европейский Совет, Европейская Ассамблея, Национальный комитет свободной Европы (который дал жизнь радио "Свободная Европа" и радио "Свобода"), план Шумана. Тысячам интеллектуалов, профессоров, культурных деятелей оказывали материальную поддержку, их организовывали и направляли, чтобы они поддерживали идею объединения Западной Европы. ЦРУ под руководством Даллеса немало своих средств направило в Европу через АКОЕ[15].

Но самым решающим было влияние технологического и культурного превосходства США в области массовой коммуникации. Превосходства как над Западной Европой, так и над Советским Союзом. Именно благодаря этому превосходству они сумели американизировать Европу. Голливуд стал решающе важным оружием для завоевания умов сотен миллионов европейцев и затем – десятков миллионов советских людей, когда телевидение хлынуло через границы и сделало старомодными анахронизмами как грубую советскую цензуру, так и значительную часть европейских народных традиций. Это превосходство продолжает существовать и в наши дни, как показывает распространение в Европе, в том числе и в Италии, такого традиционно американского праздника, как Хэллоуин, ничего общего не имеющего с европейскими традициями. Но это только один маленький пример. А самый недавний пример – "чёрная пятница", последняя находка, чтобы и дальше распространять уже ставшее навязчивым неистовство американского потребительства.

16. Стена

Будет полезно вспомнить, что Берлин был полностью занят советскими войсками в первые дни мая 1945 года. Первые войска союзников присоединились к ним только через месяц. И Сталин соблюдал решения, принятые 12 сентября 1944 года, когда ещё шла война, трёхсторонней консультативной комиссией (США, СССР, Великобритания), по которым оккупированную Германию следовало разделить на три зоны. Эти соглашения предполагали, что Берлин будет находиться под совместным руководством держав-союзниц (Франция присоединилась к ним впоследствии). В то же время предполагалось, тоже с общего согласия, разместить в Берлине все органы контроля союзнических сил, которые должны будут в своё время разработать условия для подписания мирного договора.

Мы уже исследовали развитие многих событий, предшествовавших подписанию Потсдамских соглашений и следовавших за ними. Теперь попробуем посмотреть, как оно отразилось на состоянии Берлина и условиях жизни его обитателей. Параллельно с постепенной отменой Потсдамских соглашений западные страны начали шаг за шагом "интерпретировать" эти соглашения по своим меркам, часто даже не советуясь с "четвёртым оккупантом", то есть с Советским Союзом. С оккупантом неудобным, и не только из-за его

силы, но и потому, что он был носителем другой экономической и социальной модели.

Как мы уже вспоминали, существовало общее соглашение о денацификации и демократизации Германии. Но, например, когда первые собрания граждан Берлина, организованные немецкими антинацистами, поставили перед союзниками вопрос о конфискации имущества у нацистских преступников и потребовали перехода промышленности в коллективную собственность, западное командование наложило вето. Для американцев и англичан невыносима была сама мысль о мерах социалистического характера в оккупированной Германии. Русские сделали то, что считали полезным, изгнав нацистов. В это время англо-американские оккупанты создали отдельный полицейский корпус. Фактически общесоюзническое командование перестало существовать.

Хотя статья 14 Потсдамских соглашений говорит, что "во время периода оккупации с Германией будут обращаться как с единым экономическим целым", три западные державы создавали в своих зонах отдельные органы руководства местной экономикой. В декабре 1948 года были объявлены отдельные выборы в западных секторах и создан был муниципалитет Западный Берлин. Смертельный удар принятым ранее соглашениям был нанесён в июне 1948 года введением "западной марки". С того момента, вследствие одностороннего решения союзников, в банках и обменных пунктах Западного Берлина за одну западную марку давали 4,7 восточных, а восточную марку продавали за 0,22 западных. Такой обменный курс совсем не соответствовал стоимости жизни в двух районах оккупации, западном и восточном. Передвижения жителей Западного и Восточного Берлина были в тот момент совершенно свободны. Не менее пятидесяти тысяч человек с востока регулярно ездили работать на запад. И, значит, им платили в четыре раза больше, чем восточным горожанам, за ту же самую работу.

Но квартплата, цены на свет, на газ, на транспорт были на востоке в четыре раза ниже, как и цены на продуктовые и потребительские товары. В результате западные жители хлынули в восточную зону, покупая тамошние товары с огромной выгодой. Восточные власти были не в состоянии привести ситуацию в равновесие. Каждый день продуктовые товары, требующиеся на востоке, в один момент утекали на запад. Поэтому восток был вынужден принять такие непопулярные меры, как, например, потребовать у тех, кто работал на западе, а жил на востоке, платить за всё коммунальное обслуживание в западных марках. И надо принять во внимание, что в западные зоны часто завозились потребительские товары из Соединённых Штатов, гораздо более обильные, разнообразные, привлекательные, по ценам, неприемлемым для восточных горожан, за которыми стояла бедная и полуразрушенная Россия.

Немедленно потерпели огромный экономический ущерб сначала непосредственно СССР, потом Германская Демократическая Республика, которая была создана не раньше, а после Федеративной Республики Германия (сначала возникла ФРГ — 23 мая 1949 года, потом — ГДР, 7 октября 1949-го). Неравномерность богатства была решающим, но ещё не достаточным фактором. Возникла организация перекупщиков товаров в магазинах Восточного Берлина для западных покупателей; существовала систематически работающая организация по устройству "побегов" с востока на запад, которой помогали спецслужбы; создавалась западная радиотелевизионная пропагандистская сеть, превозносившая запад и систематически чернившая восток. Наконец, обе стороны создали две широкие шпионские сети, пользуясь отсутствием контроля на границе.

В таких условиях, всё более невыносимых для Советского Союза, четырёхстороннее соглашение формально было разорвано СССР — официальной нотой от 27 ноября 1958 года. Новый секретарь Коммунистической партии Советского Союза Никита Хрущёв — Сталин умер в 1953 году, и в советских верхах в полном разгаре была борьба за наследство — обвинил западные державы в том, что они поставили под сомнение Потсдамские соглашения, и заявил, что СССР больше не признаёт международный статус Берлина. Взамен он предложил превратить Берлин в "вольный демилитаризованный город" и призвал западные страны провести переговоры и прийти к окончательному соглашению в течение шести месяцев. Это предложение запомнится как "ультиматум Хрущёва" и кончится ничем. Борьба между востоком и западом становилась всё ожесточённее.

Но развитие событий до того момента, – несомненно ставшего поворотным для советской стороны, – показывает, что Москва не хотела и не захотела бы и дальше доводить до противостояния. Как мы уже описывали и объясняли в предыдущих главах, инициатива разрыва всё время принадлежала западным странам. Сталин лично, ещё в далёком 1942 году, при самом начале войны, когда гитлеровцы наступали, опубликовал и распорядился читать на советском радио приказ, в некоторых отношениях удивительный: "Уроки истории, – так звучало сообщение, которое слушали миллионы советских солдат и мирных граждан, – показывают, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся". И в конце войны, 9 мая 1945 года, через семь дней после падения Берлина, вернулся к теме этой речи: "Советский Союз празднует победу, не предлагая разделить или разрушить Германию".

Советский Союз, несмотря ни на что, твёрдо придерживался этих координат. И вплоть до того момента, когда вопрос о Берлине стал первостепенным и разделяющим, Москва выступала с неоднократными предложениями международных переговоров, которые должны были вылиться в международную договорённость о мире с Германией – со всей в целом. Берлин, по мысли советского руководства, должен был стать пунктом этой договорённости. Советские переговорщики указывали как на наиболее приемлемые два варианта, которые помогли бы избежать разрыва отношений. Первый – создание "всегерманского комитета", сформированного из делегатов двух Германий, которые тем временем должны быть созваны по западной инициативе и должны представлять "всю Германию" на переговорах о мире.

Второй вариант, предложенный Москвой, заключался в том, чтобы державы-победительницы договорились подписать мирный договор с двумя существующими германскими государствами. В любом случае, даже если не будет возможности прибегнуть ни к тому, ни к другому варианту, заявил СССР, будет соблюдаться правило свободного доступа в Западный Берлин, хотя все дороги будут находиться под контролем Германской Демократической Республики. Дела, как мы знаем, пошли по-другому, но Советский Союз предпринимал многие инициативы, чтобы избежать такого исхода. В 1954 году, например, Советский Союз решился на шаг большого значения и установил дипломатические отношения с ФРГ, но в 1957-м правительство Западной Германии под руководством Конрада Аденауэра заявило, что прерывает всякие дипломатические отношения с любой страной, которая каким бы то ни было способом признает Германскую Демократическую Республику.

Застой в дипломатических отношениях стал постоянным, а обмен ударами, и не только политико-дипломатическими, – почти ежедневным. В августе 1960 года правительство ГДР вводит нормы, сильно затрудняющие сообщение между двумя зонами, и ограничивает возможность для западных граждан навещать своих родственников, оставшихся на востоке. В ответ правительство ФРГ прерывает все торговые отношения с "советским сектором". Это было начало "экономической войны". Высчитано, что между 1949 и 1961 годами оставили ГДР и Восточный Берлин почти 2,7 миллиона человек, половина из которых находилась в возрасте до 25-и лет. Только в 1960 году переездов на запад было 200 тысяч.

И всё-таки, как всегда и бывает, можно было найти другой выход. За несколько месяцев до окончательного разрыва Уолтер Липпман написал в *Herald Tribune* такие строки:

"Я убеждён, что будущее Западного Берлина нужно защищать уже не только с суровой твёрдостью, но понимая, что городу нужен новый статус. Когда Хрущёв говорит нам, что нынешний статус Берлина уже недействителен, Запад ошибается, когда ведёт себя так, как будто любое изменение статуса значило бы неудачу, как будто изменить статус значило бы сдаться. Перемена статуса может быть и прогрессом. <...> Правильным ответом Хрущёву было бы предложение переговоров о новом статусе, когда Западному Берлину в будущем обеспечило бы порядок присутствие западных войск под западным патронатом <...>. Новый документ или статус должен начаться с открытого заявления, что Организация Объединённых Наций останется гарантом, пока два германских государства не договорятся опять сделать Берлин столицей снова объединившейся Германии. Ни одна из двух сторон не победила бы, но ни

одна и не проиграла бы <...>. У нас будет новое основание, новая юридическая, политическая и моральная структура, которая учитывает суровую реальность жизни: что ещё долго будут существовать две Германии и что Берлин нужно защищать особенным образом, пока Германия остаётся разделённой"[16].

Путь диалога существовал, но его преграждали слишком многие обстоятельства, и ответствен за них был, главным образом, Запад. 5 августа 1961 года собрались секретари коммунистических партий с востока, которые, посоветовавшись, дали Коммунистической партии ГДР[17] согласие на её решение закрыть границу с Западным Берлином и со всей Федеративной Республикой Германия. Решение вступило в силу 13 августа. В то утро на границе с Западным Берлином полиция и рабочие с востока спешно начали заменять цементными плитами и кирпичами столбы, между которыми была затянута колючая проволока; мостовые, пересекавшие границу, были уничтожены бульдозерами; команды полицейских, инженерные войска, военные отряды отрезали все транспортные линии, соединявшие один сектор с другим. Были места, где граница отделяла дома с одной стороны улицы Восточного Берлина от тротуара на той же самой стороне улицы, который оказывался уже в Западном Берлине. Так было на Бернауэр-Штрассе, которая поэтому прославилась на весь мир как эмблема абсурдной ситуации. Таким образом, окна на целых фасадах были замурованы, и ворота с той стороны закрылись "навсегда". Тысячам людей из Восточного Берлина пришлось менять место жительства.

Строительство Стены длилось около десяти дней. Немцы, хотя и восточные, показали себя настоящими немцами — они действовали с поразительной быстротой и организованностью. Одновременно было прервано всякое сообщение: закрыты линии метро, отменены трамвайные и автобусные маршруты. Город изменил форму. Десяткам тысяч человек пришлось менять работу. Десяткам тысяч человек пришлось навсегда попрощаться со своими родственниками, со своими возлюбленными, со своими привычками. Пограничникам было категорически приказано использовать оружие, чтобы пресечь всякую попытку перейти границу. Для граждан Западного Берлина, у которых были обязанности в Восточном и которых некем было заменить, и для иностранцев остались отрытыми семь проходов, за которыми бдительно следили, и один железнодорожный переезд. Для граждан востока все проходы были закрыты.

Так Стена, разрезав город надвое, открыла совершенно новую страницу истории человечества. И даже разрезала надвое западный мир или его бóльшую часть. "Холодная война" с того момента стала реальностью, нависающей над всеми и с той, и с другой стороны великой метафорической стены, фактически разделившей весь мир на две системы. Эта Стена просуществовала 28 лет. Теперь её больше нет, Германия едина и теперь доминирует над Европой. По-другому, но доминирует. Две системы больше не существуют. Во всяком случае, не существуют так, как они мыслились тогда. Мир перестал быть двухполярным. У Запада нет больше "единственного" врага — СССР. А Россия, в свою очередь, стала капиталистической после того, как потерпела поражение в своём социалистическом облике. Но не стала поэтому другом Западу.

Уже сорок лет растёт Китай, управляемый огромной — и странной — коммунистической партией. Неудержимый, мощный, в значительной степени непонятный и таинственный. Империя, победившая в "холодной войне", клонится к упадку. Её вассалы в замешательстве. Мы её подданные. 1989 год далеко. Мы празднуем его, чтобы сделать вид, что мы всё ещё победители.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Gore Vidal,* L'Eta dell'Oro. Fazi Editore, Roma 2001, pag. 13.

[2] *Ibidem,* pag. 130.

[3] Генри Брук Адамс — историк и член семьи Адамсов, давшей Соединённым Штатам Америки двух президентов. — *Прим. авт.*

[4] *Ibidem,* pag. 141.

[5] *Webster Tarpley-Anton Chaitkin. George Bush: The Unauthorized Biography, Executive Intelligence Review*, 1991.

[6] Тот, кто захочет удостовериться, что экономические и финансовые интересы Америки распространялись на нацистскую Германию, может проконсультироваться с изданием *Charles Higham. Trading With The Enemy, The Nazi-American plot 1933–1949. Dell Book*, 1983, из которого взята цитата (с. 23) и другая приведённая здесь информация. — *Прим. авт.*
(Эта книга есть на русском языке: Чарльз Хайам. "Торговля с врагом". М.: Прогресс, 1985. Доступна и в электронном виде. — *Прим. пер.*)

[7] Теракт на площади Фонтана — взрыв в миланском сельскохозяйственном банке 12 декабря 1969 года. Погибли 16 человек. В организации взрыва подозревали сначала ультралевых, потом были найдены улики против неофашистов. Были арестованы трое неофашистских активистов. Оправданы судом "за недостатком улик". — *Прим. пер.*

[8] Альдо Моро (1916–1978) — председатель Национального совета Христианско-демократической партии. Способствовал налаживанию сотрудничества христианских демократов с коммунистами. 16 марта 1978 года был похищен членами террористической группировки "Красные бригады" и через 55 дней убит ими. — *Прим. пер.*

[9] Соглашение об исключении, то есть о том, чтобы не допускать членов ИКП в правительство. — *Прим. пер.*

[10] "Операция под ложным флагом" — тайная операция, устроенная с целью обвинить в ней организацию или государство, на самом деле к ней не причастные. — *Прим. пер.*

[11] La Cia: cosm usammo i criminali nazisti per la guerra fredda Svelati i dossier americani sugli accordi segreti con le SS per la resa tedesca nel Nord Italia. Ennio Caretto. Corriere dell sera. Archivio storico. 28 aprile 2001. pag. 31. Cia, la guerra sporca e quei mille nazisti arruolati contro i sovietici. Massimo Gaggi. Corriere della sera. Storia. 28 ottobre 2014.

[12] Многие подробности этой операции всплыли только в 2007 году, когда на основе *Freedom of Information Act* (указа о свободе информации), был рассекречен документ *CIA and nazist war criminal and collaborator*s. — *Прим. авт.*

[13] "*Bluebird*" ("Синяя птица") — проект ЦРУ по управлению сознанием. Предполагалось, что, используя в совокупности голод, лишение сна, запугивание, наркотики и гипноз, можно "запрограммировать" человека на совершение бессознательных действий, в том числе убийства. В качестве "материала" для экспериментов использовались корейские военнопленные. Впоследствии для подобных экспериментов (проекты "Артишок" и "МК-Ультра") использовались заключённые, бездомные и пациенты психиатрических клиник. — *Прим. пер.*

[14] *Gore Vidal,* L'Eta dell'Oro, pag. 73. Гарри Ллойд Хопкинс был главным сотрудником Франклина Делано Рузвельта в период Нового курса; он бы министром торговли. — *Прим. авт.*

[15] https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/1356047/Euro-federalists-financed-by-US-spy-chiefs.html; http://www.voltairenet.org/article184354.html).

[16] Herald Tribune, 9 апреля 1961. — *Прим. авт.*

[17] *SED* — Социалистическая единая партия Германии. — *Прим. авт.*

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Что есть русская мечта

Брянск неопалимый

Коды, которые живут в глубинных представлениях русского человека, если их разбудить, позволяют народу совершать чудеса.

И вот я на Брянщине, среди бескрайних синих лесов, мерцающих озёр, речных излучин, среди белых церквей и розовых на заре монастырей. Какая прекрасная русская земля! И сколько же ей досталось! Сколько бед и пожаров, сколько тьмы носилось над этой землёй, пытаясь её испепелить, уничтожить! Тут проносилась огнедышащая конница крымских татар, двигалась, как туча, орда, мучили эту землю литовские завоеватели, польские рейтары. Шёл на Брянск своенравный француз. Как страшные демоны, надвинулись на Брянск фашистские полчища. Каждый раз всё сгорало дотла и вновь возрождалась, не подвластное огню.

Не об этой ли земле сказал наш великий Гоголь: “Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу?” Брянск неопалимый. Неопалима брянская мечта о благе, красоте, величии русской земли. Сам город, в Великую Отечественную войну превращённый в чёрные черепки, вновь вознёсся в своей очаровательной провинциальной русской красоте. Просторные зелёные острова среди города. Милая, обрамлённая нарядной набережной Десна. Театры, концертные залы с колоннадами и фронтонами сталинского ампира, стеклянные кристаллические формы современного конструктивизма.

Брянская мечта, какая она? В чём её таинственная восхитительная сила? В чём природа её неопалимости? Какова она, брянская *неопалимая купина*?

В центре Брянска на высокой зелёной горе стоит памятник Пересвету – святому русскому витязю. Этот памятник драгоценен брянскому сознанию. Пересвет родился на Брянщине в неведомом месте, но именно здесь – среди брянских цветов, брянских ручьёв, брянских снегов, брянского звёздного неба. Словно пролетела над Брянщиной какая-то таинственная падающая звезда, и родился этот удивительный русский витязь. Его послал на Куликовскую битву Преподобный Сергий из Троице-Сергиевой лавры. Он наказал этому витязю биться насмерть и спасти русскую землю от ордынского воинства. Пересвет знал, что его копьё короче копья его соперника Челубея. Он знал, что ему не достать Челубея, и тот сразит его, вышибет из седла и убьёт. И тогда Пересвет снял с себя доспехи, снял монашескую рясу и, обнажённый по пояс, вскочил в седло, взял своё короткое копьё и помчался навстречу врагу.

Продолжение. Начало в №1-6 за 2019 год.

Могучий татарский богатырь Челубей пронзил Пересвета и приблизился к нему. И Пересвет, уже, быть может, мёртвый, ударил своим коротким копьём и вышиб богатыря из седла. Куликовская битва, от которой повелось священное государство российское, принесло победу русским. И Пересвет показал русским людям эту удивительную способность нашу, отстаивая землю, уничтожая врага, дотягиваться до него любой ценой, даже ценой своей собственной жизни. Поэтому душа Пересвета, мечта Пересвета, смысл Пересвета переходят из века в век, из одного русского поколения в другое. Во время сражения под Москвой в 1941 году лётчик Талалихин, израсходовав все свои боекомплекты, ринулся на своём "ястребке" на немецкий "Хенкель", летевший бомбить Москву, и срезал его хвост винтами самолёта. А Александр Матросов, который закрыл своей грудью амбразуру немецкого дота, принял удар на себя и умертвил этот дот, позволив Красной армии наступать. 6-я воздушно-десантная рота отправилась в чеченские горы и легла там костьми, не пропустив врага. Это тоже *русский Пересвет*.

Брянщина – страна великого партизанского движения. Партизанские силы, партизанские армии били фашистов в то время, когда те прокатились по брянской земле и наступали на Москву.

Это здесь, в Брянске, родилась изумительная песня "Шумел сурово брянский лес". В Брянске оставались целые районы, куда не ступала нога фашистов. Там оставалась советская власть, там оставались русские школы, оставался русский уклад. На Брянщине существует удивительный мемориал – "Партизанская поляна".

Среди сосновых лесов и дубрав открывается пустое пространство. В этом пространстве высится множество памятников, каждый из которых – памятник одному из отрядов, воевавших на Брянщине. Здесь же – мраморные плиты, на которых золотом высечены имена тысяч погибших партизан. Эта брянская "Партизанская поляна" напоминает о партизанских подвигах, о фашистских отрядах, о виселицах, на которых вешали пленных партизан. О поездах и составах с немецкими танками, пущенных под откос партизанами. Эта поляна уставлена рядами боевой советской и российской техники. Танки, БТРы, дальнобойные гаубицы, вертолёты. Этот ряд боевых машин напоминает о нашей мощи, о нашей способности защищаться и сражаться. На этой поляне всегда людно. Сюда приходят ветераны, здесь устраиваются военные праздники, звучат оркестры, поют песни. Сюда приходят матери с детьми, даже с грудными. И в партизанской штабной землянке в три наката директор музея Леонид Васильевич Филин налил мне горькую стопку, и я выпил её, поминая партизанских мучеников и героев, запивая эту горькую стопку ключевой водой из алюминиевой кружки.

На брянской земле множество памятников войне. Есть памятник танкистам, памятник артиллеристам, памятник авиаторам. Но среди них есть один удивительный памятник – памятник военному шофёру. Он стоит в придорожье. В огромной гранитной плите иссечена фигура водителя, который за рулём своей утлой "полуторки" мчится по военным дорогам: "Мы вели машины, // объезжая мины, // по путям-дорогам фронтовым..." Этот водитель в те годы, не бритый, согбенный, в закопченной фуфайке, здесь, на памятнике, выглядит величественно, как русский великан. И все машины, проезжающие мимо этого памятника – и дорогие иномарки, и фуры, везущие электронику или другие товары, – все они подают сигналы, отдавая честь этому неведомому шофёру и этой изнурённой военной "полуторке".

В советское время Брянск был сгустком оборонной промышленности. В Брянск даже не пускали иностранцев – так много было в нём секретных предприятий. После 1991 года разрушительная буря снесла с лица земли множество заводов и лабораторий, погубила драгоценные технологии. По недомыслию или злой воле "молодых реформаторов" страна теряла оборонный потенциал. Но вечный мир с Западом не состоялся. Снова на Россию задули тяжёлые свинцовые ветры.

Брянская оборонка в великих трудах стала возрождаться. Брянск вновь демонстрировал свои неопалимые русские силы. Брянский автомобильный завод, казалось, погиб. Как в мёртвом улье, в нём продолжала шевелиться горстка рабочих. Но продукция больше не выпускалась. Однако оставшемуся живому угольку не дали погаснуть. Пришли деньги оборонзаказа. Нашлись энтузиасты. Собрался костяк мастеров, инженеров, и завод задышал,

заработал. Сейчас он производит громадные тяжеловесные тягачи. На этих тягачах возят зенитные ракеты С-200, С-300, С-400, а завтра повезут С-500. Эту многоосную громаду испытывают во льдах Арктики. На своих толстых резиновых колесах тягач не продавливает хрупкий грунт тундры, способен перевозить громадные арктические грузы. Тягач испытывают в горячей астраханской степи, ибо русские зенитные комплексы покупают страны Ближнего Востока, Индия. Эти брянские подвижные платформы кочуют по Сирии, где разбросаны батареи С-200 и куда начались поставки российских С-300. Отсюда, с этого брянского завода, ты попадаешь в самый центр клокочущих мировых конфликтов. Эти громадные, похожие на динозавров машины прошли 9 Мая по Брянску, где состоялся военный парад. Они появляются на праздниках труда, где их украшают цветами и нарядными гирляндами. Творцы этих уникальных машин сказали мне, что брянская мечта для них – в семейном достатке, в достойной жизни. Но она также и в процветании родного завода, в укреплении безопасности и могуществе Родины, в укреплении мира во всем мире.

Другой брянский завод – БЭМЗ – занимается сложнейшей электроникой. Он делает радары для истребителей, которые рассекают небо Сирии, участвуя в разгроме террористов. Эти изысканные небольшие антенны со множеством сложнейших деталей создаются здесь, на заводе, и вся элементная база, ещё вчера добывавшаяся заводом на мировых рынках, сегодня – отечественная, российская, её делают здесь же, на Брянщине. А ещё этот завод создаёт могучие системы радиоэлектронной борьбы. Тяжеловесные фургоны с антеннами развешивают на небе помехи, которые сбивают электронику атакующих вражеских самолётов, ослепляют корабли, глушат наземные средства разведки. Этими тихоходами окружают военные объекты. Центр управления войсками движется вслед за соединениями во время их наступления. Они создают невидимую электронную завесу, не проницаемую для вражеских радаров и прицелов, ослепляют врага, делают Россию страной-невидимкой.

Брянская краса – Свенский Свято-Успенский монастырь. С его белых стен открываются такие дали, такие необъятные просторы с озёрами, реками, пролетающими птичьими стаями! И ты начинаешь молиться не монастырским крестам, а этой божественной русской красоте, среди которой ты рождён, которая наделила тебя чудесным свойством любить и лелеять драгоценную русскую землю. Чудо – вот о чём говорят русские монастыри и о чём говорит Свенский монастырь. Его основал в XIII веке брянский князь Роман, увидев на берегу реки Свень дивную икону. Сегодня она так и зовётся – Свенская Божья Матерь, почитается здесь как чудотворная. Всяк, посещающий монастырь, к ней прикладывается. В 1812 году к Брянску подходили французские отряды, собирались штурмовать монастырь. Но монахи вышли из стен монастыря с образами, обошли монастырь крестным ходом, и французская конница отвернула. Её прогнали не ядрами, а таинственным светом русских чудотворных икон. Настоятель монастыря отец Алексий, чьими непрерывными радениями восстанавливается переживший разорение и погром монастырь, сказал, что православный человек видит чудо в каждом мгновении. Поистине чудесно появление здесь великолепного громадного Свято-Успенского собора. Он был взорван в 1930 году, а теперь явился, как во сне, сияя золотыми главами, сверкая нарядным иконостасом. Рабочие, которые восстанавливают этот собор, сказали мне, что испытывают благоговение, прикасаясь к его камням, видя, как голубые лучи солнца падают сквозь оконные проёмы на чудотворную икону.

Беседуя с отцом Алексием, я размышлял об удивительной программе, которая осуществляется в современной России, – восстановление алтарей и оборонных заводов. Алтари соборов, престолы монастырей, откуда возносятся в небо молитвы, накрывают Россию невидимым Покровом Богородицы, сквозь который не проникают злые умыслы, злые каверзы врага. А оборонные заводы создают российское оружие, которое защищает земные пределы России. Могучие установки, создающие радиоэлектронные помехи, ослепляют самолёты и ракеты противника. Они подобны молитвенным алтарям и иконам, которые отгоняют от России духовное зло. Отец Алексий, говоря о брянском чуде, увидел это брянское чудо, эту пасхальную мечту в непрерывном пасхальном воскрешении русской земли, воскрешении русской души, если она вдруг затмилась и исполнилась пагубой.

У стен Свенского монастыря на широком Андреевском лугу каждый год в августе проходит свенская ярмарка. Сюда со всей Брянщины, из районов, из городков и фермерских хозяйств люди свозят плоды земных трудов. Чего только не встретишь на этой ярмарке! Всевозможная снедь, забавные игрушки. Здесь наешься и вкуснейших сыров, и напьёшься сладчайшего деревенского кваса, примеришь просторные, катанные из белой шерсти валенки. Печники тут же, размахивая мастерками, сложат тебе русскую печь – одну, другую, третью. И в каждой горит огонь, пекут блины. Тебя здесь начнут уверять, что символом России является не космический корабль, не грозная подводная лодка, а русская печь, которая улетит на орбиту, станет носиться вокруг Земли, раздавая народам мира блины. Сюда брянский народ съезжается не только поторговать, посудить, порядиться, а разгуляться, развеселиться, сойтись вместе, поглядеть друг на друга. Русский человек не может жить в одиночку. Он ищет соседа, брата, сотоварища, хочет потолкаться, выпить чарку, обняться, постучать башмаками по земле, отплясывая лихую кадриль. И ты, вытанцовывая вместе с ними, поднося к губам горькую чарку, испытываешь блаженство, радость, благодаришь небо за то, что ты – русский и живёшь среди русских.

Брянщина ещё недавно считалась землёй разорённого сельского хозяйства, обезлюдевших деревень, невспаханных полей. Таинственная сила, каждый раз воскрешающая Русь из мёртвых, коснулась и брянских деревень. Появилось на Брянщине удивительное фермерское хозяйство. Оно стало разрастаться, богатеть землями, тракторами и комбайнами, превратилось в процветающий холдинг "Добронравов Агро". Дмитрий Константинович Добронравов, хозяин предприятия, взял в аренду, а потом и выкупил сотню гектаров пашни и стал возделывать картофель. Он понял смысл передовых аграрных технологий, которые в Европе позволяют собирать невиданные урожаи картофеля и зерна – до ста центнеров с гектара. Стал перенимать эти технологии, ездить в Европу, встречаться с фермерами, выведывать, высматривать, переносить на русские земли голландские и немецкие ухищрения. Его денные и нощные труды, его увлечённость, смекалка создали почти на пустом месте мощное развивающееся хозяйство. Он вовлёк в своё дело и детей – сына и двух дочерей. И вот она, русская семья, показывает на земле чудеса. Сын хозяина, Дионис Дмитриевич Добронравов, молодой, цельный, приветливый, рассказывал мне о семейных трудах. Фуры, гружённые отменным картофелем, разъезжаются по всей России. Огромные, как авиационные ангары, картофелехранилища, где работают компьютеры, воздуховоды, непрерывные конвейеры. Цифровая экономика и картофельное поле – как они далеки друг от друга! Какое отношение к картофелю имеет цифра?

Вот обширное, почти до горизонта, картофельное поле. Его вспахивает десяток тракторов. Движутся мерно, спокойно, тянут за собой безукоризненно ровные, как по линейке проведённые борозды. Эти трактора управляются не трактористами, а компьютерами. Тракторы-роботы. Они проводят безукоризненную борозду, и этой точной геометрии подчинена последующая посадка картофеля, обработка всходов, уборка. Эта безукоризненная прямота борозд исключает сбои и позволяет увеличить урожай на 10%. Молодой Добронравов, как и его отец, ездит и в Европу, и в Америку. Знает языки, общается с известными европейскими и американскими фермерами. Этот интеллигентный, оснащённый множеством знаний предприниматель, кто он? Русский крестьянин или представитель новой профессии, ещё не имеющей своего названия, превращающий упадочные деревни в деятельные, процветающие хозяйства?

И не таким ли новатором является объявившийся в маленьком городке Севске Алексей Анатольевич Мартыненко – создатель замечательного предприятия по производству сыров? Его завод "Умалат" чем-то напоминает современное нефтеперерабатывающее предприятие. Серебряные цистерны, реакторы, металлические башни. Там происходят биотехнологические процессы превращения молока в сыр. Их множество, этих сырных сортов, которыми потчевал меня Алексей Анатольевич. Казалось бы, санкции опустошили магазинные прилавки, убрали из них целые серии итальянских сыров, повергая в тоску и негодование гурманов. Но их заменили брянские сыры, изготовленные по тем же итальянским рецептам. И когда на завод приезжают итальянцы из Сицилии и пробуют сыры, то только качают головами. Эти сыры не отличаются от их, итальянских. Брянская мечта, о которой мы говорили

с Алексеем Анатольевичем, она для него в том, чтобы явиться в унылое, бедное, опалённое невзгодами захолустье и создать здесь производство лучших в России сыров.

В картофельном хозяйстве я спросил у молодого Добронравова: есть ли у картофельного клубня душа? Он подумал и сказал: души у клубня нет. Но человек вкладывает в него свою душу. Мартыненко на свой лад повторил эти слова. Сыр, чтобы он был вкусным и добрым, должен твориться с любовью. Твоя любовь – в сыре и в этих удивительных людях, которые пришли на завод из своих печальных запущенных жилищ, а теперь, работая в стерильных цехах, они напоминают своими белыми костюмами операторов атомных станций. Брянская мечта – в неопалимости, в творчестве, в любви.

Брянские земли опалил Чернобыль. Люди покидали родные места. Но все годы со времени страшной трагедии эти земли восстанавливались. Каждый клочок земли, каждая деревня освобождались от ядов. И теперь сюда возвращаются прежние обитатели. Поля колосятся, а в лесах появились зубры и медведи.

Губернатор Брянской губернии Александр Васильевич Богомаз сам из этого аграрного мира. Он обожает землю, верит в её плодоносную неограниченную мощь. Ещё до губернаторства он собрал небольшой кружок фермеров, где каждый хозяин, ещё не умея хозяйствовать, поклонялся земле. Собралась негласная община этих землепоклонников. Богомаз обучил их технологиям: осмысленное внесение в почву удобрений, борьба с вредителями, время и способы пахоты, своевременность уборки. Эти технологии, которые долгое время были неведомы русскому крестьянину, баснословно повышали урожай. Технологии себя оправдали. Фермеры разбогатели, в несколько раз увеличили свои хозяйства, создали картофельное и зерновое братство, освоили и продолжают осваивать рынки. Брянский картофель уходит аж до Магадана. А сам Богомаз, став губернатором, лелеет любимое им сельское хозяйство, которое сегодня после долгих лет упадка переживает подъём. Мы говорили с губернатором о том, что, помимо традиционных способов управления предприятием, областью или человеческим обществом, помимо политических технологий существует арсенал нигде не записанных, но живущих в народном сознании ценностей. Коды, которые живут в глубинных представлениях русского человека, если их разбудить, позволяют народу совершать чудеса, претерпевать великие трудности, одолевать уныние, спасать Отечество от напастей, порой не жалея живота своего.

К этим ценностям и таинственным кодам относятся представления о русской мечте, о русском реакторе, который зажигает свои топки в сердце каждого русского патриота. О святости русской истории, о пасхальном смысле русской истории, где государство Российское всегда после великих потрясений и упадков вновь возрождается и продолжает цветение. Брянская мечта, считает губернатор, и есть эта способность воскресать, возрождаться из пепла, превозмогать все пожары и все потрясения. Это таинственное свойство русской истории, русской души связано с русским чудом. Эта категория непонятна неверующему человеку, неведома рационалисту. Но понятна тому, кто видит в мироздании промысел Господа, кто верит в то, что Россия нужна Господу, что Бог её не покинет, что Россия – Божья страна. Россия – чертог Богородицы.

Тайные знания о России как о стране небесного чуда открывались во все века русским писателям и поэтам. Брянщина – Родина вещего русского слова. На Брянщине, по преданию, родился вещий Боян. Его гусли играли песни, под которые вставали города и посады, сражались русские витязи, спускались с печи русские богатыри и хватали за бороду Соловья-Разбойника. Боян – то ли человек, то ли дух, то ли священная музыка – родился здесь, на Брянщине. Луч божественного света упал на какую-нибудь деревеньку или седой курган...

На Брянщине родился поэт Алексей Константинович Толстой: “Колокольчики мои, цветики степные, // что глядите на меня, тёмно-голубые?..” Это изумительный прозаик. Русские люди зачитываются его “Князем Серебряным”. Он удивительный драматург. Мы смотрим в театрах его пьесы о Борисе Годунове и Грозном-царе, и о царе Федоре Иоанновиче. Он мечтал о славянском единстве в пору освободительных балканских войн. Это единство казалось близким и необратимым. Увы, и по сей день оно не сложилось.

И Брянщина, где сходятся три славянских земли – Белоруссия, Украина и Россия, – мучительно переживает этот сегодняшний распад. “Конь мой, конь, славянский конь, // бурный, непокорный...”

Здесь же, на Брянщине среди голубых дубрав и студёных озер родился Тютчев. В городке Овстуг стоит его чудесная усадьба. Янтарно-жёлтый дом с белоснежными колоннами, пруды, где плавают лебеди. Удивительный памятник. Поэт сидит с закрытыми глазами, как будто он погружён в себя. Пророчески видит русские судьбы, русские грядущие страдания и великие победы. Это он сказал, что “умом Россию не понять” и что “в Россию можно только верить”. Он чувствовал Россию как великую божественную тайну, как страну, принимающую на себя все тёмные стихии мира и превращающую их в свет. В этих схватках с тьмой Россия несёт огромные траты, исчезает, почти гибнет. Но потом вновь воскресает, раскрывает миру дивные лепестки своего неопалимого цветка. В Россию можно верить, как в чудо, – оттого русский человек так любит свою землю, украшает её волшебными храмами, слагает о ней такие дивные песни и стихи.

Я передвигаюсь по Брянщине то пешком, то по “чугунке”, то в вертолёте, на котором отец Алексий вместе с моими друзьями-брянцами возносит в небо чудотворную икону и облетает вместе с ней Брянск. Я чувствую брянскую мечту как способность постоянно воскресать в своей неопалимой красоте. Я иду, и во мне звучит стих русского поэта: “Передо мною куст терновый // в огне горел и не сгорал...”

(Окончание следует)

ЮРИЙ ГОДИН
д.э.н.

РОССИЯ–БЕЛОРУССИЯ: ПО-НАШЕМУ ИЛИ НИКАК

Данная статья представляет собой главу из книги Ю. Година "Россия — Запад: как сберечь русскую православную цивилизацию", которая готовится к печати в издательстве "Аргументы недели".

Беларусь — страна православная, и мы будем следовать тому курсу, который когда-то взяли, потому что так хочет наш народ. Мы продолжаем делать ставку на Российскую Федерацию — другой альтернативы у нас нет!

Александр Лукашенко

Москва – Минску: отделять "мух от котлет"

После развала СССР Москва несколько раз меняла отношение к независимой Беларуси. Первое время (с декабря 1991 года до прихода к власти в Минске в 1994 году Александра Лукашенко) Кремль был поглощён внутренними проблемами. Для радикально-реформаторских политиков во главе с Е. Т. Гайдаром, задававших тогда тон в России, Белоруссия особого интереса не представляла. Вопреки заявлениям об укреплении дружбы с белорусским народом, Москва на деле стремилась дистанцироваться от Минска, отдавая предпочтение прозападной политике.

В 1994–1999 годах (до отставки Бориса Ельцина) интерес к сотрудничеству с Белоруссией заметно вырос. Это случилось, когда Александр Лукашенко стал главой государства под лозунгом единения с Россией и недвусмысленно развернул свою страну на Восток. Эта радикальная переориентация внешней

ГОДИН Юрий Фёдорович — специалист по экономической интеграции и экономической безопасности во внешнеэкономической сфере; в 1997–2010 годах работал в Межгосударственном экономическом Комитете СНГ, Исполкоме Союза Белоруссии и России, в Комитете Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками. Автор и соавтор более 300 научных трудов, книг, монографий, статей в научной и общественной литературе, в том числе 120 публикаций, посвящённых российско-белорусским отношениям.

политики объяснялась, среди прочего, резким ухудшением состояния белорусской экономики, сильно пострадавшей от разрыва кооперационных связей с Россией. В 1997 году в Москве за объединение высказались 92 процента респондентов, а в Белоруссии – более 80 процентов. Начавшееся сближение было закреплено рядом договоров: о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, о создании Сообщества двух государств, о Союзе Беларуси и России и, наконец, о создании Союзного государства.

Но одновременно возникли значительные трудности. Радикальные реформаторы, возражавшие против создания Союзного государства, обладали сильными позициями в исполнительной власти, в то время как левые и левоцентристские силы, поддержавшие российско-белорусскую интеграцию, пытались оказывать давление на Ельцина и его администрацию через парламентское большинство. Ельцин все время лавировал и сдерживал радикальные инициативы Лукашенко.

Самым ярким и, на наш взгляд, самым драматичным проявлением системного кризиса во взаимоотношениях руководства двух стран, его кульминацией, которую мы, специалисты Исполкома Союза Беларуси и России, наблюдали в течение 1999 года, были переговоры, когда "утрясались" узловые моменты Договора о создании Союзного государства. Тогда официальный Минск посчитал предложенный российской стороной проект практически ничем не отличающимся от действовавшего Договора о Союзе Беларуси и России. Белорусский лидер не раз отмечал, что российский вариант проекта по своей сути и содержанию не соответствует своему названию, и даже в сердцах обозвал его "посмешищем".

А. Г. Лукашенко предлагал более радикальный вариант, по которому должен был быть введён пост единого президента и создан парламент на основе всеобщих выборов, сформировано общее союзное правительство, то есть создана полноценная государственно-политическая надстройка Союзного государства с едиными органами власти. Кроме того, по мнению белорусского президента, такое государство должно иметь единую валюту, бюджет, армию и другие атрибуты верховной власти. В конце концов, в символический день 8 декабря 1999 года долгожданный Договор был все-таки подписан в Кремле двумя президентами.

Заключение Договора, несомненно, создало предпосылки для преодоления системного кризиса в двухсторонних отношениях. Однако, как показали дальнейшие события, этого не произошло. Поведение Москвы и Минска, их воззрения на модель двусторонней интеграции после ухода с политической сцены одряхлевшего Б. Н. Ельцина и прихода ему на смену молодого В. В. Путина кардинально изменились. Если во времена правления Бориса Николаевича интеграционную идею инициировал Александр Григорьевич, то с приходом к власти прагматичного Владимира Владимировича владение "мячом интеграционного процесса" не сразу, но постепенно перешло к Кремлю. Это стало ясно после того, как Москва предложила Минску три известных сценария межгосударственного объединения на основе принципа "отделения мух от котлет" и получила в свой адрес адекватный "любезный" ответ. После этого интеграционное взаимодействие фактически зашло в тупик. "Процесс строительства Союзного государства на сегодняшний день застопорился", – заявлял не раз Лукашенко. Белорусский лидер как Председатель Высшего Государственного Совета Союзного государства также не раз констатировал, что первое десятилетие 2000-х годов в союзном строительстве следует назвать "замороженным этапом". **Кремль при новом лидере сменил интеграционный вектор, категорически отверг органическую (добровольную и на равной основе) форму интеграции и предложил Минску без всяких возражений принять механическую форму объединения.**

Таким образом, Россия поставила Белоруссию перед альтернативой: либо полное объединение, либо ничего. Путин фактически предложил Минску закончить играть в союз и объединиться в единое государство, то есть Белоруссия должна влиться в состав России с потерей национального суверенитета. Лукашенко же настаивал на равных правах для своей страны в рамках Союзного государства. Этот вариант, в свою очередь, не устраивает Кремль из опасения превратиться из федерации в конфедерацию с непредсказуемыми политическими последствиями для судьбы России. Кроме того, против создания Союзного государства с равными правами для Белоруссии выступают

российские этнонациональные территориальные образования. Их лидеры, помнится, ещё на стадии обсуждения Договора о создании Союзного государства заявляли: "Мол, что нам делать в славянском Союзном государстве?"

Иными словами, Россия приняла тогда решение в отношении Белоруссии: либо объединение на условиях Москвы, либо новые отношения с Белоруссией – не как с союзником, а как с любым другим иностранным государством, без особых поблажек и преференций. Были отменены "специальные условия" в торговле с Минском, в отношении которого Москва заняла сугубо рыночную позицию: "Утром деньги, вечером стулья". Как будет показано ниже, так называемый "коммерческий подход" Москвы к отношениям с Минском действует до сих пор. К чему может привести такая прагматика – речь также пойдёт ниже.

Судя по всему, белорусское руководство не рассчитывало на такой стремительный пересмотр отношений. Как объяснил Лукашенко, "текущие проблемы в белорусско-российских взаимоотношениях – это не более, чем неприятный эпизод в великой истории двух братских народов". Конечно, хотелось бы согласиться с подобным заявлением белорусского лидера. Однако обстоятельства, когда на карту поставлена судьба российско-белорусского союза, заставляют нас анализировать данную проблему далеко не однозначно, не столь оптимистично и сделать другой вывод.

Определяющие факторы российско-белорусского сотрудничества

Следует признать, что интеграционное взаимодействие России и Белоруссии определяется двумя президентами. Являясь представителем и защитником интересов крупного российского капитала, Путин соответствующим образом ведёт себя с Минском. Россия хотела приватизировать крупную белорусскую госсобственность за бесценок. Например, за приватизацию Минского автомобильного завода (известного МАЗа) автохолдинг "Русавтопром", принадлежащий бизнес-группе "Базовый элемент", предложил всего 50 млн долларов, хотя, по имеющимся оценкам, реальная цена МАЗа составляет 2,0–2,5 млрд долларов. Если учесть, что в Белоруссии таких предприятий-гигантов насчитывается порядка 30, то, следовательно, весь белорусский "сборочный цех" оценивается упомянутыми олигархами в сумме 1,5 млрд долларов, то есть это составляет продажную цену самой мелкой нефтяной компании России.

Конечно, одним из главных раздражителей для значительной части правящих кругов России и, главным образом, для крупного российского бизнеса является белорусская модель развития, которая доказала свою жизнеспособность и конкурентоспособность в современном мире, и прежде всего, среди стран СНГ. По нашему мнению, белорусская экономическая модель во многом вобрала в себя черты рыночного развития Китая, Вьетнама, неоиндустриальных развивающихся стран региона Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии – от Индии до Южной Кореи и даже опыт Скандинавских стран. С учётом современных мировых тенденций в Белоруссии была разработана стратегия устойчивого развития, в основу которой положена модель социально ориентированной рыночной экономики, главным регулятором которой выступает государство. Это своего рода одна из мировых моделей, исходящая из неокейнсианской теории государственного регулирования экономики в сочетании с неолиберальной монетаристской моделью Милтона Фридмана (Годин Ю. Ф. Белоруссия – это "Брестская крепость" современной России. – М.: ИТРК. 2008).

Несмотря на возникающие противоречия и даже порой кризисные явления во взаимоотношениях Минска с Москвой, следует, однако, признать, что в течение двадцати пяти с лишним лет Белоруссия всегда доказывала свою верность России и всячески поддерживала почти все её внешнеполитические акции на международной арене.

Сторонники единения России и Белоруссии с большим удовлетворением наблюдают дружественные встречи двух президентов, во время которых постепенно преодолеваются межгосударственные разногласия, накопившиеся за последние годы. Приезд Путина в Минск 2 июля 2014 года на празднование 70-летия со дня освобождения столицы Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков свидетельствовал о признании неоценимого вклада белорусского народа в общую Победу, когда наши славные старшие поколения плечом к плечу защитили от коварного врага наше единое Отечество.

Особо следует отметить, что Республика Беларусь постоянно и активно поддерживает Российскую Федерацию в ее усилиях по реинтеграции постсоветского пространства: и в рамках СНГ, и в ЕЭП "Большой четвёрки" (Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина), и в ЕврАзЭС, и в Таможенном союзе (Россия, Белоруссия. Казахстан), и в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС – Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия) и, конечно, по-прежнему, в строительстве Союзного государства.

Real politic Москвы для союзника

Центральное место в интеграционном взаимодействии Белоруссии с Россией занимает сотрудничество в топливно-энергетической сфере. От поставок природного газа из России зависит производство 95% белорусской электроэнергии. В структуре топливного баланса страны природный газ занимает 80%. Из России Белоруссия ежегодно импортирует для собственных нужд и для переработки 22 млрд м^3 газа и 24 млн тонн нефти. Российская Федерация является монополистом по поставкам энергоносителей в Республику Беларусь.

Кроме того, Россия осуществляет по территории Белоруссии транзит энергоресурсов в Европу. "Газпром" ежегодно качает через Белоруссию до 32 млрд м^3 природного газа. Транзит российской нефти через Белоруссию в государства дальнего зарубежья превышал до последнего времени 85 млн тонн в год.

Кстати, следует отметить, что по белорусским транспортным путям Россия осуществляет до 70% экспорта в страны Европейского союза и примерно столько же российского импорта из этих стран. А ведь на долю ЕС приходится значительная часть российского внешнеторгового оборота.

Следует особо подчеркнуть, что именно в связи с высокой зависимостью Белоруссии от поставок топливно-энергетических ресурсов из России стала нарастать волна обострений во взаимоотношениях Москвы и Минска, начиная с 1999 года, то есть после российского финансового дефолта 1998 года, когда РФ стала повышать цены на нефть и газ своему стратегическому союзнику и партнеру. Эта мера незамедлительно сказалась на резком увеличении дефицита внешнеторгового баланса Белоруссии в торговле с Россией, что серьезно дестабилизировало экономику республики и ход строительства Союзного государства. Например, в 2016 году при общем товарообороте 26,1 млрд долларов экспорт из России в Белоруссию составил 15,3 млрд долларов, а поставки из Белоруссии в Россию – 10,8 млрд долларов, то есть дефицит внешнеторгового баланса РБ с РФ составлял 4,5 млрд долларов. Причём львиная доля этого дефицита приходится на импорт энергоносителей, так как республика с каждым годом вынуждена тратить всё большую сумму за их поставки из национального бюджета. Это связано со следующими обстоятельствами.

В конце 2006 года "Газпром" и Кремль буквально вышибли из Лукашенко согласие подписать газовое соглашение на условиях, предусматривавших переход на рыночную цену для Белоруссии: в 2008 году – 67% от среднеевропейской цены, в 2009 году – 80% и в 2010 году – 90%, а в последующие годы – продажу газа по среднеевропейской цене. На 1 января 2017 года среднеевропейская цена природного газа составила 139 долларов за 1000 кубометров, а для Белоруссии была установлена цена в 132 доллара за 1000 кубометров. Минск же требует денег на таких же условиях, как и соседняя Смоленская область – 73 доллара за 1000 кубометров, исходя из принципа равноудалённости места потребления от места добычи и транспортировки газа. Россия не согласилась с позицией Белоруссии и выставила долг Минску за поставки газа, который на 1 апреля 2017 года насчитывал в сумме около 800 млн долларов. Многомесячное противостояние союзников закончилось 3 апреля 2017 года, когда Путин и Лукашенко наконец-то встретились в Санкт-Петербурге и в течение пяти часов утрясали проблемы взаимных претензий. Согласившись с российскими доводами (иного решения для Минска нет. – **Ю. Г.**) по накопившемуся долгу за поставки природного газа, в ответ Минск получил от Москвы новый заём в размере 1 млрд долларов "на хороших условиях" для рефинансирования долговых обязательств по газу. С признанием долга Минск заручился поддержкой Москвы, чтобы было также возобновлено финансирование по линии уже открытого кредита Евразийского фонда стабилизации

и развития. Фонд под давлением России прекратил финансирование Белоруссии осенью 2016 года, когда обострение отношений Минска и Москвы достигло своего пика.

Аргументы Минска

1. Россия и Белоруссия строят Союзное государство, формируют Евразийский экономический союз, и условия для хозяйствующих субъектов двух стран не должны резко отличаться по издержкам производства, в первую очередь, из-за резкого перепада цен на энергоносители. Белорусская сторона при расчётах за поставляемые природный газ и нефть из России исходит из необходимости формирования единого экономического пространства в рамках Союзного государства и ЕАЭС. Сдерживающим фактором на этом пути являются разные "весовые категории" стран-партнёров. Российская экономика явно перевешивает. Нынешняя Белоруссия, по оценке её руководства, зависит от экономики России на 85%. Российская Федерация является, можно сказать, безальтернативным экономическим партнёром для Белоруссии. Кризисное состояние российской экономики последних лет и резкое падение курса российского рубля после декабря 2014 года серьёзно усугубили торговые и производственно-кооперационные связи Республики Беларусь с её главным партнёром, что привело к резкому падению их взаимного товарооборота. Так, в 2016 году по сравнению с 2015 годом белорусский импорт из РФ снизился на 10,8%, а чтобы восполнить потери от возникшего перекоса цен, Минск был вынужден увеличить поставки своей продукции в этом же году в Россию на 4%. Если Россия живёт, главным образом, за счёт добычи и экспорта природного сырья и энергоносителей, то Белоруссия, не имеющая такой, как РФ, природной сырьевой базы, существует благодаря наращиванию стоимости, добавленной трудом её граждан при переработке импортного сырья и производства готовых изделий на экспорт.

Советская Белоруссия была "сборочным цехом" СССР, а Республика Беларусь осталась "сборочным цехом" России. Например, в оборонном производстве России доля поставок из Белоруссии достигает 17 процентов. Главным образом, это средства спутниковой и космической связи, оборудование для радиостанций, радионавигационные устройства и другая продукция наукоёмких технологий. Белоруссия вывозит в страны СНГ, в основном, в Россию до 80% своей машиностроительной продукции, причём критически значимой для российской экономики и обороны (тракторы "Беларусь", автомобили "МАЗ" и "БелАЗ", автомобильные шасси для мобильных ракетных установок и т. д.). Более 8 тысяч российских и белорусских предприятий нуждаются во взаимных поставках. Порядка трёх миллионов рабочих мест в России обеспечивает производственно-кооперационное сотрудничество с Белоруссией.

2. Руководство Белоруссии в лице А. Лукашенко отвергает давление со стороны Кремля, Правительства РФ, российских госкомпаний и частных олигархических структур по приватизации значимых белорусских предприятий в ущерб критериям экономической безопасности республики. В результате за четверть века независимости республики российские олигархи так и не смогли захватить ни одного значимого предприятия в Белоруссии.

"Калийная война" в Белоруссии, затеянная российским магнатом Сулейманом Керимовым и его управляющим Владиславом Баумгертнером с целью завладения белорусскими активами калийной отрасли, закончилась для них полным фиаско.

Среди госкомпаний наибольшего успеха добился "Газпром", который с помощью Кремля и проведения долговременной осады всё-таки вынудил Минск передать контрольный пакет акций "Белтрансгаза" российскому газовому монополисту. Белорусская "газовая труба" была продана по самой низкой цене – за 2 млрд долларов, хотя стоимость более короткой "газовой трубы" в Чехии для "Газпрома" составила 8 млрд долларов. Продавая "Белтрансгаз" под большим нажимом Москвы, Белоруссия просила своего союзника и партнёра по строительству Союзного государства в обмен на предоставление Минском преференций российской стороне, например, при передаче не только белорусской газотранспортной системы, но и трубопроводной системы по перекачке нефти получить возможность участвовать в добыче как природного газа, так и нефти на территории России на условиях участия иностранных

инвесторов. Однако Кремль категорически отказывает Минску в удовлетворении такой просьбы, хотя американцы, французы, голландцы, немцы и англичане – нефтяные и газовые компании из стран НАТО – давно уже качают и добывают в новой России наши природные ресурсы. Возникает логичный вопрос: почему Кремль запрещает добычу энергоресурсов братской стране и союзнику?

На первый взгляд, ответ на поставленный вопрос очень прост: держать Минск "на крючке", с которого в силу определённых обстоятельств белорусам сложно соскочить. Однако очень важная, можно сказать, ключевая причина всё-таки заключается в более скрытых обстоятельствах, о которых речь пойдёт ниже.

По нашему мнению, неудача "Газпрома" в попытке выкупить у Украины её газотранспортную систему и подземные хранилища газа (ПХГ) во многом способствовала обострению взаимоотношений Москвы и Киева, который, в конечном итоге, обвинил Россию в стремлении "управлять украинцами". В свою очередь, Российская Федерация решила наказать Украину за несговорчивость по указанной сделке. И поэтому Россия начала строить высокозатратные обходные газопроводы в страны Европы – Северный и Южный потоки.

Как нам представляется, после развала СССР и разрыва цепочки "добыча – потребление" энергоносителей, а также, исходя из геополитических интересов России на Украине и в Белоруссии, сохранения критически важных с ними дружественных отношений как с родственными странами, относящимися к Восточнославянской цивилизации, Москве следовало бы создать с Киевом и Минском соответствующие консорциумы по добыче и транспортировке (транзиту) природного газа и нефти в Европу. Управленцам постсоветской России необходимо было учитывать тот факт, что новая страна потеряла прямые торговые пути к европейским партнёрам; появился буфер в виде независимых государств – бывших союзных республик СССР. Немаловажен и тот факт, что в указанных отраслях, по наблюдениям автора во время поездок по Западной Сибири, сегодня, как и в советские времена, в основном заняты русские, украинцы и белорусы. Естественно, переплетение экономических связей в виде многосторонних консорциумов во многом способствовало бы росту доверия и взаимопонимания руководителей трех славянских государств. Однако, увы, Кремль пожадничал и упустил геополитическую выгоду от подобного сотрудничества в рамках "славянского треугольника". А в результате – уход Украины на Запад.

3. По мнению белорусской стороны, исторически сложившаяся высокая зависимость экономики Белоруссии от экономики России не должна использоваться Москвой для ухудшения социально-экономической обстановки в республике. Лидеры двух стран, строящих Союзное государство, Владимир Путин и Александр Лукашенко, при взаимных встречах на словах каждый раз отмечают важность укрепления взаимодействия России и Белоруссии в торгово-экономической и топливно-энергетической сферах на принципах суверенного равенства, рыночной экономики, взаимной выгоды и учёта интересов обоих государств. На деле же получается обратное: последнее падение курса российского рубля (ноябрь–декабрь 2014 года) больно затронуло экономику союзника, привело к резкому понижению рентабельности белорусских товаропроизводителей, которые реализуют большую часть продукции на российском рынке. О каком равенстве взаимного сотрудничества и конкуренции может идти речь, если издержки белорусских предприятий при производстве товаров, в первую очередь продовольственных, не могут быть покрыты хотя бы с минимальной прибылью при их продаже на российском рынке? Понятно всем, что российская сторона при установлении цен на природный газ и нефть – главные статьи издержек современного производства любой страны – защищает свою позицию на том основании, что растут издержки добычи и транспортировки энергоносителей для зарубежных потребителей. Но Минск категорически не согласен, когда цена "составляет больше, чем для побежденной Германии". Спрашивается, если уровень рентабельности "Газпрома" вполне достаточен при цене газа в 73 доллара за 1000 кубометров при его поставке в Смоленскую область, которая соседствует с союзной Белоруссией, то при продаже газа по 132 доллара за 1000 кубометров газовый монополист будет наживаться на белорусских потребителях и товаропроизводителях, получая при этом сверхприбыль. Получается, что "Газпром", а не Кремль

(хотя и с согласия Кремля) коммерциализирует и таким образом определяет российско-белорусские отношения, критически воздействует на ход строительства Союзного государства, о котором "верхи", особенно российские управленцы, стремятся как можно реже вспоминать на фоне то "нефтегазовых", то "калийной", то "мясо-молочных войн".

4. Белорусская сторона также считает, что введённая Москвой с 2008 года экспортная пошлина на поставки сырой нефти на белорусские нефтеперерабатывающие заводы – Мозырский и Новополоцкий – непосильна для национальной экономики. Производственные мощности этих заводов рассчитаны на переработку соответственно 16 млн и 24 млн тонн нефти в год. Естественно, повышение пошлин ведёт к падению уровня рентабельности указанных предприятий и недополучению столь необходимой для республики валютной выручки. Несмотря на то, что в Союзном государстве и Евразийском экономическом союзе действуют договоры о Зоне свободной торговли и Таможенном союзе, которые для участников интеграционных группировок в соответствии с мировой практикой устанавливают беспошлинную торговлю, Россия ввела, например, для Белоруссии изъятие (ограничение) по сырой нефти, которое обещает ликвидировать в 2024 году, то есть когда Путин закончит четвёртый срок пребывания в Кремле. Интересно отметить, когда правительство РФ в 2016 году включило счётчик роста белорусской задолженности по газу, оно приготовило Минску своеобразную удавку: сначала сократились поставки нефти Белоруссии до 18 млн тонн, затем пригрозили сократить до 16 млн, а в случае дальнейшей несговорчивости с российской стороной речь пошла о снижении поставок нефти в республику до 12 млн тонн. Напомним, что РФ обязалась поставлять партнёру по строительству Союзного государства 24 млн тонн нефти ежегодно вне зависимости от газовых соглашений.

Эгоцентризм Москвы доведёт Союз "до нехорошего"

Таким образом, односторонняя зависимость Белоруссии от монопольных поставок нефти и природного газа из России привела к тому, что республика с каждым годом вынуждена тратить из национального бюджета всё бóльшую сумму на импорт энергоносителей. Другими словами, политика России в отношении нынешней Белоруссии не только подрывает доверие к союзнику и партнёру, но и серьёзно сдерживает социально-экономическое развитие маленькой республики.

В этих условиях, чтобы преодолеть монополизм России в топливно-энергетической сфере, Белоруссия договаривается о поставках нефти из Венесуэлы и Ирана на более выгодных условиях. Правда, при этом возникает определённая проблема для Мозырского и Новополоцкого нефтеперерабатывающих заводов, так как эти предприятия, построенные в конце советского периода, были технологически ориентированы на поставки именно российской нефти. Поставки из других стран требуют дорогостоящей переналадки перерабатывающих мощностей.

За четверть с лишним века сепаратного существования России и Белоруссии последняя ни разу не имела положительного сальдо внешней торговли с РФ. Как уже отмечалось выше, отрицательное сальдо Минска в торговле с Москвой стало особенно интенсивно дестабилизировать экономику Белоруссии после обесценивания российского рубля в ноябре-декабре 2014 года. Не имея возможности конкурировать на равных как с российскими товаропроизводителями в рамках Союзного государства, так и с товаропроизводителями из стран-членов ЕАЭС, Республика Беларусь стала фактически сворачивать свою торговлю в пределах обеих интеграционных группировок. Например, уже в 2015 году стоимостной объём (в текущих ценах) взаимной торговли Белоруссии со странами ЕАЭС сократился на 26,7% по сравнению с предыдущим годом.

Только благодаря увеличению физических объёмов поставок белорусских товаров, главным образом, продовольственной продукции на российский рынок в 2016 году (чтобы покрыть отрицательное сальдо), по утверждению главы Минсельхоза России Александра Ткачёва, "Беларусь **заработала** больше трёх миллиардов долларов на поставках продуктов в Россию" (выделено мной. – **Ю. Г.**). При этом российский министр добавил, что результаты могли быть лучше. По его словам, дело в том, что в середине 2016 года Россельхознадзор

приостановил ввоз мясо-молочной продукции и курятины с некоторых белорусских предприятий из-за нарушений ветеринарно-санитарных требований ЕАЭС. Поясним, что это почему-то случилось в разгар обострения отношений Москвы и Минска по платежам за природный газ. По-видимому, это было сделано, чтобы поставить А. Лукашенко на колени.

По нашему мнению, частично следует согласиться с доводом А. Ткачёва, так как всем уже хорошо известно, что Россельхознадзор жёстко контролирует на российском рынке объёмы почему-то именно **высококачественной** продовольственной продукции из Белоруссии, которая, на наш взгляд, вне конкуренции по качеству в сравнении с российскими продуктами. Являясь патриотом своего Отечества и защитником отечественного товаропроизводителя, автор предпочитает покупать мясо-молочную и овощную продукцию из Белоруссии, включая знаменитый хлеб-каравай "Нарочанский". По утверждению российских лабораторий, в белорусских продуктах отсутствует фальсификат и пальмовое масло. Однако министр сельского хозяйства РФ А. Ткачёв не раскрыл истинную причину, почему "результаты могли быть лучше" у белорусских поставщиков продовольствия на российском рынке. Дело в том, что из-за обесценения российского рубля и несопоставимых издержек производства по сравнению с российскими Белоруссия только в 2016 году потеряла больше миллиарда долларов при экспорте продовольственных товаров в Россию, причём республика стремится нарастить их физические объёмы, можно сказать, себе в убыток. Подобную ситуацию в рамках "союзничества и равноправного партнёрства" трудно объяснить с логической точки зрения. Ведь по утверждению Ткачёва, дефицит натурального молока в Российской Федерации составляет около 7 млн тонн. И большую его часть покрывает Республика Беларусь, в том числе порядка 80% импортных закупок Россией сухого молока. **Возникает в этой связи вопрос, непосредственно обращённый не только к Минсельхозу РФ, но и к Правительству РФ: если Белоруссия является основным поставщиком молочной продукции на российский рынок, то почему не даются преференции во внешней торговле нашему самому близкому партнёру и союзнику, чтобы насытить внутренний рынок и обеспечить продовольственную безопасность России?**

По большому счёту, белорусская сторона с этой ненормальной для союзников ситуацией справляется сама. По заявлению начальника Главного управления внешнеэкономической деятельности Минсельхоза и продовольствия РБ Алексея Богданова, те объёмы продовольствия, которые планировалось поставить на российский рынок, Белоруссия перераспределяет на рынки других стран. Например, белорусское молоко и молочные продукты охотно покупают Германия, другие страны Евросоюза и даже далёкий Китай. А российские граждане, увы, будут по-прежнему потреблять так называемый "отечественный молочный напиток" из-за дефицита натурального молока и так называемые "отечественные молочные продукты", изготовленные на основе малайзийского пальмового масла.

Смею утверждать, что в Белоруссии до настоящего времени вся продукция, особенно продукты питания, производятся под жёстким государственным контролем и в соответствии с утверждённым ГОСТом по каждому товару, известным с советских времён, а за нарушение его полагается уголовная статья и серьёзный тюремный срок. Всем понятно, что такими жёсткими мерами в Белоруссии серьёзно охраняют здоровье своих граждан. А в России, как известно, на недобросовестного товаропроизводителя налагается только минимальный штраф!

Когда глава Россельхознадзора России Сергей Данкверт запрещает в очередной раз ввозить в Россию из Белоруссии то мясо, то молоко, то молочные продукты, то это вызывает у меня горькую улыбку и поневоле хочется согласиться с белорусским лидером по этому поводу, что "все эти данкверты – люди заинтересованные" и что Данкверт "крышует свои латифундии".

Разные цивилизационные векторы Кремля и Минска – ключевая проблема союзничества

К сожалению, проблема взаимоотношений наших стран не сводится к торговле. Страдают и цивилизационные аспекты отношений. "Верхи" двух родственных государств имеют сильно различающиеся подходы и схемы взаимного

сотрудничества. Если Кремль готов, в первую очередь, к сотрудничеству на коммерческих условиях и во главу угла ставит выгоду от торгово-экономического сотрудничества с Белоруссией, то Минск, развернувшийся на Восток, стал настаивать на цивилизационном подходе при выстраивании всего спектра взаимоотношений с родственной Россией.

Имитация интеграции в рамках проекта "Союзное государство", который был создан, как представляется, для успокоения патриотической общественности двух стран, Кремль вполне устраивает, а Минск уже "по-тихому" смирился и не выступает с экстравагантными заявлениями по поводу темпов его реализации по принципу "ни шатко, ни валко". По нашим наблюдениям, Белоруссия всё-таки постепенно теряет надежду на получение синергетического дивиденда от сотрудничества как в рамках Союзного государства, так и в составе Евразийского экономического союза. Товарооборот со странами – членами этого союза – сокращается. В результате Александр Лукашенко перестал приезжать на саммиты ЕАЭС, ОДКБ и Союзного государства, изредка давая пресс-конференции в Минске для журналистов по белорусско-российской интеграции со специфическим названием "бухгалтерия дружбы".

Не будем комментировать обычные, всем известные, порой экстравагантные, но искренние высказывания белорусского лидера, а попытаемся прояснить точку зрения специалистов на причины видимого невооруженным глазом дистанцирования Кремля от Минска и Минска – от Кремля.

Как представляется, основная причина разногласий, доходящих до открытой неприязни правящих элит России и Белоруссии, – это следование разным цивилизационным векторам развития обеих стран. В новой России доминирующие во власти управленцы-"западники" выбрали в качестве образца социально-экономического развития Западную цивилизацию и навязали нашей стране ещё с подачи Е. Гайдара откровенно ущербную модель экономического развития, разработанную Гарвардской школой в рамках "Вашингтонгского консенсуса". Нобелевский лауреат по экономике Джозеф Штиглиц назвал её абсолютно провальной и вредной для России.

Для достижения главной цели, в том числе для "возвращения в мировую цивилизацию", российские западники считают необходимым по возможности больше копировать западные институты и нормы в экономике, общественных отношениях, принять западную культуру и духовные ценности, то есть фактически готовы сменить традиционную российскую цивилизационно-культурную идентичность.

Приход в Кремль Владимира Путина существенно изменил расстановку сил, но позиции западников-компрадоров во власти по-прежнему очень сильны. **Комплекс цивилизационной неполноценности является составной частью сознания подобного типа значительной прослойки российских управленцев.** Им кажется, что, подражая Западу, станешь Западом. В ответ Запад "придёт, вложит капитал, научит и защитит в случае необходимости". Поэтому доморощенные западники сразу же затаились, когда Путин возвратил Крым и Севастополь в "российскую гавань". Никто из российских западников и тем более олигархов до сих пор так и не обозначил своё отношение к возвращению исконно русских земель. Правда, Алексей Кудрин – "самый лучший министр финансов всех времён и народов", по версии и номинации МФВ и МБРР, а ныне – глава Счётной палаты, – от имени олигархического и крупно-предпринимательского сообщества России предложил В. В. Путину пойти навстречу Западу, чтобы последний в обмен снял экономические и политические санкции против России и тех нуворишей, кто был включён в санкционный список. Однако президент России к удовлетворению простых граждан страны достойно отверг эту инициативу, сказав, что "мы не торгуем своим суверенитетом".

Наблюдая за действиями российских управленцев-западников, приходишь к окончательному выводу, что в голове у них один только *profit*, который они в виде оттока капитала вывозят из страны при полном отсутствии понимания категории "защиты национально-государственных интересов России". В их умах отсутствуют понятия "Родина" и "Отечество", хотя некоторые из них в дискуссиях упоминают "историческую родину", куда при выезде из России – ещё с советских времён – они не всегда почему-то стремятся. Зато в отличие от русско-тюркских представителей предпринимательского строя, как метко заметил профессор Всероссийской Академии внешней торговли

Александр Бельчук, они охотнее вывозят капитал за границу. Естественно, эта категория наших сограждан не признаёт и не приемлет существование "особой Российской цивилизации". Вследствие политических манипуляций в 1991–1992 годах, главным образом, из-за политической усталости государствообразующего народа, их представители сумели захватить верховную власть в новой России, составить Конституцию РФ в своих интересах, ликвидировать национальную идентичность государствообразующего народа, отменив его национальность, и обозначили всех граждан постсоветской России скопом искусственным названием "россияне". Другими словами, дезавуировали государствообразующий этнос в России и обозначили его многоликим народонаселением. В конечном итоге, они заняли, уже вполне легитимно, высшие управленческие места в Кремле и российском Белом доме.

Теперь-то нам, русским людям, стало вполне очевидно, что **основа разногласий Российской Федерации и Республики Беларусь состоит в различающемся цивилизационном подходе правящих элит к социально-экономическому развитию своих стран.** Так, Россия уже более четверти века фактически выпала из своей традиционной цивилизации, и в ней господствует так называемая "суверенная демократия по Владиславу Суркову". При такой "демократии" страной могут управлять "необязательно представители государствообразующего народа", ведь, по Суркову, они "не представляют же весь народ", поэтому у рычагов власти могут быть представители самых малых групп населения. При этом экономические реформы и экономическая модель развития осуществляются в России, как метко заметил академик РАН Леонид Абалкин, "для богатых".

Русские и белорусы – "один народ"

В Белоруссии с приходом к власти в 1994 году Александра Лукашенко наблюдается иная картина. Это связано с тем фактом, что западничество белорусской оппозиции не имеет прочных позиций и корней в самом белорусском обществе. Массированная поддержка Запада – её главная опора и надежда – так и не смогла развернуть республику на Запад. Естественно, споры по поводу выбора цивилизационного вектора развития в Республике Беларусь не утихали никогда и особенно обостряются накануне каждых президентских выборов. Однако более двадцати лет белорусский народ доверяет Александру Лукашенко и его курсу "на Восток" – на союз и партнёрство с Россией. "Ведь русские и белорусы – один народ!" – как рефрен по-прежнему постоянно звучит из Минска. "Беларусь и Россия – это наше общее, наше Отечество", – неустанно повторяет белорусский лидер. Обращаясь к своим согражданам, он повторяет, как молитву: "Я вас заклинаю и прошу: не отказывайтесь от русского языка. Потому что вы откажетесь от своего родного. Русский язык – это великое и это наше". Именно поэтому и совсем не случайно Александр Рар подметил: "У Лукашенко очень глубокие корни в славянской психологии, которую он хорошо понимает".

В Республике Беларусь при А. Лукашенко, в отличие от Российской Федерации, не упразднена национальная идентичность, а самое главное – не произошло разворота республики, чтобы быть "позападнее и зарубежнее" от Москвы с целью "вхождения в Европу". В Минске постоянно подтверждается приверженность сохранению атрибутов традиционной Восточнославянской цивилизации (общий язык, славянская культура, единая православная вера). Естественно, всё это в совокупности не нравится российском управленцам-западникам и их экспертной обслуге. Они, пользуясь властью как высокопоставленные чиновники, вымещают свою неприязнь в действиях против Белоруссии вопреки интеграционным обязательствам в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза. По-видимому, с их подачи многие российские СМИ устраивают неприкрытую травлю белорусского лидера на просторах постсоветского пространства, транслируя, например, по одному из центральных российских телеканалов провокационный фильм "Крёстный батька", которого почему-то большинство граждан России хотело бы видеть союзным президентом. Кроме того, в российских СМИ в угоду Западу допускаются комментарии к российско-белорусским разногласиям с антибелорусской подоплёкой, как это, например, зачастую наблюдается по ценам на нефть, газ и поставкам якобы некачественной белорусской продовольственной

продукции на российский внутренний рынок. С обоснованием этих ограничений, как правило, выступают, главным образом, так называемые "специалисты" из известной "пятой колонны". Между прочим, сетует с огорчением Лукашенко, "в цивилизованной Беларуси таких высказываний в адрес президента и премьер-министра России не было. Начинается от личного – до экономики. Это не нормально, это нужно заканчивать".

В российских "верхах" и СМИ подвергается остракизму, естественно, не только А. Лукашенко, но и вся его команда. Если российские министры выглядят как "недоросли в политике и экономике", то правительство Республики Беларусь – это солидные по образованию и управленческому опыту сложившиеся специалисты. Белорусские руководители не доверяют Западу и не хотят входить в состав военных и политических блоков, направленных против России. Когда в 1994 году белорусский лидер со своими единомышленниками пришёл к власти, то Запад до последнего времени его называл не иначе, как *последний диктатор Европы*, а недобросовестные местные предприниматели – "жулики и воры", сразу же покинувшие Белоруссию, – несправедливо обозвали его антисемитом. Ведь в отличие от российских управленцев – западников и антигосударственников – высшие руководители Республики Беларусь – это руководители-"восточники", то есть истинные приверженцы и защитники Восточнославянской цивилизации. Кроме того, они также государственники, поскольку реализуют в своей стране социально-ориентированную рыночную "модель устойчивого социально-экономического развития Беларуси" с опорой на государственное регулирование национальной экономики и в интересах своего народа. Если Россию следует считать "расколотой на бедных и богатых нацией", то Белоруссия – это нация сплочённого народа. Об этом свидетельствуют следующие неоспоримые факты.

Если в России белорусская модель социально-экономического развития постоянно подвергалась жёсткой критике со стороны неолибералов-монетаристов, то Запад, в конце концов, всё-таки признал её как самую успешную на всем постсоветском пространстве. Любой гражданин России может убедиться в этом неоспоримом факте, свободно посетив не только Минск, но и любой белорусский город или сельский населённый пункт – абсолютно везде одинаковые условия жизни, развитая жилищно-коммунальная инфраструктура, добротные дороги, ухоженные города и села, нет ни одного клочка неухоженной или запущенной земли; маленькую республику населяет добрый, работящий и дисциплинированный народ. Показатель социального расслоения в Белоруссии – один из самых низких в мире. Доходы 10% самых богатых превышают доходы 10% самых бедных всего в четыре-пять раз, а в России – более чем в 25 раз. В Москве, по подсчётам академика РАН О. Т. Богомолова, разница превышает 90 раз.

Александр Лукашенко считает социально-ориентированную модель развития экономики единственно приемлемой для Белоруссии. Критически относясь к вариантам моделей России и Украины, белорусский лидер откровенно замечает: "Считаю, что модель нашего развития и вообще славянских народов – социально-ориентированная экономика – это экономика для людей". Такая экономика, по мнению А. Лукашенко, должна выстраиваться на основе "искренней, честной и справедливой политики". "Справедливость ставлю выше любого закона", – подчёркивает президент РБ. По нашим наблюдениям, именно такой подход к национальному социально-экономическому развитию на основе соблюдения в обществе принципа справедливости во многом способствует сплочению народа и руководства республики во имя её прогресса. Корни такого феномена национального единения были заложены ещё в партизанских отрядах Великой Отечественной войны, которая сплотила белорусский народ в единую нацию.

Кстати, 26 января 2017 года во время выступления перед депутатами Государственной Думы РФ седьмого созыва Предстоятель Русской Православной Церкви Кирилл просил избранников народа России всегда ставить "принцип справедливости выше при принятии любого закона". По заключению Патриарха, только на этой нравственно-этической основе возможно преодолеть беспрецедентное имущественное расслоение российского общества, какого и близко не наблюдается в Белоруссии.

Таким образом, белорусская экономическая модель по всем основным показателям демонстрирует свои неоспоримые преимущества перед российской

неолиберальной монетаристской системой, которая, несмотря на имеющиеся у России громадные сырьевые и топливно-энергетические ресурсы, не способна вывести нашу страну на уровень не только передовых государств, но и на показатели достижений маленькой Белоруссии. Тупиковость и пагубность нынешней либеральной рыночной системы, существующей в России, и яркий демонстрационный эффект белорусской модели становятся всё более очевидными для большинства российских граждан, особенно для тех, кто это видел своими глазами во время посещения республики. Для нас, российских специалистов по российско-белорусской интеграции, также очевидно, что нынешняя российская система в значительной степени блокирует усилия по созданию Союзного государства и фактически способствует лишь имитации интеграционной деятельности в рамках Союзного государства и ЕАЭС.

И этот фактор больше всего раздражает кремлёвских управленцев и немногочисленный богатый класс ("золотой миллион") в России. Поэтому и даётся команда время от времени "мочить" Лукашенко за его наглядно-успешную рыночную модель, а Белоруссию как "союзное государство" – за неуклонное следование этой модели, то есть за стремление белорусов жить по-людски даже при капитализме, без вопиющего воровства и коррупции со стороны чиновников.

Западный форпост России

Многолетние наблюдения за всем спектром взаимоотношений Российской Федерации и Республики Беларусь, непосредственное участие в выработке интеграционных решений Москвы и Минска как чиновника высших структур российской власти – всё это позволяет автору этих строк сделать вывод, что маленькая Белоруссия как союзник России фактически выполняет двоякую роль, а точнее сказать, добровольно взвалила на свои плечи следующие союзнические обязательства.

Во-первых, в условиях значительного ослабления мирополитической и мирохозяйственной роли России как правопреемницы СССР, а также в связи с активным продвижением НАТО и Евросоюза на восток Белоруссия стала играть исключительно важную роль буфера – форпоста на пути евроатлантических структур, действующих с дальним прицелом в отношении России. Всё дело в том, что в августе 1993 года кремлёвские управленцы – откровенные западники во главе с Ельциным – подтвердили Западу, что стремление Польши присоединиться к НАТО не противоречит интересам России. Однако вслед за тем, начиная с января 1994 года, Североатлантический альянс стал нагло продвигаться на восток, несмотря на дружбу "Бориса и его друга Билла". Если Украину в Вашингтоне и Брюсселе всегда стремились использовать в качестве "троянского коня" для ослабления геополитических позиций России, то в отношении Белоруссии – особенно с приходом к власти А. Лукашенко – подобные усилия потерпели полное фиаско. В долгосрочном плане Республика Беларусь – единственный надёжный союзник на западных границах России, если исходить из сегодняшней антироссийской позиции антирусской Украины и откровенной неприязни и даже враждебности со стороны Литвы, Латвии и Эстонии.

Во-вторых, следует особо отметить, что продвижение евроатлантических структур на постсоветское пространство серьёзно тормозится рядом военно-технических факторов, которые определяет именно Белоруссия. Республика располагает современными вооружёнными силами. Белорусская армия рассматривается западными экспертами как одна из сильнейших в Европе, единственная из армий стран СНГ, способная помочь Российской армии в трудную минуту. Белоруссия содержит сложную и дорогостоящую военно-техническую инфраструктуру, которая, по большому счёту, не нужна маленькой республике, но в которой очень заинтересована Россия. Речь идёт о военных аэродромах, в том числе для обслуживания бомбардировщиков стратегического назначения, радиолокационной станции "Волга", которая входит в состав системы предупреждения о ракетном нападении, пункте управления российским подводными лодками. Добавьте сюда ещё содержание границы: белорусские вооружённые силы и пограничники защищают практически всю западную часть России – от Бреста до Пскова.

У нас с Белоруссией единая система ПВО. Говоря об оборонном сотрудничестве с Россией на широкой пресс-конференции 3 февраля 2017 года в Минске, глава белорусского государства особо подчеркнул: **“Мы в НАТО не стремимся. Мы свято бережём нашу договорённость об обороне нашего пространства, как я всегда говорю, нашего Отечества – Беларуси и России”.**

В-третьих, когда А. Лукашенко в своих речах и на пресс-конференциях особо выделяет объективную необходимость единения белорусов и русских в их общем Отечестве, несмотря на то, что мы теперь живём в разных государствах, он имеет в виду, прежде всего, нашу общую цивилизационную славянскую идентичность, принадлежность двух ветвей восточных славян к объединяющей нас Восточнославянской цивилизации. Белорусский лидер постоянно призывает руководителей России вместе противостоять экспансии Запада в постсоветское пространство, всячески противодействовать распространению тлетворных атрибутов Западной цивилизации, подрывающих изнутри нашу традиционную духовность и Православную веру. В этом, по его твёрдому убеждению, и состоит **вторая важная роль родной ему Белоруссии – быть настоящей “Брестской крепостью” на пути западных недругов, стремящихся рассорить русских, белорусов и украинцев и подчинить их своим интересам**.

Другими словами, Белоруссии выпала историческая роль защитницы Восточнославянской цивилизации на западных рубежах нашего общего Отечества. Именно эта роль маленькой и гордой республики с её непродажным и неконъюнктурным руководством – как кость в горле у значительной части российских управленцев-западников и российского олигархата, которые, следует признать, так и не укоренились в российской цивилизации. Как правило, для них не существуют понятия “Отечество” и “Родина-мать”. По меткому замечанию писателя Юрия Полякова, эта категория западников ведёт себя в России, как перелётные птицы: их жёны и дети живут на Западе; там же накапливаются и хранятся их капиталы; себя они считают приверженцами Западной цивилизации. Естественно, к Белоруссии у этой категории людей отношение предвзятое, а к её руководителям – неприкрытая неприязнь, как и принято на Западе относиться к славянской республике.

“Или плохо, или ничего”

Владимир Путин взял на себя роль арбитра при урегулировании всякого рода “войн” и конфликтов, возникающих во взаимоотношениях чиновников двух стран. Как правило, споры “верхов” разрешаются по обоюдному согласию на основе компромиссных решений, но оставляют горечь у белорусской стороны. Кремлю пора бы уже понять, что с единственным союзником так не поступают.

Для большинства российских граждан остаётся загадкой и вызывает полное недоумение, почему российские наделённые высокой властью чиновники готовы рассорить русских и белорусов ради вытряхивания из белорусского бюджета дополнительных долларов и евро путём ухудшения условий торговли для Минска или искусственного ограничения поставок белорусской продукции на наш рынок? Ведь российским жителям нет никакого прока от дополнительных прибылей “Газпрома” или нефтяных компаний, которые жируют на фоне ухудшения жизненных условий большинства граждан. Например, на сегодняшний день российские пенсионеры получают ежемесячные пенсии, как и их белорусские собратья, – в эквиваленте порядка 100–150 долларов. Размеры пенсий белорусов нам понятны, а вот показатели российских пенсий и нищета абсолютного большинства пенсионеров в России нам совсем непонятны, и невольно вспоминается знаменитый рефрен премьер-министра России: “Денег нет, но вы держитесь!”

По нашему мнению, так называемое сотрудничество с Белоруссией по принципу “или плохо, или ничего” может плохо кончиться для Москвы. В политике, как и в жизни, “свято место пусто не бывает”. Если так будет продолжаться и Кремль в тандеме с правительством продолжит третирование Минска, то место России в качестве и партнёра, и союзника уже давно готов занять “дружественный” Китай.

Путин как третейский судья, без сомнения, понимает исключительно важную, точнее сказать, ключевую геополитическую и военно-стратегическую

роль Белоруссии как союзника и преданного партнёра. Ведь потеря Минска автоматически приведёт к потере стратегического российского форпоста на западном направлении. В этом случае можно не сомневаться, что НАТО подойдёт вплотную к Смоленску, Пскову, Санкт-Петербургу и Брянску, а Калининградский анклав ещё более отдалится от РФ, его судьба станет совсем уже неопределённой в условиях экономической экспансии Евросоюза и нахрапистых действий НАТО. Если последний по счёту нефтегазовый конфликт (2016-апрель 2017 года), по словам А. Лукашенко, привёл к изъятию из белорусского бюджета порядка 15 млрд долларов вследствие ухудшения условий внешней торговли для Белоруссии со стороны российских партнёров, что, особо заметим, привело к серьёзному снижению жизненного уровня белорусов, то цена геополитических потерь России от утраты Белоруссии как своего ключевого союзника на западных границах не поддается подсчёту ни в кубометрах газа, ни в тоннах нефти, ни даже в долларах и евро. Следует согласиться с мнением белорусского президента, что в этом случае для России политическая цена "бухгалтерского подхода к отношениям с Белоруссией" будет неимоверно выше, чем цена на газ.

Из мирового опыта известно, что ведущие державы для достижения геополитических выгод заключают гласные (или, зачастую, негласные) соглашения с другими странами. Например, Соединённые Штаты постоянно используют практику заключения подобных соглашений. Такое соглашение существует с незапамятных времён между Вашингтоном и Лондоном, который, например, до сих пор так и не выплатил своему союзнику долг по ленд-лизу за военные поставки во время Второй мировой войны, хотя СССР ещё до своего развала выплатил Америке всё сполна. Пора бы Кремлю поучиться у хитрых англосаксов!

По нашему мнению, только заключение комплексного соглашения о торгово-экономическом, военно-техническом и оборонном сотрудничестве Российской Федерации и Республики Беларусь на основе реального союзничества и недискриминационного взаимовыгодного партнёрства даст решение ключевого вопроса двустороннего сотрудничества – как достичь баланса национально-государственных интересов двух стран, сохранить и укрепить наш союз как влиятельный фактор и важный составной элемент в системе безопасности России, Белоруссии и всего постсоветского пространства, а также в системе европейской безопасности. Для достижения этой задачи у России и Белоруссии имеются все благоприятствующие возможности, а главное – их объединяет общая Восточнославянская цивилизация. Так считают, в отличие от российских "верхов", простые граждане России и мужественный сплочённый народ союзной Белой Руси. Осталось лишь лидерам в Москве и Минске проявить необходимую политическую волю. Ведь "русские и белорусы – один народ", и они давно и с нетерпением ждут от своих лидеров стратегического и цивилизованного решения, чтобы наконец-то прекратить межстрановые распри. Пора бы и им уже осознать себя верховными представителями единого народа – Восточных славян!

Союзное государство: реальность или миф?

В 2019 году исполняется 25 лет с тех пор, как А. Лукашенко направил Республику Беларусь на всестороннюю интеграцию и единение с Российской Федерацией, и 20 лет как мы вместе строим Союзное государство. Каковы результаты интеграционного взаимодействия и продекларированного воссоединения двух стран?

Реализация проекта Союзного договора оказалась нелёгким делом и для Москвы, и для Минска. У простых граждан Союзных стран сложилось мнение, что в течение двух десятков лет "верхи"-управленцы постоянно выясняют отношения на повышенных тонах, как склочные супруги, обвиняя друг друга в нежелании следовать взятым обязательствам. Из-за межстрановых распрей проект Союзного государства в глазах наших родственных народов уже давно превратился в тот самый "чемодан без ручки"...

Серьёзные специалисты по российско-белорусской интеграции, анализируя достижения межгосударственного интеграционного взаимодействия России и Белоруссии за прошедшие 20 лет, по большому счёту, считают этот период временем квазиинтеграции и размежевания союзных стран. Вкратце поясним, в чём дело.

Во-первых, простая инвентаризация выполненных статей и положений основополагающих документов Союзного договора свидетельствует, что ключевые договорённости так и остались на бумаге. Когда верховные власти наших стран говорят о каких-то успехах в деле реализации главного Союзного проекта, то речь фактически идёт о первоначальных, зачаточных шагах взаимной интеграции, которые характерны для практики любой интеграционной группировки. Делается это для успокоения широкой российско-белорусской общественности, которые, как известно, двумя руками "за" реальную интеграцию и реальное воссоединение наших родственных народов в едином государстве.

Во-вторых, особо подчеркнём, что главным тормозом на пути создания объединённого государства выступают радикальные различия в интересах правящих элит. Так, в Белоруссии национальную элиту высшее руководство республики, с одной стороны, и государствообразующий народ – с другой объединяют поддерживаемые всем обществом социально-ориентированная экономическая рыночная модель устойчивого развития и сохраняемая цивилизационная идентичность с духовными ценностями Восточнославянской православной цивилизации. Правящая элита страны делает всё, чтобы сохранить самобытность белорусов, православную веру и общую с русским народом славянскую культуру и русский язык. В Белоруссии не стоит вопрос о выборе пути и смене цивилизационного вектора, как это происходит в России. Белорусы строят суверенное государство в интересах большинства с поиском и упрочением места своей маленькой республики в современном глобализирующемся мире. Именно на указанных принципах происходит связка "верхов" и "низов" белорусского общества, единение белорусской нации, чтобы успешно двигаться вперёд.

Реализация в России неолиберальной экономической модели монетаристского типа привела к такому социальному расслоению страны, что между правящей элитой, "верхами" в целом, с одной стороны, и российским народом – с другой образовалась пропасть, которой не наблюдается ни в Белоруссии, ни в странах Европейского Союза. Всё это, естественно, раскалывает российскую нацию.

Таким образом, резко отличающиеся экономические модели в развитии рыночных отношений и разные цивилизационные векторы в двух странах – это главные факторы и преграды на пути реального строительства Союзного государства. Нас приучили к тому, что мы узнаём о существовании Союзного государства, когда между Москвой и Минском вспыхивает очередная "нефтегазовая, мясо-молочная или калийная" война. При этом, как правило, Москва провоцирует Минск по надуманному поводу, когда Кремлю это выгодно по какой-то причине, а из белорусской столицы звучит прозрачная экстравагантная "ответка": "Под плёткой больше никогда ходить не будем!"

Вплоть до декабря 2018 года Минску и Москве удавалось вести переговоры без "эмоциональных взрывов", пока между Путиным и Лукашенко не произошла довольно спорная дискуссия о будущей стоимости природного газа для Белоруссии. Президент России заявил, что цена на "голубое топливо" может стать значительно дешевле только в том случае, если страны придут к иному уровню интеграции. Путин высказал свои аргументы: "У нас выработан план достижения к 2025 году, когда мы должны согласовать единые рынки нефти, газа, нефтепродуктов". При этом возникает логический вопрос, а почему это нельзя сделать сегодня, а только после 2024 года, когда у Путина закончится последний президентский срок? Правда, российский лидер согласился с позицией белорусского президента, что надо стремиться к полной унификации тарифов, а для этого, по его словам, нужно время. "Если бы Беларусь не имела преимуществ, связанных с интеграцией, а цена формировалась на рыночных принципах, это было бы не 127 долларов США (такую цену за 1000 куб. природного газа платит Беларусь в 2019 году. – **Ю. Г.**), а 200 долларов США – вот в чём разница", – подытожил Путин. Лукашенко же продолжает настаивать на цене для Беларуси, как и для потребителей соседней Смоленской области, – 73 доллара США.

13 декабря 2018 года на заседании Совета Министров Союзного государства премьер-министр России Д. А. Медведев заявил, что решать самые разные вопросы финансово-экономического взаимодействия, политических консультаций и массу других вопросов Россия и Белоруссия смогут только после

того, как окончательно решат вопрос о путях дальнейшей интеграции. При этом глава российского правительства предложил белорусским партнёрам определиться: либо всё оставить на том уровне, на котором сегодня находится Союзное государство, и дальше двигаться по пути расширения сотрудничества в рамках ЕАЭС, либо начать выполнять запланированные Союзным договором задачи и цели, вплоть до создания единого эмиссионного центра, Конституции и наднациональных органов.

Следовательно, со слов Путина и Медведева, Россия будет вести дальнейшие переговоры с Белоруссией по снижению цен на природный газ только в случае согласия последней на более глубокую степень интеграции в рамках выполнения Союзного Договора.

При выставленных Кремлём условиях Минску придётся принять потери белорусского бюджета, которые по данным экспертов, в 2019 году могут составить почти 400 млн долларов США, а в итоге к 2024 году – в 10–12 млрд долларов США.

В нынешних условиях, когда уже чётко определились интересы правящих элит в отношении реализации Союзного Договора, когда выявились резко отличающиеся подходы к интеграционному взаимодействию и цели сторон, актуальность строительства государства зашла в тупик и, по нашему мнению, можно сказать, отпала.

При сложившихся обстоятельствах мифотворчество вокруг проекта создания Союзного государства, в конце концов, сойдёт на нет. При этом Республика Беларусь и Российская Федерация будут развивать интеграцию, прежде всего, в ЕАЭС.

Однако это может произойти только в том случае, если Россия станет по-настоящему притягательной для других стран – членов интеграционного объединения – и, в первую очередь, для своего первого и единственного союзника.

ОЛЬГА МИТРОХИНА

ПРАЗДНИК

О третьих Лихоносовских чтениях

Международная научно-практическая конференция “Творчество В. И. Лихоносова. Актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики и истории” проводится в Кубанском государственном университете третий раз.

Лихоносовские чтения стали уже традиционными для Краснодара и, несмотря на малые годы своего существования, они с каждым разом приобретают все более значимый и масштабный характер. Это видно по организации мероприятия и заинтересованности участников.

Если сравнить первый опыт проведения конференции и теперешний, то можно заметить, как активно из года в год совершенствуется работа. Сегодня конференция проходит в самой большой аудитории факультета, которая названа в честь Виктора Ивановича Лихоносова. Это решение было принято после первых чтений. Те, кто там бывал, видели огромный плакат во всю стену с биографией, цитатами и портретом писателя. В этот раз аудиторию украшал ещё и огромный баннер, на котором красовалась фотография Лихоносова на фоне русских просторов.

Кроме студентов и преподавателей, на конференцию ежегодно приезжают писатели и публицисты. На этот раз гостями были главный редактор журнала “Молоко” Лидия Сычёва, главный редактор журнала “Роман-газета” Юрий Козлов, секретарь правления Союза писателей России Светлана Макарова, первый заместитель главного редактора журнала “Наш современник” Александр Казинцев, Платон Беседин из Севастополя и Анатолий Байбородин из Иркутска.

Количество участников с каждым разом растёт, и если в первый год заявленных тем было 92, то в этом их уже 132.

Конференцию открыл декан журфака Кубанского государственного университета Валерий Касьянов. Он поздравил Виктора Ивановича с прошедшим днём рождения, пожелал ему крепкого здоровья и долгих лет жизни. Затем выступил первый проректор КубГУ Темыр Хагуров. “В последние лет пятьдесят очень много говорили о смерти литературы... Но тот факт, что мы собираемся, доказывает обратное. В России литература всегда была чем-то бóльшим, чем в других культурах... Сегодня, несмотря на то, что у нас у всех есть гаджеты, мы погружены в аудио-визуальные потоки информации, первичным пониманием того, что происходит с нами, конечно, является живое литературное слово...”

Продолжила конференцию Лидия Сычёва.

Она заговорила о главном, что её волнует, – о российском народе и денационализации. "Народ российский – это люди, у которых есть Родина, здесь жили поколения наших предков, будут жить и трудиться наши дети и внуки. И любой россиянин близко к сердцу примет:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой..."

Сычёва утверждает, что у патриотов должно быть горячее сердце. Такое сердце у настоящих писателей, поэтов, журналистов.

"А кто же *холоден душой* к Отчизне? Наверное, *граждане мира*, люди, которые говорят по-русски и физически... живут здесь, но в своём чувственном мире они давно обустроили другую Родину, и там центр их жизни. И главное требование к их *настоящей Родине* – это комфорт, чтобы было хорошо: хорошая одежда, машина, дом. Мы тоже этого хотим, странно сопротивляться комфорту, все мы любим красоту, в том числе и бытовую. Но неужели это главное?" – спросила писательница у аудитории.

По её мнению, сейчас одной из главных проблем является денационализация. "Денационализация – это смерть, она может быть комфортной или трагической, быстрой или медленной, но это смерть. А народ, его бытие – это жизнь. И мы должны бороться за жизнь".

Главные механизмы денационализации, по мнению Сычёвой, идут через духовное управление, через масс-медиа и литературу как стержень нашей культуры. Основной механизм – публичность того, что следует скрывать, и открытость того, что следует прятать.

В различных телешоу нам показывают частную жизнь, смакуют напоказ непристойности, а самое главное замалчивают. Нам насаждают идеологию индивидуализма, права человека, но никто не говорит про право коллективной защиты, убеждена Лидия Сычёва.

Главное отличие не денационализированного народа, по словам писательницы, – способность созидать.

В своём выступлении Сычёва доказала, что сейчас это тоже является проблемой. Она просмотрела рейтинг новостей "Яндекса" на федеральном и местном уровнях за один и тот же день. В сводке федеральных новостей главными являются "развод Улюкаева с женой" и "скандал в телешоу "Голос. Дети".

Сычёва вместе с аудиторией проанализировала сводки местных новостей. О созидании нашлись новости из Казани, где запустили строительство нового авиапроизводства, и из Краснодара, где появятся трёхсекционные трамваи.

В своём выступлении она говорила и о литературе, которая способна победить процесс денационализации. В пример Сычёва привела творчество Лихоносова как одного из самых национальных русских писателей.

Далее слово передали гостю из Иркутстка – писателю Анатолию Байбородину. Он рассказал про свои молодые годы, когда с друзьями они зачитывались рассказами Шукшина, Абрамова, Лихоносова, Белова и Распутина.

"Я вспоминаю свои молодые лета и думаю: великое счастье, что на мою молодость, на моё поколение выпало время творчества выдающихся русских писателей, которые создали классику XX века..."

Продолжил конференцию писатель Платон Беседин. Тема его доклада: "Журналистика без героев". В своей речи он говорил о проблеме отсутствия достойных людей в современном медиапространстве. По его словам, народ, особенно молодёжь, должны получать реальные жизненные примеры. Главное достояние и богатство России, по утверждению Беседина, это именно люди. Каждый день кто-то совершает маленькие или большие подвиги, но это не демонстрируется в СМИ. Журналисты должны говорить о них, приводить в пример достойные поступки.

"Подвиг – это наше русское понятие, которое помогает... Мы должны создавать нормальную страну, насыщать медиапространство конкретными людьми. Давайте создавать идеологию подвига", – призвал участников конференции Беседин.

Ту же тему продолжил Юрий Козлов. Он уверен, что писать о героизме людей – правильно, но сложно.

“Написать об этом так, чтобы люди прочитали, поняли, как-то вдохновились и восхитились этим, может не каждый. Это должны быть действительно талантливые журналисты, которые делают авторскую журналистику”, – утверждает Ю. В. Козлов.

После Козлова перед аудиторией выступил гость из Пятигорска – профессор, доктор филологических наук Вячеслав Шульженко. Он говорил о современной литературе на русском языке. Таким термином Шульженко объединил произведения, созданные за пределами России.

“Та литература, которая сегодня создаётся на русском языке, – потрясающе противоречива, потрясающе разнообразна, и увидеть в ней отголоски какого-то общего классического канона представляется невероятно сложным”.

Профессор считает, что мы не должны расценивать расширение границ русской литературы как недостаток.

“Это, прежде всего, свидетельствует о том, что русский язык обладает потрясающими художественными возможностями, какими, может быть, ни один другой язык не обладает. И попытка высказать своё является не идеологической, не политической, не религиозной... Это, видимо, само ментальное состояние”.

Из представителей современной литературы на русском языке докладчик назвал Михаила Шишкина, Алексея Цветкова, Дину Рубину, Дмитрия Бобышева, Анатолия Рыбакова и многих других.

Этот вопрос вызвал активный отклик участников конференции. Например, вот что сказал по этому поводу Александр Казинцев:

“Вы сами знаете, что многие из них к русской литературе отношения не имеют. Не стоило бы смешивать тех, кто жил в республиках бывшего Советского Союза, и тех, кто уехал на Запад. Всё-таки это был серьёзный выбор людей, кто отправился туда на постоянное место жительства. Многие из них уезжали с проклятиями...

Когда вы говорите: странно, что мы не гордимся этой вот порослью, которая по всему миру распространилась... Кем-то там можно гордится, да. Но много авторов, которые пишут на русском языке и которые – для меня это загадка – одновременно отрицают Россию. Ну, если ты ненавидишь Россию, голубчик, пиши на английском... Живёшь в Германии – пиши на немецком...

Помните Ходасевича? Он ведь не русский, но как он о русском языке писал:

И пред твоими слабыми сынами
Ещё порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Вот это – русская литература, тут не нужно придумывать термин “литература на русском языке” – это настоящая большая русская литература”.

К обсуждению присоединился и Виктор Иванович Лихоносов.

“Чем отличаются эти писатели, перечисленные Вячеславом Ивановичем и не перечисленные, но такие же, от тех писателей, которые покинули Родину из-за гражданской войны, революции? Зайцев Борис Константинович говорил: “Грешны, грешны перед Россией”. Они жили с болью и с осознанием, что что-то упустили и чего-то не поняли в своей собственной стране. А эти люди совсем другие. И надо давать оценку. Я бы написал книгу с заголовком “Чужие люди”. Это чужие люди... Это очень болезненный вопрос. Я без конца слышу: “Валите из этой страны!” Какое может быть им прощение? Когда-нибудь найдётся человек, который напишет насущную книгу об этом. О той трагедии, которая происходит на наших глазах. Когда люди теряют свою землю родную по собственной воле, и ничего их не колышет, они не страдают от этого... А те, кто ушёл во время гражданской войны, – те страдали и хотели вернуться домой, но нельзя было. Это другой мир... И тут уже абсолютно чёткая грань должна быть. И никакого прощения, понимаете?”

Главное, по словам классика, что сегодня эта тема прозвучала на чтениях, и разговор об этом возник, а это очень необходимо.

В завершение первой части конференции Виктор Иванович признался, что для него больше всего важно в проведении таких мероприятий:

“Я вот к этому событию отношусь очень просто. Если моё имя служит в хорошем смысле обществу, сохранению русской культуры, воспитанию таких молодых, замечательных наших детишек, то пожалуйста, тогда и я присоединюсь... А ко всяким возвышенным оценкам отношусь почти безразлично, потому что в моём возрасте это для меня вообще не главное...”.

Лихоносов поделился мыслью о том, что очень часто вспоминает себя раннего, и от того, что долгая жизнь позади, душа у него “как-то тревожно бьётся”.

По традиции он прочитал несколько страниц из своих сочинений. В этом году участники слушали главу под названием “Всё другое”.

Виктор Иванович подытожил разговор и сказал, что пишет о жизни своей души. В завершение он, как обычно, обратился к студентам с пожеланиями:

“Я вам хочу сказать, мои дорогие дети, записывайте сегодняшние свои дни, всё будете вспоминать, и для себя, и для своих детишек. Записывайте, дорожите днями, не торопитесь жить, уж каждый раз я это говорю. Живите. Потом, от того, как вы будете верны своей душе, и сложится ваше впечатление от всей вашей жизни”.

Во второй части конференции выступил Александр Казинцев. В своей речи писатель говорил про Россию и Запад. До участников он пытался донести мысль, что не нужно бояться их сравнивать. По его словам, нужно смотреть, оценивать, анализировать. Необходимо выяснить истинное соотношение сил.

“Если мы не будем знать своих сил, будем убеждены в том, что рай нам уготован, мы лучшие в духовном плане, будем приуменьшать силу Запада, в том числе и духовную силу, а духовная сила – это сила огромная, то мы окажемся в ловушке собственных представлений. К сожалению, стремления к точному знанию не видно. В последние годы наблюдается отказ от изучения опыта Запада. Даже от поездок туда”.

В продолжение Александр Иванович не мог не затронуть вопрос о патриотизме:

“Всю жизнь я боролся за торжество патриотизма. Но по определению одного из ведущих русских богословов XX века отца Георгия Флоровского, есть патриотизм истинный и патриотизм греховный. Самопревозношение, убеждение, что в духовной сфере мы, лучшие, никакие французы, англичане с нами не сравнятся, это, конечно, грех. Подлинный патриотизм, утверждал отец Георгий, заключается в смирении. Здесь я с ним не соглашусь.

Патриотизм, на мой взгляд, всегда действие, это всегда стремление сделать жизнь лучше: свою, своего народа, своего государства. Сделать её ярче, осмысленней. Патриотизм – это всегда служение. А лежать на диване и ругать Запад – это не патриотизм...

Такие люди не говорят: “Мы делаем нашу жизнь лучше” или “Мы сделаем Россию сильнее”. Они мечтают, что кто-то или что-то погубит Запад, но мечтать погубить соседа – это, знаете, не по-русски”.

По словам Казинцева, важно представлять, в чём сильные стороны Запада, в чём его необходимость в Божьем замысле. Если народ возник на свете, то значит Бог имел представление о его судьбе.

“А теперь подумаем, что более здраво: ожидание нормальной жизни, на которую, уточню, поработали, которую обеспечили своим трудом, или же наше постоянное ожидание катастрофы? Что же в этом нормального и здорового? Иногда, чтобы понять лучше соотношение сил и мир в целом, нужно взглянуть со стороны”, – утверждает Александр Иванович.

Похвала каким-то сторонам западной жизни, по его убеждениям, не должна быть укором нам, это, наоборот, должен быть призыв делать что-либо лучше. И тогда Россия станет сильнее.

Во второй части Лихоносовских чтений выступали и студенты. Например, Виталий Карнаух – учащийся 3-го курса – проанализировал образ Родины в творчестве Василия Пескова и Виктора Лихоносова. Он поставил их в один ряд с Сергеем Есениным, Николаем Рубцовым, Валентином Распутиным, Василием Беловым, для которых родная земля была дороже всего на свете. В своём докладе он размышлял, что значит Родина и любовь к ней у Пескова и Лихоносова. Это история, дом, семья, народ, природа, тоска, которая возникает после долгого отсутствия на малой родине, русские писатели и вся национальная культура в целом.

Яркие впечатления от конференции и прочитанной Виктором Лихоносовым главы остались у Светланы Макаровой.

“Очень благодарна конференции за то, что смогла именно сегодня, после выступления Виктора Ивановича, сформулировать для себя его главнейший дар, которым он обладает. Это дар сыновства. Потрясающий дар, из которого, мне кажется, и вытекает всё его творчество. И вот тот мир, который он держит в своей душе, настолько велик, огромен и дорог всем нам, что вот так мы и отзываемся на творчество Виктора Ивановича. И тем самым он оберегает нас всех, уберегает Русский мир. Виктор Иванович просто потряс меня отрывком, который он прочитал”.

Завершающей частью всей конференции стали дискуссия и подведение итогов. “На какие-то мероприятия с удовольствием ездишь, на какие-то без удовольствия. Или не ездишь вообще. Но вот в Краснодар всегда приезжаешь с удовольствием, у вас тут, правда, какая-то душевная атмосфера... Я думал, почему так происходит. И понял. На самом деле, когда что-то делается не ради галочки, не ради отчётности, а просто – от души, тогда всё получается по-настоящему. В основе этого лежит подвижничество. Виктор Иванович вчера рассказывал о Тамани, и я видел, с какой искренностью и любовью он говорит о ней. И Юрий Михайлович Павлов... Павлов действительно подвижник литературы. Поэтому большое вам спасибо”, – поблагодарил Платон Беседин.

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА

“НА КРАЮ ОБРЫВА...”

Нам не хватает Шукшина,
особенно сейчас.
В. Белов.

– Когда умер Шукшин?
– Сколько ему было лет?
– Почему он так рано умер?
– А правда, что он умер не своей смертью?

Такие или примерно такие вопросы задают посетители музея В. М. Шукшина в Сростках наряду с вопросами о его жизни, творчестве, жёнах, детях, родственниках...

С жёнами, детьми и родственниками разобрались давно. Объяснить – труда не составляет особого.

Творчество? Ответ тоже может быть коротким: “Читайте Шукшина. У него есть ответы на все эти и много других вопросов”.

А вот как быть с вопросом: “Почему он так рано умер?” Правда, почему? Тем более что за последние годы появились публикации, в которых высказаны различные предположения людей, близких и не очень близких Шукшину, по поводу причин его смерти...

Не берусь вести судебное расследование. Нет! Конечно, нет!

А вот – литературное (или назовите, как угодно) – провести, я думаю, необходимо.

Может быть, в этих вопросах (если их задают люди думающие, взрослые) не столько простое человеческое любопытство, сколько непреходящая горечь утраты и необходимость присутствия В. М. Шукшина в нашей жизни, настоящей, теперешней?! Как надежда на то, что “заступник найдётся”? Может и такое быть. Пишут ведь в Книгах отзывов музея, называя В. Шукшина “Совестью русского народа”, “Гордостью России”, “Истинным Сыном земли Русской”... Много таких исповедальных слов можно прочитать.

Но... Давайте не будем гадать и мудрствовать, а обратимся с этим вопросом – почему так рано ушёл из жизни? – к самому Шукшину.

Он знает об этом лучше других. Говорил об этом, писал...

Только тогда его не слышали, не хотелось слышать, а может, не умеем мы услышать и понять друг друга... Понимание приходит позднее...

Давайте вспомним кое-какие факты биографии писателя.

Год 1933-й... Арест отца... Страх и безысходность матери... Решение её уйти из жизни вместе с детьми... Случай спас, соседка постучалась...

Учёба в автомобильном техникуме города Бийска пришлась в жизни Василия Попова (так он неофициально был записан в школе и техникуме) на последний военный и первый послевоенный годы...

А какие они были, не знает только тот, кто не хочет знать.

Полуголодные, полураздетые пацаны добирались до дома пешком по тридцать километров зимой полями (чтобы сократить путь до дома), где часто рыскали голодные и обнаглевшие за годы войны волки. И опять **Кто-то** помог... Смогли выйти к посёлку, поджигая пучки соломы и отпугивая огнём зверьё... Не судьба? Или — судьба?

1947-й — не легче. Отъезд из дома в "никуда". Почему, зачем?

И это было для Василия, теперь уже Шукшина, таким суровым испытанием и такой школой жизни, о которой он не мог поведать даже близким людям. На вопрос сестры Натальи ("Таля" — звали её в семье) в одном из писем уже во время службы в армии Шукшин отвечает:

"В отношении нашего старого: милая моя, не могу удовлетворить твоей просьбы... Прошедшую жизнь рассказать тоже не могу. Однажды я поклялся никому и никогда не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно. Она, бедная, уж и не спрашивает теперь..."

О чём он не хотел вспоминать и рассказывать даже самым близким людям, матери в том числе? Хотя с ней иногда был предельно откровенен. Очень нелегко и небезопасно, похоже, было Шукшину в те лихие сороковые... Вдали от дома, от родных людей, друзей, родных мест...

Уникальным в смысле пророчеств, прямо скажем, можно считать письмо сестре от 1961 года, написанное после смерти её мужа Александра Зиновьева. Вот отдельные строки известного многим письма:

"Мы все где-то ищем спасения. Твоё спасение в детях. Мне — в славе. Я её, славу, упорно добиваюсь. Я добьюсь её, если не умру раньше.

Родные мои. Скоро у меня будут деньги (тьфу! тьфу! тьфу!) — я думаю, что мы заживём в одном смысле хорошо, а в другом...

А в другом — всё на твоём сердце: сумеет — вынесет, не сумеет — крах".

Это же Программа всей последующей жизни В. Шукшина... И эта Программа им выполнена почти полностью. Всё случилось именно так — "всё на сердце". Иначе он не мог, знал — как, но не хотел иначе.

В этом же письме две, взаимоисключающие друг друга мысли:

"Живые должны жить. Ведь это правда: мёртвых на земле больше, чем живых. И если нам подчиниться закону мёртвых, то надо складывать руки и спокойно уходить из жизни. Но живые диктуют нам свой закон — живи!"

Это жизнеутверждающее настроение сменяется прямо противоположным состоянием:

"Признаюсь тебе: я завидовал Саше. Я хочу, чтобы меня тоже похоронили на нашей горе и чтоб вид оттуда открывался широкий и красивый...

Я хочу, чтобы меня похоронили так же по-русски, с отпеванием, с причитаниями — и чтоб была моя мама и ты с ребятишками".

А ведь вымолил у судьбы или ещё у Кого-то... И состоялось всё, как будто написал сценарий своей дальнейшей жизни. Василий Макарович панически боялся смерти матери. Неоднократно говорил об этом сестре.

И слава пришла, и всенародное признание, и мировая известность...

И, что самое страшное для матери, ей сына пришлось хоронить, только не на родной горе, а на чужой стороне...

До этих скорбных дней тогда, в 1961-м, оставалось тринадцать лет, которые пронеслись так стремительно...

В письме Василия Белова, адресованном: "Крым. Судак. Морагентство. Киноэкспедиция "Мальчик у моря". Василию Шукшину" (а это было в 1964 году. Шукшин тогда на Одесской киностудии снимался вместе с Лидией Федосеевой. Фильм вышел под названием "Какое оно, море?" — **Г. У.**), читаем такие строчки: "...Белов Вас. Ив... Это который понимает тебя, может, чуточку больше, чем кто-либо другой. Я очень по тебе скучаю, это не сентиментальность, ей-богу, скучаю по большому счёту... Ну, ладно. Обнимаю, поздравляю с Золотым Львом. Когда "Парень" на экран выйдет? В Вологде ждут его с нетерпением... (Речь о фильме "Живёт такой парень", который на фестивале в Венеции был удостоен приза "Золотой Лев Святого Марка". — **Г. У.**)

Твоих "Коней..." прочитал залпом. Такое уж совпадение, в "Нашем совр." номер шестой у меня тоже были "Кони"... (Рассказ Шукшина "И разыгрались же

кони в поле", а у Белова – "Кони". – **Г. У.**). Вообще лошади – это вещь! *Все мы немножко лошади*, а народ наш – не немножко..."

И уже в том же письме, а ведь это в самом начале возникшей дружбы, звучат как предостережение слова друга:

"Бросай киношку, ты же писатель... Береги силы свои, ради Бога. Не слушай никого, только пиши, пиши, пиши. Я не менторствую. Я глубоко убеждён в том, что первооснова всего – литература. А жизнь нас не ждёт, идёт в одну сторону".

Беспокойство Белова за здоровье Шукшина было, видно, небезосновательным. Он хорошо понимал, в какую жизнь, в какую московскую мясорубку попал его собрат по перу и по убеждениям... И оказался абсолютно прав.

В письме 1966 года Василий Шукшин пишет своему вологодскому другу: "Милый Белович!... И теперь вот грустно сделалось. Этак, глядишь, и вся жизнь – бочком-бочком – прошлёпает...

Я отдал сценарий читать по кругу и сижу весь пустой до звона. Жду. Очень противное состояние. А ещё грипп меня повалял 1,5 недели, совсем скис, и присосалась ко мне мысль о смерти (во!).

Нет, просто вдруг задумался на эту "тему". Тьфу, гадко! Когда-нибудь, может быть, не будет гадко, а теперь ещё гадко. Прямо молился: только не сейчас, дай сделать что-нибудь..."

Откуда такие мысли у Шукшина? Ведь не при смерти же был.

Грипп для него, думается, серьёзной болезнью не был. Почему же такое состояние, на грани срыва? "Пустой до звона". Выложился полностью на сценарии о Разине? Хорошо знал Ф. Достоевского и помнил мудрые слова классика о том, что если человек прожил день и ни разу не подумал о смерти, этот день прожит впустую? А может быть, что-то гораздо большее, что даже сам Шукшин объяснить не мог... Дар видеть и предвидеть гораздо больше, а главное – глубже, в глубину веков и в далёкое будущее?!

В очередном письме примерно того же периода Шукшин сообщает:

"...Здоровье ничего. А пить бросил. (Побожился. Не надо). В больнице хорошо думается. Вот что я придумал: надо всё снова. Надо садиться и начинать работать. Какие у меня книжки есть по всякой по истории, Вася! Что мы делаем. Примазали русскому мужику – "пьяница"... Вот приехай, я тебе всё расскажу. Писать длинно...

...Господи, знаем жизнь, а хреновиной занимаемся. Но это ничего, это мы всё дань платили".

Большой груз на свои плечи взвалил Василий Шукшин – вступил в неравную борьбу за мужика, за человека, за Народ наш. И даже в письме сестре, говоря о Народе, он пишет это слово с большой буквы.

Ещё одно, не менее важное, откровение находим мы в письме к Белову:

"...Был тут у меня один разговор с этими...

Про нас с тобой говорят: что у нас это эпизод. Что мы взлетели на волне, а дальше у нас не хватит культуры, что мы так и останемся свидетелями в рамках прожитой нами жизни, не больше. Особенно доставалось мне: "Завелись три лишние бумажки в кармане – пропить их!"

А тут сидишь и думаешь про целую жизнь... И до того додумаешься, что и – в магазин. Неужели так, Вася? Неужели они правы? Нет, надо их как-то... "Стеньку" написал. Отдал – судят..."

Не называет Шукшин тех, с кем состоялся разговор, да и не один, видимо, раз слышал он такое в свой адрес. Не назвал, потому что был очень "тактичным человеком. Не хотел никого обидеть". Так утверждает и по сей день Ирина Александровна Сергиевская, бывшая редактором фильма "Калина красная" и утверждённая в этой должности по просьбе Шукшина на его будущий фильм о Разине. (Ныне она является Президентом гильдии редакторов Союза кинематографистов России).

Пространные комментарии к этому письму не требуются. Разве что вопрос: "Где же вы, лжепророки? В "рамках" какой жизни остались вы?"

Или после смерти В. Шукшина превратились в лжесвидетелей и яростно сучили ножками и били себя кулаками в грудь, утверждая, как "близки" были к нему и "поддерживали" в трудные минуты?

То, что дружба двух писателей, двух Василиев "случайной не была", по убеждению Белова, – это неоспоримый факт. А Шукшин в одном из писем

скажет другу, что судьба его такая же. С этим тоже трудно спорить. Ковровых дорожек "деревенщикам" никто не расстилал.

И об этом тоже мы узнаём из переписки.

"Вася, дорогой мой! – обращается к Белову Шукшин. – Я очень неуместно выскочил там с бодряческим тоном (откуда что взялось!), так что пропусти эту бодрость, ей, видно, вообще нет места в жизни: как где вылетишь, так самому потом совестно.

...Позвонили сейчас из "Современника" – повесть не берут. В течение года ничего острого не будем давать...

Нет, какой-то Новый этап наступает, несомненно. "Ничего-о, – думаю, – это ещё не конец. Буду писать и складывать"... Не падай духом, Вася, это много, это всё. Много не сделаем, но СВОЁ – сделаем, тут тоже природа (или кто-то) должны помочь.

...Вот же б... хворь – это уже стало угнетать: я же так ни черта не сделаю! Так охота работать!..

Одно знаю – работать. А уж там, как Бог хочет...

...Давай, как встретимся, поклянёмся на иконе из твоего дома: я брошу курить, а ты – вино пить. С куревом у меня худо: ноги стали болеть – это, говорят умные доктора, на пять лет, а там – отпиливать по одной..."

Нет, не случайно Белов обеспокоен здоровьем друга. Не случайно.

Потому во многих письмах звучат призывы:

"Лечись терпеливо и меньше думай. Хотя бы пока". Или в письме из Тимонихи в Москву: "...Потому что люблю тебя очень, а ещё больше верю в твою звезду".

"Послушай, без булды тебе говорю: твои дубли "Братанов" изумительны. (Это о фильме "Ваш сын и брат", по всей вероятности. – **Г. У.**) – Я до сих пор под впечатлением от них, ради Бога, доделывай поскорее, это будет событие. Так близко мне всё это, и вся стихия, и мысли, и настрой. Давай, ради Христа, трудись, спасенье наше только в работе. Да и ничего нет надёжнее, радостнее работы".

Практически одновременно писатели оказываются в аналогичной ситуации, когда, по словам Белова, "все гайки опять затянуты до предела". "Современник" отказывается печатать Шукшина, Архангельск – Белова. И он сетует другу: "В Архангельске у меня, например, зарубили книжку, говорят: пессимизму много. А какой там, к бесу, пессимизм!"

Интересен обмен письмами в феврале 1974 года. Интересен, глубок и многое объясняет.

И в творчестве, и в быту у писателей поразительное сходство.

В письме В. Белова читаем:

"...У меня вон тоже всё болит. И дела худы – семейные. Душа выболела за братьев и сестёр, и за маму. Ездил в Пермь, думал, хоть что-то улажу. С младшим. А что я мог? Жена продаёт и предаёт его, он пьёт. Развелась, но он не может уйти от неё из-за сына. А может, и любит такую? Старший – тот крепче, но в свои 45 лет выглядит стариком. Жизнь до сих пор крутит и вертит нами всеми, кругом горе. А так хочется покоя, чтобы писать, делать дело! Столько набросков, задумок! Ну, ладно. Извини, я распустил нюни..." В этом же письме он настоятельно твердит другу:

"...Но главное – лечись. Успокойся. Расслабься. Наберись юмору. Заживи язву. Кури поменьше. Больше ешь и спи. Здоровье мы не берегли, но ещё поскрипим. И сделаем кое-что ещё. Глубоко в это верю..." Шукшин отвечает таким же откровенным письмом:

"...Вась, не мне учить тебя, но... как-нибудь выгороди в душе участочек покоя для работы. Я про своих родных и думать-то, и рассказывать боюсь: дядя из тюрьмы не вылезает, брат двоюродный – рецидивист, в строгом смысле этого слова, другой – допился, развёлся с женой, поделил и дом, свою половину он пропил, теперь – или петля, или тюрьма, сестра родная так вдовой и живёт с 27 лет... (На самом деле – с 30 лет. Шукшин немного ошибся. – **Г. У.**).

Непролазно, Вася, черно. Как же быть?! Как быть-то?!!

Одно знаю – работать. А уж там, как Бог хочет".

И оба действительно работали, не щадя сил и живота своего.

Умели дать друг другу дельные советы, высказать опасение, одним словом, были предельно откровенны и честны друг перед другом.

В том же февральском письме Белов делает прекрасный анализ фильма “Калина красная”:

“А пока поздравляю тебя. Боялся я твоей слабости по отношению к блатным. Но образ (вернее, весь фильм) получился шире, хитрее, – видно, знал ты, чего делал.

В двух-трёх местах (например, “Народ для разврата собрался!”) меня слегка покоробило. Но это, видать, спешка, нервозность, горячка...

А так фильм грандиозный. Обнимаю, радуюсь. Поплакал я втихаря. Такой горечи и такой боли ещё не было в нашем кино. Молю Бога, чтобы фильм поскорее пришёл к людям...

Документальные кадры хороши, да всё-таки сам ты лучше. Лида (Федосеева. – **Г. У.**) сработала не худо и Толя (Заболоцкий, оператор. – **Г. У.**) молодчага. Словом – удача и победа”.

И опять – предостережение, опасение за здоровье друга:

“Но, ради Бога, только не надорвись физически, не выдохнись”.

В очередном письме в Вологду Шукшин вновь признаётся другу:

“...Работать охота, а никак не могу найти места – где?

Рад бесконечно – знают тут тебя в Москве, и широко. Я тоже хочу, как ты, перехитрить всех”.

В ответ Шукшин получает письмо в июле 1974 года:

“...Зло берёт на глупость и подлость. Приехал в Вологду, звоню в Москву, туда, сюда. Нигде ничего! Всё время натыкаюсь на какую-то невидимую, мягкую, но непробиваемую стенку. Издательство молчит. Викулов молчит. Соловьёв – ни звука... Чёрт, ничего не хочется делать.

Лида говорит, что Разина запустили. Слава Богу, и поздравляю! Но что будет с твоей прозой? Думаю об этом с тревогой. Это всё равно, что плыть по Катуни на двух брёвнах. Одна нога – на одном, другая – на другом. Хорошо ещё, что ты можешь быстро переключаться. Но запомни: при переключении движок молотит впустую и падает скорость. (Это уже из моей шофёрской практики). Дай Бог тебе здоровья, и не перехитри сам себя!”

Вот и подошли мы к самому главному в творчестве В. М. Шукшина – к образу Степана Разина. Только ли в творчестве? Похоже, что Разин не покидал Шукшина, жил в нём... По крайней мере, он сам неоднократно признавался родной сестре, говоря: “Я – Разин”. А на её возражения, что тот – бунтарь, отвечал: “Я и есть бунтарь”. Позднее сестра понимает “бунт” брата. Против чего и кого он был направлен.

Бесстыдство, глупость и ложь – вот что стало захватывать сознание русского общества.

“Ложь, ложь, ложь... Ложь – во спасение, ложь – во искупление вины, ложь – достижение цели, ложь – карьера, благополучие, ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой”.

Это написано В. Шукшиным в 1969 году... Чуть позднее, в тысяча девятьсот семидесятом, – пророческие слова: “Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую”.

В интервью газете “Молодёжь Алтая” в конце 1966 года Шукшин признавался: “Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвящёнными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана. Я поставил перед собой задачу: воссоздать образ Разина таким, каким он был на самом деле...

...Каким я вижу Разина на экране? По сохранившимся документам и отзывам свидетелей представляю его умным и одарённым – недаром он был послом Войска Донского. Вместе с тем поражают противоречия в его характере...

На мой взгляд, трагедия Разина заключается в том, что у него не было твёрдой веры в силы восставших.

Мне хочется в новом фильме отразить минувшие события достоверно и реалистично, быть верным во всём – в большом и малом. Если позволит здоровье и силы, надеюсь сам сыграть в фильме Степана Разина”. А ведь это был 1966 год!!! И такие мысли о здоровье... Почему? Откуда? Что мучает и беспокоит его?!!

Тогда же, в 1966-м, В. М. Шукшин писал в “Автобиографии”: “Сейчас работаю над образом Степана Разина. Это будет фильм. Если будет. Трудно

и страшно... Гениальное произведение о Стеньке Разине создал господин Народ – песни, предания, легенды. С таким автором не поспоришь. Но не делать тоже не могу. Буду делать".

"Замысел сценария о Разине у меня возник очень давно. Работа была желанная. А радости она доставляла мало. Пока я писал сценарий, надо мной всё время топором висело законное требование – писать так, чтобы всё было видно... От этой работы осталось тягостное чувство. Я видел будущую картину, видел её между строк. И всё-таки я начал писать роман – это было необходимо для художественного осмысления материала. Именно в романе нашла своё законченное выражение та идея, ради которой было задумано всё произведение: трагедия Разина – это часть всенародной трагедии".

В статье "Написано о Разине много" Шукшин скажет:

"Он – национальный герой, и об этом, как ни странно, надо "забыть". Надо освободиться от "колдовского" щемящего взора его, который страшит и манит через века. Надо по возможности суметь "отнять" у него прекрасные легенды и оставить человека. Народ не утратит Героя, легенды будут жить, а Степан станет ближе.

Натура он сложная, во многом противоречивая, необузданная, размашистая. Другого быть не могло. И вместе с тем – человек осторожный, хитрый, умный дипломат, крайне любознательный и предприимчивый...

Ему нужна была сила, он собирал её, поднимал и вёл. Он был жесток, не щадил врагов и предателей, но он и ласков был, когда надо было. Если он мстил (есть версия – за брата Ивана), то мстил широко и страшно, и он был истый борец за Свободу и предводитель умный и дальновидный".

Домысел Шукшина о Степане, что, "задумав главное (вверх, на Москву), ему и Персия понадобилась... Повести за собой казаков, мужиков, стрельцов должен был свой, батюшка, удачливый, которого "пуля не берёт". Он стал таким". Это, пожалуй, точное определение и проникновение в образ Разина.

"Он весь тут, Степан: его нечеловеческая сила и трагичность, его отчаяние и непоколебимая убеждённость, что "тряхнуть Москву" надо.

Если бы им двигали только честолюбивые гордые помыслы и кровная месть, его не хватило бы ни до Симбирска, ни до Москвы. Его не хватило бы до лобного места. Он знал, на что он шёл. Он не обманывался. Иногда только обманывал во имя святого дела Свободы, которую он хотел утвердить на Руси".

В статье "Заступник найдётся" В. Шукшин даёт ещё более конкретную оценку своему герою, объективную.

"Конечно, Разин был не агнец с цветком в руке, рука его держала оружие и несла смерть. Но и мы с той поры крепко запомнили: заступник найдётся! Предводитель сыщется. И пусть он будет крепким".

Герой казнён, но он "не опрокинут нравственно, не раздавлен, что есть историческая правда. В народной памяти Разин – заступник обиженных и обездоленных, фигура яростная и прекрасная – с этим бессмысленно и безнадёжно спорить...

Память народа разборчива и безошибочна..."

Разин близок и понятен Шукшину, он, действительно, в нём живёт.

Подтверждением тому строки, написанные о себе:

"Но я знал, вперёд знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными".

Это как раз о тех критиках, которые считали, что Шукшин и другие писатели-"деревенщики" останутся "в рамках своего времени".

Он признаётся:

"Всё время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного..."

Не к такой ли мысли приходят известные писатели – современники Шукшина, говоря о том, что он до сих пор остаётся писателем "зашифрованным". А он сам об этом поведал, при жизни. Успел сказать о себе и о нас гораздо больше, чем нам кажется, что нам придётся "расшифровывать" ещё много-много лет.

Не остаётся сомнений и в том, что фильм о народном "заступнике" наводил страх на "сильных мира идиотов" (выражение Шукшина). И сыграл бы Степана Разина, конечно, он сам. Опасался только за здоровье.

Интересно письмо Василия Белова Василию Шукшину по поводу будущего фильма о Степане Разине.

Привожу его полностью (ранее оно не было опубликовано):

“20 октября. Сарынь на кичку!

Вась, вот послал тебе один снимок. Дядька очень похож на моего Ивана Африкановича.

Штуку-то свою я доконал. Не знаю, чего вышло.

А тебе – дай Бог сил и того, этого, когда холодит под лопаткой. Сделай ты Степана. По-нашему.

Не Марксиста, а Степана.

А я уже вижу, как ты идёшь под секиру. Горький, сильный, проданный. Вижу, как сморкается перед смертью... Давай!

А я своего Болотникова загнал пока в самый дальний сердечный закоулок. Чувствую – не готов. Надо покой душевный и независимость, но того и другого пока нет. Если разбогатею – всё брошу, начну Болотникова. Сделаю его – там и умирать легче.

Слушай, из чего хочешь делать сценарий? По Злобину, что ли? Или сам, всё своё? Наплюнь на всех, ото всего отрекись. Сделай всё своё, сам ставь, сам играй. Да.

Если бы я стал делать что-нибудь в этом смысле, я бы навострил уши вот на что:

1. До того велика Русь, что мы ничего не думаем, ничего не жалко.

2. Для русского человека нет ничего тошнее чинного порядка, регламентации, т<о> е<сть> ему воля нужна. Это теперь-то нас приучили ходить колоннами, поставили по ранжиру, и всё, что не подходит под их мерку, назвали анархизмом.

Дальше. Не клюнь на приманку национальной экзотики – это опасная для художника штука. Ведь национальное надо пахать из нутра, а не заниматься чесоткой.

Все мы изголодались по родному, по русскому (вон Салтыков в “Лес ...” вопит). Но одних церквей, икон и ... мало, надо что-то большее.

Извини за менторство. А в каком виде “Братья”?

Жду их с нетерпением.

Лиде сердечный поклон.

Не видел ли Ешина?

Что-то он молчит, не пишет.

Ради Бога, не бесись, не мятись в московской сутолоке, силы поберегай.

Когда настроение будет, черкни.

Твой Белов”.

Опять беспокойство за здоровье друга – **“силы поберегай”.**

Как ответ-согласие звучат и воспринимаются слова Шукшина: **“Силы, силы уходят...”**

В одном из интервью Алексей Ванин, актёр, земляк В. М. Шукшина, с которым они, познакомившись на фильме “Золотой эшелон”, прошагали вместе до последнего часа, высказал интересные, точные мысли. Именно он, земляк, несёт его на руках в “Калине красной”, после “неправдашней” смерти, он же поднимал друга и после настоящей, внезапной, ошеломившей всех смерти на Дону.

А сказал он примерно следующее. Главная причина смерти Шукшина – в Разине. Он хотел поставить фильм. Ничто не могло остановить его. Остановить могла только смерть – и она его остановила.

Часто в музее можно услышать вопрос-размышление: “Почему никто до сих пор не сделал фильм по сценарию В. М. Шукшина?”

Не так давно я услышала ещё один ответ-предположение одного из посетителей, вернее – посетительницы, занимавшей высокие посты в Беларуси, в том числе – в правительстве:

“Этот фильм сейчас делать нельзя. Недовольства жизнью у людей много. Это же будет бунт!”

В этом, пожалуй, есть большая доля правды.

А Шукшин о своём состоянии в последние годы жизни писал:

“Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжён и собран. И хорошо, и плохо. Хорошо –

не позволил сшибить себя; плохо – начинаю дёргаться, сплю с зажатыми кулаками... Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения".

Это в рабочих записях. Там же находим такие слова:

"Ничего, болезнь не так уж и страшит: какое-то время можно будет ещё идти на карачках".

"На карачках", как мы знаем, Шукшину идти не довелось. Ушёл стремительно и безвозвратно...

Предчувствие скорого ухода из жизни преследовало, не покидало его. А в последние годы всё более обострялось. И тому подтверждением – опять слова самого В. М. Шукшина:

"Я – сын, я – брат, я – отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно уходить".

В этих словах – отсутствует всякое сомнение, звучит полная уверенность в неотвратимости своего ухода, даже как будто – необходимость его.

"И что же – смерть?

А листья зелёные.

(И чернила зелёные).

"Когда стану умирать, – скажу: "Фу-у, гадство, устал!" Не надо умирать".

Очень точно, на мой взгляд, определили ранний уход В. М. Шукшина из жизни как общенациональную потерю, утрату невосполнимую Василий Белов и Валентин Распутин: нехватка его с годами ощущается всё острее и острее.

"Нам не хватает Шукшина особенно сейчас", – написал Белов.

Ему вторит Распутин: **"Нам сейчас очень не хватает Шукшина... как честного, никогда, ни при какой погоде не ломавшего голос художника, скроенного, составленного от начала до конца из одних болей, порывов, любви и таланта русского человека как сына России..."**

И ещё Распутин о Шукшине: *"Мало кому удавалось столь близко подступиться к человеческой душе, услышать её сдавленный, стонущий зов, как Шукшину... Как бы ни остерегались мы преувеличить значение художника такого масштаба, как Василий Шукшин, оно само сказывается в звучании имени и в том невольном отзвуке, какой рождает оно в наших сердцах.*

Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для какого-то свидетельствования на всемирном сходе, где только по одному человеку решили судить о характере народа, сколь многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он – Шукшин".

Эти слова В. Распутина созвучны отзывам в Книге посетителей музея В. М. Шукшина в Сростках:

"Совесть", "Собиратель земли Русской", "национальный Герой и Достояние" России.

А если говорить словами Шукшина, то "прожил ровно с песню", а "длинных песен не бывает".

с. Сростки, Алтайский край.

ВЛАДИМИР ЮДИН

ГРУСТИТ КАТУНЬ О ШУКШИНЕ...

Разлад на Руси, большой разлад.
Сердцем чую...
В. М. Шукшин (1970)

Вот уже 45 лет нет с нами Василия Шукшина – ровно столько, сколько ему отвёл Господь прожить на белом свете...

Он последовательно и настойчиво отстаивал в своём многогранном творчестве – будь то литература, публицистика или кинематограф – идею русского национального самосознания и высокой духовности, неустанно утверждал нескончаемость добра и безграничного великодушия соотечественников.

По Шукшину, душа каждого народа, в том числе русского, аккумулирует в себе таинственную сеть образов и понятий, как и язык, культура, религия, закладывает основу национального бытия, видения и осмысления мира, особенности национального мирочувствования.

Это вовсе не означает, будто Шукшин видел в исторических деяниях соотечественников некий высший мессианский знак, напротив, его творчество – это попытка оптимально приблизиться к пониманию гармонии мира и человека, осмыслить причины разрушения этой гармонии в самобытном национальном преломлении на примере драматической судьбы русского народа, это скрупулёзный анализ постоянно меняющихся душевных состояний, переливов, сотрясений и переживаний русских людей в самые критические, кризисные моменты истории, честное и объективное отображение рокового надлома русского характера под воздействием навязываемых ему извне негативных обстоятельств и неудержимое стремление их преодолеть.

Познание души русского человека в самых что ни на есть оптимальных катастрофических обстоятельствах – исконная традиция нашего национального искусства во всех его видах, жанрах и направлениях: вспомним шедевры древней русской литературы, воплощение трагических обстоятельств и испытание ими русской души в гениальных творениях Л. Толстого, Достоевского, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова... В контексте этих художественных трагико-драматических традиций развивалось творчество Василия Шукшина на материале современной жизни России.

Шукшин выступает как подлинно русский национальный художник гуманистического миросозерцания, ему глубоко чужда ксенофобия, а следовательно, предельно отвратительна и русофобия.

“Без национального самосознания как основы невозможно создание общемирового сознания, – пишет публицист из Сан-Франциско, наш соотечественник Владимир Беляев. – Пропагандистам интернационализма это следует

помнить: чересчур часто они противопоставляют интернационализм сознанию собственного национального достоинства, клеймя последнее ярлыком "шовинизма". На самом же деле "интернационализм" возможен только как производное от здорового, не ущербного чувства собственного национального "я". Если интернациональное чувство вступает в противоречие с национальным, то первое будет рано или поздно сокрушено вторым" (Беляев В. Душа народа // Литературная Россия, 1991, № 22. С. 20).

Осмысляя историко-трагедийный опыт России на протяжении её многовекового развития, Шукшин приходит к заключению: как психика отдельного человека, так и душа народа, нации подвержена тектоническим деформациям, которые периодически прорываются наружу взрывами демонической разрушительной силы, губительными для человека и общества, для всех сколько-нибудь существенных цивилизационных обретений. Особую опасность представляют разрушительные атаки не только извне – в виде войн и колонизационного порабощения, – но и внутри общества, направленные на нравственное и национальное разложение народа.

За свою многовековую историю русский народ, быть может, более других народов подвергся опустошительным антицивилизационным атакам с целью полного уничтожения его самосознания, национального достоинства, духовно-нравственной прочности, а народ, лишённый этих живительных качеств, как известно, уже не народ – беспамятное и бездумное население, некие манкурты, готовые легко расстаться с духовными обретениями своих предков. Такова в общих чертах сущностная историософская основа понимания Шукшиным прошлого и настоящего своего народа, служившая ему надёжным мировоззренческим фундаментом в осмыслении человека и родной национальной истории.

...Наступил качественно новый этап в изучении творческого наследия В. М. Шукшина. То, о чём не так давно говорили с осторожностью, с оговорками, словно бы опасаясь перехвалить его самобытный талант, ныне обнаруживает свою бесспорную и убедительную очевидность, а именно: философское мышление Шукшина, нашедшее наиболее сильное выражение в его остро разящей сатире ("До третьих петухов") и историческом романе "Я пришёл дать вам волю". К слову, название романа заставляет вспомнить крылатую пушкинскую фразу: "На свете счастья нет, а есть покой и воля". Воля, в понимании писателя, – это необоримое, вопреки всем препятствиям, обретение национальной и духовно-нравственной свободы личности в контексте сложных и противоречивых жизненных обстоятельств.

Величие Шукшина сегодня осознаётся как непреложный факт, не нуждающийся в специальных доказательствах. Стало быть, время споров о месте этого выдающегося художника в нашей литературе миновало.

Намечается множество новых, весьма плодотворных путей научного понимания шукшинской прозы, среди которых наиболее многообещающим является изучение его творчества в аспекте традиций и новаторства, тесного взаимодействия с шолоховской эстетикой и художественными традициями Достоевского, Чехова, других классиков, ставящих в центр своих творческих поисков "маленького" человека (у Шукшина – "чудиков").

Окончательно развеялись и, надеюсь, ушли в небытие обывательские легенды, среди которых самым жгучим и пошлым был миф о "полукультурности" "самородка" Шукшина. Шукшин – писатель-философ, мыслитель. Так надо ставить нынче вопрос и отталкиваться от него в толковании его художественно-эстетического и морально-этического идеала.

Лучшие критики и литературоведы правомерно выводят прозу Шукшина из классической традиции отечественной литературы. "Истоки шукшинского стиля восходят к пушкинской прозе, которая характерна занимательностью, стремительным развитием действия, крайней лаконичностью изложения, описательные картины занимают в ней мало места, детали и тропы используются чрезвычайно экономно", – отмечал профессор-филолог А. Огнев (Огнев А. В. Русский советский рассказ. М., 1978. С. 75).

В зарубежных исследованиях творчество Шукшина также, как правило, рассматривается сквозь призму классического опыта русской словесности, как образец необычайно яркого русского национального искусства.

"Феномен Шукшина – в способности повернуть живую, безыскусную картинку её мудрой стороной, в активности нравственной позиции писателя,

не знающей мелочей и компромиссов в главном, питается он одним корнем – русским национальным складом мышления", – пишет в своей книге "Василий Шукшин и русское духовное возрождение" (Нью-Йорк, 1990) Евгений Вертлиб, бывший ленинградский филолог и историк (Русский рубеж, 1991, № 4. С. 11).

Художественные творения Шукшина пристально изучают в США, Германии, Франции, Болгарии, Венгрии, Польше, Финляндии и других странах (подробно об этом см. мою статью "Разин – лицо поэтическое. Историческая проза Шукшина" // Болгарская русистика. София, 1990, № 3).

Другая мощная стихия, которая изначально захватила и увлекла за собой Шукшина – стихия устного народного творчества. Она служила для писателя не только средством поэтического постижения характеров и обстоятельств, но и одним из могучих источников исконно народного миропонимания, ибо "национальный характер – это не выдумка, а реальность, с которой надо считаться, но которой нелегко дать точное определение", – заметил польский писатель-фантаст и футуролог Станислав Лем (Лем Ст. Что будет через 10–20 лет? // Литературная газета, 1990, 14 ноября. С. 15).

...Когда наступил неистовый шукшинский бум, то порой звучали осторожные голоса: бум, мол, скоро пройдёт, и Шукшина забудут так же, как забывали многих скоропалительно модных, нечаянно вознесённых к вершинам славы авторов. В этом были свои резоны: Шукшину действительно грозило бы скорое забытье, если бы критика оценила его как бытописателя своего времени и не смогла заглянуть в потаённые глубины его художественного нравственно-философского мира.

Разумеется, эстетически самодостаточный читатель и сам, без посредничества критики, мог бы по достоинству оценить уже первые рассказы писателя, опубликованные в крупных периодических изданиях, но литературная критика 1960-х годов смогла распознать в нём весьма самобытного и перспективного художника слова и в своих высоких оценках не ошиблась.

В 1990-е годы писатель и в самом деле на некоторое время как бы ушёл в тень, заслонённый огромными социальными катаклизмами в России, но не исчез. Сегодня же Шукшин обретает особый, ориентирующий нас смысл: на пределе безграничной откровенности писатель вновь и вновь говорит нам об ответственности и муках нашего деформированного сознания. "Шукшин – художник, несущий в себе муку национального самосознания русского народа", – подчеркнул выдающийся литературовед XX века А. И. Хватов в своём памятном выступлении на Герценовских чтениях (г. Ленинград, Российский госуниверситет им. А. И. Герцена. 1991 год, 23 апреля).

Неистовый шукшинский вопрос – "Что же с нами происходит? – во всей своей трагической сущности предстал сегодня, быть может, ещё более обнажённо и значимо, нежели в 1960–1970-е годы, когда гроза грядущих народных бед и потрясений ещё только погромыхивала вдали и, казалось, ничего опасного в социальном плане не сулила...

В одном из своих последних интервью писатель тревожно обронил: "Вопросы расплаты за содеянное меня живо волнуют..."

...Вместе с тем и сегодня критики и литературоведы порой упрощают творения Шукшина, исходя из обманчиво-ложной простоты и безыскусности (между тем, это подлинно чеховская простота и безыскусность!) его знаменитых рассказов о "чудиках". Это обманчивое ощущение мгновенно пропадает, как только начинаешь постигать нравственно-философскую глубину его воззрений, особенно цельно воплощённую в романе "Я пришёл дать вам волю". Думается, именно в этом произведении писатель сумел достигнуть пика в своих многотрудных и нередко противоречивых творческих исканиях, связанных с постижением самобытной и "загадочной" русской души во всех её трагических исканиях, духовных изломах и духовно-нравственных испытаниях.

Ещё и сегодня в научных (!) работах о Шукшине можно прочитать хвалебные речи в его адрес с бездумным отнесением писателя к разряду "деревенщиков" (бытовал некогда такой вульгарно-социологизированный штамп, адресованный художникам слова, прекрасно писавшим об актуальных проблемах сельской жизни в России, – Белову, Распутину, Астафьеву, Абрамову, Ан. Иванову, Носову...).

"В части нашей литературы, да и в журналистике утвердился, не знаю уж, с чьей лёгкой руки, термин "деревенщик", – писал Шукшин. – Слово достаточно уродливое, впрочем, как и само понятие. Предполагается, что

вышеупомянутый “деревенщик” разбирается досконально только в вопросах сельской жизни, о чём исключительно и пишет... Героями моих фильмов и книг часто становятся выходцы из села отнюдь не потому, что я считаю их лучшей частью человечества. Просто этих людей в силу собственных биографических обстоятельств знаю лучше прочих...” (Шукшин В. М. Собр. соч. в восьми томах, Барнаул, 2009. Т. 8. С. 120).

“В. М. Шукшин был художником переломной эпохи... Он отразил в своём творчестве проблемы, характерные для поворотного момента в развитии страны, – отмечают А. И. Куляпин и О. Г. Левашова в своём предисловии к Собранию сочинений В. М. Шукшина в восьми томах (Барнаул, 2009). – В начале XXI века стало в полной мере очевидно, что рассматривать Шукшина только как писателя-деревенщика невозможно; автор “Калины красной” в той же мере является представителем интеллектуальной, философской, “игровой” прозы второй половины XX в<ека>. Его эстетические пристрастия определились деревенским послевоенным детством, близостью к величавой природе Алтая, сложным восхождением к высотам духовной культуры, полемической позицией по отношению к ведущим культурным и идеологическим направлениям 1960–1970-х г<одов>.” (См.: Горький, мучительный талант... Шукшин В. М. Указ. собр. соч. Т. 8. С. 5).

На философскую природу художественного мышления писателя указывает И. Спиридонова: “В центре творчества Шукшина стоит проблема личности с её вечной и всегда остросовременной драмой свободы и совести... В судьбе и характере вольнолюбивого атамана (Разина. – **В. Ю.**) Шукшин искал ответы на самые проклятые вопросы своего личного и общенационального бытия” (Спиридонова И. А. Степан Разин Василия Шукшина // Русская литература. 1990, № 4. С. 18).

Об актуальной философской сущности шукшинского романа писал Евгений Черносвитов: “Прочтите внимательно “Я пришёл дать вам волю”. Не только о конкретном историческом периоде России эта книга. Это настоящий духовный анализ, восхождение к истокам нашим: туда, за черту христианства, ко времени и месту наших предков... Шукшин чрезвычайно страшен для всяких лазутчиков и диверсантов, подрывающих основы нашей духовности. Уж больно они активизировались во время большой ломки, которая происходит в нашей стране. Вот один пример. Пущен в оборот термин “космическое сознание” и создан кентавр “русский космизм”. И проглатываем, и не задумываемся. Власть космоса или земли. Третьего не дано. Шукшин-то выбрал второе. Он советует быть ближе к земле, приглядеться к ней повнимательнее, в микроскоп – тоже своеобразный символ земной ориентированности... А кому молятся лучшие шукшинские герои? Земной Божьей Матери. Присно Дева у него – с глазами земной женщины. Шукшин не только духовник. Он провидец, учёный-политик. Если бы нашим парламентариям да прочитать как следует роман Шукшина “Я пришёл дать вам волю”! Все пороки нашего государственного устройства там доступно изложены” (Черносвитов Е. Прорваться в будущую Россию // Учительская газета. 1990, № 43. С. 12).

“Я пришёл дать вам волю”, по выражению автора, “история души” одарённой личности, брошенной волею обстоятельств в кипящий котёл событий. “Меня больше всего интересует “история души”, – признавался писатель, – и ради её выявления я сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует...” (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 1. С. 57).

Но почему всё-таки “история души”, то есть сложный, противоречивый и вместе с тем обаятельный внутренний мир Степана Разина столь больно волнует и тревожит Шукшина?

Думается, истоки пристального интереса писателя к характеру легендарного героя следует искать в мировосприятии и жизненной судьбе Шукшина, а также в многострадальной судьбе его вольнолюбивых предков – земляков, населивших Алтайский край, в горячей, пламенной любви к своей малой родине – селу Сростки, где он родился и вырос, где впервые соприкоснулся с вековечным крестьянским трудом, где осознал себя частицей огромного крестьянского моря, некогда выплеснувшегося на Алтай с Дона и Волги.

Свободолюбивый, гордый, независимый дух предков вдохновил писателя на создание эпически величальной и лирически щемящей романной поэмы донскому казачеству и российскому крестьянству, хлынувшим в далёкие

вольные земли Сибири с юга России в поисках воли и счастливой доли...

"В "Степане Разине" меня ведёт та же тема, которая началась давно и сразу, – российское крестьянство, его судьбы, – пояснял Шукшин. – На одном из исторических изломов нелёгкой судьбы русского крестьянства в центре был Степан Разин. Поэтому – Разин... Я по происхождению крестьянин. Как только захочешь всерьёз понять процессы, происходившие в русском крестьянстве, так сразу появляется непреодолимое желание посмотреть на них оттуда, издалека. И тогда-то возникает глубинная, нерасторжимая, кровная связь – Степан Разин и российское крестьянство... Не менее глубокой проблемой был для меня и сам Степан Разин. Кто он, что он, каков он – не внешне, а по сути своей, по глубине, – на это надо отвечать. С высоты трёхсот лет фигура Разина гораздо сложнее, объёмнее, противоречивее. В своём неудержимом стремлении к свободе Разин абсолютно современен, созвучен нашим дням. При всём том он остаётся человеком своего века" (Шукшин В. М. Степан Разин – легенда и быль // Литературная газета, 1970, 4 ноября. С. 8).

Как видим, обращение писателя к исторической теме, к образу Разина – закономерный итог его сложной творческой эволюции, плод глубоких раздумий об исторических судьбах русского крестьянства, наконец, попытка соединить в целостную нить прошлое и настоящее, вывести из истории в наш день непреходящие нравственно-философские поиски и конфликты, стремление их развязать, актуализировать, ответить на актуальные вопросы современности в свете прошлого. Это начисто снимает дилетантское удивление, некогда царившее в профессиональной литературно-критической среде: "Как?! Шукшин – этот прирождённый новеллист, признанный мастер "деревенской прозы", и вдруг история, XVII век, Разин... Такой поворот!"

"Почему эта фигура казачьего атамана выросла в большую историческую фигуру? – задаётся вопросом писатель и отвечает: – Потому что он силой и своей неуёмностью, своей жалостью даже воткнулся в крестьянскую боль..."

...В текущей литературе, публицистике широко декларируются пресловутые "общечеловеческие ценности", благородные христианско-православные заповеди, однако от чрезмерного и бездумного использования они имеют обыкновение стираться, как пятаки, абстрактно-беспредметные гуманистические призывы остаются призывами, опасно деформируя и без того искривлённое сознание современников. Нужно время, нужны большие усилия для усвоения нравственно возвышенных заповедей. Библейские истины нередко становятся достоянием обыденного сознания – вот что страшно.

А поможет нам найти прочные и надёжные опоры для оптимистических расчётов то, что предельно ясно раскрылось в философском мире Шукшина: сама реальность русской национальной сущности, представшая у писателя в бесконечном многообразии, в исключительно обнажённой правде жизненных гримас.

У Шукшина есть всё-таки великая духовная опора, которая способна поддержать в лихую годину. Уверенно стоя на позиции безусловного жизнеутверждения, неколебимой веры в Россию, в русский народ, Шукшин внушает нам оптимистическую ясность и духовную прочность.

...Часы идут, дни бегут, а годы летят. Всё больше растёт интерес не только к самобытному и многогранному творчеству В. М. Шукшина, но и к его незаурядной личности, яркой и многотрудной судьбе.

Неожиданная, скоропостижная, горячо опалившая кончина Василия Макаровича 2 октября 1974 года, когда ему было всего-то 45 лет, в возрасте, который называют цветущим, потрясла Россию. Не случайно появилась экзотическая версия о насильственной гибели Шукшина: якобы он был застрелен "по-настоящему" при съёмке эпизода боевой атаки в кинофильме "Они сражались за Родину", в котором Василий Макарович блистательно сыграл роль сержанта Лопахина. Широко разнеслась версия "отравления" Шукшина на теплоходе, когда снимался этот фильм: якобы в каюту, в которой он спал, ночью был пущен газ, вызвавший у него инфаркт...

О "насильственной смерти" Василия Макаровича не раз сдержанно упоминала и его супруга, талантливая актриса Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина, не вдаваясь в подробности. Выдающийся советский кинорежиссёр Сергей Бондарчук как-то горестно обронил: "Васю убили! И я знаю – кто..."

Избавиться от нахлынувших мистических представлений тут и в самом деле нелегко, особенно если вспомнить, что творческий путь писателя не был усыпан розами. Достаточно вспомнить, что своё последнее письмо к матери в село Сростки Шукшин отправил из донского посёлка Клетский, где снимался фильм "Они сражались за Родину", 28 сентября 1974 года. Мать получила его 2 октября – в день смерти сына. Написано письмо было **красными чернилами** и заканчивалось припиской: "Сюда уже больше не пиши"...

Твёрдые и последовательные национально-эстетические ориентиры писателя крайне раздражали кислотную либерально-космополитическую публику. Пристально наблюдая за стремительным творческим ростом Шукшина и его безусловным тяготением к истокам формирования русского национального самосознания, критики-"интернационалисты" пытались переломить мировоззрение писателя, перевести его творчество на культивируемую ими методологию пресловутых "общечеловеческих ценностей", упростить и примитивизировать его творчество, представить Шукшина как деревенского "самородка" и рассказчика-"бытовика", якобы "не способного" к художественному воплощению глобальных вопросов времени. Не случайно его произведения зрелого периода с немалым трудом пробивали себе путь в советские журналы и книгоиздательства, а законченный киносценарий по роману "Я пришёл дать вам волю", в котором Шукшин намеревался сыграть роль Степана Разина, так и не был реализован. Это не могло негативно не отразиться на здоровье писателя.

Последовательная и принципиальная устремлённость Шукшина к своим корневым национальным истокам, его всё более зреющее и жёсткое неприятие русофобских вывихов в литературе и искусстве 1960–1970-х годов формировали устойчивую к нему ненависть со стороны агрессивно-либеральной публики, что не могло не ранить его чуткую, восприимчивую душу. Враждебные антирусские силы старательно подставляли ему ножку на всём пути его многогранного творчества. Достаточно напомнить, что фильм о Степане Разине не состоялся, прежде всего, потому, что в образе легендарного исторического персонажа Шукшин, вопреки расхожему в либеральной среде мнению, будто русский человек изначально глуп, малообразован, некультурен и наивен, как малое дитя, хотел воспеть сильную, волевую и вместе с тем добрую, чистую и открытую русскую душу, а ему всеми силами мешали: упрекали, что якобы сценарий слишком длинный, мол, личности Разина приданы несвойственные народному буйному бунтарю благородные черты и пр., и пр. Но эти придирки были лишь формальным поводом, чтобы помешать воплотить на экране широкую русскую душу во всех её необъятных нравственных колебаниях и глубоких душевных проявлениях, в контексте бурных исторических катаклизмов.

В представлении Шукшина, Степан Разин – "не традиционный великан, с ломаной бровью, пугающий Стенька Разин", как повелось его изображать в искусстве. "Я хочу снять с него внешнюю богатырскость и привлечь внимание зрителя к его уму... Другая грань его личности, которая выдвинула Разина в истории, в событиях, в памяти, – громадная, чисто русская любовь к простым людям, его заступничество. В сценарии (и в романе "Я пришёл дать вам волю". – **В. Ю.**) Степан экспансивен, трясти его начинает, когда видит, что обижают простого человека. И, по-моему, это искренне. Это так и было. Таким он остался в преданиях, таким создал его ещё один – самый великий художник – народ. Таким Степан и живёт" (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 104-105).

"Степан, каким Вы его написали, не из тех героев, которых принимаешь на веру, – говорилось в одном из откликов на роман Шукшина "Я пришёл дать вам волю". – И мне нравится, что он обрисован как сложнейшая, противоречивейшая фигура. В его противоречиях – коллизия времени" (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 114).

...Преждевременная смерть В. М. Шукшина всколыхнула всю Россию. На неё горячо и трепетно откликнулись не только известные мастера пера, деятели культуры, кино, чиновные лица, но и самодеятельные стихотворцы. Можно было наблюдать удивительные вещи. Видный русский литературовед, автор многих академических трудов о советской литературе, в том числе о прозе Шукшина, Леонид Фёдорович Ершов обнаружил новую ипостась своего творческого дара – написал пронзительные лирико-философские стихи, посвящённые Василию Макаровичу:

ТЕРЯЕМ

Внезапно смерть его взяла.
Все смертны мы
И это знаем.
Но как утрата тяжела,
Когда таких людей теряем!..
Не бережём при жизни их,
Ранимых клеветой и злобой.
И настаёт расплаты миг —
Кричим вослед:
— Он был особый!!
Он был, — кричим, — неповторим,
Неповторим, — мы повторяем.
Ушёл один,
А вслед за ним
Ещё кого-нибудь теряем...

Пламенно и нежно, простыми, бесхитростными строками отозвались на смерть Шукшина его земляки-алтайцы: учителя, журналисты, рабочие, селяне, учащиеся школ, студенты, военнослужащие.

Мне удалось собрать несколько таких жгучих, рвущих душу самодеятельных стихов. Некоторые из них предлагаю здесь читателям под общим названием “Грустит Катунь о Шукшине”.

От крутых ледников
С вершины Алтая
Катунь говорливая
Воды несёт.
И, думы свои
Лишь ему доверяя,
Катунь Шукшину
Свои песни поёт.

* * *

Катунь босоногое детство
ласкала,
Катунь воспитала и волю
дала,
Катунь на заре
в дальний путь провожала,
Катунь с Шукшиным
неразлучной была...

* * *

Как Волга ждала атамана
Степана,
Катунь Шукшина до сих пор
ещё ждёт.
Судьба Шукшина, словно
строчка романа,
Калиною красной
в народе живёт.

А. К. Аджикаев,
г. Свердловск

* * *

И, измеряя жизнь
по людям Сростки,
к родной земле Антеем припадал,
ступал ногой босой
по травам росным...
Здесь мощью новой думал и писал.
Ему опорой –
вечные Святыни.
Душе отрадой –
Правда и Добро.
И кровь его вскипает в жилах,
Стынет,
когда из тьмы свой лик являет зло...

Неизвестный автор

...Был в нём крепкий русский стержень, испокон веков присущий нашему народу. Оттого и книги В. Шукшина так чисты и правдивы. Эта мысль была стержневой во всех выступлениях участников и гостей научно-творческой конференции в Сростках в 2009 году.

Он не был мастером словесной вязи, но в его строчках столько неистовой боли, страдания, искренней сыновней любви к своей великой и печальной, соловьиной Родине-матери, что после первых же страниц забываешь про всё на свете и дышишь одним воздухом с его незамысловатыми, колоритными "чудиками", живёшь одной жизнью с русскими людьми, которыми густо заселён мир его необычайного творчества.

И ещё он умел верить. Верить так, как дано далеко не всякому. И вера эта в свой народ, в будущее тоже крепко держалась на любви к России. Об этом свидетельствуют все материалы, воскресившие образ Василия Макаровича на многих страницах статей и книг о нём.

Вспоминаю 2009 год. На Алтае он был объявлен годом В. М. Шукшина. Но не только Алтай – вся Россия отмечала 25 июля его 80-летний юбилей. На малой родине Шукшина, в Сростках, собрались многие почитатели его выдающегося, истинно народного таланта. Приехали писатели из Москвы во главе с В. Г. Распутиным, большая группа кинематографистов, вдова писателя Лидия Николаевна и его дочери. На конференцию прибыли учёные-филологи из Бельгии, Латвии, из разных городов и весей России.

Прежде в течение ряда лет в июле проводились широкие Шукшинские чтения, ставшие традиционными. В год 80-летия писателя был впервые проведён Всероссийский фестиваль "Шукшинские дни на Алтае", а предшествовала ему Международная научно-творческая конференция в Алтайском государственном университете в Барнауле "Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве", которая продолжалась в Бийском госуниверситете им. В. М. Шукшина. И завершился этот большой всенародный праздник 25-26 июля открытием XI Шукшинского кинофестиваля в Сростках. А осенью, в Дни памяти, 2-3 октября во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике в с. Сростки прошла традиционная плановая конференция "Шукшинские чтения", посвящённая 80-летию В. М. Шукшина и 100-летию со дня рождения его покойной матери, Марии Сергеевны.

"На вашу просьбу, как идёт подготовка к юбилею, отвечаем, что, действительно, работы проводится много, – писала мне мл. научный сотрудник Музея В. М. Шукшина в Сростках Вера Игоревна Галина в декабре 2008 года. – Нынешний год – юбилейный у самого музея, ему уже 30 лет! Идёт строительство административного здания для музея, проводится ремонт школы, Дома культуры села, после реконструкции открыта библиотека В. М. Шукшина, и, наконец, в Сростках появилась и с января 2009 года начнёт действовать Церковь во имя святой великомученицы Екатерины. Это великолепная архитектурная постройка, думаю, Вы удивитесь! У самого музея, которым по-прежнему руководит Лидия Александровна Чуднова, большая нагрузка, связанная с огромным потоком посетителей, и подготовительная работа к открытию литературной экспозиции.

Конечно, это напряжение, но и радость для коллективного труда единомышленников...”

Для любого человека, кому выпадает счастье побывать на Шукшинскои фестивале, поездка к Шукшину – не просто незабываемая увлекательная поездка за впечатлениями. Это экзамен. Ибо писать и говорить об этом надо без фальши, с чистым и светлым настроем души и сердца.

Не сомневаюсь, что и в нынешнем, юбилейном году 90-летия Василия Макаровича Алтайская земля вновь с радостью встретит много гостей. Научное шукшиноведение пополнится новыми изысканиями, посвящёнными его блистательным творческим обретениям.

В. М. Шукшин писал: “Нам бы о душе не позабыть!..” В этих словах заключено редчайшее провидение, предчувствие огромных перемен и потрясений, в которые скоро будет ввергнута Россия...

Люди едут к Шукшину в Сростки. Поклониться его земле и попытаться понять самим и поведать другим: что за живительные воды питали его глубоко народный талант? И так хочется, чтобы каждый, кто прикасается сегодня к Шукшину, мог бы произнести вслед за ним: “Верую! Верую в Россию, в её будущее...”

В июне 1974 года, в последние дни своей жизни Шукшин встретился с М. А. Шолоховым в Вёшенской (завершались съёмки фильма “Они сражались за Родину”). Усадили его рядом с хозяином дома. Когда пришла пора сказать ему своё слово, он с чувством произнёс: **“**Я сейчас хочу сказать не как артист, не как кинематографист, а как литератор. **Мы распустили нацию, нам предстоит большой труд собрать нацию**”. В ответ на эти слова поднялся Шолохов, понявший сразу серьёзность момента, и предложил: **“Давайте выпьем за Васю Шукшина – собирателя земли Русской”.**

Размышляя о Шукшине, видишь одно, ключевое – он был заложником Правды, дав свою, глубинную формулу её толкования – “Нравственность есть Правда” – и добавил отдельно: “Литература есть Правда. Откровение. И здесь абсолютно всё равно – кто смелый, кто сложный, кто “эпопейный”... **Есть Правда – есть литература.** Ремесло важно в той степени, в какой важно: начищенный самовар или тусклый. Был бы чай. Был бы самовар не худой”.

При всём драматизме и трагизме поисков своего места “под солнцем” положительно прекрасные герои Шукшина лишены и намёка на лукавство, светятся удивительной добротой и щедростью своей души, они просты, но не простоваты, они вечные странники-праведники, искатели большой жизненной Правды. Они – рупор трудных и, порой, противоречивых нравственных поисков и размышлений своего автора.

“Главные составляющие эстетики Шукшина – Труд, Красота, Нравственность и Правда. Все эти категории проверены веками существования народной культуры. Такие высказывания, как “Угнетай себя до гения”, “Нравственность есть Правда”, “...литература есть ПРАВДА. Откровение”, “...хочешь быть мастером, макай своё перо в правду”, “Сложное – просто...”, определили эстетическое кредо писателя”, – подчёркивают А. И. Куляпин и О. Г. Левашова. (Там же).

Свой последний авторский фильм “Калина красная” Василий Шукшин снимал в вологодских краях, в Белозерье. По ходу съёмок он несколько раз встречался со зрителями, настоятельно призывая задуматься о том, что с нами происходит ежедневно: “А сами с собой мы остаёмся пореже. Но... надо, наверное, оставаться. Вот... Например, прожит день, оглянулся – что-то сделано, такой сокровенный праздник души, не знать хоть иногда такого праздника – величайшая бедность... **Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть. Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть... Мы один раз, уж так случилось, живём на земле...”**

По прошествии лет невольно задаёшь себе вопрос: ну, а что мы, потомки, о которых так трепетно болела душа у Шукшина, сделали для него, для увековечивания его выдающегося народного таланта?..

Сделали, к счастью, не так уж мало, но предстоит гораздо больше. И не только в плане увековечивания его доброго имени в названиях улиц и площадей, школ и библиотек, написания о нём умных книг и статей и т. п. Речь идёт о более глубинном понимании творчества Шукшина как ярчайшего явления русского национального искусства, нашей самобытной культуры и литературы,

в аспектах внимания писателя к устному народному творчеству, к эстетическим традициям и новаторству удивительного художественного слова Шукшина. Тут ещё непочатые пласты новых открытий и обобщений.

Между тем, как ни прискорбно говорить, произведения Шукшина крайне мало изучаются в школах и гуманитарных вузах. На филологических факультетах госуниверситетов, казалось, сам Бог велел обстоятельно изучать его многогранное творчество. Однако вместо этого студенты зачастую весьма легкодумно "выбирают" для чтения книги Шукшина или другого автора по вариативному списку произведений, рекомендованных "для чтения", то есть хочешь – читай Шукшина, хочешь – не читай, руководствуясь своими субъективными "вкусовыми ощущениями"...

Что это – бессознательное и бездумное методическое упущение или преднамеренная невежественная акция, чей-то злой умысел?.. Не стану сгущать краски, но и довольствоваться таким печальным фактом недопустимо. Нельзя ограничиваться лишь праведными воспоминаниями о Шукшине только на юбилейных торжествах, посвящённых его выдающемуся творчеству. Скудоумие начинается как раз с того, что мы вспоминаем иных гениальных художников слова "по случаю" их "круглых" юбилеев...

Имя В. М. Шукшина по праву вписано в классику русского национального искусства, в филологии образовалась наука – шукшиноведение. К 80-летию писателя выпущен вышеупомянутый качественный восьмитомник собрания его сочинений, вышедший, правда, очень уж малым тиражом – всего 5 тысяч экземпляров, – ставший, без преувеличения, золотым раритетом.

Есть надежда, что грядущий юбилей В. М. Шукшина пополнится новыми исследованиями его замечательного творчества, а восьмитомник собрания его сочинений будет, как минимум, переиздан куда более солидным тиражом и в надлежащем полиграфическом исполнении.

"В восьмом томе Шукшин предстаёт как личность, во многом не знакомый нам человек, – поведал кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ Дмитрий Марьин. – Сюда вошла его публицистика – интервью, литературные беседы, статьи. Набралось более 30 текстов, причём часть мы нашли в ведомственных и местных газетах. Впервые опубликованы многие из 134 писем Василия Макаровича... Особо интересны исследователям, как мне кажется, пять его автобиографий. Шукшин ведь в какой-то степени создал миф о самом себе, сознательно искажая некоторые моменты своей биографии, в частности, касающиеся репрессированного отца. Однажды он написал про него: "Погиб на войне". В другой автобиографии читаем: "Лишившись родного отца..." – и ничего о причинах. Только после смерти Сталина Шукшин сказал всё, как есть".

...До последнего времени было известно немногим, что Шукшин писал также стихи, которые он читал, как правило, в кругу друзей, иногда – на творческих встречах. Но никогда не публиковал их под своей фамилией. Они появлялись либо в виде стихотворных эпиграфов к рассказам, либо в виде стилизации под народные песни, как, например, в романах "Любавины" и "Я пришёл дать вам волю". Вот одно из них – "О ремесле":

Музы!.. Делайте, что хотите!
Душу надо?
Могу продать.
Славу встречу!
Научите
Словом, как дротиком, попадать.

1961

В восьмитомнике собрания сочинений писателя насчитывается около двух десятков его стихотворений. Но, полагаю, в реальности их гораздо больше.

Любопытно, что творчество В. М. Шукшина серьёзно начали изучать первыми не в СССР, а на Западе. Иностранных исследователей заинтересовали "странные" герои Шукшина – "чудики", то есть сельские люди, попавшие под пресс урбанизации, уже не крестьяне, но ещё не горожане. Именно на Западе о них сказали как нельзя более точно: "Крестьяне с душой интеллигентов". По сути, сам Василий Макарович был таким, не случайно в каждом из

его положительно-прекрасных персонажей можно без труда усмотреть особенности черт его характера и мышления.

К слову, об интеллигентности в понимании Шукшина... Вот как он писал: "...Явление это – интеллигентный человек – редкое. Это неспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется – для созвучия – "подпеть" могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса "что есть правда?", гордость... И – сострадание к судьбе народа. Неизбежное, мучительное..." (Шукшин В. М. Монолог на лестнице. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 22).

Между тем, никакого "расщепления души", "раздвоения сознания", никакой "ущербности" у шукшинских героев, как утверждали иные прозападные знатоки русской души, у писателя не было и в помине.

Как сильная, цельная личность, народный художник крепко и уверенно стоял на позициях утверждения тех вековых духовных ценностей, которые утверждала отечественная классическая литература – Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов, Шолохов, Леонов... Труд, Правда, Совесть – вот те главные ценности, что издревле возводились на Руси в высший ранг уважения и почёта.

"Русский народ за свою историю отобрал, возвёл в степень уважения такие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту..." – не раз подчёркивал Шукшин. В центре его творчества неизменно находится традиционный для русской классики "маленький человек" – "чудик", которого недалёкие "профессионалы" от литературы, не поняв его глубинной философской сути, отождествляли с заурядным чудаком, а то и простоватым мужичком-дурачком.

На самом деле "чудик" – человек с высокой, одухотворённой и беспокойной душой, живущий по нравственному кодексу Чести и Совести. И никакой он, по сути, не странный. Таким в идеале должен быть человек от Бога. Странным он выглядит лишь в глазах обывателя и приспособленца, растерявшего человеческое достоинство и свои душевные качества.

Простой человек, "извечный труженик", на котором русская земля держится, – вот перед кем преклонялся, "снимал шляпу" Василий Макарович. Вспомните его гимн вековому крестьянскому укладу: "...Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен в целом, начиная с языка, жилья... нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых, в сущности, отношений между людьми... там много, очень много работали... Вспоминаю дядю Ермолая. И его тоже поминаю – стою над могилой, думаю. И дума моя о нём – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как мой дед, бабка... Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их..."

Для Шукшина, взращённого глубинными народными соками, Родина – высшая Святыня и опора: **"Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда... Какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Моё ли это – моя родина, где я родился и вырос? Моё. Говорю это с чувством глубокой правоты, ибо всю жизнь мою несу родину в душе, люблю её, жив ею, она придаёт мне силы, когда случается трудно и горько... Она и живёт постоянно в сердце, и образ её светлый погаснет со мной вместе. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлив"** (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 54-55).

Шукшинское мировоззрение, его творческий идеал, его духовно-нравственная, осветлённая православным сознанием эстетика зиждется на признании и бескомпромиссном утверждении корневых основ русской национальной жизни. **"Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши, неимоверной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого за понюх табаку"**, – словно пристально вглядываясь издалека в наше суровое драматическое время, умоляет нас Шукшин, удивляясь и восхищаясь неимоверным русским многотерпением. В то же время резко ругая, осуждая нас за это терпение и одновременно слёзно жалея русского человека той

горькой жалостью, на которую способен художник, вышедший из глубинных недр простого народа.

...Приезжая в Сростки, я всюду вижу просветлённые, добрые лица. И думаешь: жива Россия Шукшина!.. Вот он, секрет всенародной тяги народа к Шукшину и его родным Сросткам: Шукшин необходим людям как символ нашего несломленного духа, как глоток свежего воздуха, как живительный родник, к которому нужно припасть, чтобы, как он выражался, "обрести утраченный напор в крови"...

Грустит Пикет.
Катунь раздольно льётся,
Шумит окрест
Студёная волна...
И едут люди в Сростки
Поклониться
Святой земле,
Взрастившей Шукшина...

г. Тверь

ЛИ ЧЖЭНЖУН, ВАН ЛИДАНЬ

ТВОРЧЕСТВО ШУКШИНА В КИТАЕ

Русская “деревенская” проза со своим бытом, характерами, проблематикой, народно-крестьянским миропониманием оказала большое влияние на творчество китайских писателей-почвенников, в том числе и на лауреата Нобелевской премии Мо Яня. С 1960-х годов на китайский язык переведены произведения большинства крупных советских писателей, таких как Ф. Абрамов, Ч. Айтматов, В. Астафьев, В. Белов, В. Шукшин, В. Распутин и др. Их выдающиеся книги имеют большую аудиторию в Китае и пробудили в китайских писателях творческий потенциал и вдохновение. Список этих русских писателей трудно представить без В. Шукшина.

В течение двадцатилетия с начала 1970-х годов и по 1980-е годы по известным причинам в Китае печаталось сравнительно небольшое количество советских литературных произведений, но Шукшин являлся одним из наиболее переводимых советских писателей. Этот период можно рассматривать как первый этап перевода и восприятия текстов Шукшина. С тех пор как произведения Шукшина пришли в Китай, его читательская аудитория и влияние его произведений в Китае постоянно расширяются.

Первое упоминание имени В. Шукшина в Китае состоялось ещё при жизни писателя, в восьмом номере журнала “Реферативный перевод” за 1974 год. В апреле этого года, когда В. Шукшин как сценарист, режиссёр и главный актёр получил гран-при на всесоюзном кинофестивале в Баку за фильм “Калина красная”, коллективом факультета иностранных языков Шанхайского педагогического университета повесть “Калина красная” сразу же была переведена на китайский язык. В предисловии переводчики справедливо отмечают, что, описывая сложный процесс покаяния Егора Прокудина, Шукшин использует самые разные изобразительно-выразительные средства. Переводчики делают вывод, что рывком уйти прочь от собственного прошлого пробудила Егора Прокудина именно безграничная любовь – любовь возлюбленной, любовь к природе, материнская любовь. Они утверждают, что под пером Шукшина любовь спасает человека. И вскоре после этого было замечено внимание китайских читателей к таланту писателя и его своеобразному художественному миру. С тех пор на китайском языке вышло четыре издания “Калины красной”.

ЛИ Чжэнжун — доктор филологии, профессор, межкультурный институт, Пекинский педагогический университет, Китай.

ВАН Лидань — доктор филологии, профессор, Институт иностранных языков, Нанькайский университет, Китай.

В 1997 году повесть издана отдельной книгой в издательстве “Лицзян” в переводе Чжу Шаохуа.

Переводы В. Шукшина в Китае появились намного раньше, чем исследования его творчества. В последующие после появления первого перевода “Калины красной” годы в Китае были опубликованы в отдельных журналах около тридцати таких рассказов и повестей В. Шукшина, как “Живёт такой парень”, “Случай в ресторане”, “Стёпкина любовь”, “Сельские жители”, “Дядя Ермолай”, “Миль пардон, мадам!”, “Обида”, “Микроскоп”, “Нечаянный выстрел”, “Как помирал старик”.

Печатались и тексты из публицистического наследия писателя. Например, “Нравственность есть правда”, “Как я понимаю рассказ”, “Я родом из деревни...” Многие из этих произведений издавались в Китае неоднократно. Вышли в свет две отдельные книги произведений Шукшина: “Избранные рассказы Шукшина” и сборник сценариев “Иван Степанович” и “Брат мой...” в переводе Цзян Сюэхуэй и Пань Гуйчжэнь. Здесь стоит упомянуть профессора Пекинского университета иностранных языков Лю Цзунцы, который не только составил единственный в Китае сборник избранных рассказов Шукшина, но и сам прекрасно перевел несколько рассказов писателя. Нельзя не отметить и профессора Чжан Цзяньхуа, который был и лучшим переводчиком Шукшина, и самым внимательным его исследователем.

Исследование творчества В. Шукшина началось в Китае с начала 1980-х годов. В период с 1980-х годов по конец 1990-х творческое наследие Шукшина исследовали, главным образом, с точки зрения стиля и языковых особенностей. В 1981 году Фу Янь написал статью “Краткий анализ стиля Шукшина”, которая впервые знакомит китайских читателей со стилистическими особенностями прозы В. Шукшина. Опираясь на анализ рассказов “Стёпкина любовь”, “Осенью”, “Солнце, старик и девушка”, “Сураз” и “Страдания молодого Ваганова”, автор статьи отмечает, что Шукшина привлекает не внешность героев, а их характер, мысли и чувства, но это ещё не психологизм. Автор считает, что рассказы Шукшина – это энциклопедия различных типов характера, большое собрание тем разных эпох, что самые обычные явления из повседневной жизни под пером Шукшина приобретают философский смысл. Шукшинский язык, по мнению автора статьи, непереводим, так как его богатство и яркость теряют часть своего очарования при переводе.

Мнению Фу Янь оказались созвучны взгляды и других литературоведов. В статье “О творческих особенностях Шукшина”, основываясь на знакомстве с жизненным путем Шукшина и анализе его конкретных произведений, Чэн Мо и Чжан Цайся утверждают, что Шукшин – большой мастер наглядного повествования, рассказы его наполнены яркими зрительными образами, а диалектная лексика и метафоризм его письма трогают до глубины души. Авторы отмечают, что действие шукшинского рассказа начинается сразу, без экспозиции, без длительного вступления.

В те годы внимание многих литературоведов сосредоточилось исключительно на изучении рассказов Шукшина. В статьях Лу Синцзюй “О рассказах Шукшина”, Чэнь Мэй “Шукшин и его рассказы”, Ши Госюн “О рассказах мастера души – В. Шукшина” анализируются темы, образы персонажей и средства художественной выразительности в рассказах писателя. Авторы статей почти единогласно подчёркивают, что Шукшин, поэтически раскрывая духовный мир сельских жителей, делает акцент на движениях их души: они воспевают истину, добро и красоту, но в то же время обличают ложь, зло и безобразие. Исследователи считают, что при описании персонажей Шукшин уделяет большое внимание не их внешности, а необычным поступкам и индивидуальной речи, которые раскрывают характер персонажа. Но самое важное открытие, сделанное в статьях, – это то, что Шукшин, обладавший большой общественной чуткостью, проводит социологический анализ советских крестьян с применением таких выразительных средств кинематографа, как стоп-кадр, двойная экспозиция, монтаж. Он прибегает к этим приёмам, чтобы воспроизвести бытовые сценки, усилить художественный эффект, оттенить судьбы персонажей.

Появление шукшинских “странных людей” было одним из наиболее значительных событий в русской литературе. Это уловила и китайская литературная критика. В статье “О героях из-под пера современного писателя Шукшина”, сравнивая образы простых людей с самим писателем (с учётом его происхождения и жизненного пути), авторы Ян Шэнь и Чжао Шичжан отмечают верность

писателя правде жизни. Характер персонажей у Шукшина, с точки зрения авторов, раскрывается в процессе борьбы добра и зла. Авторы статьи приходят к тому, что Шукшин потому и был любимым народным писателем, его произведения потому и захватывают современников и имеют большой общественный резонанс, что он выразил народную правду.

Большое значение для китайского шукшиноведения имела статья Чжан Цзяньхуа "О "чудиках" и "чужих" Шукшина". Чжан утверждает, что одним из художественных достижений Шукшина является галерея своеобразных образов в рассказах. По мнению Чжана, несмотря на самые разнообразные характеры персонажей, по совокупности основных качеств, которыми наделяет автор своих героев, их можно разделить на две группы – "чудиков" и "чужих". "Чудики" отличаются от других людей странным характером, неловкой манерой поведения и неудачной судьбой, а "чужие" являются носителями нездоровых нравственных обычаев и явлений. Чжан отмечает, что оба типа не представляют собой абсолютно положительных или крайне отрицательных персонажей.

Немало исследований посвящено особенностям языка писателя. В статьях Цзоу Лицюань "Навыки письма и языковой стиль рассказов Шукшина", Бай Юньчао "Анализ языкового стиля рассказов Шукшина", Цяо Шуансинь "Диалоги персонажей в рассказах Шукшина" авторы почти единодушны в определении шукшинского языка как простого, лаконичного, многозначного и юмористического, что доказывается примерами из многочисленных рассказов. Вместе с тем, авторы отмечают, что диалоги персонажей, преобладающие над речью рассказчика, играют важную роль в раскрытии образов, развитии сюжета и воплощении творческого замысла автора. Шукшин таким образом предоставляет своим героям полную свободу самовыражения.

Шукшин был воспитан на русской классической литературе. Его творчество трудно представить вне связи с русскими классиками. С другой стороны, он находился в процессе творческого взаимодействия с современными ему писателями. После тщательного прочтения рассказов Л. Толстого и В. Шукшина, Ли Цзянь в статье "Как раскрыть тайны души – сравнительный анализ рассказов Шукшина и Толстого" убедился в том, что правдивое отражение действительности, постоянное исследование внутреннего мира героев, раскрытие глубинных тайн души тесно связывают двух писателей. В статье "Сельские жители и литература о сельских жителях – о трех советских писателях", изучив жизненный и творческий путь С. Есенина, В. Шукшина и Ч. Айтматова, автор Хэ Юньбо заметил, что упомянутые писатели непрерывно обращались к теме связи человека и природы. В статье "Шукшин, Распутин и их творчество" рассматриваются произведения двух современных классиков, говорится об их сходстве и различиях, подчёркивается, что несложный сюжет и острый конфликт у Распутина переплетается с тонким психологизмом.

Говоря о китайском шукшиноведении 1980–1990-х годов, нельзя не отметить вклад, который внесли в него исследователи киноматериалов Шукшина, хотя исследование это только началось и кажется не особенно глубоким. В нём говорится о том, как Шукшин работал над кино, каковы темы, герои и средства художественной выразительности шукшинского кинематографа; о том, что его работы стали лучшим примером русского "авторского кино". Также упоминаются фильмы Шукшина и его литературное творчество в ряде переведённых на китайский язык статей: например, С. Фрелиха "О трагикомедии", Л. Беловой "О творчестве Шукшина" в переводе Фу Лань, М. Зака "Киноизображение слова" в переводе Би Ци и др. Эти работы помогают китайским читателям лучше понять творчество Шукшина.

Кроме того, рассматриваются в этот период и проблемы стилистики и эстетики шукшинского письма. Можно назвать такие исследования, как работы Дай Шань "Особенности сочетания стилистических ресурсов в рассказах Шукшина", Ван Хунци "Он работает на стыке города и деревни – об эстетическом направлении шукшинской прозы", Пан Юэцинь "Тонкий замысел в ограниченном пространстве – художественный анализ рассказа "Осенью" и др.

Все эти достижения подготовили расцвет китайского шукшиноведения, который приходится на начало XXI века. Это в известной степени связано и с нарастающей тенденцией возвращения к природе в Китае. Небывалый бум переживает исследование произведений Шукшина с начала нового века. Оно ведётся в нескольких направлениях. Прежде всего, продолжаются публикации научных статей в разных журналах и углублённые исследования

в направлениях, начатых в прошлые годы. В это время было опубликовано более 40 статей по вопросам художественного стиля, языка, цельности творческого подхода к творчеству Шукшина.

О заметном оживлении шукшиноведения в Китае в новое время свидетельствует появление ряда магистерских диссертаций, посвящённых творчеству Шукшина. Это, например, Чи Цзиминь "Анализ образа автора в рассказах Шукшина", Гуй Сяо "Сравнительное исследование рассказов и кино Шукшина", Чжао Шилинг "Использование алтайских диалектных элементов в произведениях В. Шукшина" и др.

Важным событием в исследовании творчества Шукшина стало издание в 2004 году до сих пор единственной монографии о творчестве писателя. Работа Ши Хуншэн "Основы русской сюжетологии в художественной практике В. М. Шукшина" посвящена формальному анализу сюжетосложения в рассказах Шукшина 1960-х годов. Основываясь на изучении проблем происхождения и эволюции русской "малой прозы" и теории сюжета, опираясь на подробный формальный и содержательный анализ сорока девяти рассказов Шукшина, автор монографии рассматривает особенности сюжетосложения рассказов писателя. Следует отметить, что изучение сюжетосложения рассказов Шукшина на таком обширном материале проводится впервые, и такой подход к творческому наследию писателя представляется наиболее продуктивным на данном этапе развития шукшиноведения.

В различных изданиях "Истории русской литературы" творчеству В. Шукшина обычно посвящена целая глава. Рассказы "Экзамен", "Верую!" входят в учебники для студентов-русистов факультетов русского языка вузов Китая. А один из шедевров советских фильмов – "Калину красную" – показывают студентам второго года обучения.

В целом следует признать, что в исследовании и рецепции творчества Шукшина в Китае достигли больших успехов, но по сравнению с российским шукшиноведением эти достижения весьма скромны. Некоторые исследования оказываются поверхностными, ряд важных вопросов освещён не полностью. В Китае пока нет биографии писателя на китайском языке, нет и монографии о художественном мире писателя в целом, нет полных собраний его сочинений. Так что китайским шукшиноведам предстоит ещё долгий путь.

Когда наш обзор подходил к концу, неожиданно я прочитала статью молодого китайского специалиста по русскому кино Чжан Сяодуна "Наступила весна, давайте посмотрим Шукшина!", посвящённую 90-летию со дня рождения Шукшина и опубликованную в газете "Пекинская молодёжь". На мой взгляд, это самая всесторонняя и глубокая работа, посвящённая творчеству Шукшина. Автор высоко оценивает Шукшина как писателя, режиссёра и актёра. Чжан утверждает, что произведения писателя несут на себе яркий отпечаток советской эпохи, но они глубоко актуальны и сегодня. Анализируя фильм "Калина красная", полный стремлений главного героя к освобождению от прошлого и страсти, автор не раз сравнивает В. Шукшина с А. Тарковским. Он считает, что если "поэзия" Андрея Тарковского поражает нас трансцендентностью и она тесно связана с его мистическим опытом, то "поэзия" Шукшина очень интуитивна, но не так проста: это внутренняя радость, это обращение писателя к жизни, к себе и к миру. По мнению автора, литературой (словами) и кино (кадрами) Шукшин резко обозначил две основные травмы современности – **потребительство** и **"закон джунглей"**. В статье автор справедливо замечает, что Шукшин не идеализирует село, но находит выдающиеся достоинства человека (доверие, щедрость и простодушие) только среди сельских жителей, а не среди горожан. Чжан Сяодун говорит, что, читая Шукшина, ты как будто жуешь русский чёрный хлеб, чувствуешь его свежий аромат.

ОЛЕГ КУИМОВ

КОСНОЯЗЫЧИЯ ВАСИЛИЯ СТРУЖА

Моё знакомство с волгоградским поэтом Василием Стружем состоялось много лет назад во дворе Литературного института. Держался он уверенно, как держатся люди, знающие себе цену. В творческой среде немало мнящих себя гениями – в основном, будущими или непризнанными. Показалось, что рослый, словно отмеряющий слова при разговоре Василий – из подобных, но когда он принялся читать свои стихи, то стало понятно: жизнь одарила меня знакомством с Поэтом.

А чуть позже Струж подарил мне свою первую книгу – "Косноязычие".

"Почему такое непоэтичное название?" – этот вопрос не выходил у меня из головы, пока я не приступил к чтению. И тогда сразу прояснилось: да, это на редкость точное, как в аптекарском рецепте, название. В предисловии к книге Станислав Юрьевич Куняев заметил: "Её косноязычие – его сущность. Он другого языка не знает".

Вставай, сопящий Струж! Вставай, пройдоха.
Вставай. И собирайся делать день;
Пока душа от лени не издохла,
Тащи к восходу из подъезда тень.

Как видим, это действительно косноязычие, но какое! Ст. Куняев верно определил главную черту поэзии Василия: "...особенность его косноязычия в том, что, разгребая эту словесную груду, эти сорняки и чертополохи, вдруг нащупываешь в их гуще жемчужные зёрна, отливающие подлинным поэтическим блеском..."

И в самом деле, в современной, омассовлённой литературе тонны и тонны стилистически выверенной макулатурки – совершенной по форме и абсолютно обезличенной и выхолощенной. Строгое соблюдение правил силлаботоники – вовсе не гарант достойной поэзии. У поэта Василия Стружа всё как раз наоборот. Его стилистическое "прихрамывание" становится платой за сохранение мысли. Когда их Величества Рифма и Ритмика уводят не в ту сторону, не всегда хватает мастерства закрепить мысль в рамках языковых правил. Зато со смысловой и образной составляющей в книге полный порядок. Вот почему, вопреки и несмотря на косноязычие, увлекает поэзия Стружа, особенно когда автор пишет историю своей семьи, своего двора, своей страны.

Я был колхозник на селе,
И вспоминать-то горько...
И вдруг страна — навеселе!
Случилась перестройка!

Далее та, ослеплённая собственными иллюзиями и одураченная псевдодемократами часть интеллигенции может воочию представить, что на самом деле происходило с деревней, не со слов теоретиков из масс-медиа, а в жизни человека, переживавшего крушение в эпицентре событий.

Я начал резать мелкий скот,
Шли годы перестройки.
Я резал — крупный. Крал — что мог.
Участвовал в попойках.

Сменялись всё хозяева.
Мы всех обворовали.
Всё перерезали. Трава
Растёт — в дому, в подвале.

Вот она – страшная правда народа, утратившего в себе хозяина и веру во власть. И образ растущей в доме и подвале травы лишь усиливает образ катастрофического разрушения страны и, самое главное, – духовного стержня народа. И Струж не обеляет себя, он честен, как на исповеди.

Зайдите вы в моё село!
Проехать невозможно.
Село дубравой заросло!
Чертополох — острожный!

И опять же одним словом передана целая картина – "острожный чертополох". Именно что к острогу и приводит такой чертополох...

Тема перестройки вообще не могла не оставить следа как в жизни, так и в творчестве поэта, чья юность прошла под её лозунгами. Ну, каждый ли молодой человек мог удержаться от искушения поверить в обещание новой власти привести страну к почти что коммунистическому земному раю? А закончилось, как после игры в бумажки с Мавроди.

Заканчиваем перестройку,
Сворачиваем все узлы,
Из шалаша несёмся в койку,
И объегорены, и злы.
.....
Идём гурьбою на конвейер.
Мы снова полуфабрикат...

Рассеялся напущенный либералами при активном пособничестве мнимой интеллигенции (с её: "Ура! Одобрям-с! Верим-с!") дурман и явилась преображённая выпавшей из ниоткуда новой властью демократических капиталистов или капиталистических демократов (поди их разбери!) Россия.

А наши детки подросли,
но не идут работать.
Анархия — знай веселись!
Потом по фене ботай...

Книга "Косноязычие" по большому счёту не отличается лиричностью, автор, в первую очередь, рассказчик, тяготеющий к размышлениям. И, как любому выходцу из простого народа, ему ближе социально-политическое направление мысли безо всяких политкорректностей.

Когда натянутые жилы
Российских баб и мужиков
Звучат ни мёртвы и ни живы,
Когда страна в руках жидков,

Когда за русским карьеристом
Спешит жидовский карьерист,
А власть от русских чисто-чисто
Очищена, и жид неистов,

Когда жидятам мелким — льготы,
Жидкам покруче — царский дом! —
Тогда спасает ящик водки
Да песня, только не погром.

И не поймёшь, чего здесь больше – отчаянной лихости сорвиголовы, или Василий попросту не отдаёт себе отчёта в возможных последствиях? Довели, как говорится, русского мужика до шапки и до края обрыва. А уж когда отступать некуда, наш медведь способен на подвиги.

Я десять лет, как безголов!
Я Пугачёв! Я Стенька!

И вполне естественно, что такой бунтарь приходит к следующему выводу:

Человек воздвигнул государство —
Общей мыслью, общим же трудом,
Воплощёнными, увы, в коварстве —
Этим и цветёт наш страшный дом.

Искренность Василия – искренность так и не повзрослевшего ребёнка ("И главное, ребёнок // Я был взрослый!"), который может быть внезапно нескромен ("Хорошо, что Бога поражаю // Верною любовию всерьёз!") и очень нескромен ("В бизнесе я гнул подковы! // Бизнес Ваську отпустил..."). Что ж, и снова издержки перестройки и последующих "перекроек" 90-х годов, ведь для тех везунчиков, кто успел поносить малиновый "пинжак с карманами" и повладеть прочими атрибутами "крутой" жизни, после гибели своих экономических макровселенных понижение социального статуса стало сильным ударом по самолюбию. У многих из них образовался комплекс "бывшего коммерсанта" – склонность похвалиться прошлыми материальными успехами.

Я дружен был и с нефтегазом,
С Европою дружил и турков знал.

А ведь и вправду, как заметил в своём предисловии Ст. Куняев, стремился человек выбиться в люди, не сидел сложа руки. И как не желать, если детство прошло в таких условиях, что... Но оно, это детство, и закалило, выработало неугомонный характер и старательного работника, и ловкого коммерсанта, и, в конечном счёте, вдумчивого поэта.

Мы били крыс. Они кусались,
Гоняли кошек и собак.
Здесь жизнь и смерть меня касались!
И потому я не размяк.

И потому, уже взрослым, "и яблоки таскал, и помидоры, сбирал зерно на самосвал..." Но увы – дефолт всё "языком слизал". А может, и всё равно не получилось бы, потому что характер – типично русский, душа нараспашку... Как просто и вместе с тем ёмко подметил нашу национальную черту Василий: "Я не боялся. Я, конечно, трус, // Но не боялся, если биться начал".

Как определить эту русскость в нашем народе коротко? Может быть, неизбытая жажда остаться самим собой, не поступаться совестью перед злом? В то время как вся страна вместе со всем миром восхищается достижениями немецкого автопрома, Струж протестует против этого коварного реванша западной цивилизации с её механизацией и обезбоживанием человеческой души.

Нравятся мне эти пухлые "мерины",
Круглые "Ауди" и "БМВ". —
Что-то гестаповское, что утеряно
Немцами в Волге, есть в этом дерьме.

Доставшийся в наследство от предков дух Победителя и здесь оставляет надежду в то, что и перед ползучим материальным искусом выстоит Русь и не утратит спасительной духовности.

Нравится мне их боязнь бездорожия,
Как разбивает их наша братва;
Нравится мне, когда в пухлую рожу им
Ржёт запорожец, качая права.

Нравятся мне и японочки тонкие,
Что, праворуля, капоты суют
В челюсти "КрАЗам", которые комкают
Их, как фольгу. "КрАЗы" пришлых жуют!

Такое косноязычие дорогого стоит. К тому же за ним опять стоит замечательная образность и видение сути вещей. У Стружа немало "жемчужных зёрен". Это и философские откровения, и насыщенные метафоры, когда мазком-другим создаётся красочное полотно. Меня всегда удивляло, как у таких крупных и внешне не творческих людей неожиданно оказывается тонкой психологическая структура, которая проявляется в том числе и в нехарактерной, как уже подмечалось выше, для его творчества лиричности.

Лежит крещёная, нагая,
Помолодевшая река! —
И сердце у меня — не камень,
Оттаяло, и кровь — легка.

Несмотря на прямолинейную категоричность, Василий порой удивляет неожиданными откровениями: "Женою муж такой гордится, // Какую сможет воспитать". Это лишь на первых порах может показаться, что ничего особенно мудрого в сказанном нет, на самом деле подобное открытие приходит на склоне лет и далеко-далеко не каждому. И потом, неумение воспитать, в конечном счёте, завершается эрой феминизма, издержки которого ведут к деформации традиционного мира, появлению новых "ценностей" с утратой истинного представления о подлинной красоте и гармонии. Красота не спасёт такой мир!

Её мужицкие ужимки
Под женственною кожурой,
Её сапфические сшибки
В ней гонор выдают мужской!

Уж лучше б лирику листали
И плакали плеяды дам;
Не пыжились и не мужали,
Доверившись дитя́м, слезам.

Для русской (и, прежде всего, – традиционной!) поэзии характерны вероисповедальные порывы и поиски. Струж не исключение. Книга и начинается подобным стихотворением, в котором прослеживается неоднократно

звучащая в сборнике тоска по вселенскому счастью, та самая тоска, что срывала с места русского человека в поисках Беловодья.

Я светился, в пику тёмным силам!
Я плескался! Искрестился поп,
Говорил — большое чудо силим
Зрением своим, идёт потоп!

Настоящий поэт должен сказать что-то новое, что-то такое, что оставит след в душе, как истинное откровение. Ведь образы и неизбитые мысли остаются в памяти.

Божьи люди шли втроём —
Мама, я, сестра. У церкви
Мы перекрестились, пьём
Веру, бьющую из сердца
Господа...

Или вот сочный образ:

Я деньги сильно не берёг,
Но каюсь, что по ним я плакал,
Как мелкий полевой зверёк,
Теряя зёрнышко меж лапок!

Подобная поэзия – находка для пародистов, любящих содержательные образы. Ну, как пройти мимо стихотворения "Я видел кладбище в Армении..."!

Я встал, прошёлся за бутылкою.
Продолжил вечер, боль залил,
Бутылка оказалась пылкою,
Армению я позабыл...

В Европу Коба выбил двери!
Петруша высадил окно!
Наш новый русский — сивый мерин —
Свалил всю стену! А темно...

Творчество Василия Стружа вообще достаточно политизировано, и авторская позиция – как на ладони. Многократно звучащее слово Сталинград говорит о том, что поэт воспринимает себя именно сталинградцем, а не волгоградцем. И это в эпоху, когда само имя вождя превратили в страшное пугало.

Стал снова пограничным город —
Наш Сталинград. Пришла война.
По городу под ручку с ворогом
Туристом бродит сатана.

Под залпы: "Денег, денег, денег!" —
Я карту куцую скатал.
Сверкнул в ней жалко русский гений,
На смятые колени встал.

И всё же поэт Василий Струж – оптимист и борец, что подспудно подтверждается и большим числом восклицательных знаков в его стихах. И пусть порой его охватывают апокалиптические настроения:

Друг без друга нам отпущено
Будет мало. Велики

Очень дерзкие религии,
Где есть дьявол, нет Христа.
Велики дни разноликие
Нашей розни, без креста! —

обусловленные духовным оскудением народа (“Теперь Россия обмельчала, // Нас негры переходят вброд!”), всё равно он надеется на лучшее:

Нам жить да жить! Сомненья — прочь!
Мы все освоим вместе
Огромный куш земли, точь-в-точь,
Как наши деды, с честью!

В современной литературе немало сильных поэтов. И пусть каждый оригинален по-своему, сказать по-настоящему что-то новое, не повторяя друг друга, удаётся единицам. Струж, при всех своих недостатках, самобытен, колоритно живописен, остро социален, а его поэтический почерк не сравним ни с чьим. Пусть он тоже порой повторяется, пусть бывает и неоригинален, но, тем не менее, необычный авторский стиль и творческая задиристость выделили его из поэтической среды последних лет. Он просто стоит особняком, – ну, никому не повторить его талантливого косноязычия! Да и не нужно. Пусть Струж будет один такой.

“Я весь мир перевернул, а никто и не заметил”, – есть у него простая и вместе с тем важная строка, верно отражающая суть литературного процесса и задачу творца – изменить мир. А уж заметят или нет – неважно: главное, Василий, продолжай преображать мир, чтобы следующие твои строки оказались пророческими:

И на исходе будет век
Моей длиннющей, вечной жизни —
Заметит новый человек:
Большой поэт сгорел в Отчизне!

ВЛАДИМИР КРУПИН

“ЧТО МНЕ ДАНО, НА ТО И УПОВАЮ”

О православной лирике Сергея Дмитриева

Сергей Дмитриев, поэт и гражданин, являет пример служения русскому Отечеству и русской словесности. Давно зная его работы, вижу, как он постепенно приходит к главным темам русской литературы: человек и Бог, Бог и Россия. Диву даёшься творческой силе Сергея Николаевича: только что один за другим вышли два его фундаментальных труда о великих сынах России – о Грибоедове и о Короленко. И тот, и другой жили в тяжелейшие времена начала XIX (Грибоедов) и начала XX веков (Короленко), во времена измен и пролития крови, и только Божие заступничество за русские пределы спасло нас. А Божие заступничество в том, что мы служим Богу, а Он даёт нам сил и мужества.

Хочешь служить России – служи Богу. Вот формула любви к Родине на все времена. И в эту формулу вмещается творчество Сергея Дмитриева. Доказательство тому – его книга **“Молитвы русского поэта. Духовно-православная лирика (М., Вече. 2018).** Обнимающая по времени сложнейшие времена России – конец предыдущего и начало настоящего веков, – книга эта со временем будет свидетелем духовных боёв за души людей. Поэт не специально исследует какие-то проблемы и людей, их решающих, не специально выбирает места, о которых пишет. Он там, где нужно. Он видит красоту и чувствует необходимость рассказать о ней. Видит страдания и откликается на них, стараясь их уменьшить.

Духовной стезёй Сергей Дмитриев следует уже долгие годы. Ещё в 2013 году мне приходилось отмечать его паломнический опыт в предисловии к его книге “На Святом Афоне. Стихи русского путешественника”. Приведу обширную цитату из этого предисловия, чтобы показать настроенность автора на постоянные духовные поиски:

“Сергей Дмитриев свершил паломнический подвиг – он посетил почти *все* монастыри и многие скиты этой монашеской республики. Бывавшие там легко представят, как это нелегко. Паломничество – не туризм, а труд, и труд тяжёлый, даже физически. Эти постоянные недосыпания, многочасовые службы, скудное питание, послушание по силам. Но и награда велика – счастливое состояние отрешённости от суеты, наполнение сердца радостью, очищение мыслей, зарядка духовной силой, помогающей жить и выстаивать в нашей непростой повседневности. И, конечно, очень хочется чем-то отблагодарить Святую Гору, её гостеприимство, её мужественных насельников.

А чем может отблагодарить поэт? Конечно, стихами. И вот пред нами дар поэта Сергея Дмитриева Святой Горе. Стихи, обращающие наше внимание к разным монастырям... Весьма знаменательно, что поэт украсил книгу стихов своими броскими фотографиями, которые давно уже, как спутники, сопровождают его поэзию. Три года назад в своей рецензии "Поэтический фотовзгляд" на предыдущую книгу-альбом автора я писал в журнале "Литературный факел" (2010, № 1) об этом неожиданном увлечении поэта: "Кажется, всё я знал о Сергее Дмитриеве: поэт, издатель, общественный деятель. Много и неустанно трудящийся во славу Отечества. Однажды прочёл небольшую книгу его стихов, в которой были фотографии автора. Это не удивило, и сам я щёлкал "мыльницей", и обычное наше отношение – "Я так тоже могу!" – не позволило мне разглядеть в фотографиях то, что я увидел, когда взял в руки уже не книгу, а тяжеленный том фотографий и стихов, вышедший в издательстве "Белый город". Называется "По свету с камерой и рифмой" (2009). Думаю, что это подарок не только для автора, но и для нас. Его снимки ждали именно такого отношения к себе – уважительного. Фотографии нужен воздух, пространство, соседство – всё это достигается трудом и талантом автора и издателей. Здесь это со-работничество достигнуто.

Конечно, за Сергеем Николаевичем никому не угнаться, он объехал, облетел, обошёл, "обплавал" такое количество стран на всех континентах, что только вздохнёшь. Но вздохнёшь по-хорошему. И многократно скажешь: "Спасибо!" – автору за то, что он неустанно трудился для нас, снимая жизнь мира... Секрет значительности книги, для меня по крайней мере, в том, что она действует на душу, питает её чувства. Всюду я ощущаю не туриста, а паломника, который, молитвенно относясь к святым местам планеты, и нас приглашает к молитве...

А вот теперь мы совершаем с Сергеем Дмитриевым путешествие на Святую Гору. В стихах поэта – молитвенный дух Афона, понимание монашеского подвига. Восхищение незабываемой красотой природы стоит рядом с восхищением молитвенным монашеским трудом. Бывавший на Афоне, я с радостью вспоминал монастыри и дороги Афона и будто снова побывал там. Эта книга нужна в России, и, будем надеяться, и монахи Афона воспримут её и оценят по достоинству. Книга того заслуживает..."

Сердце же настоящей книги Сергея Дмитриева, входящей в семитомник его стихотворений, – это молитвы поэта. Стихи о Святых местах России и мира – продолжение ранее начатых автором паломнических стихов о Святой Земле, Афоне, Греции, Ближнем Востоке. И как важно, что в книгу поэт включил в полном виде и тот самый цикл о Святом Афоне, о котором я упоминал выше. Сердечны стихи Сергея Дмитриева о любви к Родине, жене, и уже появившиеся внуки вызывают у него новые поэтические строки о привязанности к наследникам. Им же продолжать наше дело. На них оставим Россию. Какую?

Стихи о времени, о жизни и смерти сильны своей мужественностью и православным пониманием, что у Бога смерти нет, все живы. День кончины человека – это день его рождения в жизнь вечную. Но в какую вечную? Полную радостей или наказаний за неправедные поступки?

Для меня главный герой нашего времени – человек, пришедший к Богу и видящий спасение России только на путях Православия. И этот путь ощущается в книге Сергея Дмитриева. Это талант со своим голосом, крепко стоящий в вере и служении Отечеству.

ТИМУР ПУЛАТОВ

ОДИН ИЗ НАС

Прежде чем начать разговор о творчестве Вячеслава Орлова, думаю, будет уместно сказать о личности самого поэта и об эпохе, когда он начал творить.

Биография В. Орлова – человеческая и трудовая – богата, насыщена многими событиями. Познакомились мы с Вячеславом Ивановичем в годы совместной работы в Международном Сообществе писательских союзов (МСПС) – правопреемнике Союза писателей СССР, членом Исполкома которого Орлов был избран от издательства "Советский писатель".

Высокий, статный, чётким воинским шагом заходил он ко мне в кабинет, всегда сосредоточенный на писательских делах, приносил в МСПС на ознакомление планы выпуска книг издательством на тот или иной год. Нередко появлялся с наиболее значимыми новинками "Советского писателя" – книгами стихов и прозы членов нашего Союза писателей из различных областей России и стран Содружества.

В повседневной суете удавалось лишь кратко обменяться мнениями о работе издательства, о книжных новинках. Время было для Союза писателей, равно как и для издательства – структурного подразделения МСПС – очень тревожное.

Буквально в тот же день, когда на съезде Союз писателей СССР был преобразован в Международное сообщество, начались гонения на писателей со стороны стоявших тогда у власти Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. С подачи кучки их приспешников из нашей среды они пытались полностью лишить вновь образованный Союз писателей СНГ всего имущества, нажитого поколениями советских писателей за долгие годы, начиная с "Дома Ростовых" на Поварской и кончая Литературным фондом и нашими издательствами.

Нередко, чтобы отстоять общее наше имущество, работники МСПС вместе с сотрудниками издательств, в числе которых особую активность проявлял В. Орлов, не раз и не два доказывали своё право на существование в арбитражных и гражданских судах, вплоть до Верховного суда... И такая нетворческая тяжба с ельцинской командой, мешавшая нам работать над новыми книгами, тянулась не один год.

Где уж тут, в далёких от творчества, жёстких условиях сесть с Орловым да поговорить по душам о нашем главном призвании – о литературе!..

Несмотря на судебные тяготы, В. Орлов не падал духом, был по-военному немногословен, всегда с доброжелательной улыбкой чётко выполнял все поручения.

До того, как перейти на работу управляющим по делам издательства "Советский писатель", В. Орлов около тридцати лет выполнял такие обязанности, где, кроме прочего, требовались глубокие технические знания и военная чёткость в работе.

С 1958-го по 1986 годы В. Орлов был начальником станции Космос на Московской железной дороге, участвовал в строительстве и эксплуатации крупнейшего аэропорта “Домодедово”. Им было издано четыре книги “Космос на рельсах” – записки начальника станции, за что он стал лауреатом премии имени М. М. Пришвина. Жизненный опыт – залог поэтической жатвы!

Честно признаться, когда, немного отойдя от напряжённых судебных тяжб с гайдарами-чубайсами, я стал знакомиться с подаренными В. Орловым сборниками стихов, и был немало удивлён, узнав, что один из основных поэтических жанров управделами издательства – сонеты.

Сонеты, пожалуй, самый трудный поэтический жанр. Для того чтобы творить сонеты, надо иметь ещё и обострённый музыкальный слух, и Орлов сам сочинял песни, перекладывая на музыку множество сонетов, считая это естественным продолжением своего дарования.

Сонет занимает своё место и в современной русской поэзии, но из-за сложности структуры жанра мы не можем похвастаться обилием поэтов, предпочитающих активно работать в этом ключе.

Во многих своих стихах Вячеслав Орлов отдавал дань злобе дня:

Бомбят Ясиноватую,
Бомбят Донецк, Луганск.
Дотянутся до атома,
Коль совесть ум предаст! —

– это стихотворение, сочинённое буквально в день начала гражданской войны на Украине в августе 2014 года.

В. Орлов откликался в своих сонетах на многие события:

— Россия против нас? Унять строптивку!
Обама нас берёт на абордаж.
— Зажать, да так, чтоб не сумела пикнуть,
Лишь мы царим на рынке распродаж.

Нам довелось по жизни видеть драки,
Где рушились Рейхстаги, а бараки
Предпочитали от стыда сгореть!

Вячеслав Орлов закончил свой земной путь, оставив богатое поэтическое наследство, в том числе несколько циклов сонетов: “Сонеты юности”, “Подмосковные сонеты”, “Сонеты совести”, “Домодедовские сонеты”, “Сонеты Авиационной”. Он автор шести стихотворных трагедий: “Сын Ивана Грозного”, “Сталин”, “Пушкин”, “Андрей Боголюбский”, “Евгений Коловрат”, “Отречение” (о Николае Втором), за что заслуженно удостоен Международной премии им. М. А. Шолохова, а сборник “Сонеты России” был отмечен премией губернатора Московской области в номинации “Писатель, который живёт рядом”...